

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

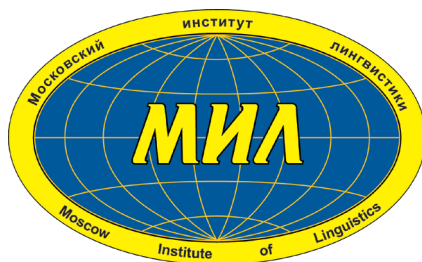
2015

4 (26)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2015
4 (26)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2015
4 (26)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балаясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Виноградов Виктор Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Караулов Юрий Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра русского языка Московского государственного лингвистического университета, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2015

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2015

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2015

© Авторы, 2015

Подписано в печать 20.12.2015. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Зак. № 0225. Усл. печ. л. 22,6. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

---

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS
Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Viktor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Yury N. Karaulov, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Scientific Russian Language Centre of Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovsky, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied researches.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights are reserved.

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2015

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2015

© Moscow institute of linguistics, 2015

© Authors, 2015

НАШ ЮБИЛЯР

80 лет Валентину Евсеевичу Гольдину.....10

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Балясникова О.В. (*Москва, Россия*) Возможности и перспективы этнопсихолингвистического исследования конфликта.....12

Белова С.С., Харлашина Г.А. (*Москва, Россия*) Непреднамеренное, имплицитное и статистическое научение в усвоении второго языка: экспериментальные данные о семантике, морфологии и синтаксисе.....22

Глебкин В.В., Соседова Д.С. (*Москва, Россия*) Перцептивные портреты абстрактных понятий: класс «витальных детерминантов».....33

Градосельская Г.В., Пильгун М.А. (*Москва, Россия*) Коммуникативные процессы в сетевой среде: междисциплинарный анализ политически активных сообществ в Фейсбуке.....44

Журавлев И.В., Журавлева Ю.В. (*Москва, Россия*) Соотношение ритуала и мифа и механизмы коммуникативного воздействия.....58

Карамалак О.А. (*Магнитогорск, Россия*) Психолингвистические особенности поздравлений с днем рождения в социальной сети «Facebook» на русском, английском, немецком и французском языках.....72

Кирилина А.В., Терентий Л.М. (*Москва, Россия*) Концептуализация понятий *мужчина, женщина, мужественность, женственность* по данным лексикографических трудов и национального корпуса русского языка.....82

Литвинова Т.А., Диброва Е.В., Середин П.В., Литвинова О.А. (*Воронеж, Ростов-на-Дону, Россия*) Индивидуально-личностные характеристики автора и количественные параметры его текста: корпусное исследование.....98

Миронова Н.И. (*Москва, Россия*) Лингвистический анализ конфликта: реакция на различные конфликтогены.....109

Нестерова О.А. (*Нижний Новгород, Россия*) К инструментализации исследования языковой личности: методика психолингвистического анализа....122

Никуличева Д.Б. (*Москва, Россия*) Моделирование языкового сознания полиглота: динамика концептуальной метафоры в процессе изучения языка.....136

Нистратов А.А., Нистратова С.Л., Маховиков Д.В., Тарасов Е.Ф. (*Москва, Россия*) Образ стран в языковом сознании русских и итальянцев.....144

Сигал К.Я. (*Москва, Россия*) Синтаксис связной речи: проблемы и перспективы.....162

Степанова А.А. (*Москва, Россия*) Языковая ситуация в Республике Татарстан: конфликт или толерантное равновесие?.....169

Ушакова Т.Н., Белова С.С. (*Москва, Россия*) Истоки психолингвистического развития младенца первого года жизни.....182

Чернышова Е.Б. (*Борисоглебск, Россия*) Структурный аспект параметрической модели оценочной зоны ядра русского языкового сознания....196

Чулкина Н.Л. (*Москва, Россия*) Конфликтогенные зоны повседневности и их отражение в русском обыденном языковом сознании (на примере концептов *коммуналка (коммунальная квартира)* и *сосед/ка, соседи*.....208

Нистратов А.А. (*Москва, Россия*) Анализ семантической структуры пословиц и поговорок.....212

Трибуна молодых ученых

Аликина А.В. (*Нижний Новгород, Россия*) Индексальный потенциал англицизмов и оппозиция «свой – чужой» в российском дискурсе трудоустройства.....222

Железовская Н.Л. (*Минск, Беларусь*) Оценочные ассоциации на стимулы со значением «физические параметры» и их этноязыковые особенности.....229

Устьянцева Е.В. (*Красноярск, Россия*) Лексикография и психолингвистическое значение слова «хлеб».....240

Черепанов И.Е. (*Москва, Россия*) Некоторые аспекты усвоения и воспроизводства омонимичных лексем в ситуации русско-английского учебного билингвизма.....249

Чернова Д.А. (*Санкт-Петербург, Россия*) Экспериментальное исследование процесса разрешения синтаксической неоднозначности в русском языке с использованием методики регистрации движения глаз.....256

Рецензия

Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. – 576 с. (*К.Я. Сигал*).....268

Научная жизнь

Международная конференция «Межкультурное общение: контакты и конфликты». Москва, 21 – 23 октября 2015. (*А.В. Кирилина*).....273

Сведения об авторах информация

OUR ANNIVERSAR

80 th Anniversary of Valentin E. Goldin.....	10
THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES	
Balyasnikova Olga V. (<i>Moscow, Russia</i>) Opportunities and Prospects of Etnopsycholinguistic Research Into Conflict.....	12
Belova Sofya S., Kharlashina Galina A. (<i>Moscow, Russia</i>) Incidental, Implicit and Statistical Learning in Second Language Acquisition: Experimental Data on Semantics, Morphology and Syntax.....	22
Glebkin Vladimir V., Sosedova Darya S. (<i>Moscow, Russia</i>) Perceptual Images of Concepts: A Class of ‘Vital Determinants’.....	33
Gradoselskaya Galina V., Pilgun Maria A. (<i>Moscow, Russia</i>) Communicative Processes in the Network Environment: the Interdisciplinary Analysis of Politically Active Communities on Facebook.....	44
Zhuravlev Ignatij V., Zhuravleva Julia V. (<i>Moscow, Russia</i>) The Relationship Between Ritual and Myth and the Mechanisms of Persuasive Communication.....	58
Karamalak Olga A. (<i>Magnitogorsk, Russia</i>) Psycholinguistic Features of Birthday Greetings in the Social Net “Facebook” By Russian, English, German, and French Speakers.....	72
Kirilina Alla V., Terentiy Liviu M. (<i>Moscow, Russia</i>) Conceptualization of Masculinity and Femininity in the Lexicographical Works and the National Russian Corpus.....	82
Litvinova Tatyana A., Dibrova Elena V., Seredin Pavel V., Litvinova Olga A. (<i>Voronezh, Rostov-na-Donu, Russia</i>) Individual Characteristics of the Author and Quantitative Text Parameters: a Corpus Study.....	98
Mironova Natalia I. (<i>Moscow, Russia</i>) Linguistic Analysis of a Conflict: Reaction to Different Conflict Causes.....	109
Nesterova Olga A. (<i>Nizhniy Novgorod, Russia</i>) To the Instrumentalization of Linguistic Personality Research: a Psycholinguistic Analysis Method.....	122
Nikulicheva Dina B. (<i>Moscow, Russia</i>) Dynamics of Conceptual Metaphor in Language Acquisition.....	136
Nistratov Aleksandr A., Nistratova Svetlana L., Denis V. Makhovikov, Evgeniy F. Tarasov (<i>Moscow, Russia</i>) Image of Countries in Language Consciousness of Italians and Russians.....	144
Seagal Kirill Ya. (<i>Moscow, Russia</i>) Syntax of Coherent Speech: Some Problems and Prospects.....	162
Stepanova Anna A. (<i>Moscow, Russia</i>) Language Situation in the Republic of Tatarstan: Conflict or Tolerant Balance?.....	169
Ushakova Tatyana N., Belova Sofya S. (<i>Moscow, Russia</i>) Origins of Psycholinguistic Development of Infants during Their First Year of Life.....	182
Chernishova Elena B. (<i>Borisoglebsk, Russia</i>) Structural Aspect of Parametric Model of Estimated Core Zone of Russian Language Consciousness.....	196
Tchulkina Nina L. (<i>Moscow, Russia</i>) Conflict Provoking Zones of Daily Life and Their Reflection in Everyday Russian Language Consciousness (Based on the Concepts <i>Kommunalka</i> (<i>Communal Apartment</i>) and <i>Neighbour(S)</i>).....	208

Contents

Nistratov Aleksandr A. (<i>Moscow, Russia</i>) Analysis Semantic Structure of Proverbs.....	212
--	-----

YOUNG SCIENTISTS' STUDIES

Alikina Anastasia V. (<i>Nizhniy Novgorod, Russia</i>) Indexical Potential of Anglicisms and “Us Vs Them” Opposition in Russian Employment Discourse.....	222
Zhelezovskaya Natalia L. (<i>Minsk, Belarus</i>) Linguistic and Ethnic Peculiarities of Evaluative Associations to Stimuli Denoting Physical Properties.....	229
Ustyantseva Elena V. (<i>Krasnoyarsk, Russia</i>) Lexicography and Psycholinguistic Word Meaning «Bread».....	240
Cherepanov Igor Y. (<i>Moscow, Russia</i>) Some Aspects of Acquisition and Reproduction of Homonyms in Russian-English Artificial Bilingualism.....	249
Chernova Daria A. (<i>Saint Petersburg, Russia</i>) Eye-Tracking Study of Attachment Ambiguity Resolution in Russian.....	256

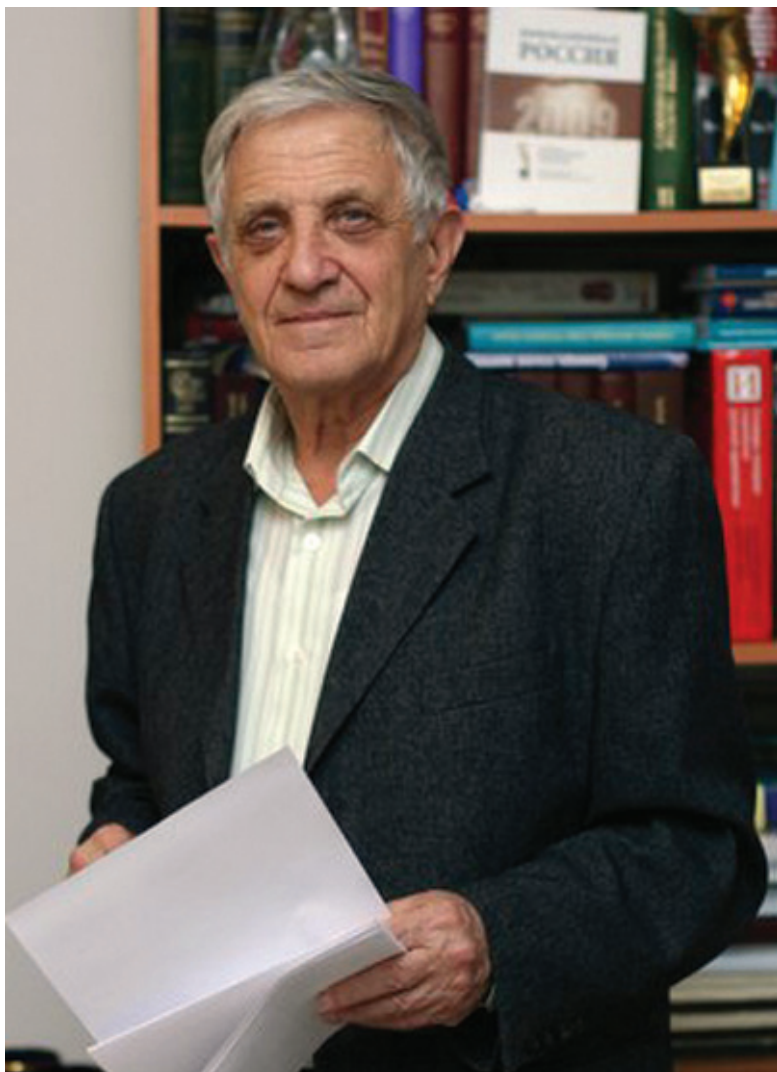
REVIEW

Babaytseva V.V. Syntax of the Russian Language. – M.: FLINTA; Nauka, 2015. – 576 p. (<i>Kirill Ya. Seagal</i>).....	268
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

International conference «Intercultural Communication: Contacts and Conflicts». Moscow, 21 – 23 October 2015. (<i>Alla V. Kirilina</i>).....	273
--	-----

NOTES ON CONTRIBUTORS INFORMATION

12 октября 2015 года исполнилось 80 лет нашему дорогому коллеге, члену Редакционного совета журнала «Вопросы психолингвистики», доктору филологических наук, профессору кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета Валентину Евсеевичу Гольдину.

На протяжении многих лет В.Е. Гольдин сотрудничает с нашим журналом и с отделом психолингвистики Института языкознания РАН, участвует в наших конференциях и сборниках.

Мы благодарны Валентину Евсеевичу за постоянную и безотказную помощь в сборе экспериментального материала для наших ассоциативных словарей, за популяризацию ассоциативных словарей как уникального источника сведений о реальном бытовании картины мира в обыденном сознании носителя языка. Именно им (в соавторстве с А.П. Сдобновой) написано первое учебное пособие по русской ассоциативной лексикографии (Саратов, 2008), а также создан совместно с А.П. Сдобновой и О.А. Мартыновым уникальный Русский ассоциативный словарь школьников I-XI классов Саратовской области (Саратов, 2011).

Уникальность этого словаря в том, что впервые в русской ассоциативной лексикографии появился настоящий региональный ассоциативный словарь, в котором респондентами выступают только жители Саратова и Саратовской области в возрасте от 7 до 17 лет (школьники 1-11 классов, более 30 000 человек, более 900 000 реакций), учащиеся 130 городских и сельских школ региона. И хотя сами авторы утверждают, что региональный компонент в словаре незначителен и касается в основном отдельных ономастических единиц, а сопоставление с данными по Москве, Перми, Омску и Кургану показывает существенное совпадение ассоциативных данных русскоязычных школьников в разных регионах, установить эти закономерности помог именно их региональный словарь. Уникальность словаря еще и в том, что мы впервые можем наблюдать и изучать возрастную динамику языкового сознания носителей русского языка/культуры.

И еще одну особенность этого словаря хотелось бы отметить, хотя увидеть это можно только обратившись к его электронной базе. И эта особенность, несомненно, связана с главной профессиональной темой нашего юбиляра – с диалектологией. Электронная база словаря устроена так, что можно проследить полную «историю» каждой ассоциативной реакции, фигурирующей в словаре, включая не только пол и возраст респондента, но также населенный пункт и школу, учащимся которой этот респондент являлся, а также год проведения эксперимента.

Мы сердечно поздравляем Валентина Евсеевича с замечательным юбилеем, желаем ему доброго и крепкого здоровья, неиссякаемого и радостного творчества.

*Редколлегия журнала «Вопросы психолингвистики»
Отдел психолингвистики Института языкознания РАН*

О.В. Балясникова

УДК 81'23

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТА

Этнопсихолингвистическое исследование конфликтов предусматривает обобщение научных представлений о содержании своего/чужого языкового сознания и о формах его отражения в конкретных актах общения, разработку психолингвистических методов анализа конфликтогенных языковых единиц, а также анализ понимания носителями языка феноменов чужой культуры (в том числе уникальных) в условиях межкультурного диалога.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика, конфликт, языковое сознание

Olga V. Balyasnikova

OPPORTUNITIES AND PROSPECTS OF ETNOPSYCHOLINGUISTIC RESEARCH INTO CONFLICT

Ethnopsycholinguistic research into conflicts involves the synthesis of scientific views on the content of own/alien language consciousness and the forms of its representation in specific acts of communication; the development of psycholinguistic methods suitable for investigating conflict triggers in language; the analysis of the speakers' attitudes to the phenomena of foreign culture (including lacunas) in the situations of intercultural dialogue.

Keywords: ethnopsycholinguistics, conflict, language consciousness

Введение

Многообразие форм существования конфликтов определяет и разнообразие подходов к их исследованию не только в лингвистическом, но и в психологическом, философском, социологическом, правовом аспектах. В отечественной и зарубежной науке проблемы конфликтов – важнейшая тема социальной и этнической психологии, педагогики, социологии, политологии (В.С. Агеев, А.Я. Анцупов, А. Шипилов, А.Ю. Краянский, В.Г. Крысько, В.Н. Кузнецов, В.А. Тишков, L. Coser, R. Dahrendorf, D. Easton, J. Phillip Rushton, B. Muller-Hill, R. Lerner и др.). Большинство исследований конфликта – конфликтных ситуаций, системы сигналов конфликта, самих конфликтантов – апеллирует к экспертным оценкам этих явлений. Сохраняется актуальность трактовки конфликта в междисциплинарном контексте.

Речевой конфликт имеет историю исследования в аспекте прагматики, где в качестве материала выступает, как правило, медиадискурс (публикаций и телепрограмм, инициирующих конфликт), политический дискурс, а также различные формы межличностного бытового конфликта. Для лингвистического (в том числе лингвокультурологического) описания оказывается пригоден именно вербальный

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке проектов РГНФ №15-04-00378а и №15-34-14007а(ц).

открытый конфликт, реализуемый чаще всего как речевая агрессия. Существует несколько конкретных направлений исследования речевой агрессии: изучение коммуникативных стратегий и тактик в ситуации конфликта, прагматических дискурсов, наиболее подверженных агрессивности, маркеров агрессивного речевого поведения [Купина, Михайлова 2002]. С одной стороны, это ограничивает поле исследования конфликта, с другой – широкое понимание конфликта и несводимость его проявлений к речевой агрессии предполагает «всеобщность» его существования (см., например, о конфликте языковых норм в [Конфликт в языке и коммуникации... 2011]). Сложность феномена провоцирует взаимодополнение и даже смешение различных исследовательских приемов (см., например, [Белоус 2007]).

Наиболее разработано в области лингвистической конфликтологии исследование языковых/речевых маркеров конфликта (лексика и фразеология, реже грамматика), а также стратегий и тактик конфликтного речевого поведения, реализуемое в соответствующих типах дискурса. При этом знаний о природе и причинах конфликтов оказывается недостаточно [Третьякова 2009], чему, на наш взгляд, препятствует распространенное мнение о том, что конфликт вне его языковой/речевой реализации не является предметом лингвистического изучения, а также внимание преимущественно к лимитированному во времени конфликту (исчисляемому отдельными текстами – записями интервью, диалогами и т.п.) с четко выделимыми фазами его развития.

Недостаточно изучен, в силу объективных причин, связанных в том числе с многообразием языков/культур и их существованием в нестабильных условиях, и межэтнический конфликт. При объяснении причин непонимания, способных привести к конфликту, обычно обращаются к явлениям разного порядка: «Зная важнейшие черты *стиля коммуникации*, а также факторы, которые их формируют (а это, прежде всего, *тип культуры, горизонтальная и вертикальная дистанция, культурные ценности*, которыми руководствуются ее носители, *стратегии вежливости*), мы получаем возможность ориентироваться в другой культуре, более точно интерпретировать поведение своих инокультурных собеседников и самим более осознанно действовать по их правилам, что снижает возможность коммуникативных неудач» [Ларина 2011: 378] (Выделено мной. – О.Б.).

Внимание к внешнему (прежде всего вербальному) конфликту позволяет только констатировать его глубинные причины, поскольку изучение типа культуры или культурных ценностей все же остается за пределами лингвистики.

Слово и «чужое слово» как маркеры конфликта

Представляется, что выделение значимых критериев анализа конфликта произошло в лингвоюридической практике, где были в той или иной степени учтены: фактор адресанта (намерение причинить вред посредством употребления конфликтогенного языкового средства), фактор адресата (направление оценки и интерпретации этого средства языка), а также принципиальность разграничения профессионального и непрофессионального подходов к феномену конфликта. Например, использование инвективной лексики предполагает намерение оскорбить или унижить кого-л. Объективность существования такого намерения обуславливается тем, что употребление инвективной лексики нарушает нормы общественной морали. Ссылка на словари, содержащие пометы вроде *груб., прост., бран., вульг.* и

проч., и даже анализ контекста инвективы не позволяет однозначно приписать самому говорящему намерения оскорбить: так, матизмы и производные от них могут, как ни странно, выражать намерение адресанта сделать комплимент. Еще большую неопределенность вызывает возможность оскорбления непристойными словами, которые предлагалось понимать как слова, которые в момент опубликования статьи считаются большинством читателей недостойными того, чтобы быть напечатанными [Юрислингвистика-2].

Пусковым механизмом конфликта часто является оскорбление. В профессиональной практике требовалось принципиально отличать обидное слово от оскорбительного, притом что сами действия (предположим – и слова также) почти полностью отождествлялись в общественном сознании: *оскорбить* – *тяжело обидеть*, *унизить* [СОШ: 462]. Ср. *обида* – *несправедливо причиненное огорчение, оскорбление, а также вызванное этим чувство* [Там же: 428]. Потенцию оскорбления имеет очевидно не слово как таковое, а сознательное намерение адресанта, однако критерии обнаружения такого намерения бывает сложно объективно определить. Здесь важно, видимо, то, что слово (любое), употребленное в конкретном акте речи, может изменить самочувствие адресанта, его положительный «образ себя»; в условиях публичности такое слово усиливает негативный эффект. В этом случае слово может быть названо конфликтогеном.

В РАС (представляющем собой модель обыденного языкового сознания) отражена следующая взаимозависимость: Оскорбление: *дурочка* (оскорбительно)², *обругать* (оскорбить), *грубость*, *нанести*, *паршивый*, *предательство*, *придурок*, *фига* (оскорбление) (Т.6). *Обозвать*, *обидеть*, *ударить* (оскорбить), *унижение*, *обозвать* (оскорбление) (Т.4). *Назвать* (оскорбить), *толки* (оскорбления) (Т.2). Обида: *унижение*, *обзывать*, *сволочь*, *обозвать*, *обозвать*, *обзывать*, *ударить*, *унижение*, *вешалка* (обидное прозвище), *обзывать* (обидным прозвищем) (Т. 4); *отнять*, *отобрать* (обида, обидеть), *неправда*, *шутка* (обидная), *сказать* (обидное), *сплетни* (обидные) (Т.2). Характерно, что реакцию «обида» вызывает стимул «оскорбление», т.е. обида – следствие оскорбления как внешнего воздействия. Вероятно, что для обыденного языкового сознания 1) оскорбление, как и обида, имеют внешнюю причину и сопровождаются неприятными эмоциональными переживаниями. Такими внешними причинами могут явиться и речевые и неречевые действия (*обозвать*, *ударить*, *назвать/сказать*), причем обида может быть вызвана лишением чего-то (*отобрать/отнять*). (Получается, с долей условности, что это обидно, но не оскорбительно.) Наиболее частыми и разнообразными эмоциональными реакциями характеризуется именно обида; 2) оскорбление связано преимущественно с названием. На этот факт, в частности, указывает разнообразие соответствующих стимулов: от обобщенных названий действия именованного (*обругать*, *обозвать*, *назвать*) до конкретных номинаций (*дурочка*, *паршивый*, *придурок*). Оскорбительные слова указывают на осуждаемый в данном социуме статус; он приписывается лицу, которое имеет или осознает себя имеющим иной статус и стремится защитить его. Возникает противодействие, приводящее к конфликту.

---

² Здесь и далее в скобках указаны слова-реакции, вызванные перечисляемыми словами-стимулами. Грамматическая форма слова-реакции в данном случае представляется непринципиальной.

Конфликт может возникать и при отсутствии у адресанта намерения оскорбить/обидеть собеседника; в этом случае фокус внимания перемещается с адресанта на адресата, «отвечающего» за оценку и интерпретацию смысла высказывания (слова).

Психолингвистический аспект оппозиции факт/оценка, обусловленный и вариативностью смыслов, придаваемых понятиям чести и достоинства, рассматривается в монографии [Леонтьев и др. 2009], второй раздел которой посвящен операциональным критериям анализа коммуникативного конфликта. В данной работе показано, что и пропозиции и факты допускают вариативность истолкования, и предложен перечень критериев вариативности, в числе которых неоднозначность языковых единиц, неточное знание денотативной отнесенности и лексической семантики слов, различия в коде говорящего и слушающего, неадекватность передачи чужой речи, игнорирование собеседником прагматического компонента в семантике слова и др. На примере конкретного материала (цитат) рассматриваются «зоны высокого/низкого риска» – к ним относятся высказывания, содержащие «провоцирующие единицы»: слова и словосочетания, употребление которых предполагает определенную оценочную интерпретацию.

Критерии оценки определяются по отношению к норме, «отрефлектированной “говорящим большинством”» [Там же: 43]. В указанной монографии норма представлена 1) как норма, отработанная в юриспруденции (на уровне профессионального сознания. – *О.Б.*), и 2) как норма, выработанная на уровне обыденного (естественно-правового) сознания: «...право опредмечивает норму на событийном уровне, а язык – на текстовом (пропозиция – факт)» [Там же: 45].

Итак, в приведенных выше работах были выделены важные, на наш взгляд, принципы анализа конфликта в его широком понимании: различение **профессионального и обыденного понимания языкового факта** (и обусловленное этим различием понятие **нормы** и отклонений от нее), учет **намерений адресанта**, анализ вариантов **интерпретации и оценки** адресатом слова/высказывания.

Отмеченные принципы пригодны, на наш взгляд, и для анализа межкультурного конфликта; здесь очевидно нужно учитывать не только незнание коммуникантами культурных ценностей, этических норм или «национально обусловленной специфики языковых средств» [Конфликт в языке и коммуникации 2011: 367], поскольку их причины лежат глубже – в несовпадении национальных сознаний коммуникантов [Тарасов 1988]. Это несовпадение может задавать разные векторы интерпретации содержательной стороны высказывания, ориентированные на социокультурные нормы, нарушение которых ведет к многообразным формам конфликта – он непонимания до коммуникативной войны.

Говоря о слове как «провоцирующей» конфликт единице, можно предположить изучение первого в этом качестве в нескольких направлениях, с учетом уже имеющихся данных.

В числе «провоцирующих единиц» может фигурировать как иноязычное слово (речь), так и слово, непонятное для реципиента. Непонятность речи (языка) способна провоцировать конфликтную реакцию. По мнению В.И. Жельвиса [2001], чужой язык имеет больше шансов произвести своим звучанием неблагоприятное впечатление (подтверждением этому являются конфликтные реакции на чужую

речь, например пародирование ее фонетических особенностей, отличных от родной речи говорящего, подбор инвективы-рифмы к непонятному для говорящего слову и т.п.).

Углубить понимание конфликтогенности чужого слова/речи может теория лакун, разработанная Ю.А. Сорокиным и И.Ю. Марковиной применительно к переводческому материалу. Лакунизация/лакунарность указывает «на факт частичных или полных сбоев/деструкций в процессе вербального и невербального общения» [Сорокин 2003: 3]. Наличие лакун неизбежно констатируется при разных формах межкультурной коммуникации: в живом общении, в переводческой деятельности, при чтении, в процессе обучения. Лакуна в межкультурном общении способна спровоцировать внутренний (для самого говорящего, как конфликт непонимания) и внешний (между коммуникантами) конфликт. Конфликтогенность тех или иных лакун для каждого реципиента индивидуальна и может меняться в соответствии с установкой реципиента, его предубеждениями по отношению к содержанию и форме речи, к самому адресанту и т.д.

Абсолютная лакунарность эксплицируется при попытке трансляции уникальных культурных знаний. О частичной интеръязыковой лакунарности свидетельствует квазиэквивалентность лексических (и не только) единиц в сопоставляемых языках (другие критерии существования языковых лакун подробно в: [Марковина, Сорокин 2008; Марковина 2004]). На первом этапе анализа таких лакун подобное несовпадение обычно описывается с опорой на тексты словарных дефиниций. Очевидно, однако, что явное несовпадение объема значений одних единиц, как и кажущееся полное соответствие других, скрывает более частные несоответствия. Далее, несовпадение «актуального» и «лексикографического» значения слова фиксируется при сравнении данных носителями языка субъективных дефиниций и словарных толкований (видимо, объективных). Наконец, сопоставляя ассоциативные поля квазиэквивалентов, можно увидеть существенные различия в системности знаний, связанных с ними. Пониманию сути интеръязыковой лакунарности / конфликтности способствует анализ качественных и количественных различий в ассоциативных значениях слов-квазиэквивалентов. Несовпадение ассоциативных значений интеръязыковых квазиэквивалентов, указывающих на национально-культурные ценности (см., например, [Уфимцева 1996]), потенциально конфликтогенно.

Культурологические лакуны бытуют в коммуникативном пространстве взаимодействующих субъектов; на их фоне возникающие конфликты бывают незаметны. Конфликт происходит при демонстрации (считывании в реальном времени) различных, в том числе невербальных, в разной мере эксплицированных в общении знаков и приписывание им конфликтного значения (смысла), нарушающих комфортность общения, что ощущается коммуникатором без достаточной степени рефлексии.

Применительно к профессиональному (в данном случае переводческому) языковому сознанию элиминирование лакун заключается, по Ю.А. Сорокину и И.Ю. Марковиной, в их заполнении и компенсации; этим действиям переводчика предшествует обнаружение лакуны и ее отнесение к соответствующему классу. Мы предполагаем, что в реакциях на лакуну, данных «обычными» носителями языка, отражен результат иных процессов: интерпретации и перемещения (адаптации либо

отторжения). В отличие от профессионального языкового сознания, предполагающего проникновение в содержательную суть лакуны и операции с этим содержанием, обыденное языковое сознание может оперировать с ней как с целостностью. Защитная стратегия типична на появление конфликтогенной лакуны, поэтому небезынтесны способы их репрезентации/адаптации в тексте, в котором отражены интолерантные установки адресанта.

Можно кратко проиллюстрировать это на примере лакуны *Ураза-Байрам*, представленной в текстах современных блогов и комментариев к онлайн-новостям, содержащим информацию о праздновании мусульманами этого дня в Москве³. Лакуна *Ураза-байрам* для носителей русского языка является одновременно и языковой и культурологической, что очевидно повышает ее конфликтогенность (речь опять об обыденном языковом сознании)⁴. Отказ от компенсации отмеченной лакуны выражается, в частности, в искажении фонетического, морфологического, графического облика слова: *Это проблемки столиц. Нам в тундрах Уразу-байрам не помеха...; Надо заканчивать со всеми этими байрамами моё мнение; Всякие байрамы - это не наши праздники*; в пейоративной идентификации: *Здесь нет «Ураза Байрам» и прочих сборищ...;* в пародировании звучания иноязычной речи (отсутствие словоизменения): *На Ураза байрам нетЪ баран! Баран резать на Корбан байрам*; в использовании языковой игры, рифмовки: *В Москве ураза-байрам - прячьтесь люди по домам* и т.д. Проявление прямой агрессии (оскорбление, осмеяние) типично в ответ на положительную оценку обозначенного этой единицей события со стороны других комментирующих.

Объект, обозначенный данным словом, фиксируется в ином контексте, чем в исконной культуре, и действия со словом отражают отторжение «чужого». Речь в данном случае идет о интеръязыковых лакунах, при интерпретации которых объекту приписываются определенные оценки и каузальные атрибуции; тем самым и осуществляется их аксиологическая интерпретация и адаптация к системе воспринимающей культуры через отдельную личность как ее представителя. Конфликт, возникающий в этом случае, затрагивает сложные отношения взаимосвязанных элементов в одной из сложнейших семиотических систем – в системе культуры.

Принципы этнопсихолингвистического подхода к феномену «конфликт»

Многочисленные сопоставительные исследования фрагментов образа мира носителей языков предполагают следующую изначальную позицию: образы сознания носителей исследуемых языков различны, поскольку различны культурные системы, которые отвечают за формирование соответствующих образов.

Теория языкового сознания ставит целью выявление причин сформированности у личности определенных (таких, а не иных) знаний, репрезентированных в речи адекватным (с точки зрения этой носителя языка/культуры) отдельным языковым знаком или их комплексом. Особенностью теории языкового сознания является

³ По материалам доклада на Международной научно-практической конференции «Магия ИННО: Новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников», Москва, 4-5 октября 2013 г. (МГИМО(У)МИД России).

⁴ Существует «региональное» значение этой единицы, отличное от того, которое придавали ему московские информанты, и отличающееся меньшей конфликтогенностью.

ее объяснительный характер, а кроме того, возможность разграничения и описания на ее основе собственно научных (рефлексивных) и обыденных (нерефлексивных)⁵ представлений об исследуемом феномене – в том числе о межэтнических конфликтах.

Сопоставительные исследования в этнопсихолингвистике всегда считались приоритетными. Поиски были направлены на выявление общего/сходного и культурно специфичного в содержании образов сознания носителей языков. Результаты экспериментов неизбежно демонстрировали количественные и качественные различия в структуре и в содержании ассоциативных полей квазиэквивалентных лексем. После этого остается, собственно, один шаг до признания того, что отсутствие этой общности приводит как минимум к конфликтам непонимания (неполного понимания), ведущим к развитию других форм конфликтов.

Важно также иметь представление о содержании образа *себя* и образа *другого*, который мог бы прояснить причину этих несовпадений. Такой метод может использоваться для повышения валидности исследований при совмещении результатов экспертных оценок с самооценками, даваемыми представителями изучаемой культуры. Существуют методы выявления содержания этнокультурных стереотипов (предубеждений, установок), действующих на разных уровнях осознанности, предопределяющих готовность к общению и влияющих на его (конфликтный или гармонизирующий) характер [Сорокин 2007: 46].

Этнопсихолингвистическое исследование проблемы конфликта может осуществляться через речевое поведение конфликтантов – носителей разных языков и ее объяснение с опорой на теорию языкового сознания. Задачей становится выявление, описание и разработка методов исследования *форм репрезентации конфликта в языковом сознании* носителей культур. Могут быть рассмотрены и частные проблемы: разработка комплексных психолингвистических методов анализа конфликтногенных языковых единиц в сопоставительном аспекте; детальное описание способов производства текстов на родном и иностранном языке, а также уточнение причин появления речевых ошибок; разработка моделей общения/взаимодействия с учетом (меняющихся) представлений (не)профессионалов о своем/чужом языковом сознании (включая ценности) в конкретных актах общения; анализ динамики (рефлексивного и неосознанного) отношения носителей языка к «чужим» этнокультурным феноменам.

Возможность решения этих задач обеспечивается применением методов получения данных, доказавших свою эффективность в исследовании обыденного языкового сознания: методов анализа данных ассоциативного эксперимента (качественный анализ, статистический (количественный) анализ, моделирование). Качественный анализ предполагает описание и моделирование содержания ассоциативного поля по определенным критериям, количественный – выявление степени частотности выделяемого компонента ассоциативного значения для сравнения частотности сходных компонентов в содержании слов-эквивалентов в сопоставляемых языках. Полученный материал подвергается описательному и сравнительно-сопоставительному анализу по каждому слову-эквиваленту в каждом исследуемом

---

⁵ Разграничение профессиональное/рефлексивное и обыденное/нерефлексивное здесь указывает на преимущество второго компонента для конкретных целей исследования.

языке, благодаря чему выявляются интеръязыковые лакуны, имеющие различный конфликтотенциал.

Исследователи конфликта справедливо признают, что конфликтотенциальной может стать практически любое средство языка, в зависимости от его прагматической релевантности в конкретных условиях. Применительно к этнопсихолингвистическому аспекту рассмотрения этой проблемы необходимо, по нашему мнению, учесть следующих факторов.

1. Необходимо иметь представление о ценностных системах культур, представителями которых являются участники конфликтного взаимодействия, ибо конфликт содержательно часто бывает связан с посягательством на эти ценности.

2. Важен анализ паравербальных и невербальных средств конфликтной коммуникации в их совокупности и взаимодополнении для адекватного описания коммуникативного намерения продуцента (*интент-анализ*). Интерес представляет авторская коррекция создаваемого или уже созданного текста (например, зачеркивание, добавление – в письменном тексте, или оговорки, самоперебивы – в устной речи). Полагаем, что типология таких правок может представлять интерес для понимания сути конфликтного текста/речи и процесса его продуцирования.

3. Необходимо также изучать эффект обратной связи: реакции реципиента (*контртекст⁶, традиционный ассоциативный эксперимент*). Однако и здесь существует проблема выявления конфликтотенциальных маркеров на уровне как слова (или иной «провоцирующей единицы»), так и высказывания.

4. Ограничение понятия «конфликт» только рамками вербальной агрессии для решения указанных выше задач малоэффективно, поскольку реакция на конфликтотенциальный текст или единицу может быть отсроченной. Стоит обратить внимание и на латентный конфликт, способный выражаться в эпизодических высказываниях (текстах), объединенных общим мотивом, которые можно рассматривать в их дискурсивном единстве.

5. Эффективным представляется использование комплементарного подхода к анализу языковых маркеров конфликта. Судить об их потенциальной конфликтотенциальности можно с привлечением результатов этнопсихолингвистических экспериментов.

Литература

Белоус Н.А. Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве. – Москва: ИЯ РАН, УлГУ, 2007. – 246 с.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира, Москва: Ладомир, 2001. – 349 с.

Конфликт в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2011. – 534 с.

Купина Н.А., Михайлова О.А. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова, №5 (13), 2002. – М.: ЗАО «Златоуст» / Рогова К.А. (гл. ред.). – С. 22-27.

---

⁶ Об этом: доклад Н.П. Пешковой в [Межкультурное общение: контакты и конфликты: Материалы конференции. Москва, 21-23 октября 2015 г.].

Ларина Т.А. Коммуникативные неудачи в русско-английском диалоге // Конфликт в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2011. – С. 366-379.

Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А. Понятие чести и достоинства: психолингвистический анализ. – М., 2009. – 70 с.

Марковина И.Ю. Метод установления лакун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культуры // Вопросы психолингвистики, №2, 2004. – С. 58-64.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст: введение в лакунологию. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 144 с.

РАС: Русский Ассоциативный Словарь. / Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. – М., 1992-1996.

Сорокин Ю.А. Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 3-11.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). – М.: Институт проблем риска, 2007. – 120 с.

СОШ: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.

Тарасов Е.Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1988, С. 176-177.

Третьякова В.С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт, Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 231 с.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Наука, 1996. - С. 139-162.

Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 234 с.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук
Российское психологическое общество
Российская академия образования
Факультет психологии Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова
и Российский университет дружбы народов
24–26 мая 2016 г.
проводят Международный конгресс, посвященный 80-летию со дня рождения
А.А. Леонтьева

**«ДЕЯТЕЛЬНЫЙ УМ: ОТ ГУМАНИТАРНОЙ МЕТОДОЛОГИИ
К ГУМАНИТАРНЫМ ПРАКТИКАМ»**

В рамках конгресса будет проведен
**XVIII международный симпозиум по психолингвистике и теории
коммуникации
«ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРАКТИКИ И ЭКСПЕРИМЕНТ».**

Основная проблематика:

- А.А. Леонтьев – создатель теории речевой деятельности.
- Языковое сознание: онтология и гносеология.
- Аксиологическое языковое сознание: проблемы анализа.
- Языковое сознание русских: динамика и вариативность.
- Психолингвистические проблемы формирования сознания в СМИ.
- Производство и восприятие речи.
- Межкультурное общение: контакты и конфликты.
- Текст и гипертекст: производство и восприятие.
- Овладение языком в онтогенезе.
- Билингвизм и полилингвизм. Изучение иностранного языка.
- Психолингвистические проблемы перевода.

Условия участия в конгрессе

До **15 февраля 2016 г.** в Оргкомитет необходимо представить заявку на участие в конгрессе и материалы для публикации (тезисы) по адресам dejatelnost@yandex.ru и dejatelnost@mail.ru;

Убедительная просьба посылать заявку и тезисы ДВУМЯ отдельными файлами в ОДНОМ письме (Иванов_заявка.doc, Иванов_тезисы.doc) на ДВА электронных адреса сразу, указав в теме сообщения свою фамилию «Иванов».

Тел. для справок: +7(495) 690–14–64 (отдел психолингвистики).

Сборник материалов планируется издать к началу конференции.

С.С. Белова, Г.А. Харлашина

УДК 81'23

**НЕПРЕДНАМЕРЕННОЕ, ИМПЛИЦИТНОЕ И СТАТИСТИЧЕСКОЕ
НАУЧЕНИЕ В УСВОЕНИИ ВТОРОГО ЯЗЫКА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ
ДАННЫЕ О СЕМАНТИКЕ, МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСЕ¹**

В статье представлен обзор современных зарубежных исследований, посвященных феноменам непреднамеренности и неосознанности в изучении второго языка. В первой части работы рассматриваются истоки и особенности трех методологических подходов к исследуемой области и их центральных конструктов: непреднамеренное научение, статистическое научение и имплицитное научение. Во второй части работы представлен обзор экспериментальных исследований в области непреднамеренного и имплицитного научения семантическим, синтаксическим и морфологическим закономерностям второго языка. Делается заключение о высоком потенциале этих подходов для понимания механизмов усвоения языка.

Ключевые слова: непреднамеренное научение, имплицитное научение, статистическое научение, усвоение второго языка

Sofya S. Belova

Galina A. Kharlashina

**INCIDENTAL, IMPLICIT AND STATISTICAL LEARNING IN SECOND
LANGUAGE ACQUISITION: EXPERIMENTAL DATA ON SEMANTICS,
MORPHOLOGY AND SYNTAX**

The paper presents a review of recent foreign research strand that focuses on incidental and unconscious phenomena in second language acquisition. Firstly, the origins and features of three main frameworks as well as their constructs (incidental learning, implicit learning, and statistical learning) are presented. Secondly, experimental studies of incidental and implicit learning of semantic, syntactic, and morphologic regularities are reviewed. It is concluded that these research directions are fruitful for further elaboration of understanding of language acquisition mechanisms.

Keywords: incidental learning, implicit learning, statistical learning, second language acquisition

---

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 15-36-01348a2, грантом Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (договор № 14.W01.15.6523-МК)

Введение

Данная статья представляет собой аналитический обзор зарубежных исследований 2000-х гг., посвященных экспериментальным свидетельствам существования феноменов «бессознательного научения» в усвоении второго языка. Взятие в кавычки словосочетания «бессознательное научение» здесь намеренно: оно призвано лишь в свободной форме обозначить тезис о существовании особого, непровольного, интуитивного, неаналитического пути в освоении языка, который в разных научных традициях принимает разные терминологические обозначения и наполняется разным содержанием.

Аналитический обзор фокусируется на двух целях. Первая – прояснение соотношения трех терминологических линий, представленных следующими дихотомиями: непреднамеренное и преднамеренное научение (*incidental and intentional learning*), имплицитное и эксплицитное научение (*implicit and explicit learning*), статистическое научение и научение, основанное на правилах (*statistical learning and rule-based learning*). Несмотря на синонимичность, каждая из них специфична в своей истории, расстановке акцентов, методических приемах, что важно зафиксировать, чтобы дать логически последовательное представление концептуального поля этой области исследований. Термин «усвоение языка» в данной статье используется со значением «научение, овладение», не предполагающем акцента на бессознательных процессах.

Вторая цель – представление ряда экспериментальных фактов, дающих представление об эффективности имплицитного научения семантическим, морфологическим, синтаксическим закономерностям второго языка.

Непреднамеренное научение: вопрос отсутствия информации о последующем тесте

Первоначально термины непреднамеренное и преднамеренное научение использовались в период расцвета американского бихевиоризма (1940-60-ые гг.) в связи с представлением о важной роли установки, намерения или мотивации в научении [Hulstijn 2003]. Однако постепенно операционализация этих феноменов была сведена к наличию или отсутствию инструкции испытуемому заучивать нечто. В условиях преднамеренного научения в инструкции сообщалось, что впоследствии эффект научения (эффективность запоминания стимулов) будет тестироваться. В условиях непреднамеренного научения об этом не сообщалось.

Наиболее активно использовался дизайн, в котором испытуемых инструктировали заучивать целевые стимулы, но при этом в обучающей серии присутствовали и дополнительные стимулы (или дополнительные характеристики у целевых стимулов), задача запоминать которые не ставилась. После обучения тестировалось воспроизведение как целевых стимулов, так и – неожиданно – дополнительных стимулов (или дополнительных характеристик целевых стимулов). С расцветом когнитивизма в 60-70-ые гг. данная схема продолжала активно использоваться, оказавшись особенно продуктивной для эмпирического изучения взаимосвязи уровней переработки информации и эффективности ее извлечения из долговременной памяти [Eysenck 1982].

Шмидт предлагает три варианта теоретической интерпретации термина непреднамеренное научение: научение без намерения, научение одной характеристи-

ке стимула сосредоточении внимания на другом и, более узко, научение формальным характеристикам стимула при внимании к его семантическим характеристикам [Schmidt 1994]. Однако они обнаруживают очевидную слабость, не затрагивая вопросы механизмов научения, формата ментальных репрезентаций, возможного взаимодействия разных форм научения. Поэтому сейчас эти термины ценны не столько своей теоретической сущностью, сколько эвристическим потенциалом соответствующего методического приема. Например, он активно используется при изучении наращивания словарного запаса второго языка. Наличие или отсутствие намерения выучить нечто не является теоретическим конструктом ни одной из современных теорий человеческого познания [Hulstijn 2013].

ИмPLICITное научение: непреднамеренность и неосознанность

Стало традицией раскрывать понятие имплицитного научения, отталкиваясь от позиций Артура Ребера, который в конце 1960-х гг. дал концептуальный старт этой проблематике в когнитивной психологии. В его экспериментах испытуемым предъявлялись для запоминания т.н. «искусственные грамматики» (буквенные последовательности, построенные по определенному алгоритму), а затем предлагалось классифицировать новые стимулы на грамматические (соответствующие правилу) и неграмматические. Было выявлено, что точность оценки последовательностей на соответствие правилу превышает уровень случайного угадывания [Reber 1967], причем даже тогда, когда алгоритм применяется к другим буквам, нежели на обучающем этапе [Reber 1969]. При этом испытуемые оказываются неспособны объяснить правила, которыми они руководствуются при классификации стимулов. Это привело А. Ребера к определению имплицитного научения как процесса приобретения знания о сложных закономерностях окружающей среды, которое а) бессознательно (т.к. не связано с сознательными попытками что-либо заучивать и не может быть эксплицировано), б) имеет абстрактный характер [Reber 1989].

Таким образом, имплицитное научение всегда предполагает непреднамеренность, и имеет результатом неосознаваемое знание (что не всегда характерно для непреднамеренного научения) [Williams 2009]. Различение эксплицитного и непреднамеренного научения менее четко: они либо отождествляются [DeKeyser 2003], либо при эксплицитном научении предполагается осведомленность о существовании задачи научения, а при преднамеренном – произвольные попытки запомнить новую информацию [Hulstijn 2003].

Обратимся к областям науки о языке, которые с готовностью приняли различие имплицитного и эксплицитного научения (прикладная лингвистика, исследование усвоения первого и второго языка, психолингвистика, психология развития). Данная дихотомия здесь важна не только на фундаментальном уровне понимания механизмов научения, но и в связи с многочисленными прикладными следствиями, связанными с возрастной и индивидуально-психологической спецификой усвоения языков, закономерностями динамики мастерства в овладении языком, возможными траекториями научения в связи с контекстом обучения, и многими другими.

Импульс к развитию этой тематики был задан известной гипотезой Стивена Крашена о различии и независимости процессов «усвоения» и «научения» второго языка, результатами которого являются соответственно неявное и металинг-

вистическое знание (acquisition-learning hypothesis) [Kraschen 1980]. Современный интерес к тематике имплицитного и эксплицитного научения в усвоении языка можно назвать воодушевленно-возрожденческим, свидетельство чему – последние академические сборники [Implicit and explicit learning of languages 1994, 2015; специальный выпуск журнала *Studies in Second Language Acquisition* 2015].

С одной стороны, в них прослеживаются центральные позиции общепсихологических дискуссий: о возможности научения без участия сознания [Schmidt 1994, Williams 2009, Иванчей 2014]; о характере репрезентации имплицитного знания и его взаимодействия с другими видами знания [DeKeyser 2003, Ellis 2011, Perruchet, Pacton 2006, Иванчей, Морошкина 2013], о способах измерения его осознанности [Dienes, 2010, Rebuschat, Hamrick, Riestenberg, Sachs, Ziegler 2015]. С другой стороны, есть и новые тенденции – изучение «пределов» имплицитной переработки лингвистической информации и использование он-лайн техник измерения ее коррелятов (ай-треккинг, ФМРТ), релевантных ей индивидуально-психологических различий [Andringa, Rebuschat 2015, Гаврилова, Белова 2012].

При этом центральный «онтологический» вопрос феномена имплицитного знания – каким именно репрезентациям, символическим или субсимволическим, происходит научение, продолжает оставаться дискуссионным, и уступает место попыткам описать его механизмы. В этой связи необходимо осветить третью терминологическую линию, «бессознательным полюсом» которой является термин статистическое научение.

Статистическое научение: отслеживание распределений вероятностей во входящем речевом потоке

Статистическое научение представляет собой чувствительность к закономерностям окружающей среды, в отношении событий которой осуществляются «статистические» операции: от вычисления простых частот до отслеживания ковариаций и условных вероятностей [Perruchet, Pacton 2006]. Первоначально термин был предложен и в пионерских работах Дженни Саффран с коллегами для обозначения способности младенцев выделять слова из звукового потока искусственного языка, а затем стал рассматриваться в отношении более широкого спектра лингвистических закономерностей как в младенчестве [Lany, Saffran 2013], так и во взрослом возрасте [Rebuschat, Williams 2012a]. Этот конструкт представляет особый интерес вследствие того, что может быть приложен к различным уровням языка (от фонологии до грамматики), соотнесен с экологически валидными контекстами научения, а кроме того – активно экспериментально исследуется [Romberg, Saffran 2010].

Как в методическом, так и концептуальном отношении эта активная экспериментальная линия сходна с традицией изучения имплицитного научения. Испытуемым предъявляется структурированный (чаще – искусственный) материал и не дается инструкции заучивать что-либо; они обучаются в ходе экспозиции позитивных примеров, не используя аналитические процессы или тестирование гипотез. В связи с этим выражается позиция, что по существу эти явления тождественны, и даже предлагается двойной термин «имплицитное-статистическое научение» [Perruchet, Pacton 2006]. И если в психологии имплицитного научения существует практика оценки осознанности, при изучении статистического научения она применяется не всегда.

Таким образом, традиции исследования непреднамеренного, имплицитного и статистического научения объединяет представление о его непреднамеренности. Для имплицитного направления важен тезис о неосознаваемости приобретаемого знания, а для статистического – «вычислительный» механизм переработки информации о ковариациях параметров окружающей среды. Для всех трех линий теоретическим вызовом остается вопрос о характере ментальных репрезентаций и полноте описания механизма научения. Далее будет представлен обзор результатов экспериментальных исследований имплицитного научения семантическим, морфологическим, синтаксическим закономерностям второго языка.

Имплицитное научение аспектам значения слова

Имплицитное научение семантике слов представлено рядом экспериментов, общая идея которых заключалась в том, что испытуемым предъявлялись искусственные слова и сообщалось одно из их значений, а на обучающем этапе представлялась закономерность, связанная со вторым аспектом значения слова, на которой не фокусировалось внимание. Например, в исследовании Уильямса использовались артикли, о которых испытуемые знали, что они употребляются с удаленными или близко расположенными объектами, а дополнительный аспект значения состоял в том, употребляется ли артикль с одушевленными или неодушевленными существительными [Williams 2005]. В процессе обучения испытуемые прослушивали и повторяли предложения, отвечая о каждом предложении, близко или далеко находится предмет, обозначенный существительным с искусственным артиклем. В рамках теста было необходимо вставить в предложение пропущенный искусственный артикль, выбрав из двух вариантов, которые обозначают одинаковую удаленность. Средняя точность ответов испытуемых была значимо выше уровня случайного угадывания и лишь некоторые заметили дополнительное значение артиклей, вследствие чего был сделан вывод, что имело место имплицитное научение значению слова из контекста [Williams 2005].

В последующих работах аналогичная схема была дополнена измерением времени реакции. Испытуемым предъявлялись 4 искусственных артикля и сообщалось, что два из них употребляются с именами взрослых, а два – с именами детей [Leung, Williams 2011]. На обучающем этапе предъявлялось и дополнительное значение – агенса или пациенса – посредством предъявления стимулов-фотографий. После достаточно длительной тренировки, предъявлялись стимулы, в которых артикли употреблялись с дополнительными значениями, противоположными выученным. В этом блоке оно увеличилось, на основании чего был сделан вывод, что дополнительные значения артиклей были выучены испытуемыми. Большинство испытуемых не могли сформулировать дополнительное значение артиклей, то есть полученное знание было имплицитным [Leung, Williams 2011].

В исследовании 2012 г. с использованием аналогичной методологии было показано, тем не менее, что не все категории значений одинаково успешно усваиваются в таких условиях: для дополнительного значения одушевленности был получен эффект научения, а для значения размера – нет [Leung, Williams 2012]. Авторы предлагают три возможных интерпретации: большая эволюционная значимость категории одушевленности, ее ясная сопряженность с грамматикой, необходимость соотнесения объектов для оценки их размера. Эти данные свидетельствуют, что се-

мантическое имплицитное научение гетерогенно в отношении категорий значений.

Ставился также вопрос о том, в какой мере механизмы имплицитного научения могут приводить к формированию семантического обобщения [Paciorek, Williams 2015]. В стимулах-предложениях присутствовало 4 несуществующих глагола. Основным значением двух глаголов было уменьшение, двух – увеличение чего-либо. При этом в каждой паре один глагол употреблялся только с конкретными существительными, другой – только с абстрактными. Задача испытуемых состояла в определении основного значения глагола, исходя из смысла всего предложения. При тестировании эффекта научения испытуемым предъявлялись пары «искусственный глагол-существительное» и предлагалось вспомнить, встречались ли они ранее. Было показано, что испытуемые склонны называть как знакомые те словосочетания, которые удовлетворяют правилу, включая те, что не встречались ранее (эффект ложных воспоминаний). При этом у большинства испытуемых полученное знание о правиле сочетания слов не было осознано, а семантическое обобщение было сформировано посредством неосознаваемых процессов.

Имплицитное научение закономерностям синтаксиса

Синтаксические закономерности более близки к материалу классических исследований имплицитного научения, так как представляют собой последовательности стимулов, выстроенные в соответствии с определенными правилами. В сравнении с другими закономерностями, они довольно часто осознаются. Так, Робинсон изучал усвоение паттернов английского синтаксиса японскими студентами в четырех условиях: имплицитного научения (задача на запоминание), непреднамеренного научения (задача на понимание), поиска правила (задание искать правило) и инструкции (правила объяснялись) [Robinson 1997]. Почти все испытуемые пришли к осознанию правил.

В исследовании С. Грей с соавторами использовался полусинтетический язык Japlish, предложения которого строились из английских слов в соответствии с японским морфосинтаксисом [Grey, Williams, Rebuschat, 2014]. Он предполагает определенный порядок слов в предложении и маркирование существительных специальными суффиксами в соответствии с их падежами и функцией в предложении. На обучающем этапе испытуемые оценивали семантическое правдоподобие предложений. Тестирование эффекта научения проводилось дважды: сразу после обучения и две недели спустя. Оценивался немедленный и отсроченный эффект научения. В пользу имплицитного характера приобретенного знания свидетельствовал критерий нулевой корреляции точности ответов с уверенностью, а также продуктивность выше случайной при атрибуции ответа интуиции. При этом в постэкспериментальном опросе осознание правил порядка слов продемонстрировали 68% испытуемых, правил маркировки падежа – 35-38%. Факт осознания правил улучшал продуктивность в отсроченном тесте. Это привело авторов к постановке вопроса о роли процессов консолидации следов в долговременной памяти в осознании результатов непреднамеренного научения.

В эксперименте Френсис с соавторами англоязычные испытуемые выполняли задания на устное чтение, в котором им предъявлялись «недоминантные» для английского языка синтаксические паттерны из трех слов, сочетания которых были бессмысленными [Francis, Schmidt, Carr, Clegg 2009]. На тестовом этапе, при чте-

нии новых стимулов-предложений был проявлен эффект научения, косвенной мерой которого служило увеличение скорости чтения. Лишь немногие испытуемые могли сгенерировать предложения по заданным синтаксическим паттернам.

Клиари и Лэнгли интересовала специфика извлечения синтаксических паттернов, предъявленных в условиях непреднамеренного научения в виде бессмысленных последовательностей слов [Cleary, Langley 2007]. На тестовом этапе испытуемые оценивали вероятность того, что стимул предъявлялся им на обучающем этапе эксперимента. Новые стимулы, построенные по известным синтаксическим паттернам, оценивались как более вероятные, чем новые стимулы, построенные по новому алгоритму. Авторы сделали вывод об абстрактности репрезентации синтаксической структуры, лежавшей в основе обучения.

Ребуша и Уильямс аудиально предъявляли англоговорящим испытуемым предложения на полуискусственном языке, основанном на немецком синтаксисе и английской лексике [Rebuschat, Williams 2012]. В синтаксисе было представлено несколько правил, определявших три возможных положения сказуемого. На обучающем этапе испытуемые оценивали правдоподобность предложений. На тестовом этапе испытуемые определяли грамматичность новых предложений и давали оценки своей уверенности в ответах и указывали основу своих суждений. Испытуемые обнаружили как осознаваемое (но трудно вербализуемое) знание, так – вследствие продуктивности выше случайного уровня при атрибуции ответа интуиции – неосознаваемое знание [Rebuschat, Williams 2012]. Перенос знания на новые стимулы был интерпретирован авторами в поддержку представления об абстрактности репрезентации выученных закономерностей.

Однако эффекту научения синтаксису иногда предлагается и альтернативная трактовка. Так, Уильямс показал, что при наряду с успешным научением ряду основных паттернов синтаксиса Japlish, имеет место и феномен нечувствительности к определенным перестановкам-инверсиям, несмотря на увеличение длительности обучения [Williams 2008, 2010]. Сравнив паттерн результатов обучения синтаксису Japlish и аналогичному синтаксису бессмысленного языка, состоящего из псевдослов, автор обнаружил их сходство, что позволило ему заключить, что в его основе лежит выучивание последовательностей стимулов, а не абстрактных правил их соотношения.

ИмPLICITное научение закономерностям морфологии

Исследования имPLICITного научения закономерностям морфологии представлены как на материале естественных, так и полуискусственных языков.

В исследовании Брукс и Кемпе англоязычных испытуемых на материале естественных диалогов учили правилам склонения русских существительных мужского и женского рода по падежам (например, *от зонтика, к зонтику, от скрипки, к скрипке*) и изменения прилагательных по родам (*синий зонтик, синяя скрипка*) [Brooks, Kempe 2013]. Обучение проводилось аудиальным предъявлением с показом картинок, соответствующих содержанию диалога, в течение шести часовых сессий, разделенных во времени. На тестовой стадии испытуемые должны были отвечать на устные вопросы, в т.ч. используя новые, только что предъявленные слова, в соответствии с релевантными паттернами их изменения. В постэкспериментальном интервью оценивалась т.н. металингвистическая осознанность, которая варьи-

рвала от 0 (отсутствие осознания) до 2 (осознание двух правил). Было выявлено, что 46% испытуемых осознали правила склонения существительных мужского и женского рода по падежам, 5% - правила изменения прилагательных по родам, 26% - оба вида правил, 23% - не осознали ничего. Авторы делают вывод об имплицитном характере приобретенного знания об изменении прилагательных по родам (средняя точность в ответах на новые стимулы 0.60, разброс 0.31-0.94).

Роджерс с соавторами обратился к научению англоязычных испытуемых морфологии чешского языка [Rogers, Révész, Rebuschat 2015]. Использовался полусинтетический язык: английская лексика, два синтаксических паттерна (SVO, OVS), чешские существительные женского рода (koza) в именительном и винительном падежах с соответствующими окончаниями. Особенность этого исследования состояла в применении мер оценки осознанности – оценок уверенности и атрибуции основ суждения. На тестовом этапе испытуемые осуществляли оценку грамматичности новых стимулов. Было выявлено, что экспериментальная группа была более точна, чем контрольная, причем особенно в пробах с винительным падежом и синтаксическим паттерном OVS, которые, по интерпретации авторов, являются более «заметными» для англоязычных испытуемых. Неосознаваемость полученного знания была подтверждена критерием нулевой корреляции между точностью ответов и уверенностью в них, а также точностью выше уровня случайного угадывания в интуитивных (по атрибуции основания ответа) пробах.

В уже упомянутом исследовании С. Грей с соавторами, предметом которого был японский морфосинтаксис, оценка осознанности результатов научения падежам проводилась с помощью ретроспективного вербального отчета, который показал, что эффект научения падежам был достигнут благодаря испытуемым, осознавшим закономерность [Grey, Williams, Rebuschat, 2014]. В одной из задач тестовой стадии, предполагавшей соотнесение предложения-стимула с изображением, значимый эффект научения был выявлен только через две недели после научения, но не сразу после него. Методическим ограничением данного исследования явилась невозможность сравнить эффективность усвоения маркеров разных падежей.

В более ранних исследованиях Робинсона подобные сравнения между отдельными маркерами падежей были осуществлены [Robinson 2002, 2005]. Испытуемые, родным языком которых был японский, прошли обучение миниатюрной системе самоанского языка, в которой присутствовали маркеры инкорпорации существительного, местного и именительного падежа. Немедленный и отсроченный эффект непреднамеренного научения был выявлен только для маркера местного падежа. Как и в исследовании Грей, ретроспективный вербальный отчет выявил эксплицитность знания о его маркировке.

Заключение

Обобщая результаты экспериментальных исследований непреднамеренного научения семантическим, синтаксическим и морфологическим закономерностям, стоит отметить их неоднородность их результатов, которая касается степени осознанности формируемого знания и различных аспектов закономерностей

Так, имплицитное научение аспектам семантики слов из контекста происходит достаточно успешно. При этом разные категории значений усваиваются с разной эффективностью.

В сравнении с другими закономерностями языка, синтаксические правила чаще осознаются, чем морфологические и семантические закономерности, хотя описаны случаи и приобретения имплицитного знания.

Приобретаемое знание о морфологии может быть как осознанным, так и неосознанным. В сравнимых условиях эффект научения синтаксическим закономерностям выше, чем морфологическим. Наблюдается специфика в эффективности непреднамеренного усвоения морфологических закономерностей, связанных с разными падежами.

Взятые в совокупности, эти данные свидетельствуют, что цель исследования непреднамеренного, имплицитного, статистического научения заключается не столько в том, чтобы показать, что научение быть бессознательным по своему процессу и результату. Они имеют потенциал для улучшения нашего понимания механизмов переработки лингвистической информации на основе взаимодействия процессов сознательного и бессознательного.

Литература

Гаврилова Е.В., Белова С.С. Вербальные способности: психолингвистический и дифференциально-психологический подходы // Вопросы психолингвистики – 2012, № 3. – стр. 98-105

Иванчей И. Теории имплицитного научения: противоречивые подходы к одному феномену или непротиворечивые описания разных? // Российский журнал когнитивной науки. – 2014. том 1 (4). – стр. 4 – 30.

Иванчей И.И., Морошкина Н.В. Взаимодействие имплицитных и эксплицитных знаний при научении искусственным грамматикам // Психологические исследования, 2013, 6(32), 2. <http://psystudy.ru>

Andringa, S., Rebuschat, P. New Directions in the Study of Implicit and Explicit Learning // Studies in Second Language Acquisition. – 2015. 37 (02). – 185–196.

Brooks, P. J. Individual differences in adult foreign language learning: The mediating effect of metalinguistic awareness / P. J. Brooks, V. Kempe // Memory & Cognition. – 2013. Vol. 41, No. 2. – p. 281–296.

Cleary, A. M. Retention of the structure underlying sentences / A.M. Cleary, M. M. Langley // Language and Cognitive Processes. – 2007. No. 22. – p. 614–628.

DeKeyser, R. Implicit and explicit learning / R. DeKeyser // In C. Doughty & M. Long (eds.), Handbook of Second Language Acquisition. – Oxford: Blackwell, 2003. – p. 313-348.

Dienes, Z. Measuring the conscious status of knowledge / In L. A. P.Miranda & A. I.Madariaga (Eds.), Advances in cognitive science: Learning, evolution and social action. – Bilbao, Spain: University of the Basque Country Press, 2010. – p. 113–128.

Ellis, N.C. (Ed.). Implicit and explicit learning of languages. – London: Academic Press, 1994. – p. 599

Ellis, N.C. Implicit and explicit SLA and their interface / N.C. Ellis // In C. Sanz & R. Leow (Eds.), Implicit and explicit language learning: Conditions, processes, and knowledge in SLA and Bilingualism. – Washington, DC: Georgetown University Press, 2011. – p. 35–47.

Eysenck, M.W. Incidental learning and orienting tasks / M.W. Eysenck // In C.R. Puff (Ed.), Handbook of research methods in human memory and cognition. – New York: Academic Press, 1982. – P.197-228.

Francis, A. P. Incidental learning of abstract rules for non-dominant word orders / A. P. Francis, G. L. Schmidt, T. H. Carr, B. A. Clegg // *Psychological Research*. – 2009. No. 73. – p. 60–74.

Grey, S. Incidental Exposure and L3 Learning of Morphosyntax / S. Grey, J. N. Williams, P. Rebuschat // *Studies in Second Language Acquisition*. – 2014. Vol. 36, No. 4. – p. 611–645.

Hulstijn, J. H. Incidental and intentional learning / J. H. Hulstijn // In C. Doughty & M. H. Long (Eds.), *The handbook of second language research*. – London: Blackwell, 2003. – p. 349–381.

Hulstijn, J. H. Incidental learning in second language acquisition. / J. H. Hulstijn // In C. A. Chapelle (Ed.), *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. – Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd., 2013. – p. 2632-2640

Krashen, S.D. *Second Language Acquisition and Second Language Learning*. – Oxford: Pergamon, 1981.

Lany, J. Statistical learning mechanisms in infancy / J. Lany, J. R. Saffran // In Rubenstein, J. L. R. & Rakic, P. (eds.) *Comprehensive Developmental Neuroscience: Neural Circuit Development and Function in the Brain*. – Amsterdam: Elsevier. – 2013. No. 3. – p. 231-248.

Leung J.H.C. The implicit learning of mappings between forms and contextually derived meanings / J. H. C. Leung, J. N. Williams // *Studies in Second Language Acquisition*. – 2011. № 33. – P. 33– 55.

Leung, J.H.C. Constraints on implicit learning of grammatical form-meaning connections / J. H. C. Leung, J. N. Williams // *Language Learning*. – 2012. No. 62. – p. 634–662.

Paciorek, A. Semantic Generalization in Implicit Language Learning / A. Paciorek, J. N. Williams // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2015. Vol. 41, No. 4. – p. 989–1002.

Perruchet, P. Implicit learning and statistical learning: one phenomenon, two approaches / P. Perruchet, S. Pacton // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2006. Vol. 10, No. 5. – p. 233–238.

Reber, A. S. Implicit learning and tacit knowledge / A. S. Reber // *Exp. Psychol. Gen.* – 1989. Vol. 118, No. 3. – p. 219–235.

Reber, A. S. Transfer of syntactic structures from synthetic languages / A. S. Reber // *Journal of Experimental Psychology*. – 1969. Vol. 81, No. 1. – p. 115–119.

Reber, A.S. Implicit learning of artificial grammars / A. S. Reber // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. – 1967. Vol. 6, No. 6. – p. 855–863.

Rebuschat P., Williams J. N. (Eds.) *Statistical learning and language acquisition*. – Berlin: Mouton de Gruyter. – 2012a – 523 p.

Rebuschat, P. (Ed.). *Implicit and explicit learning of languages*. – Amsterdam: John Benjamins, 2015. – 489 p.

Rebuschat, P. Implicit and explicit knowledge in second language acquisition / P. Rebuschat, J. Williams // *Applied Psycholinguistics*. – 2012b. No. 33. – p. 829–856.

Rebuschat, P. Triangulating Measures of Awareness / Rebuschat, P., Hamrick, P., Riestenberg, K., Sachs, R., Ziegler, N. // *Studies in Second Language Acquisition*. – 2015. 37 (02). – p. 299–334.

Robinson, P. Cognitive Abilities, Chunk-Strength, and Frequency Effects in Implicit Artificial Grammar and Incidental L2 Learning: Replications of Reber, Walkenfeld, and Hernstadt (1991) and Knowlton and Squire (1996) and Their Relevance for SLA. / P. Robinson // *Studies in Second Language Acquisition*. – 2005. No. 27. – p. 235–268.

Robinson, P. Effects of individual differences in intelligence, aptitude and working memory on adult incidental SLA: A replication and extension of Reber, Walkenfeld and Hernstadt, 1991. / P. Robinson // In P. Robinson (Ed.), *Individual differences and instructed language learning*. – Amsterdam: Benjamins, 2002. – p. 211–266.

Robinson, P. Individual Differences and the Fundamental Similarity of Implicit and Explicit Adult Second Language Learning / P. Robinson // *Language Learning*. – 1997. Vol. 47, No. 1, March. – p. 45–99.

Rogers, J. Implicit and explicit knowledge of L2 inflectional morphology / J. Rogers, A. Révész, P. Rebuschat // *Applied Psycholinguistics*. – 2015, available on CJO2015.

Romberg, A. R., Saffran J.R. Statistical learning and language acquisition / A.R. Romberg, J.R. Saffran // *WIREs Cogn Sci*. – 2010, December. – p. 906–914.

Schmidt, R. Deconstructing consciousness in search of useful definitions for applied linguistics / R. Schmidt // *AILA Review*. – 1994. № 11, p. 11–26.

Williams, J. N. Comparing a nativist and emergentist approach to the initial stage of SLA: An investigation of Japanese scrambling / J. N. Williams, C. Kuribara / *Lingua*. – 2008. No. 118. – p. 522–553.

Williams, J. N. Implicit learning in second language acquisition / J. N. Williams // *The New Handbook of Second Language Acquisition*, William C. Ritchie and Tej K. Bhatia (Eds.). – Emerald Group Publishing Limited, 2009. – p. 319–353.

Williams, J. N. Initial incidental acquisition of word order regularities: Is it just sequence learning? / J. N. Williams // *Language Learning*. – 2010. No. 60 (SUPPL. 2). – p. 221–244.

Williams, J.N. Learning without awareness / J.N. Williams // *Studies in Second Language Acquisition*. – 2005. No. 27. – p. 269–304.

В.В. Глебкин, Д.С. Соседова

УДК 81'23

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ПОРТРЕТЫ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ: КЛАСС «ВИТАЛЬНЫХ ДЕТЕРМИНАНТОВ»

В данной статье анализируются перцептивные портреты понятий, относящихся к классу «витальных детерминантов» (*судьба, рок, случай, доля*). Непосредственное описание перцептивных портретов завершается рядом обобщений, характеризующих как отношения данных перцептивных портретов к перцептивным портретам понятий, относящихся к другим классам, так и отношения внутри анализируемого класса.

Ключевые слова: перцептивный портрет, судьба, рок, случай, доля, теория концептуальной метафоры.

Vladimir V. Glebkin, Darya S. Sosedova

PERCEPTUAL IMAGES OF CONCEPTS: A CLASS OF 'VITAL DETERMINANTS'

This paper addresses perceptual images of concepts which belong to a class of 'vital determinants' (*destiny, fate, chance, lot*). As a result of the direct analysis some generalizations are suggested which characterize both connections within this class and some links between the concepts of this class and other concepts.

Keywords: perceptual image, destiny, fate, chance, lot, conceptual metaphor theory.

Введение

Данная статья выполнена в рамках проблемного поля, заданного теорией концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980 (русский пер. Лакофф, Джонсон 2004); Johnson 1987; Lakoff 1987 (русский пер. Лакофф 2004); Lakoff, Johnson 1999; Kövecses 2005], ставшей одной из доминант когнитивной лингвистики последних десятилетий. Она продолжает серию исследований, начатую в работе [Глебкин и др. 2014], где сформулировано понятие перцептивного портрета, представляющего собой совокупность перцептивно воспринимаемых образов, соответствующих некоторому абстрактному понятию, и где также намечена программа дальнейшей работы, предполагающая выявление соответствий между различными типами абстрактных понятий и соответствующими им перцептивными кластерами. В данной статье речь пойдет о понятиях, входящих в класс «витальных детерминантов»: судьба, рок, случай, доля и т.д. Специфическая черта таких понятий состоит в том, что они выступают либо как трансцендентные силы, определяющие ход событий, составляющих человеческую жизнь, либо как знаки, хранящие в себе содержание этих событий «в свернутом виде».

Как можно заметить, особенности данного класса помещают его в проблемное поле, находящееся на стыке лингвистики, философии и культурологии. Результатом такой междисциплинарности становятся громадный массив работ, посвященных указанной проблематике, и одновременно размытость используемой

методологии и неопределенность полученных результатов. Так, в работах, выполненных в рамках философского или культурологического подхода, понятие судьбы обычно рассматривается как некоторая универсалия или набор универсалий, не связанных жестко с конкретной культурной традицией, и различие между русским словом *судьба*, английским *fate*, латинским *fatum*, древнегреческим *ἀνάγκη* и т.д. не рассматривается (см., напр., [Карпенко 1990; Арутюнова 1994; Стрелков 1994; Топоров 1994; Аверинцев 2001]). Есть ряд работ, в которых понятие (концепт) судьбы становится предметом лингвистического анализа с выявлением специфики, характерной для русского лингвокультурного сознания [Абаева 2007; Урбанович 2007], однако и в этих работах структура перцептивных портретов не становится предметом отдельного исследования. Цель данной статьи состоит в том, чтобы частично заполнить имеющуюся лакуну.

Следует специально отметить, что в предложенных ниже перцептивных портретах мы не исследуем зависимость структуры перцептивных кластеров от времени и типа текста, а также не проводим статистического анализа частотности тех или иных кластеров. Все результаты носят качественный характер. Если это не оговорено особо, приводимые примеры взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru).

Перцептивный портрет понятия *судьба*

1. *Судьба* может наделяться характеристиками материального объекта.

1.1. Обладает внешними предметными характеристиками.

1.1.1. Имеет определенный размер. *Так носятся по гребню волны, с той разницей, что слишком **большая** судьба стоит за полетом «Темного Пламени» и тринадцатую жизнью его экипажа.* (И. А. Ефремов. Час быка); *На наших **маленьких** судьбах они отразились как неуклонное скольжение в яму* (Э. Горштейн. Мандельштам в Воронеже); *Это и нас так учили. Почему-то меня взволновала эта **короткая** судьба. Все оказалось страшнее и лучше, чем так, как нас учили* (П. Мейлахс. Отступник).

1.1.2. Имеет форму, внешний вид. *Так **выглядит** судьба анархизма в исторической ретроспективе* (неизвестный. Мать порядка – анархия); *...или еще, глядя на кучку детей, ожидающих поезда, он изо всех сил старался высмотреть хоть одну замечательную судьбу – в **форме** скрипки или короны, пропеллера или лиры, – и досматривался до того, что вся эта компания деревенских школьников являлась ему как на старом снимке, воспроизведенном теперь с белым крестиком над лицом крайнего мальчика* (В. В. Набоков. Облако, озеро, башня).

1.1.3. Имеет части и внутреннюю структуру. *Все помнят, как говорил Чехов: люди просто обедают, а в это время **ломаются** их судьбы и рушится жизнь* (С. Г. Бочаров. Огненный меч на границах культур. Идея обратного перевода); *Судьба же его **складывалась** так, что чем более он ощущал себя немцем, тем более ему в этом отказывали* (Р. Фрумкина. Последние свидетели); *...большая **доля** нашей судьбы лежит в наших руках* (В. В. Зеньковский. История русской философии).

1.1.4. Имеет вес. *Не знавшие **тяжелой** судьбы рядового учителя или обыкновенного участкового врача* (Д. Драгунский. Колыбельная революции); *А теперь я понял, что именно оно выразитель моей души... Я не хочу **легкой** судьбы. Если надо, я порву со старыми друзьями* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

1.1.5. Имеет цвет. *Дикие глаза его горели черным огнем и смотрели через голубы слушателей, как будто где-то вдали они видели **черную** судьбу человечества*

(М. П. Арцыбашев. У последней черты); *Ступая шаг в шаг за своей серой судьбой, я отлично сочинял свою повесть, как вдруг эта женщина вздрогнула и сказала одна громко на всю улицу* (М. М. Пришвин. Дневники).

1.1.6. Имеет вкус и запах. *Любава еще больше отвернула лицо, страшась своей сладкой судьбы* (А. П. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха); *И тем не менее в XX веке Зубриловка разделила горькую судьбу большей части дворянских усадеб* (М. Посохина. Зубриловка. Отблеск); *И вот присаживаешься к столу, чтоб удержать на краешке ямы и этого солдата империи, который знал, как пахнет судьба, и женщину, чье имя – Юдифь* (Л. Зорин. Юдифь); *Должно было выйти за литературу, за столичную жизнь, размахнуться Кавказом и Персией, до конца износить легкое, детское сердце, чтобы люди почувствовали острый запах судьбы вокруг человека* (Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара).

Если говорить о конкретных классах, то этот предмет может быть:

1.2. пространственной областью, территорией. *Они сами сакрализовали этот уголок земли, ибо в пределах их судеб он имел ценность святыни – здесь они познали счастье и трагизм бытия* (Н. Лейдерман. «Уходящая натура» или самый поздний Катаев); *Что позволило вам взлететь так высоко за пределы обычной судьбы выпускника консерватории, например, быть певцом хора?* (Русская дива); *Восстановление авторитета культурных архетипов, но уже как субъективных ценностных координат, определяемых самим человеком в границах собственной судьбы* (Н. Лейдерман. «Уходящая натура» или самый поздний Катаев); *Ниже его – Юнона, Венера и прочие боги: им открыты лишь ближние рубежи судьбы, и не всем одни и те же* (М. Л. Гаспаров. Вергилий – поэт будущего).

1.3. вещью, включенной в отношения собственности, купли и продажи; грузом. *Верблюд умудрялся так значительно выхаживать, что, казалось, нес судьбы мира* (А. Иличевский. Перс); *Мы не были наивны и понимали, что демонстрация не повлияет на политику нашего государства, что с нами так или иначе расправятся – уж если с чужой страной расправились, что стоят судьбы нескольких собственных граждан?* (К. Мусаэлян. Жаркий август 68-го); *Ее слеза дорожке твоей судьбы. Умрешь от ее слезы* (Ф. В. Гладков. Повесть о детстве); *Иногда он как бы старался ни о чем не думать; на брак он, кажется, и в самом деле смотрел как бы на какую-то неважную формальность; свою собственную судьбу он слишком дешево ценил* (Ф. М. Достоевский. Идиот); *И хотя в мыслях он целиком владел судьбой этого человека, дыханье сочинителя сейчас почти замкнулось от волненья* (Л. М. Леонов. Вор).

1.4. живым существом (животным, птицей, человеком).

1.4.1. Имеет внешние признаки живого существа.

1.4.1.1. Руки. *История человека, которому сама судьба сдала очень приличные карты и который проиграл самого себя* (Преферанс его жизни); *Судьба, поднимая руку с мечом, другую сыплет цветы на жертву свою* (Неизвестный. Несчастливая Лиза).

1.4.1.2. Ноги. *Можно быть Аленом Делоном, которому судьба идет в руки, и можно быть человеком, который всего трудом добывается* (Е. Голованова. День победы Виктории). *Дитя мое... Вы сейчас слышали шаги судьбы. Судьбы неизбежной и одинаковой для нас обоих* (А. Н. Вербицкая. Ключи счастья).

1.4.1.3. Горло. *Так выглядит, выразился бы Бетховен, судьба, схваченная за горло!* (В. Шевченко. Демон науки: Космический кубок); *Да! Брать судьбу за глот-*

ку. *Старость... гм... вторая молодость...* (М. Веллер. А вот те шиш!).

1.4.1.4. Лицо. *Имя любимой, дважды брошенное в лицо судьбе, в лицо чудовищной и равнодушной мощи моря, было сейчас же заглушено ревом бурных волн* (И. А. Ефремов. На краю Ойкумены); *Бровальский близко от себя увидел его лицо, которое могло быть теперь лицом судьбы* (Г. Я. Бакланов. Июль 41 года).

1.4.1.5. Глаза. *Глаз судьбы тебя отметил, край родной лежит в тумане* (А. Алексеев. Эстетика террора); – *Не беги... Посмотри в глаза своей судьбе... – прошептал ему на ухо сухой шелестящий голос* (Д. Глуховский. Метро).

1.4.1.6. Органы речи, голос. *Судьба сказала свое веское слово – в итоге, великого разведчика из Аверина не получилось, о чем он, по его словам, сегодня совсем не жалеет* (Э. Савкина. Ввиду явного преимущества); *Ем простокваши от своей болезни, а голос Судьбы говорит: сколько ни ешь простокваши, все равно умрешь, как Мечников* (М. М. Пришвин. Дневники).

1.4.1.7. Рот. *Это слово имеет вес только в устах судьбы* (А. А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда»).

1.4.1.8. Органы слуха. *Он понял разом, что судьба услышала его желание и сделала его могучим властителем страны* (Л. А. Чарская. Король с раскрашенной картинки).

1.4.1.9. Имеет крылья и может летать. *Позже Эфрос не без лукавства передавал ответы режиссера: Ю.П. на любой вопрос А.В. будто бы сверкал глазами и, сделав широкий жест, смахивающий все, что было на столе, на пол, восторженно выпаливал: «Вот такой занавес, как крыло судьбы, – рраз!»* (В. Смехов. Театр моей памяти); *Если молодые люди, сидящие на скамье тотчас у входа в парк Шевченко, и не почувствовали на лицах дуновения ветра, вызванного резким движением крыльев мадам судьбы, то смертью они все же напуганы* (Э. Лимонов. Молодой негодай); – *Но он все машет руками, подчеркивает свой ритм и все гонит вперед: «Судьба, как ракета, летит по параболе!»* (В. Аксенов. Таинственная страсть); *И будто широко пахнуло в лицо огненным запахом несущейся с неба судьбы* (Ю. Бондарев. Горячий снег).

1.4.1.10. Рога. *Это было просто необходимо ему – поддержать в руках огромную баранку, ощутить ее шершавость и теплоту и чувство уверенности в себе, точно это и есть те самые рога, за которые берешь судьбу* (Г. Владимов. Большая руда).

1.4.2. Вовлечен в характерные для живого существа физиологические процессы. *И кончил он эти стихи о стихах признанием: И тут кончается искусство, И дышат почва и судьба* (И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь).

1.4.3. Совершает волевые и когнитивные акты, испытывает эмоции (злбная, печальная, несчастная, счастливая), реализует характерные для людей коммуникативные сценарии. *Вам, дон Алонсо, улыбается судьба, но помните, что ее улыбки ненадежны* (Б. А. Садовской. Доктор философии); *Он умрет от горести! Злбная судьба!* (П. И. Шаликов. Темная роща, или памятник нежности); *...туда, где никто не будет видеть позора, которым обременила меня жестокая судьба!* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона); – *Что бы ни предназначала мне судьба моя, – сказал он с огнем страсти, – но обожать тебя будет сладчайшим чувством души моей до гроба!* (П. И. Шаликов. Темная роща, или памятник нежности); *Старый отец не сочувствует беспутному и безнадежному сыну. Судьба покарала таким наследником не его.* (С. Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180);

Судьба российскому офицеру **предлагает** богатый выбор: гибель в засаде, гибель во время теракта, плен в чеченской рабской яме или в российской волчьей клетке (А. Гамаюн. Северокавказский приговор); Судьба в этом отношении **благоволила** к Федирко, и его тонкие наблюдения от встреч с видными политиками, киноактерами, писателями и деятелями музыкального искусства впечатляют (И. Петрусенко. Я вдыхаю ветер воли...); Конечно, о будущем он задумывался, и тогда казалось, что хоть десять-то лет судьба ему **приберегла**, а то и пятнадцать-двадцать (В. Крейд. Георгий Иванов в Йере); Как ни **била** ее судьба, бабушка оставалась болтливой, не умела хранить ни одной тайны (А. Варламов. Купавна // «Новый Мир»); Но, ах! какая судьба **ожидает** ее! Боже мой? (Неизвестный. Истинное приключение благородной россиянки). Я подумала: «Пусть судьба **решил**, какова Клементина и чего она хочет» (Кейт Уинслет: «Наше прошлое должно быть с нами»); Потом судьба **распорядилась** так, что отец уехал в Польшу (И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий); Там, у вагона, его **пощадил** судьба: удары достались тому, кто попался первый (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней).

1.5. Зданием. *Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой* (В.В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского); *И каждый пустяк есть фундамент, на котором устроится здание нашей будущей судьбы* (З.Н. Гиппиус. Смирение).

2. Судьба может уподобляться газообразной субстанции (напр., воздуху). *Там все дышало судьбой, о которой он говорил* (Д.С. Данин. Нильс Бор).

3. Судьба может представляться как задача, проблема, требующая рационального подхода¹. *Снова жизни людские стоят на кону, И не вычислить завтрашних судеб* (А. Городницкий. «И жить еще надежде»); *Выведенный здесь писатель Нелепин откровенно пасует перед разноликостью современностью – и именно поэтому не в состоянии понять судьбу Николая II, расшифровать код российской истории XX века* (В. Новиков. Дожить до рассвета); *И ему и мне очень легко задним числом расшифровать сбывшуюся судьбу; но пока она складывается, никакая судьба, поверьте мне, не схожа с теми честными детективными романчиками, при чтении которых требуется всего лишь не пропустить тот или иной путеводный намек* (В.В. Набоков. Лолита); *Пишу к вам об Иванове. Что за непостижимая судьба этого человека!* (Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями).

4. Судьба может представляться как некое событие, действие, имеющее длительность. *Всегда хочется верить, что у постановки будет долгая судьба* (А. Гулина. Не уставать восхищаться); *Имеет начало и конец. О том, как начиналась судьба большого режиссера, напомним фильм 1968 года «Седьмой спутник» по Лавреневу* (В. Кичин. День разбитых сердец. Телекино во вторник); *Но панцирь был крепок, и судьбы конец не настал* (Д. Липскеров. Последний сон разума).

5. Важно особо отметить, что понятие судьбы не предстает в своих перцептивных образах как самодостаточная реальность, оно включено в сложную систему различных (пространственных, коммуникативных и т.д.) отношений с другими сущностями. Наряду с приведенными выше примерами укажем, что судьбу можно искать, прятаться от нее, спорить с ней и т.д. *Пушкин верно уловил и ту множе-*

¹ В данном случае уже нельзя говорить о чистой перцепции. Мы сталкиваемся здесь с ситуацией, когда одна абстрактная категория описывается посредством другой, более укорененной в повседневном опыте человека. Подробнее см. п. 2 заключения.

ственность ролей-масок, с помощью которых **прячется** от судьбы и пытается ей отомстить опустошенный, глумливый и одинокий Репетилов (В. Рецептер. Репетилов); Приехали они на стройку судьбу свою **искать** (Г. Бакланов. Мой генерал); Большинство и не делает попыток **спорить** с судьбой, смиряясь безропотно с уготованной долей... (И. Кузьмичев. Дом на канале).

Перцептивный портрет понятия рок

1. Рок может наделяться характеристиками материального объекта.

1.1. Обладает внешними предметными характеристиками.

1.1.1. Имеет размер, вес, внутреннюю структуру. *Ему казалось, что только его одного преследует **тяжелый** и неодолимый рок* (М.П. Арцыбашев. Санин); *В эти тихие лунные минуты, когда подразделения СС и СД, отряды украинских полицейских, подсобные части, автомобильная колонна резерва Управления имперской безопасности подошли к воротам спящего гетто, женщина **измерила** рок двадцатого века* (В. Гроссман. Жизнь и судьба)*². – *Зачем так **мало** рока во взоре вашем?* (В.В. Вересаев. Аполлон и Диони); *Мы носим счастье в собственном теле, и лишь **часть** рока подвластна воле* (К.И. Чуковский. Осип Дымов. Солнцеворот. Содружество).

1.1.2. Имеет цвет. *Написал еще листовки «Фюрер обещает», «**Черный** рок над вождями Германии» (от Арминия до Гитлера)* (В.В. Вишневский. Дневники военных лет).

1.1.3. Имеет вкус. *Это им бы, сохранившись, перенять твой **горький** рок, наследовать твой безнадежный жребий – нет!* (А.И. Солженицын. Бодался телефон с дубом).

Если говорить о конкретных классах, то этот объект может быть

1.2. вещью, включенной в отношения собственности, купли и продажи, грузом*. *Я была повинна во многих смертях – это был **мой** рок, это был мой крест, но об этом я не расскажу никому, не покаюсь, свое я буду **нести** на себе, не перекладывая, я не хочу спастись...* (С. Василенко. За сайгаками); *А **стоит** ли рок славы? Стоит ли возрождение смерти?* (М.Л. Гаспаров. Вергилий – поэт будущего).

1.3. живым существом

1.3.1. Имеет внешние признаки живого существа.

1.3.1.1. Руки. *Рок, положив **руку** на плечо Кидалово, а другою указал в водяную бездну и говорил ему ...* (М.Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки); *Бессознательный обман, самообольщение, могучее орудие постепенного расстройств в незримой **руке** исторического рока* (К. Н. Леонтьев. Как надо понимать сближение с народом?).

1.3.1.2. Ноги. *Бедность не порок, но – бедность! **Идет** за мной как злой рок!* (А. Мунипов. Звезда рок-н-ролла, ром и пепси-кола. Дмитрий Дибров представил публике свой альбом); *И слезы, и страх перед **идушим** роком объединяют всех* (Н. Н. Берберова. Курсив мой).

1.3.1.3. Лицо. *Я подчинился с мужеством растоптанного стыда и смирился перед **лицом** рока, смотревшего на меня нежными черными глазами Молли* (А.С. Грин. Золотая цепь).

1.3.1.4. Глаза. *Рок не дремлет, рок только прикрыл **глаза*** (В.А. Каверин. Перед зеркалом); ср.: *По крайней мере, Александр I войдет в анналы истории как*

² Знаком * обозначаются авторские метафоры, не имеющие большого распространения в языке.

трагический герой, которому слепой рок не дал довершить великие замыслы; тогда вопрос об уновлении будет снят сам собою (А. Архангельский. Александр I).

1.3.1.5. *Голос. Просыпайся же, беспечный, слышишь грозный голос рока?* (А. Алексеев. Эстетика террора).

1.3.2. Совершает волевые и когнитивные акты, испытывает эмоции, реализует характерные для людей коммуникативные сценарии. *Жизнь прекрасна, считают они, пока зловецкий рок не настигает, и они внезапно обнаруживают, что стоят у края пропасти, в которую их неминуемо сбросят* (В. Каганов. Можно ли жить своим умом? Об отринутых и проклятых...); *Злой рок лишил его то родины, то сына, то свободы и, наконец, честного имени.* (Д. Гранин. Зубр); *...когда тумбы и огады хранил только неведомый добрый рок, а пешеходов распугивал захватывающий баритон властительного шофера* (Г. Шергова. ...Об известных всем); *Свирепый рок позавидовал блаженному его состоянию и тайне готовил искушение, которому противиться – значит противиться самому себе* (Неизвестный. Пламед и Линна); *Удачливость и рок боролись, и ареной борьбы была его судьба* (Д. Гранин. Зубр); *Нами владел рок. Мы были жертвами судьбы* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец); *Гонит рок нас по адскому кругу Сколько было их в нашей судьбе?* (Башня (2003) // «Жизнь национальностей»); *Как мираж они исчезли, без следа промчались мимо, Всем им вынес рок жестокий приговор неотвратимый* (А. Алексеев. Эстетика террора); *В нем царят не милосердие и любовь, а мстительная юстиция и непонятный человеку рок* (А.Я. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков).

1.3.2.1. Может представляться как летающее живое существо (птица и др.), к которому применимы волевые и когнитивные характеристики. *Какой-то злой рок упорно витал надо мной в этот злосчастный вечер* (Г. Жженов. Прожитое); *Он ждал помощника, какой месяц уже работал без него, и будто какой-то злой рок повис над незанятой должностью: кого ни назначали – то в автомобильную катастрофу попадали, то вдруг обнаруживалась в них какая-то чернящая анкету клякса* (А. Азольский. Глаша); *Что за страшный рок висел над этой несчастной девочкой, что за проклятие?* (А. Ким. Мое прошлое).

Перцептивный портрет понятия *случай*³

1. *Случай* может наделяться характеристиками живого существа.

1.1. Имеет внешние признаки живого существа.

1.1.1. Ноги. *Гете говорил: «Наше дело набрать хворосту. Приходит случай и зажигает костер».* Суриковская ворона – это случай (М. Анчаров. Самшитовый лес); *Когда ты не очень осознанно совершаешь тот или иной поступок, куда-то идешь, и именно тогда и приходит тот случай, который круто меняет твою судьбу* (Ю. Никулин. Как я стал клоуном); *Говорят, случай идет навстречу тому, кто его ищет* (О. Володеева. Простая история).

1.1.2. Лицо*. *Несправедливость заложена в природе, несправедливость – злое лицо случая, и в людях она заложена тоже* (Фюльгья)⁴; *«А какое лицо у смерти?»*,

³ В данном разделе мы работаем лишь со значением случая как трансцендентной силы, определяющей происходящие с человеком события, и не рассматриваем контексты, в которых случай имеет значение определенной ситуации (напр., Бывали случаи, когда заботу о вскармливании человеческого младенца брали на себя животные, например, собаки (А. Федорин. О гуманитарных заблуждениях нынешнего поколения)).

– задал Иккю следующий вопрос. «Ее облик бывает самым разным, – сказал хозяин, – но обычно это **лицо** случая» (Анекдоты о буддистах)⁵.

1.2. Совершает волевые и когнитивные акты, испытывает эмоции, реализует характерные для людей коммуникативные сценарии. *Ни счастливый случай, ни богатый дядюшка не являлись* (В. Г. Распутин. Новая профессия); *Почувствовав на губах неудержимую глупую улыбку, Андрей рассердился на самого себя, на хитрого Степина, на этот коварно-услужливый случай* (Д. Гранин. Искатели); *Случай управляет страной, где все формы администрации произвольны, ненадежны, лживы, где невероятное множество чиновников, которые, в общем, ленивы, жестоки, подкупны и некомпетентны, страна, где нет политической свободы и элементарных прав гражданина, страна, где динамит и пистолет – единственные аргументы, где нет закона и где всякий действует, не принимая во внимание соседа* (Ю. Азаров. Подозреваемый); *И раскладом этим будет руководить случай, он подберет себе теорию по вкусу* (Г. Щербакова. Моление о Еве); *А когда началась война, по воле великого случая Женя с ходу попал в разведку...* (В. Рецептер. Ностальгия по Японии).

Перцептивный портрет понятия *доля*⁶

1. *Доля* может наделяться характеристиками материального объекта.

1.1. Обладает внешними предметными характеристиками.

1.1.1. Имеет вес. *Мне, жестокому противнику красных ораторских слов, выпала **тяжелая** доля самому говорить* (А. Варламов. Пришвин или Гений жизни); *Мужичок пил чай, рассказывал девке о своей **нелегкой** доле, всякий раз приговаривая: «Бедняк есть бедняк»* (М. Елизаров. Библиотекарь).

1.1.2. Имеет цвет. *...я тогда же и навсегда выбрала черного, а не белого, черное, а не белое: черную думу, **черную** долю, черную жизнь* (М. И. Цветаева. Мой Пушкин); *Жизнь являлась счастьем, **светлой** долей, высшим везением* (В. Скрипкин. Тинга).

1.1.3. Имеет вкус. *Но Боря об этом не задумывался – он считал себя русским и все пытался найти высший смысл в **горькой** доле своего народа* (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания); *Им, счастливым, досталась **сладкая** доля умереть, защищая Россию, быть истинными героями знаменитой Отечественной войны* (П.Н. Краснов. Атаманская памятка).

Если говорить о конкретных классах, то этот предмет может быть:

1.2. вещь, включенной в отношения собственности, обмена; мерой стоимости; грузом. *Утром, когда труппа дисциплинированно пошла на выход с вещами, стало ясно, что наша ночная скорбь была действительно глубокой: женщины томно прятали лица за косынками, а мужчины стоически **несли свою** долю и не скрывали твердого намерения доскорбеть в автобусе* (В. Рецептер. Ностальгия по Японии); *Плохая наша **бабья** доля, – сказала она. Купец уставился на нее прищуренными глазами* (И. А. Бунин. Игнат); *Больше уж не рискнул **менять** холостяцкую долю* (Д. Рубина. Любка); *Отец считал, что он **стоил** лучшей доли, он считал, что он стоил лучшего сына* (В. Маканин. Голоса).

⁴ <http://m.kinopoisk.ru/review/541286/>

⁵ <http://www.taekwondo.front.ru/Enciclop/Anekdot.htm>

⁶ В данном разделе мы работаем лишь со значением доли как судьбы, выпавшей человеку, и не рассматриваем другие контексты.

1.3. едой, напитком. *И, пройдя через ужас весь, вкусив горькую долю до конца, решили казаки, что надо им гарнизоваться* (Е. Скобцова (Кузьмина-Караваева). Клим Семенович Барынькин); *Словом, принял и я участие в том пиру во время чумы, в котором, почитай, все мы свою долю испили* (А. Кабаков. Rue Daru принимает всех).

Анализ перцептивных портретов

Проведенный анализ показывает, что при сохранении большинства перцептивных кластеров, выявленных в [Глебкин и др. 2014] (территория, вещь, живое существо), класс «витальных детерминантов» характеризуется предельно редуцированным кластером «стихия, физическая субстанция» и новым по сравнению со *счастьем, свободой и бедой* кластером, обозначенным нами как «задача, проблема, требующая рационального подхода». Отмеченные особенности подчеркивают заметно более существенную, чем для категорий *счастье, свобода, беда*, роль рационального компонента в классе «витальных детерминантов» и указывают на редукцию эмоционального компонента.

Проведенный анализ дает возможность уточнить базовые идеи теории концептуальной метафоры в версии Лакоффа и Джонсона. По утверждению авторов, «область-источник» для концептуальной метафоры образуют категории базового уровня, которые связаны с перцептивным опытом человека, основанном на его повседневной практике [Rosch 1978: 33–35; Johnson 1987: 1–40; Lakoff 1987: 12–67]. Мировоззренческой базой для данной модели оказывается представление о человеке как физическом теле, игнорирующее его социокультурную составляющую (подробнее см. [Глебкин 2002: 87–111]). Однако такой взгляд заметно упрощает реальность. Можно показать, что категориями базового уровня, лежащими в основании концептуальных метафор, наряду с перцептивно заданными понятиями оказываются и понятия, описывающие сценарии, включающие в себя социокультурный опыт человека. В работе [Глебкин и др. 2014] показано, что такой категорией базового уровня является категория собственности (твое, мое, его), описывающая принадлежность человеку того или иного объекта. Проведенный выше анализ перцептивных портретов «витальных детерминантов» дает основания для того, чтобы включить в категории базового уровня и понятия, характеризующие рациональные операции, например, понятие числа.

Сделанное замечание требует определенных уточнений во взгляде на абстрактные и конкретные категории. Важно подчеркнуть, что характеристики «абстрактное» и «конкретное» описывают не объективные свойства понятий, а способ взаимодействия с ними. Одно и то же понятие может быть абстрактным для взрослого человека и конкретным для ребенка или абстрактным для представителя теоретической культуры и конкретным для представителя традиционной, потому что опирается на базовый для него опыт повседневности. В этом контексте интересны наблюдения А.М. Селищева, описывавшего освоение крестьянами новых для них абстрактных категорий, ставших частью советского быта: «Пионеры (пьяонеры) – это когда ходят с барабаном и поют», «сельской совет – это где председатель бывает» [Селищев 1928: 214–215]. Аналогично, представления ребенка о числе сначала связываются с набором вполне конкретных операций, растающих в привычную для него повседневность и данных «весомо, грубо, зримо», и только позднее, в результате школьного образования, усложняются, включая в себя абстрактный пласт. Похожие трансформации происходят с глаголами *понимать, знать* и др.

Также необходимо отметить, что в рамках оппозиции «абстрактное – конкретное» правильнее говорить не об абстрактных понятиях, а о понятиях различного уровня абстракции. Так, глагол *расшифровывать* в приведенном выше предложении *И ему и мне очень легко задним числом расшифровать сбывшуюся судьбу* отсылает к абстрактным операциям, более частотным и глубже погруженным в повседневный быт, чем реалии, связанные с понятием *судьба*, что дает возможность использовать его в качестве области-источника в метафорических конструкциях, подобных приведенной. Для отдельных классов абстрактных понятий категории более низкого уровня абстракции могут использоваться как основания концептуальной метафоры наряду с категориями, воспринимаемыми перцептивно.

Если обращаться к конкретным лексемам, составляющим класс «ментальных детерминантов», можно выделить две основные модели: трансцендентные силы, определяющие жизненные траектории людей и обычно персонифицируемые в виде живых существ (*судьба, рок, случай*), а также аббревиатуры этих траекторий, воплощаемые в виде конкретных вещей, которые достались его владельцу в собственности (*судьба, доля*). Самый широкий спектр значений содержит базовое для данного класса понятие *судьба*, включающее в себя обе модели. Понятие *рок* обычно персонифицируется в виде живого существа с негативными характеристиками, при этом его перцептивный портрет значительно менее разработан, чем портрет судьбы.

Для понимания различий в значениях понятий *судьба* и *рок* полезно обратиться к их семантической истории. *Судьба* в церковнославянском и древнерусском языках имела базовое значение ‘сужденное Богом, решение Бога’ (*не познавая судьб божских, окрест стремнинный путь преходит умом, и от всякого ветра удобь низвращается* (Добротолубие. Ч. I. 226 глав святого Марка Подвижника о мнящих от дел оправдаться)). Это значение сохраняется и в XVIII в.: *А языки во тьме неведение пребывали премудрыми и праведными судьбами божскими: Возвещая слово свое Иакову, оправдания и судьбы своя – Израилеви; не сотвори тако всякому языку, и судьб своих не сказа им* (Архиепископ Феофан (Прокопович). Слово в неделю осмунадесятую...). Слово *рок* отсылает, скорее, к античной традиции, противостоящей христианству, связываясь с идеей механистичности, бесчеловечности принимаемого решения (*Так обыкновенно называемые Эпикуры, которые хотя и признают быть Бога, однако отвергают его промысл, и думают, что все в свете бывает не определением и премудрым правлением Божим, но или слепым неким случаем, или по неизбежной некоторой необходимости, что называют роком* (архиепископ Платон (Левшин). Православное учение или сокращенная христианская богословия)). С этим связан и набор негативных определений, которыми характеризуется рок (свирепый, немилосердный, злой, беснующийся, недоброхотный, ожесточенный, слепой и др.). Другими словами, *судьба* характеризует сначала решение Бога, метафорически представленное в виде предмета, которым наделяется человек, *рок* – неумолимую трансцендентную силу, с которой невозможно вступить в отношения диалога. В текстах XIX-XX вв. *судьба* вся чаще персонифицируется в виде живого существа, метонимически включая в себя при этом представление о справедливом и милосердном Боге, что ведет в целом к более широкому и разнообразному по сравнению с *роком* спектру характеристик (наряду с негативными (свирепая, злая, безжалостная) вполне частотны и положительные предикаты (добрая, счастливая, благосклонная и др.)).

Случай, как это видно уже из приведенного выше примера, выступает как антитеза *року* в рамках связываемой с античностью традиции, что определяет специфику его перцептивного портрета, главной составляющей которого является воздействующее на жизнь человека живое существо, а *доля*, в соответствии с основным значением, представляет собой часть, доставшуюся человеку при дележе целого, поэтому метафорически представлена в виде вещи, принадлежащей человеку. Интересно отметить, что, вопреки возможным ожиданиям, такое значение слова *доля* становится частотным довольно поздно, лишь в XIX веке.

Литература

Абаева Е.С. Лигвокультурологический аспект концепта «судьба» в английском, русском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007.

Аверинцев С.С. Судьба // Новая философская энциклопедия. Т.3. – М., 2001. – С. 663–664.

Арутюнова Н.Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. – С. 302–316.

Глебкин В.В. Лексическая семантика: культурно-исторический подход. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

Глебкин В.В., Аляпкина А.В., Беспалова Е.Н. Перцептивные портреты абстрактных понятий («счастье», «свобода», «беда») // Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Языкознание». 2014. № 5 / Вопросы языкового родства. Вып. 11, 2014. С. 17–33.

Карпенко А.С. Фатализм и случайность будущего: логический анализ. – М., Наука, 1990.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2004.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи. – М.: Работник просвещения, 1928.

Стрелков В.И. Смерть и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. С. 34–38.

Топоров В.Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. С. 39–74.

Урбанович Г.И. Генетическая характеристика лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.

Johnson M. The Body in the Mind. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. – N.Y.: Basic books, 1999.

Kövecses Z. Metaphor in culture: universality and variation. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005.

Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and categorization. Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates; New York: distributed by Halsted Press, 1978. P. 27–48.

Г.В. Градосельская, М.А. Пильгун

УДК 81'22

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕТЕВОЙ СРЕДЕ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНЫХ
СООБЩЕСТВ В ФЕЙСБУКЕ¹**

В статье рассматривается коммуникативное взаимодействие актеров в политической сфере в российском сегменте сети Фейсбук. В представленной работе особое внимание уделяется лингвостилистическим особенностям коммуникативного и речевого поведения акторов. Проведенный анализ показал, что политически активные актеры в русскоязычном сегменте сети Фейсбук могут быть распределены в несколько кластеров в соответствии со своими политическими предпочтениями. Коммуникативное взаимодействие между группами может быть характеризовано как антидиалогическое.

Ключевые слова: интернет-лингвистика, Фейсбук, политическое коммуникативное взаимодействие

Galina V. Gradoselskaya, Maria A. Pilgun

**COMMUNICATIVE PROCESSES IN THE NETWORK ENVIRONMENT:
THE INTERDISCIPLINARY ANALYSIS
OF POLITICALLY ACTIVE COMMUNITIES ON FACEBOOK**

The paper views communicative interaction of actors in the political sphere in the Russian segment of the Facebook network. Thus, the article focuses on linguistic and stylistic properties of communicative and speech behavior of actors. The conducted analysis shows that politically active actors in the Facebook can be distributed into several clusters according to political preferences. Communicative interaction between clusters it is possible to characterize as anti-dialogical.

Keywords: internet-linguistics, Facebook, political communicative interaction

Введение

В статье представлены результаты исследования коммуникационных процессов в политически активных сообществах в Фейсбуке, которое проводилось на основе междисциплинарного анализа, позволяющего наиболее полно раскрыть синкретичность и многоаспектность онлайн-взаимодействия.

Цель представленной работы: классификация акторов в политических группах в русскоязычного сегмента сети Фейсбук, анализ их коммуникативного и речевого поведения, а также выявление роли контента, связанного с историческими событиями в России в 1917 г.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-36-12000. Программа софинансирования грантов РГНФ Научного фонда НИУ ВШЭ.

Материалом для исследования послужила база данных, актуализированная в январе – мае 2014 г., которая состояла из 200 политически активных групп в социальной сети Facebook, и 291 актор сети Фейсбук, выборка которых осуществлялась из ранее отобранных политических групп.

Исследовательские вопросы:

Представлено ли в русскоязычном секторе сети Фейсбук распределение акторов на кластеры в соответствии с политическими взглядами?

При наличии кластеров в соответствии с политическими взглядами акторов, каков характер коммуникативного взаимодействия между ними?

При наличии кластеров в соответствии с политическими взглядами акторов, зависит ли уровень владения конкретными акторами лингвостилистическими и коммуникативными ресурсами от принадлежности к определённому кластеру?

Какие политически активные акторы используют контент, связанный с событиями в России в 1917 г.?

Гипотезы

Политически активные акторы в сети Фейсбук распределяются в несколько кластеров в соответствии с политическими взглядами.

Коммуникативное взаимодействие между различными кластерами носит конфликтный характер.

Уровень владения лингвостилистическими и коммуникативными ресурсами не зависит от принадлежности к определённому кластеру.

Контент, связанный с 1917 г., используют только политически активные акторы с определёнными политическими предпочтениями.

Рейтинг популярности русскоязычных ресурсов различается в зависимости от источника, проводившего мониторинг и анализ. Так, по данным ФОМ, на июнь 2014 года ситуация представлена следующим образом:

Одноклассники – 75 % пользователей;

ВКонтакте – 63 % пользователей;

Мой мир на MailRu – 16 % пользователей;

Facebook – 15 % пользователей;

Twitter – 8 % пользователей;

LiveJournal (Живой Журнал) – 1 % пользователей.

По данным TNS Web Index, в ноябре 2014 г. самые популярные социальные сети в России имели следующие показатели размера ежемесячной аудитории, то есть количество человек, посетивших сайт не менее 1 раза в месяц и по количеству активных авторов – людей, которые оставили не менее 1 публичного сообщения в месяц:

Наименование социальное сети	Ежемесячная аудитория (чел.)	Активные авторы (чел.)
ВКонтакте	54 605 500	23 825 500
О д н о к л а с с н и к и (odnoklassniki.ru)	40 071 700	1 679 100
Мой мир (my.mail.ru)	25 171 000	798 300
Facebook	25 241 000	761 100
LiveJournal	16 651 000	188 100

Instagram -	13 300 000	2 677 900
Twitter	8 468 6000	2 103 300

(По материалам Социальные сети в России. Зима 2014-2015. Цифры и тренды. BredAnalytics (с) 2015).

Уместно отметить, что рейтинг популярности различных тем у пользователей Рунета по версии русскоязычной Википедии возглавляет статья, посвященная «ВКонтакте» (20 500 просмотров в среднем за день), далее – статья «Одноклассники» (14 537 просмотров).

Таким образом, разноречивость представленных данных показывает сложную ситуацию и наличие противоборствующих тенденций, характеризующих развитие социальных сетей в современном русскоязычном пространстве. Данный феномен заслуживает отдельного анализа в специальном исследовании.

Выбор сети Фейсбук для анализа коммуникационного взаимодействия политически активных сообществ в русскоязычном медиапространстве определяется тем, что именно Фейсбук чаще всего используют для решения профессиональных задач, поскольку Фейсбук предоставляет широкий набор коммуникативных ресурсов для общения, обмена информацией (в том числе фото и видеофайлами), участия в сообществах по интересам и пр. Немаловажное значение имеет тот факт, что в данной социальной сети особое внимание уделяется конфиденциальности пользователей.

Метод

Различным аспектам сетевого взаимодействия посвящено огромное количество исследований. В последнее время интерес различных ученых направлен на изучение динамики коммуникационных процессов в сетевой среде, соотношения онлайн- и оффлайн-взаимодействия, влияния социальных сетей на реальную жизнь пользователей. Так, на материале англоязычного сектора Фейсбука можно сослаться на исследование Miller [2013], посвященное анализу глубокого воздействия сети Фейсбук на реальную жизнь пользователей. Латентно-семантический анализ психологических особенностей 304 акторов Фейсбука был проведен Garcia, Sikström [2014], формирование впечатления по профилю Фейсбуке исследовали Hall, Pennington and Lueders [2014]. Анализу влияния Интернета на политическую активность голландцев посвящена работа [Kruikemeier, Noort, Vliegenthart and Vreese 2014], (см. также [Tufekci and Wilson 2012, Ledbetter and Mazer 2014] и мн. др.)

Представленное исследование проводилось на основе междисциплинарного анализа, позволяющего наиболее полно раскрыть синкретичность и многоаспектность онлайн-взаимодействия. Междисциплинарный подход является наиболее распространенным в современных исследованиях, посвященных анализу веб-среды (см, например, [Fuchs 2014, Lipschultz 2014, Verboord 2014, Sauter 2014] и др.).

Формальный анализ был выполнен поэтапно, с сочетанием количественных и качественных методов анализа.

Метод зерновой кластеризации [Градосельская 2014] в русскоязычном сегменте Фейсбука позволил выделить три кластера взаимосвязанных между собой сообществ, каждый из которых представлял одну из распространенных в России политических установок. Первый кластер представлял сообщества, поддерживаю-

щие официальные властные структуры («официально-государственный»). Второй кластер отражал националистические установки. Третий кластер показал сообщества, входящие в оппозиционное движение.

Далее по всем сообществам, попавшим во все три кластера, был проведен дополнительный анализ и выявлены наиболее активные пользователи. Из 100 последних сообщений в каждой из групп был выявлен 291 активный пользователь. Далее была проведена типологизация этих пользователей по степени включенности в деятельность сообществ и активность написания ими сообщений.

После указанных процедур было проведено социолингвистическое исследование дифференциальных и интегральных особенностей каждого из коммуникативных типов как по формальным, так и по коммуникативным характеристикам. Был проведен анализ коммуникативного поведения [Courtright 2014], лингвистический и мультимедийный риторический анализ веб-контента [Handa 2014].

Процедуры

Типологизация пользователей по сетевому поведению представляет особую сложность для современных аналитиков. Обычно выбирают между двумя показателями активности актора: по его участию в группах или по количеству оставляемых сообщений. Основания выделения наиболее активных акторов («охват групп» vs. «флуд») не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Пересечение данных параметров позволило построить типологизацию сетевого поведения.

Дальнейший содержательный (социолингвистический) анализ показал, что мы имеем дело с осознанным распределением ролей и поведения акторов в политических группах в социальных сетях.

Активность в социальных сетях описываются четырьмя типами поведения: проектировщики коммуникационного пространства, манипуляторы, графоманы и локально-кластерные авторы (Таблицы 2, 3, 4).

Также был проведен анализ особенности речевого и коммуникативного взаимодействия акторов.

Материалом для исследования послужила база данных, актуализированная в январе-мае 2014 г.:

200 политически активных групп в социальной сети Фейсбук;

291 актер сети Фейсбук, выборка из ранее отобранных политических групп.

Результаты

В ходе исследования была проведена кластеризация политически активных групп, существующих в русскоязычном сегменте Фейсбука, были выделены официально-государственный, оппозиционный и националистический кластеры.

В результате исследования было показано, что специфические коммуникации в виртуальных политических сообществах в Фейсбуке формируют своеобразные виртуальные идентичности, с четко детерминированным распределением функций.

Наблюдаются процессы стандартизации механизмов манипулирования политически активными группами: группы на продажу, захват групп, активность ложных сущностей (реклама, MLM, финансовые пирамиды).

Значительная часть политически активных групп является искусственно созданными и пополняемыми, захваченными, сектами и т.п. (около 50% политически активных групп подвергаются манипулятивному практикам).

Механизмы пополнения политически активных групп значительно различаются в зависимости от типа кластеров. Однако везде отмечается активность профессиональных манипуляторов, как в общем информационном пространстве, так и в отдельных группах.

В официально-государственном кластере преобладает формальный подход и набор пассивной массы за счет так называемых «помоечных» групп.

В оппозиционном кластере делают ставку на вербовку активистов и предварительную разметку информационного пространства под будущие возможные социальные конфликты.

2. Анализ коммуникативного поведения не выявил никаких принципиальных различий между акторами официально-государственного, оппозиционного и националистического кластеров. Между тем формальный кластерный анализ и экспертный анализ коммуникативного поведения акторов позволил выделить четыре группы в зависимости от типа сетевой активности, которые могут быть условно обозначены как проектировщики коммуникационного пространства, манипуляторы, графоманы и локально-кластерные авторы.

Результаты исследования позволили прийти к выводу, что группа акторов, которая характеризуется наиболее профессиональным коммуникативным поведением – «проектировщики коммуникационного пространства» – выделяется и по типу сетевой активности.

Проектировщики коммуникационного пространства отличаются высокой степенью сетевой активности, (участвуют в большом количестве групп, оставляют большое количество сообщений).

Акторы, которые отнесены к данному типу, хорошо подготовлены к коммуникативному digital-взаимодействию. Обладают и виртуозно используют разнообразный регистр речевых, коммуникационных и интегрированных средств. Могут активно участвовать в рамках различных семантико-тематических полей. Умело используют средства различных языковых уровней (фонетические, морфологические, синтаксические), а также стилистический потенциал функциональных стилей для эффективного решения задач, достижения целей в различных коммуникативных ситуациях, четко просчитывают конкретную коммуникативную ситуацию и выбирают адекватные средства для воздействия на адресата.

Как правило, специализируются на определенной аудитории, умело используют ее слабые и сильные стороны.

В зависимости от поставленной задачи могут использовать любые стратегии: ритуальные, убеждающие, императивные, провокационные, пользуются преимущественно тактиками косвенного речевого воздействия. Посты, комментарии, ссылки, лайки дополняют коммуникативный рисунок нужными оттенками.

Данный тип представляет наиболее профессиональных создателей контента, которые владеют широким набором средств, современными технологиями воздействия, привлечения и удержания внимания аудитории, а главное, методами формирования и управления общественного мнения в медиапространстве.

Закономерно, что это наиболее малочисленная группа – только 14,1% от общего числа политически активных акторов (Таблица 1, 3).

Среднюю позицию по количеству участников и распространению (20,3%) занимают так называемые манипуляторы.

Семантико-тематические поля у данных акторов, как правило, ограничены сферой их профессиональных политических интересов.

Представители данного типа характеризуются средней степенью сетевой активности (участвуют в большом количестве групп, оставляют сравнительно немного сообщений).

Манипуляторы имеют достаточно разнообразный регистр речевых, коммуникационных и интегрированных средств, активно используют орфографические и графические средства, экспрессивные речевые средства разговорную лексику, просторечье и табуированную лексику.

Могут использовать различные типы стратегии: ритуальные, убеждающие, императивные, провокационные, однако преобладающие: императивные, провокационные. Часто пытаются использовать имплицитные средства выражения интенции, оценки, мнения, но могут прибегать и к эксплицитным средствам. Активно применяют как косвенные, так и прямые средства воздействия.

Использование постов, комментариев, ссылок, лайков носит достаточно явно выраженный характер прямого воздействия.

Коммуникативные и речевые ресурсы, которые используют манипуляторы, в большинстве случаев ориентированы на эмоциональное воздействие на реципиента. Управление эмотивной деятельностью личности, направление ее в определенное русло становится важнейшей задачей. Ярким проявлением оценочности в контенте, создаваемом манипуляторами, является метафоризация, которая выполняет функцию воздействия, фразеологизмы. Известно, что все фразеологические обороты (за исключением терминологических и номинативных) представляют собой застывшую яркую метафору, значение которой обычно осложнено добавочными стилистическими и эмоциональными оттенками.

Уровень владения профессиональными технологиями манипулирования у них на порядок ниже, чем у первой группы, хотя вряд ли сами акторы этот осознают. Очевидно, что различные манипулятивные механизмы используются в данном типе как в личных целях, так и в рабочих целях, по обязанности, долгу службы (Таблица 1,2).

2.3. Такое же количество от общего числа акторов 20,3% составляют «графоманы», которые также характеризуются средней степенью сетевой активности (участвуют в небольшом количестве групп, оставляют большое количество сообщений).

Графоманы оперируют ограниченным регистром речевых, коммуникационных и интегрированных средств, предпочитают ритуальные, императивные стратегии. Использовать убеждающие и провокационные технологии не позволяет достаточно низкий уровень владения коммуникативным инструментарием.

Данный тип акторов предпочитает в основном эксплицитные средства выражения интенции, оценки, мнения. Редкие случаи употребления имплицитных средств выражения и косвенных средств воздействия не всегда адекватны, поэтому не всегда достигают поставленной цели.

Графоманы отличаются достаточно хаотичным участием в рамках большого количества различных семантико-тематических полей. Представители данной группы активно используют визуальные материалы, реже – интегрированные ресурсы (Таблица 1, 2, 3).

2.4. Исследование показало, что основная часть политически активных акторов в русскоязычном сегменте социальной сети Фейсбук – это локально-кластерные авторы (45,4%), которые отличаются низкой степенью сетевой активности, участвуют в небольшом количестве групп (как правило, локализованы в одном кластере), оставляют сравнительно немного сообщений.

Резкое отличие акторов данного типа – приверженность определённому семантико-тематическому полю, в рамках которого и протекает коммуникативное взаимодействие. Могут активно участвовать в рамках различных семантико-тематических полей.

Речевой портрет акторов данного типа не отличается особым разнообразием, регистр используемых речевых, коммуникационных и интегрированных средств выражения крайне ограничен.

Используют преимущественно ритуальные стратегии, эксплицитные выражение интенции, оценки, мнения, а также прямые средства воздействия.

Представители данного типа активно используют визуальный и интегрированный контент, который предпочитают вербальному. Максимально используют чужой контент.

Большую часть данной составляют акторы, которые решают в сети свои узкопрофессиональные задачи, привлекают участников для своих проектов. (Таблица 1,3).

Контент, связанный с 1917 г., не обнаружен ни в одном из кластеров, ни у отдельных типов акторов по сетевой активности. Достаточно частотным является использование образа И.В. Сталина, но только в контексте Великой отечественной войны и политических процессов 30 хх гг. Единичны случаи упоминания о Л. Троцком, но в совершенно неожиданной роли – в материалах о Фриде Кало де Ривера, в которых русский революционер упоминается как один из любовников художницы.

В результате исследования не было выявлено различий в коммуникативном поведении акторов в соответствии с их политическими предпочтениями, т.е. отнесением к официально-государственному, оппозиционному или националистическому.

Между тем акторы, которые относятся к различным типам сетевой активности, разительно отличаются речевым и коммуникативным поведением. Распределение по типам сетевой активности совпадает с профессиональным уровнем владения коммуникативными ресурсами, технологиями формирования и управления общественным мнением в медиaprостранстве. Наибольший профессионализм в использовании коммуникативных ресурсов проявляется в группе проектировщиков коммуникационного пространства, наименьший – у локально-кластерных авторов, манипуляторы демонстрируют средний уровень, графоманы по данному параметру уступают манипуляторам, но выигрывают у локально-кластерных авторов (Таблица 2).

Количество сообществ, в которых участвуют «проектировщики» и «манипуляторы», намного больше, чем у остальных пользователей – от 200 до 250 (у остальных 50-80 сообществ).

Также было выявлено, что проектировщики коммуникационного пространства наиболее активно пишут в оппозиционных и националистических группах, а графоманы – в официально-государственных. Подобное положение объясняет ка-

чество контента в официально-государственном, оппозиционном и националистическом кластерах (Таблица 4).

Актеры, представляющие различные кластеры (официально-государственный, оппозиционный и националистических) находятся в конфликтном взаимодействии, которое находит выражение в:

- коммуникативном и речевом поведении;
- выборе коммуникативного веб-инструментария;
- предпочтении речевых стратегий и тактик;
- выборе мультимедийных риторических ресурсов.

Коммуникация между участниками официально-государственного, оппозиционного и националистических кластеров отличается:

- повышенной агрессивностью;
- отказом от диалогической форм;
- полным неприятием позиции, которая не совпадает с политическими взглядами актора и пр.

Коммуникативное взаимодействие политически активных акторов в русскоязычном сегменте между участниками различных кластеров, которые отражают политические пристрастия участников можно охарактеризовать как антидиалогическое (см. [Прохоров 2011; Дзялошинский, Тюрюканова 2008; Дзялошинский, Пильгун 2014; Пильгун 2015]), конфликтное:

- коммуникация протекает в виде обмена идеями, репликами, высказываниями, колкостями, а не в форме «диалога», «разговора с договоренностью»;
- из двух процессов, характерных для социального диалога -взаимопритягивание (поскольку признается необходимость совместного решения) и взаимоотталкивание (поскольку очевидны различия в подходах к решению проблемы), используется только второй;
- после окончания коммуникативного акта всегда есть «победители» и «проигравшие», то есть взаимодействие в данном случае - жесткая «борьба». В ходе общения не происходит отбора одних вариантов решения как наиболее приемлемых, отказа от других, трансформации третьих. Отсутствует ситуация, при которой побеждают общие подходы и решения, выявляются результаты, устраивающие всех, достигаются единые решения и т.д.;
- отсутствует исходное условие нормальных диалогических отношений: признание паритета участников диалога, равенства всех сторон взаимодействия на право высказывать и отстаивать свои позиции и предложения при принятии решений;
- отсутствует намерение избегать конфликта, использовать манипулятивные и провокационные технологии. Оппоненты не стремятся произвести объективный анализ спорных вопросов, выяснить генезис конфликта, найти пути решения проблем, приемлемые для всех сторон;
- отсутствует терпимость при решении спорных вопросов, партнеры не считают нужным проявлять уважение к друг другу, не стремятся понять позицию оппонента, не готовы к уступкам и компромиссу даже в решении второстепенных вопросов для сохранения принципиальной базы своей позиции.

Из трех известных вариантов участия в диалоге (монологический диалог, диалогический монолог, «открытый диалог») между представителями официально-государственного, оппозиционного и националистического кластеров редко наблюдается монологический диалог и диалогический монолог.

Монологический диалог, как привило используют манипуляторы и графоманы для создания иллюзии общения с оппонентами. Каждый из участников коммуникации признает единственно верной и достойной распространения только свою точку зрения, не принимая во внимание позицию другой стороны. Общение в данном случае ведется с плохо скрываемым неприятием, неуважением композиции оппонента, и, закономерно, становится неэффективным. Подобный монологический диалог становится продолжением гегемонистской закрытой информационной политики, становится элементом политической борьбы и только разжигает конфликт.

Диалогический монолог как более изощренную форму используют проектировщики коммуникационного пространства. Подобная коммуникативная форма является более эффективной, поскольку участники открыто признают право оппонентов на свою точку зрения, и их право на участие в принятии политических и социальных решений. Однако открытость информационной политики также оказывается иллюзорной и является только уловкой для более эффективного достижения своих целей. Участники общения в данном случае используют диалогический монолог только для втягивания оппонента в коммуникацию и создания условий для более эффективного использования эксплицитных средств выражение интенции, оценки, мнения, тактики косвенного воздействия.

Имитация «открытого диалога» встречается только в пределах одного кластера. С одной стороны, коммуникаторы в этом случае максимально полно и открыто излагают свои взгляды, но, с другой стороны, соответствующая аргументация не встречает контраргументации, не происходит сопоставление взглядов, в результате которого должны быть определены и суммированы сильные стороны обеих позиций, отведены слабые аргументы и в результате (компромисса, паллиатива или консенсуса) невозможно прийти к единому решению, поскольку участники коммуникации и так придерживаются единой позиции.

Диалогический дискурс коммуникативного взаимодействия между представителями разных кластеров политически активных акторов (официально-государственный, оппозиционный и националистических), вне зависимости от типа сетевой активности и специфики использования коммуникативных ресурсов (проектировщики коммуникационного пространства, манипуляторы, графоманы, локально-кластерные акторы) может быть реализован при учете следующих признаков: признание паритета всех сторон на определённую позицию, проявление уважения к оппоненту, знания коммуникантов о ценностной парадигме друг друга, об эмоциональных состояниях и о способах их вербального манифестирования (связанных с обозначением действия, ситуации, мнения, установки, интенции, эмоции и оценки адресанта и адресата); учет особенностей представлений о себе адресанта и адресата; ориентацией на социальные роли и политический статус адресанта и адресата. Диалогическое взаимодействие может достигаться путем смены коммуникативных ролей оппонентов, созданием кооперативного диалога «согласия», приспособления друг к другу, соответствия (конгруэнции), а иногда и уступок, а также конфликтного диалог «несогласия», возражения, от-

пора, конфронтации². Возможность диалогической и полилогической коммуникации может возникнуть только при отказе от уничижительного отношения к оппоненту, четкости ориентированности на адресата как конкретную социально- и политически-детерминированную личность со своим статусом и ролями, с определенной системой ценностных координат.

Очевидно, что широкие возможности диалогических коммуникаций должны быть эффективно использованы во всех коммуникативных сферах современного медиапространства, особенно в сфере политических коммуникаций. Только открытый и результативный диалог поможет преодолеть социальное и политическое напряжение, снизить уровень агрессии, привести к возрождению доверия между различными группами акторов.

Заключение

В ходе исследования подтвердились три гипотезы.

Политически активные акторы в сети Фейсбук распределяются в несколько кластеров в соответствии с политическими пристрастиями.

Была проведена кластеризация социально-политически активных групп, существующих в русскоязычном сегменте Фейсбука, которая позволила выделить официально-государственный, оппозиционный и националистических кластеры.

На основе кластеризации на графах была проведена сетевая выборка и выделены подгруппы для дальнейшего выявления дифференциальных и интегральных характеристик внутри кластеров и подгрупп. Был проведен анализ коммуникативного поведения [Courtright 2014], лингвостилистический и мультимедийный риторический анализ веб-контента [Handa 2014].

Было выделено четыре группы акторов, характеризующихся по типу сетевой активности и специфике использования коммуникативных ресурсов (проектировщики коммуникационного пространства, манипуляторы, графоманы, локально-кластерные акторы). Распределение разных коммуникативных типов неодинаково для разных политических кластеров (см. Таблицу 2).

Проектировщики и манипуляторы более характерны для оппозиционного кластера.

«Проектировщики» наиболее активно пишут в оппозиционных и националистических группах, «локально-кластерные» авторы – в официально-государственных. (См. Таблицу 2).

Специфические коммуникации в виртуальных политических сообществах в Фейсбуке формируют своеобразные виртуальные идентичности, с четко детерминированным распределением функций, которое находит выражение в коммуникативном и речевом поведении, выборе коммуникативного веб-инструментария, речевых стратегий и тактик, мультимедийных риторических ресурсов.

Коммуникативное взаимодействие между различными кластерами носит конфликтный характер.

В работе были представлены результаты исследования конфликтного коммуникационного взаимодействия политически активных сообществ в русскоязычном сегменте сети Фейсбук.

---

² Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – С. 158.

Коммуникативная ситуация взаимодействия политически активных акторов официально-государственного, оппозиционного и националистического кластеров в русскоязычном сегменте социальной сети Фейсбук может быть определена как антидиалогическая, конфликтная. Участники общения рассматривают оппонентов не как суверенные личности с определённой политической и аксиологической парадигмой, а как объект политического противодействия. Отрицают возможность поиска общих базовых позиций и диалога. Для оправдания отказа от конструктивной коммуникации создается «образ врага», с которым невозможно и недостойно вступать в диалог и пытаться найти консенсус. Таким образом, нагнетается социальное напряжение, повышается градус общественной агрессии, подогревается взаимное недоверие и ненависть.

Уровень владения лингвостилистическими и коммуникативными ресурсами не зависит от принадлежности к определённому кластеру.

Исследование показало, что акторы в соответствии политическими предпочтениями, т.е. отнесением к официально-государственному, оппозиционному или националистическому кластеру не различаются коммуникативными особенностями digital-поведения. Между тем именно тип сетевой активности определяет специфику речевого и коммуникативного поведения актора. Поскольку проектировщики коммуникационного пространства наиболее активно пишут в оппозиционных и националистических группах, а графоманы – в официально-государственных, то именно это положение объясняет качество контента, эффективность воздействия и результаты коммуникативного противоборства к веб-среде.

Актуальной перспективой развития исследования является выявление соотношения онлайн и офлайн коммуникативной активности авторов, выделенных групп.

Гипотеза 4: «контент, связанный с 1917 г. используется только политически активными акторами с определёнными политическими предпочтениями» не подтвердилась. В исследованном материале (база данных, актуализированная в январе – мае 2014 г., 200 политически активных групп в социальной сети Фейсбук, 291 актор сети Фейсбук, выборка из ранее отобранных политических групп) контент, связанный с 1917 г., не представлен ни в одном из кластеров.

Литература

Градосельская Г.В. Группировка политически активных сообществ в Facebook методом зерновой кластеризации. – М.: НИУ ВШЭ, 2014. – С. 239 (рукопись).

Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Технология диалога в современном коммуникационном пространстве // Теория и история журналистики. – 2014. – № 6. – С. 42-54.

Дзялошинский И.М., Тюрюканова Е.В. Торговля людьми: СМИ как ресурс общественного противодействия современному рабству. – М.: ЗАО «СитиПресс-Сервис», 2008. – 368 с.

Пильгун М.А. Основные коммуникативные паттерны в русскоязычной сетевой среде // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 2(24). – С.166-176.

Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебник. – 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 351 с.

Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [Текст] / Н.И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – С. 158.

Blood, R. *Weblogs: A History and Perspective* [Электронный ресурс] // Rebecca Blood. – 2000. URL: http://www.rebeccablood.net/essays/weblog_history.html. (дата обращения: 18.01.2015).

Courtright J. A. *Observing and Analyzing Communication Behavior*. – New York, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Wien: Peter Lang, 2014. – 485 p.

Fuchs Ch. *Digital Labour and Karl Marx*. New York: Routledge. – 2014. – 408 p.

Garcia D., Sikström S. *The Dark Side of Facebook: Semantic Representations of Status Updates Predict the Dark Triad of Personality* //

Gorn E. *Russian LiveJournal: National specifics in the development of a virtual community* [Электронный ресурс] / E. Gorny. - 2004. URL: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-сyb/library/texts/en/gorny_rlј.pdf (дата обращения: 14.08.2015).

Hall J. A., Pennington N., Lueders A. *Impression management and formation on Facebook: A lens model approach* // *New Media & Society*. – 2014. – № 16. – P. 958-982.

Handa C. *The Multimmediated Rhetoric of the Internet: Digital Fusion*. London and New York: Routledge. – 2014. – 199 p.

Kruikemeier S., Noort G. van, Vliegenthart R., Vreese C. H de *Unraveling the effects of active and passive forms of political Internet use: Does it affect citizens' political involvement?* // *New Media & Society*. – 2014. – № 16. –P. 903-920.

Ledbetter A.M. and Mazer J. P. *Do online communication attitudes mitigate the association between Facebook use and relational interdependence? An extension of media multiplexity theory* // *New Media & Society*. – 2014. – № 16. –P. 806-822.

Lipschultz J.H. *Social Media Communication: Concepts, Practices, Data, Law and Ethics*. – New York and London: Routledge, 2014 – 268 p.

Miller D. *Tales from Facebook*. – Cambridge and Oxford, UK: Polity Edition, 2014. – 241 p.

Sauter T. *'What's on your mind?' Writing on Facebook as a tool for self-formation* // *New Media & Society*. – 2014. – № 16. – P. 823-839.

Tufekci Z. and Wilson C. *Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations From Tahrir Square* // *Journal of Communication* – 2012. – № 62 (2) – P. 363–379.

Verboord M. *The impact of peer-produced criticism on cultural evaluation: A multilevel analysis of discourse employment in online and offline film reviews* // *New Media & Society*. – 2014. – № 16. – P. 921-940.

Приложение

Таблица 1. Статистические характеристики типов сетевой активности

Название типа	доля типа, %
Проектировщики коммуникационного пространства	14,1%
Манипуляторы	20,3%
Графоманы	20,3%
Локально-кластерные авторы	45,4%

Таблица 2. Распределение акторов разного типа в разных политических кластерах.

Тип акторов по сетевой активности	Доля типа в кластерах		
	Официально-государственный	Националистический	Оппозиционный
Проектировщики коммуникационного пространства	8	25	31
Манипуляторы	7	13	14
Графоманы	35	16	17
Локально-кластерные авторы	50	46	38
Итого	100	100	100

Таблица 3. Статистические характеристики коммуникативного взаимодействия акторов различных типов сетевой активности.

Тип акторов по сетевой активности	Среднее количество сообществ	Среднее количество друзей
Проектировщики коммуникационного пространства	262,7	1575,0
Манипуляторы	222,9	1871,1
Графоманы	50,7	1747,1
Локально-кластерные авторы	83,4	1350,2

Таблица 4. Статистические характеристики коммуникативного взаимодействия акторов различных типов сетевой активности, принадлежащих разным кластерам

Тип акторов	Среднее количество сообщений в группах		
	Официально-государственный	Националистический	Оппозиционный
Проектировщики коммуникационного пространства	25,0	65,3	106,3
Манипуляторы	15,9	10,1	27,7
Графоманы	66,1	24,7	35,4
Локально-кластерные авторы	18,7	8,7	13,9

СООТНОШЕНИЕ РИТУАЛА И МИФА И МЕХАНИЗМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Для анализа соотношения мифа и ритуала и механизмов коммуникативного воздействия привлекается теория образа мира, сформулированная А.Н. Леонтьевым и его последователями. С опорой на леонтьевское противопоставление «образ—процесс» обосновывается положение о многоуровневости системы средств категориального «прощупывания» (моделирования) мира. Механизмы и стратегии воздействия на сознание анализируются на примере психотерапии как особого вида знаковой деятельности.

Ключевые слова: миф, ритуал, сознание, коммуникация, коммуникативное воздействие, образ мира, образ и процесс, психотерапия.

Ignatiy V. Zhuravlev, Julia V. Zhuravleva

THE RELATIONSHIP BETWEEN RITUAL AND MYTH AND THE MECHANISMS OF PERSUASIVE COMMUNICATION

The relationship between myth and ritual and the mechanisms of persuasive communication are analyzed by means of World Image theory formulated by A.N. Leontiev and his adherents. On the base of Leontiev's "image—process" opposition, we defend the idea of a multilevel system of world categorization (modeling). The mechanisms and strategies of persuasive communication are analyzed through the example of psychotherapy as a specific type of symbolic activity.

Keywords: myth, ritual, consciousness, communication, persuasive communication, world image, image and process, psychotherapy.

1. Проблема воздействия на сознание в современной науке

Механизмы, пути и способы воздействия на сознание изучается целым рядом научных дисциплин, включая *социальную психологию* и *психологию общения* (изучение технологий влияния и убеждения, «нейромаркетинг»), *лингвистику*, *психолингвистику*, *теорию коммуникации* (риторика, семиотика, анализ дискурса, прагматика речевого общения, исследования рекламной коммуникации, пропаганды, манипулирования сознанием), *социальную философию*, *философскую антропологию* (исследование феноменов идеологии, управления, власти), а также *клиническую психологию* и *психотерапию* (нейролингвистическое программирование, суггестия, гипноз) и др. Исследуются механизмы, способы, приемы формирования общественного сознания, механизмы формирования, трансляции и поддержания мифов (политических, рекламных, научных и т.д.). Изучаются различные аспекты формирования потребностей, программирования поведения, технологии манипуляции и убеждения, суггестии и контрсуггестии. Описаны различные эффекты группового поведения, такие как диффузия ответственности и эффект социального доказательства. Изучаются средства и механизмы вербального и невербального воздействия, предпринимается лингвистический анализ способов воздействия на сознание на различных уровнях (уровень слова, уровень предложения, уровень тек-

ста). Исследуются способы репрезентации доминирования в языке и коммуникации. Исследуются семиотические аспекты различных видов сообщений (рекламных, политических и др.). Изучаются различные аспекты влияния на индивидуальное сознание, включая приемы суггестии, нейролингвистического программирования, наведения транса, такие как создание и утилизация замешательства, рефрейминг, парадоксальные предписания и др.

Методологические сложности исследования механизмов воздействия на сознание обусловлены, во-первых, сосуществованием в современной науке различных (имеющих разные теоретические основания) концептуальных систем или фреймов, фиксирующих понятие сознания и задающих стратегии его описания, а во-вторых – сосуществованием столь же различных представлений о субъекте, объекте, инструментах, способах и целях воздействия (кто/что, на кого/на что, посредством чего, как и с какой целью воздействует?). Риторика, пропаганда, суггестия, пиар, манипулирование сознанием, доминирование – вот лишь несколько терминов, задающих «географию» проблемной области, именуемой воздействием на сознание [ван Дейк 2014; Данилова 2011; Медведева 2008; Субботина 2007 и мн. др.].

В традициях, сложившихся в отечественной психологии и психолингвистике (теория деятельности), разграничиваются понятия коммуникации и общения, а общение понимается как процесс регулирования внутреннего и внешнего поведения партнера с целью его вовлечения в сотрудничество в ходе совместной деятельности (деятельность детерминирует общение, общение организует деятельность). С этой точки зрения, различаются задачи по организации совместной деятельности (ориентирование в совместной деятельности, мотивирование сотрудничества) и задачи по организации общения (привлечение и удержание внимания, ориентирование партнера в себе и ориентировка в партнере) [Сорокин, Тарасов, Шахнарович 1979]. Следуя данной традиции, различные виды и механизмы воздействия на сознание можно описывать исходя из специфики решаемых субъектами общения задач. Возможно и уточнение списка самих задач, в частности – обсуждение задачи ориентации реципиента сообщения в самом себе.

Анализ процессов решения субъектами некоторых из указанных задач может проводиться с опорой на разрабатываемую нами *модель сознания как многоуровневой системы средств категориального «процупывания» мира*. Методологическим принципом, в соответствии с которым в рамках данной модели описываются структура сознания и механизмы воздействия на сознание, является сформулированный А.Н. Леонтьевым *принцип противоположности образа и процесса* («действительная противоположность» — это противоположность образа и процесса, безразлично внутреннего или внешнего, а не противоположность сознания и предметного мира).

2. Образ мира как система ожиданий

Согласно А.Н. Леонтьеву, «отражение мира в сознании нужно мыслить в *движении*, в процессе возникновения и разрешения противоречий. <...> Образ, обобщение и процесс связаны друг с другом не неподвижно, но *динамическими* отношениями. Их «совпадение» выступает лишь как *момент*, и они могут находиться в открытом противоречии друг с другом. Существует *инерция* образа. **Образ отстает от процесса.** <...> Принципиальное отношение «образ—процесс» остается одинаковым, на каком бы уровне развития мы его ни исследовали» [Леонтьев А.Н. 2003: 354-371]. Эта идея коренным образом отличает психологическую теорию дея-

тельности от других психологических теорий, восходящих в своей методологии к классической оппозиции внутреннего и внешнего, субъекта и объекта. «Онтологически первичен... не объектный мир и противопоставляемый ему субъект (картезианская точка зрения), а единый континуум, в котором субъект взаимодействует с миром объектов» [Леонтьев А.А. 2001: 262]. Но тогда и «...главное различие, лежавшее в основе классической картезианско-локковской психологии, — различие, с одной стороны, внешнего мира, мира протяжения, к которому относится и внешняя, телесная деятельность, а с другой — мира внутренних явлений и процессов сознания, — должно уступить свое место другому различению, с одной стороны — предметной реальности и ее идеализированных, превращенных форм <...>, с другой стороны — деятельности субъекта, включающей в себя как внешние, так и внутренние процессы» [Леонтьев А.Н. 1975: 99-100].

В теории, разработанной А.Н. Леонтьевым и представителями его школы, ключевой категорией является категория *образа мира*. Образ мира понимается как отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и поддающееся сознательной рефлексии. «Мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений... Человек не “номинарует” чувственные образы предметов — предметные значения суть компонент этих образов, то, что их цементирует для человека...» [Леонтьев А.А. 1997: 268-269]. Образ мира *первичен* по отношению к отдельным чувственным восприятиям: «...условием адекватности восприятия отдельного предмета является адекватное восприятие предметного мира в целом и отнесенности предмета к этому миру» [Зинченко 1983: 149]. Кроме того, образ мира *амодален*, т.к. по способу происхождения он соотносится не со стимулом, а с действиями субъекта в предметном мире [Зинченко 1983: 147]. Но если образ формируется в ходе деятельности (а на втором шаге и руководит ею), то и восприятие предстает как *активный процесс*, в ходе которого рецепирующая система *уподобляется* свойствам воздействующих на субъекта предметов. А.Н. Леонтьеву удалось экспериментально продемонстрировать, что уподобление процессов в рецепирующей системе свойствам предмета (в ходе его «пробования», «прощупывания») является общим механизмом восприятия: моторные звенья рецепирующей системы «не просто дополняют или усложняют конечный сенсорный эффект, но входят в число основных компонентов данной системы» [Леонтьев А.Н. 1959: 179]. Это положение, сформулированное полвека назад, подтверждается и современными когнитивными исследованиями, демонстрирующими активацию моторных систем мозга в ходе восприятия предмета: «...зрительный образ чашки есть только лишь предварительная форма действия, некий призыв к движениям руки, который... определяет ее функции и возможности для действия, которые она в себе заключает» [Риццоллати, Синигалья 2012: 56].

В связи с этим становится понятной наиболее глубокая характеристика образа мира — его *прогностическая направленность*. Образ мира представляет собой не столько отображение прошлого и настоящего, сколько отражение будущего, т.е. *систему ожиданий* и прогнозов человека, совершающего те или иные действия. В этой системе ожиданий можно выделять различные уровни или слои [Смирнов 1983: 152].

3. Объекты «особой плотности»

В известных психологических примерах слепой человек воспринимает не свою палку, а дорогу при помощи палки; хирург действует не со скальпелем, а с

раной посредством скальпеля; палка или скальпель выступают здесь как средства или «органы» восприятия, которые не объективируются до тех пор, пока служат для объективации чего-то другого. Представим теперь, что слепой уткнулся палкой в стену и перестал ей двигать: восприятие немедленно прекратится, и человек не сможет понять, что перед ним стена (аналогичным образом прекращается визуальное восприятие предмета, когда прекращаются микродвижения глаз). Чтобы воспринимать, необходимо осуществлять определенную «работу», необходимо в буквальном смысле *прощупывать* реальность. Но воспринимаемым содержанием оказывается при этом не движение наших «органов», не сама наша «работа», а объект, на который эта «работа» направлена. Форма объекта выступает как форма этой «работы» (форма деятельности) и, тем самым, «цементирует», упорядочивает ее (процесс «живет» в образе в снятом виде).

Здесь следует оговориться: беря слово «орган» в кавычках, мы имеем в виду не органы восприятия в физическом смысле, а ментальные конструкции или схемы разной степени сложности, которые можно трактовать как формы активности субъекта (так, в приведенном примере с палкой в руке слепого «органом» в точном смысле является сенсомоторная схема, т.е. схема возможных или ожидаемых движений, осуществляемых при помощи палки). Как говорил М.К. Мамардашвили, «...для того чтобы испытать, действительно пережить какое-то живое чувство или живое восприятие, человек должен иметь, получить или создать сам, сотворить какую-то конструкцию, которая является органом, или средством, для человека испытать неорганические восприятия и чувства, которые он не мог бы испытать в результате функционирования своих естественных природных устройств» [Мамардашвили 2008: 222]. Восприятие всегда опосредовано (лучше сказать — опосредствовано) активностью соответствующих «органов»; в случае человеческого, сознательного восприятия в качестве таких «органов» или средств выступают созданные и интериоризованные человеком конструкции, различные компоненты или слои его образа мира (т.е. его *системы ожиданий*) — сенсомоторные схемы, предметные и вербальные значения, повседневные и научные теории, мифы.

Процесс перцепции выглядит достаточно просто до тех пор, пока мы рассматриваем его как процесс уподобления средства восприятия (т.е. «органа») форме воспринимаемого объекта. Однако в некоторых ситуациях воспринимаемыми (объективируемыми) оказываются сами средства восприятия (если палка в руке слепого поведет себя непредсказуемым образом, она тут же превратится в воспринимаемый объект): для восприятия средства как объекта должны, опять-таки, задействоваться другие средства, форма которых будет подчиняться форме этого объекта-средства.

Конструкции, которые в одних случаях выступают как средства или «органы» восприятия, а в других — как воспринимаемые объекты, мы будем называть *объектами особой плотности*. Рассмотрим примеры.

По словам Р. Барта, наделять знак двусмысленностью — значит придать ему затрудняющую его восприятие плотность [Барт 1989: 63]. Именно плотность (знака или сообщения) побуждает воспринимающего к различным толкованиям, требуя от него *усилия интерпретации* (это описано как эффект *деавтоматизации* восприятия). Сообщение, оставляющее меня в недоумении, — это «такое сообщение, на которое я смотрю, соображая, как оно устроено» [Эко 2004: 100]. Эстетическое сообщение неоднозначно по отношению к той системе ожиданий, которая и есть код: «С того мига, как начинает разворачиваться игра чередующихся и наслаиваю-

щихся друг на друга интерпретаций, *произведение искусства побуждает нас переключать внимание на код и его возможности*» [Эко 2004: 118].

Современное искусство, если датировать его рождение приблизительно концом XIX века, характеризуется как раз появлением «двойных» произведений, повествующих одновременно и о себе, и о некотором содержании (это картины-объекты, тексты-объекты, фильмы-объекты и др.). Текст Пруста, Набокова или Джойса иммунизирован от исчезновения, от превращения в прозрачные очки, сквозь которые читатель следит за сюжетом: такой текст повествует о самом себе, он имеет «плотность», заставляющую читателя балансировать между восприятием текста как объекта и текста как содержания. Аналогично рассуждение М. Фуко о живописи Э. Мане: «Мане заново изобретает (а может быть, изобретает впервые?) картину-объект, картину как материальность, картину как нечто раскрашенное, то, что освещается внешним светом и перед чем или вокруг чего может ходить зритель. Изобретение картины-объекта, повторное введение материальности холста в изображаемое – это, мне кажется, самая суть грандиозной перемены, произведенной Мане в живописи...» [Фуко 2011: 23].

Эффект объективации средства демонстрируется и на примере восприятия мифа (в бартовском смысле). Мифическое сообщение всегда является неоднозначным, оно сродни окну, глядя в которое, можно воспринять либо стекло, либо пейзаж за стеклом: «...миф — это двойная система; в нем обнаруживается своего рода вездесущность: пункт прибытия смысла образует отправную точку мифа. ...значение мифа представляет собой некий непрерывно вращающийся турникет, чередование смысла означающего и его формы, языка-объекта и метаязыка, чистого означивания и чистой образности. Это чередование подхватывается концептом, который использует двойственность означающего, одновременно рассудочного и образного, производного и естественного» [Барт 1989: 88].

Подобная ситуация может быть прослежена и в ходе развития научного знания: «...всякое объективное знание служит людям дважды — сначала как объяснение окружающей реальной действительности, а затем в качестве средства, метода при решении тех или иных проблем. Фактически любая научная теория выполняет методологические функции, когда она используется за пределами ее собственного предмета, а научное знание в целом играет роль методологии по отношению к совокупной практической деятельности человека. <...> В развитии каждой науки наступает период, когда в ней система знания начинает “давать перебой”, перестает “работать” с прежней безотказностью. В системе знания обнаруживаются парадоксы. Их возникновение является первым сигналом к анализу самого знания, т.е. к методологическому анализу процесса получения знания» [Юдин 1978: 34-35].

Таким образом, средство объективируется, когда система ожиданий оказывается нарушенной: как слепой обращает внимание на палку, когда она начинает двигаться непредсказуемо, так и интерпретирующий сообщение обращает внимание на код, если интерпретация вызывает у него затруднения. Однако этот простейший, казалось бы, путь снятия противоречия требует «включения» еще двух сопряженных процессов. С одной стороны, чтобы «орган» воспринимался как объект, должна производиться определенная «работа», должен идти процесс, как бы покрываемый образом этого нового объекта. С другой стороны, сама объективация «органа» создает противоречие нового уровня, которое тоже требует своего снятия; объективация сама выступает как процесс, который требует фиксации, «цементиро-

вания» новыми средствами – например, противоречие на уровне визуального ряда может быть снято, разрешено словесной формулировкой. Таковы сложные взаимопереходы между *образом* и *процессом*, осуществляющиеся на *разных уровнях сознания* [Журавлев 2010].

Здесь снова уместно сослаться на М.К. Мамардашвили. В девятой лекции из его курса «Проблемы анализа сознания» (не опубликованной, но доступной в Интернете в виде аудиозаписи) присутствует принципиально важная формулировка: «В том, как функционирует и образуется сознание, есть одно очень странное и сложное для исследователя свойство – свойство структур сознания вступать между собой в такие взаимоотношения, что какие-то слои сознания тяготеют к тому, чтобы выразиться в терминах других, более высоких или просто других слоев сознания. А исследователь в конечном итоге, подходя к объекту исследования, в котором имплицированы сознательные акты, сталкивается именно с этим продуктом, в котором ему не дана ни последовательность этих слоев, ни сам факт вообще, что имеет место такое свойство сознательной жизни, а именно, что одни слои сознания или одни содержания сознания живут в других терминах, в других содержаниях сознания, таких, что вторые не суть действительность первых».

Итак, сознание может быть представлено как многоуровневая система средств или «органов» «ощупывания» мира, на каждом уровне которой вскрыть отношение «образ–процесс». Любое средство сознания выполняет организующую функцию по отношению к движению средств низшего уровня, выступая как форма такого движения. Например, научная теория формулируется на основе фактов, но в то же время задает для исследователя способ их обнаружения и «фильтрует» исключения. Аналогичным образом, вербальное значение является результатом превращения формы предметных отношений, но в то же время само служит для управления предметной деятельностью. Наконец, предметное значение строится на базе сенсомоторной активности (перевод движения в действие), но в то же время «снимает» ее – и потому человек воспринимает предмет (константно), а не активность своих органов восприятия. Форма активности, задаваемая тем или иным средством сознания, является *правилом*, которому подчиняется движение средств низшего уровня (как форма предмета, ощупываемого рукой, подчиняет себе движения руки).

4. Проблема соотношения мифа и ритуала и феномен двойственности сознания

Историко-генетический анализ вскрывает отношение преемственности между современными практиками воздействия на сознание (в частности, психотерапией) и предшествующими им архаическими техниками и ритуалами, в частности – обрядами инициации, техниками экстаза и ритуального лечения. В частности, сопоставление ритуалов перехода (инициации) и современных методов психологического воздействия (психотерапии) выявляет «удивительное формальное сходство, базирующееся на глубинном соответствии причин, целей, поведенческих и коммуникативных средств» [Тукаев 2007: 24].

Мы рассмотрим основные характеристики ритуального действия (на примере архаичных ритуалов), с тем чтобы в дальнейшем обратиться к современным практикам воздействия на сознание (на примере психотерапии) и попытаться вскрыть в них соотношение ритуальной и мифологической составляющей.

Наблюдателю, анализирующему архаические ритуалы, прежде всего бросается в глаза следующая их характеристика: кажется, будто, делая нечто одно, человек делает нечто другое (например, сжигая веревки с узелками, он избавляется от грехов). В этом и можно усмотреть суть ритуала: *ритуал — это совокупность действий, смысл которых не выводится напрямую из их структуры*. Смысл ритуального действия произволен, потому что одно и то же (с внешней стороны) действие, будучи включенным в разные ритуалы или же воспроизводимым представителями разных культур, будет и осмысливаться по-разному. В то же время смысл ритуального действия детерминируется культурой, т.е. его произвольность не абсолютна (смысл ритуального действия может подлежать реконструкции).

В ритуальных действиях, производимых здесь и сейчас, воспроизводится каждый раз нечто неизменное и к настоящему моменту не относящееся: то, что стороннему наблюдателю кажется цикличностью ритуала, изнутри является его вневременностью. В ритуале, действительно, происходит *устранение мирского времени* [Элиаде 1998]. Но если действие, когда бы оно ни совершалось, является актуализацией каждый раз одного и того же смысла, если оно воспроизводит некое идеальное событие, существующее как бы вне времени, то само это действие должно обладать устойчивой структурой, которая не должна трансформироваться от раза к разу — такая трансформация, если мы все-таки ее обнаружим, будет свидетельствовать о трансформации смысла. Трансформация смысла ритуала возможна тогда, когда ритуал только еще формируется (или усложняется), либо, наоборот, когда он умирает. Антропологами хорошо изучен процесс умирания ритуала, который можно наблюдать у современных первобытных обществ [Леви-Стросс 1999: 445-446]. Но подлинный ритуал должен быть неизменным. Здесь мы сталкиваемся со следующим парадоксом, который можно назвать *парадоксом времени ритуала*. С одной стороны, ритуал есть тогда, когда есть действие (или совокупность действий) с устойчивой структурой и устойчивым смыслом, и поэтому ритуал не может трансформироваться (существуя вне времени). С другой стороны, ритуал может рождаться, формироваться, претерпевать постепенный распад и, наконец, умирать (существуя во времени). Парадокс этот разрешается именно как парадокс времени. Действие является ритуальным в момент, когда оно воспроизводит идеальное вневременное событие, и, стало быть, ритуал не трансформируется. То, что подлежит трансформации, — это уже не ритуал, или, по крайней мере, это уже другой ритуал, который также не должен трансформироваться. Отсюда также следует, что *идеальным событием, воспроизводимым в ритуале, является только такое событие, для которого уже сформирована цепочка повторений*. Или — скажем более жестко: *событие, воспроизводимое в ритуале, появляется сразу как свое собственное повторение*. Здесь мы попутно избавляемся от необходимости искать в истории культуры *реальные* события, которые были ритуализованы. Их можно иногда найти, глядя на ритуал извне, но не при феноменологическом его анализе, исключаящем, как мы убедились, фактор времени. Однако именно такой анализ позволяет нам увидеть персеверативную тенденцию в действии, наблюдаемом здесь и сейчас, даже если нам ничего не известно о том, совершалось ли оно когда-либо ранее... Ср.: «Объект и событие такого рода, т.е. существующие вне времени (которые, как казалось бы, имеют какой-то реальный аналог, но в действительности вовсе к нему не относятся, а являются чем-то другим), в принципе иначе анализируются. И сам факт наблюдения, восприятия людьми реального события должен анализироваться, таким об-

разом, совершенно иначе, нежели тот же факт, но ставший “мировым событием” и долженствующий быть соотнесенным, как таковой, уже с жизнью сознания. Можно утверждать, что материал мифов составляет из мировых событий (выступающих как мифемы)» [Мамардашвили, Пятигорский 2011: 50].

Для архаических обществ характерна весьма строгая система правил и запретов, касающаяся самых разных ситуаций и вещей: каких животных и когда можно употреблять в пищу, по каким тропинкам можно ходить, с кем и как здороваться, с кем можно вступать в брак и т.д. [Фрейд 2008]. Такая регламентация пронизывает все аспекты деятельности представителя традиционной культуры, причем сознательной эта деятельность является в той мере, в какой каждое действие соотносится с правилом или запретом, закрепленным традицией (феномен сознания, с этой точки зрения, и состоит первоначально в расщепленности или удвоенности действия, выполняемого здесь и сейчас, на актуальный и представляемый компоненты; значительно позже эти компоненты разводятся и обретают относительную независимость, закрепляясь в форме предметных и вербальных значений).

Итак, первоначально сознательное действие — это не произвольный акт, а вынужденное следование правилу, столкновение с необходимостью или запретом; осознать нечто — значит осознать недопустимость того, чтобы было иначе (объективация через запрет). «При комплексном рассмотрении поведения человека архаической стадии развития общества поражает следующий факт: дела людей, равно как и предметы окружающего их мира, *не имеют собственной реальной значимости*. Предмет или действие приобретают *значимость* и, следовательно, становятся *реальными*, потому что они тем или иным образом причастны к реальности трансцендентной. <...> Подобная тенденция может показаться парадоксальной, в том смысле, что человек на архаической стадии развития осознавал себя реально существующим лишь тогда, когда переставал быть самим собой (с позиций современного наблюдателя) и довольствовался тем, что *воспроизводил* или повторял поступки *другого*» [Элиаде 1998]. Быть в сознании — значит действовать так, как предписано культурой, т.е. *действовать как другой*. Лишь в ходе длительного развития обретаем мы способность *не замечать* эту фундаментальную природу сознательного действия, *присваивать* не только действие *другого*, но и сам факт такого присвоения, наделять это действие *чувством авторства* и относить его к себе.

Сказанное позволяет рассматривать в качестве конститутивной характеристики сознания его *фундаментальную двойственность*: сознательное действие всегда является как бы собственным повторением; оно является автоматизированным и в то же время произвольным; оно совершается по предписанию как действие *другого* и в то же время расценивается субъектом как *свое собственное*.

Именно с двойственностью сознательных явлений, по-видимому, связана давно обсуждаемая в гуманитарных науках проблема соотношения ритуала и мифа. Современные исследователи предлагают различные способы решения этой проблемы. В частности, можно говорить, что ритуальная практика служит для поддержания жизни мифа, либо, напротив, можно рассматривать миф как форму (символическую, пространственно-временную), служащую для обоснования ритуальных практик [Кирилленко 2013]. Особое внимание современная наука уделяет механизмам производства и трансляции современных мифов, а также функционированию ритуала в медиапространстве [Черных 2013].

Нам представляется перспективным исследовать соотношение ритуала и мифа с опорой на методологию исследований сознания, сформировавшуюся в русле психологической теории деятельности. В данном контексте существенное значение имеет уже упоминавшаяся идея А.Н. Леонтьева о противоположности образа и процесса, сформулированная им как альтернатива по отношению к классическому противопоставлению сознания и физического мира. С точки зрения данной идеи возможно анализировать технологии воздействия на сознание, используемые в политике, рекламе и многих других сферах деятельности. В частности, она проливает свет на механизмы формирования, трансляции и самоподдержания мифа, а также позволяет описать различные эффекты коммуникативного воздействия (такие, как разрушение системы ожиданий субъекта, воспринимающего сообщение).

Принципиальная осуществимость *взаимопереходов* между образом и процессом и *снятия* процесса в образе (или «жизни» одних слоев сознания в других) допускает возможность трансляции реципиенту сообщений одновременно или поочередно на разных уровнях (например, предметном, вербальном), а также одновременно на уровне процесса (запуск поисковой активности) и образа (снабжение «готовой» интерпретацией). О существовании подобных механизмов говорил создатель знаменитой теории “double bind” Г. Бейтсон, разграничивший в сообщении уровни коммуникации и метакоммуникации [Бейтсон 2005]. Данным аргументам созвучна и «верификационная» теория внушения А.М. Свядоца, согласно которой в ходе внушения информация вводится двояким образом: основная (семантическая) информация, например, указание: «Руке не больно», подкрепляется добавочной (верифицирующей) информацией, передаваемой в форме интонации, мимики и т.д. [Свядоц 1982: 206].

5. Психотерапия как знаковая деятельность и как техника воздействия на сознание

Проблему соотношения мифа и ритуала можно попытаться раскрыть на примере психотерапии как особого вида знаковой деятельности и специфической практики коммуникативного воздействия.

Существуют различные определения психотерапии и разные трактовки сущности психотерапевтического процесса. В частности, под психотерапией можно понимать особое воздействие на психику (а через психику — на организм человека), осуществляемое «психологическими» средствами (вербальными и невербальными). Однако такое понимание объекта и средств воздействия неприемлемо для научных направлений, «элиминирующих» психику (внутреннее, субъективное) из сферы рассмотрения (рефлексология, классический бихевиоризм, оперантный бихевиоризм). В этом случае предпочитают говорить об условно-рефлекторной терапии, научении, коррекции поведения. Психотерапию можно определять как «лечение информацией» [Свядоц 1982: 199]. Этот подход, хотя бы внешне, сглаживает противоречие между подходами, ориентированными на поведение, и подходами, ориентированными на внутренний, субъективный мир человека, поскольку в качестве информации можно трактовать и раздражитель-стимул, и речевое сообщение, и различные виды знаков. Однако противоречие не снимается полностью, и термин «информация» в силу его многозначности оказывается избыточным, а по ряду причин (прежде всего обусловленных принадлежностью его к концептуальному полю когнитивных наук) — неприемлемым для исследований, выполняемых в русле теории речевой деятельности.

В данной работе мы будем придерживаться понимания психотерапии как особого вида воздействия на сознание человека в терапевтических целях. Учитывая роль механизмов знакового опосредования в функционировании сознания, мы можем рассматривать психотерапию как особый вид знаковой деятельности. Анализ семиотической составляющей психотерапевтического процесса посвящен целый ряд работ, начиная, по-видимому, с книги М. Бахтина (В.Н. Волошинова) «Фрейдизм». Современные исследователи обосновывают тезис об обязательной семиотической составляющей любого психотерапевтического процесса, обеспечивающей вклад в его эффективность [Тхостов 2006].

Любая сознательная деятельность является, хотя бы отчасти, деятельностью знаковой, т.е. задействует механизмы знакового опосредования. Это положение можно обосновать как минимум тем, что предмет, с которым действует человек, всегда дан ему в означенной форме, в форме предметного значения (предмет для человека выступает как знак самого себя). Это положение также обосновывается и самой функцией знаков в человеческой деятельности — прежде всего функцией ее контроля и организации. Но сознательная деятельность не сводится только к знаковой, ибо ее предметом исходно не является сам знак. В той мере, в какой психотерапия является сознательной деятельностью (добавим: совместной деятельностью терапевта и клиента), она также связана с механизмами знакового опосредования. Сразу подчеркнем, что она опосредуется не только вербальными, но и другими видами значений (предметными, ролевыми).

Однако психотерапию можно рассматривать как особенный вид знаковой деятельности, обладающий своей качественной спецификой. По сути, психотерапия есть деятельность, направленная на перестройку сознания человека, на перестройку не только системы значений, составляющих структуру сознания, но и самих механизмов означивания, определяющих динамику или жизнь сознания. Разумеется, в разных видах психотерапии эта ее специфика проявляется по-разному: где-то она очевидна, где-то она практически скрыта от исследовательского взгляда. Для примера можно рассмотреть прием рефрейминга или реструктурирования, используемый в эриксоновском гипнозе, НЛП, стратегической терапии. Человек обладает каким-либо качеством, от которого в данной жизненной ситуации страдает, однако выясняется, что в каких-либо других ситуациях оно могло бы, напротив, послужить ему во благо (контекстный рефрейминг); мы страдаем от крушения надежды, а потом обнаруживаем, что нам «не очень-то и хотелось» иметь то, что мы потеряли, что виноград (как в басне) вовсе не такой привлекательный, каким казался (смысловой рефрейминг). В этих случаях человек, фактически, реструктурирует форму своего взгляда на мир или на самого себя. Несколько сложнее обстоят дела в психоанализе, семиотическая подоплека которого была раскрыта благодаря М.М. Бахтину (В.Н. Волошинову) и в особенности Ж. Лакану. Терапевт, как иногда говорят, занимается «именованием бессознательного», он стремится переозначить симптомы (например, раскрыть смысл конверсионного паралича) или же вообще сконструировать для клиента (и вместе с ним) новую систему значений, которая не только оформит болезненную симптоматику, но и трансформирует ее. И даже в самых «невербальных» практиках, таких как телесно-ориентированная терапия, задействуются механизмы знакового опосредования. Ибо само тело, сами телесные ощущения могут быть даны человеку (представлены его сознанию) исключительно в знаковой форме.

Поскольку процесс психотерапии основывается на коммуникации терапевта и клиента, он подвержен влиянию целого ряда факторов, включающих особенности и стиль мышления терапевта и клиента, их системы ожиданий, а также мифы, сформированные в их сознании и формирующиеся в ходе терапии.

Можно утверждать, что процесс психотерапии практически всегда ритуализован и мифологизирован, и в этом смысле психотерапия близка к различным традиционным методикам лечебного воздействия (вспомним известное сопоставление психотерапии с магией [Бэндлер, Гриндер 2008]). Методики психотерапии зачастую производят впечатление целостных ритуалов, что позволяет проводить сопоставление между ранними архаическими формами терапии (такими, как камлания шамана, ритуальная лечебная практика примитивных земледельцев и знахарская заговорная терапия) и современными способами психотерапевтического воздействия [Тукаев 2007: 22; Lawtence 1910]. На психотерапию можно смотреть не только как на особый вид ритуальной практики, но и как на способ функционирования и трансляции определённого мифа. Знаменитые психотерапевты всегда окружены ореолом мифа, который закономерным образом увеличивает эффективность их работы (высокая стоимость лечения, длинный лист ожидания, информация об уникальных случаях исцеления — всё это не только содействует отбору определённой категории клиентов, «удобных» именно для данного терапевта, но и создаёт установку на излечение, которая будет действовать в дополнение к самим процедурам и техникам, применяемым в ходе психотерапии).

В то же время психотерапия в целом направлена на достижение клиентом более зрелого, более объективного взгляда на мир. В этом заключается глубинная двойственность психотерапевтической практики: она одновременно является мифологизацией и демифологизацией, она создает и поддерживает терапевтический миф (как систему ожиданий и убеждений клиента, хотя бы отчасти недоступную для его рефлексии), но разрушает дисфункциональные убеждения и установки, развенчивает повседневные «мифы» клиента [Журавлева 2015].

Парадокс состоит в том, что, хотя понимание клиентом сути процесса может в отдельных случаях как способствовать, так и препятствовать достижению эффекта терапии, даже разрушение мифа может выступить как способ поддержания его жизни и трансляции его на новом уровне. При работе в основном на вербально-логическом уровне (интерпретации в психоанализе, разрушение дисфункциональных установок в когнитивной терапии) клиент постепенно усваивает и некоторую систему знаний, т.е. раскрытие сути процесса не разрушает, а формирует и поддерживает терапевтический миф. При работе в основном на бессознательном уровне (например, при гипносуггестивной терапии) на этом же уровне транслируется и миф, и раскрытие сути процесса (объяснение клиенту механизма воздействия) способно этот миф разрушить — однако в некоторых случаях рассказ клиенту об этапах погружения в транс сам оказывается успешным способом наведения трансa. Таким образом, психотерапию можно рассматривать как сложный процесс работы с сознанием и мышлением человека, учитывающий его мифы и установки.

6. Механизмы коммуникативного воздействия

Если трактовать образ мира как систему ожиданий, то способы коммуникативного воздействия могут быть сведены к следующим вариантам: 1) подстройка под существующую систему ожиданий; 2) поломка существующей системы ожиданий и формирование *неопределенности*, требующей снятия, фиксации новыми

средствами; 3) формирование новой системы ожиданий. По-видимому, эти варианты могут (и должны) совмещаться друг с другом.

Подстройка под существующую систему ожиданий ради достижения определенного эффекта демонстрируется целым рядом ситуаций. Когда нам протягивают руку для рукопожатия, мы следуем устойчивому стереотипу и протягиваем руку в ответ; в своих актуальных движениях мы движемся по «силовым линиям» традиций, этикета, культуры, языка. Простого употребления союза «потому что» иногда достаточно, чтобы воспринимающий сообщение расценил его как истинное или повел себя так, как от него требуют (известный эксперимент Э. Лангер) [Langer, Blank, Charnowitz 1978].

Эффект разрушения системы ожиданий демонстрируется на примере индейцев бороро, которых пытались обратить в христианство приехавшие в Южную Америку миссионеры. Эти индейцы из века в век строили свои поселения в соответствии со строгими правилами; в центре они располагали большой мужской дом для специальных обрядов, а по окружности выстраивали семейные хижины, соединенные с центральным домом системой тропинок. Выяснилось, что обратить индейцев бороро в христианство значительно проще, если предварительно заставить их отказаться от традиционного типа поселения и, к примеру, поставить хижины вдоль берега реки [Леви-Стросс 1999: 278-279].

В психотерапии аналогичные ситуации описаны как ситуации создания и утилизации замешательства (например, наведение транса прерванным рукопожатием). Нарушение стереотипа создает состояние неопределенности, которого обычно человек стремится избегать. Поэтому, испытывая неопределенность, люди часто готовы воспользоваться первым представившимся способом ее уменьшить (например, поддаться внушению и погрузиться в транс) [Гиллиген 2011: 293].

Один из механизмов действия рекламы может заключаться в создании «плавающей» конструкции на предметном уровне, которая требует прояснения на уровне вербальном. Так «подпитывается» рекламный миф: надо создать неоднозначность, чтобы ее снять («нужным» образом), или, наоборот, нужно так снять неоднозначность, чтобы тем самым ее сохранить (формирование потребности в мифе).

Поломка в системе ожиданий, приводящая к деавтоматизации восприятия, может быть использована как способ привлечения внимания к носителю информации, и вторично — к транслируемому содержанию. Рекламный ролик обычно поражает нас тем, как он устроен; мы обращаем внимание на особенности видеоряда и часто вспоминаем не то, *что* нам «хотели» сказать или показать, а то, *как* это было предьявлено.

Эффект формирования системы ожиданий также легко продемонстрировать на примере психотерапии: человек, будучи «снабжен» наименованиями и когнитивными конструкциями, вынужден ожидать от себя соответствующих этим конструкциям и наименованиям изменений, ощущений, поступков и т.п. (на этом же механизме основан плацебо-эффект). Аналогичным образом может действовать рекламное сообщение: сначала формируется система ожиданий (закрепляемых прежде всего на вербальном уровне), а затем под нее подводится некоторая «вторичная» предметность (в виде товара). Напомним, что форма активности, задаваемая средством сознания любого уровня, выполняет роль правила, которому подчиняется движение средств низшего уровня: рекламные, политические, научные

мифы (как вторичные семиотические системы, по Р. Барту) служат для организации предметной деятельности, быта, повседневных ритуалов — так же, как система предметных значений служит для организации сенсомоторики. Формы движения «спрятаны» в предметах так же, как формы предметных действий «спрятаны» в вербальных конструкциях.

Заключение

Мы рассмотрели проблему соотношения мифа и ритуала и проблему коммуникативного воздействия, включив их в контекст методологических и общетеоретических исследований, предпринимаемых в современных науках о сознании (философии, психологии, психолингвистике). Особое внимание мы уделили современным представлениям о функционировании сознания, а также многоуровневой модели сознания, позволяющей описывать анализировать различные средства и приемы коммуникативного воздействия. Мы полагаем, что сформулированная А.Н. Леонтьевым идея о противоположности образа и процесса, как и в целом теория образа мира, на которой мы основываемся, обладает огромным методологическим потенциалом и может служить фундаментом для дальнейшего развития научных представлений о строении и функционировании сознания.

Литература

- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
- Бейтсон Г.* Шаги в направлении экологии разума. Психиатрия. Избранные статьи. М., 2005.
- Бэндлер Р., Гриндер Дж.* Структура магии. Т. I и II. — СПб. Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008.
- ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.
- Гиллиген С.* Терапевтические трансы. — М.: Психотерапия, 2011. — 448 с.
- Данилова А.А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации. — М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2011.
- Журавлев И.В.* Органы сознания и механизм объективации // Вопросы психолингвистики. — 2010. — №2(12). — С. 141-150.
- Журавлева Ю.В.* Мифологическое мышление и процесс психотерапии // Актуальные проблемы гуманитарных наук в работах молодых исследователей. — М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2015. — С. 130-135.
- Зинченко В.П.* От генезиса ощущений к образу мира // А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева). — М.: Издательство Московского университета, 1983. — С. 140-149.
- Кириленко Ю.Н.* Проблема соотношения категорий мифа и ритуала в рамках современного лингвофилософского подхода к истолкованию ритуального действия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2013. — №10 (36): в 2 ч. Часть I. — С. 93-96.
- Леви-Стросс К.* Печальные тропики. — М.: АСТ, 1999. — 576 с.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум. — М.: Смысл, 2001. — 392 с.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1997. — 287 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Издательство АПН РСФСР, 1959. – 496 с.

Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. – М.: Смысл, 2003. – 439 с.

Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики (Вильнюсские лекции по социальной философии). – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 304 с.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – СПб.: Азбука, 2011.

Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 208 с.

Святоц А.М. Неврозы. – М.: Медицина, 1982.

Смирнов С.Д. Понятие «образ мира» и его значение для психологии познавательных процессов // А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева). М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 149-155.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М.: Наука, 1979.

Субботина Н.Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. – М.: КомКнига, 2007.

Тукаев Р.Д. Психотерапия: теории, структуры, механизмы. – М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2007.

Тхостов А.Ш. Психотерапевт и его магия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Т.3. №1. – С. 103-109.

Фрейд З. Тотем и табу. – М.: АСТ, 2008.

Фуко М. Живопись Мане. – СПб.: Владимир Даль, 2011. – 232 с.

Черных А.И. Медиа и ритуалы. – М.: Университетская книга, 2013.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: «Симпозиум», 2004. – 544 с.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – СПб.: Алетейя, 1998.

Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. – М.: Наука, 1978. – 391 с.

Langer E., Blank A., Chanowitz B. The mindlessness of ostensibly thoughtful action // Journal of Personality and Social Psychology. 1978. – Vol. 36. – P. 635-642.

Lawrence R.M. Primitive psycho-therapy and quackery. – Boston and New York: Houghton Mifflin, 1910.

О.А. Карамалак

УДК 81'23

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЗДРАВЛЕНИЙ
С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «FACEBOOK»
НА РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКАХ**

В статье анализируются поздравления с днем рождения в социальной сети «Facebook» с позиции экологической парадигмы в языке, в центре внимания которой – природа и функция языка как способа организации живой системы (общества) и его роль в развитии мышления, психики, сознания. Согласно данной парадигме язык – это действие, направленное на получение результатов в будущем в рамках взаимодействия *организм – среда*. При изучении поздравлений с днем рождения в «Facebook» учитываются особенности ниши электронного дискурса. Автор выделяет отличительные психолингвистические особенности вербальных поздравлений в хронологической ленте событий, носящие также лингвокультурологический характер, на примере русско-, немецко-, франко- и англоговорящих пользователей социальной сети с точки зрения холистического и аналитического типов мышления.

Ключевые слова: экология языка, «Facebook», поздравления с днем рождения, холизм, аналитизм.

Olga A. Karamalak

**PSYCHOLINGUISTIC FEATURES OF BIRTHDAY GREETINGS IN
THE SOCIAL NET “FACEBOOK” BY RUSSIAN, ENGLISH, GERMAN, AND
FRENCH SPEAKERS**

The article analyses birthday greetings in the social net “Facebook” from ecological language perspective with the focus on the nature and function of language as a means of living system (society) organization and its role in the development of thinking, psyche, and consciousness. According to this approach language is a result-oriented action within the framework «organism – environment». The analysis of greetings highlights the specific features of e-discourse niche. The author singles out different psycholinguistic and cultural aspects of verbal greetings in the timeline by Russian, English, German, French users of the social net in terms of holistic and analytical types of critical thinking.

Keywords: ecology of language, “Facebook”, birthday greetings, holism, analytism.

Размещение поздравлений с днем рождения на стене друзей в сети «Facebook» – это языковое действие, направленное в будущее и обладающее ориентирующей функцией. Она проявляется во влиянии поздравления на именинника, т.е. в том, что человек, получивший поздравление, должен испытать удовольствие от того, что ему уделили внимание, его поздравили. Удовольствие же является базовой психофизиологической потребностью человека.

В рамках теории об экологии языка [Кравченко 2014] и распределенном характере языковой деятельности [Cowley 2011] уточним прагматический аспект поздравлений с днем рождения в хронологической ленте событий социальной сети «Facebook» и влияние интернет-среды указанной выше сети на формат поздравлений; проанализируем отличительные черты постов русско-, английско-, немецко- и франкоговорящих пользователей и определим, какую информацию можно получить о том или ином народе (от личности к социуму), изучив некоторые аспекты речевой деятельности в «Facebook». Исследуя речевое поведение в социальной сети как процесс или действие, направленные на изменение психофизиологического состояния реципиента, можно выделить черты менталитета, влияющие на восприятие события, а также определить способы выражения поздравления как феномена психики говорящего, включенного в тот или иной пласт социокультурного пространства.

Сообщения индексальны, так как они контекстуализированы потоком чувственно данных явлений. Интернет-сообщения в ленте новостей направлены «в мир», они становятся «распределенными», общими, глобальными, все пользователи социальной сети могут видеть и читать их. Важно подчеркнуть, что необходимо учитывать каузальное влияние как новой созданной ниши (социальной сети в Интернете), так и людей – пользователей социальной сети, которые совершают действия в рамках данной среды. В результате формируются своеобразные знаковые системы с использованием графических, вербальных и паравербальных средств.

Рассматриваемая в статье среда социальной сети «Facebook» является своеобразной нишей электронного интернет-дискурса. Под нишей мы понимаем, вслед за У. Матураной, область взаимодействий. Живые системы суть единства взаимодействий, и существуют они в том или ином окружении. С чисто биологической точки зрения, их нельзя понять независимо от той части окружения, с которой они взаимодействуют, т.е. независимо от ниши [Матурана 2001]. Таким образом, при изучении языка социальной сети «Facebook» появляется необходимость учитывать факторы ниши электронного дискурса именно этой сети. Тем, кто анализирует социальные сети, являясь тем самым наблюдателем, ниша кажется частью окружающей среды, для участников же социальной сети ниша представляет собой всю область их взаимодействий, и в этом качестве она не может быть частью окружающей среды, которая принадлежит исключительно когнитивной области наблюдателя.

Нам представляется возможным анализировать языковые или вербальные знаки, в данном случае поздравления с днем рождения, в социальной сети «Facebook» с позиции наблюдателя, рассматривая их во взаимосвязи электронной среды и пользователей социальной сети.

Важно отметить, что каждая социальная сеть имеет свои ограничения и расширения возможностей, в данном случае для поздравлений, поэтому полагаем, что необходимо рассматривать специфику восприятия праздника дня рождения и различия в поздравлениях представителями разных стран в рамках одной социальной сети. «Facebook» была выбрана как единая социальная сеть, своего рода нулевая точка отсчета для психолингвистического и лингвокультурологического анализа, так как она наиболее распространена в Америке и Европе, кроме того, среди ее пользователей также есть русскоязычные, хотя среди последних более популярна сеть «ВКонтакте». Поздравления в «ВКонтакте» часто осуществляются с помощью

аудио, видео и графических заготовок (например, открыток), тогда как в «Facebook» пользователи чаще оставляют личные поздравления и пожелания (возможно, в связи с ограниченностью возможностей использования дополнительных опций). Очевидно, что чем больше опций предоставляется, тем больше и разнообразнее их использование для достижения одного и того же результата (в рассматриваемом случае поздравления), что можно объяснить стремлением к распространности или расширению когниции.

Интернет-пространство (интернет-среда), или новая виртуальная индексальная ниша, «Facebook» представляет собой часть обыденного сознания. Поздравления часто носят личный характер, т.е. представляют собой не заимствованные клише, заготовленные заранее, а написанные лично в течение дня короткие поздравления, отражающие культурные особенности людей, говорящих на разных языках. Однако значительная их часть – это стандартные фразы, и лишь малая часть креативна и отражает субъективный опыт взаимодействия с именинником или его оценку.

Определим, что характерно для ниши «Facebook». Пост в ленте событий носит редуцированный характер. Склонность к аббревиации и сокращению слов в интернет-среде является отражением общей тенденции к экономии речевых усилий. В социальной сети сформирован особый речевой жанр, выполняющий функцию краткого «заголовочного» обозначения важной для пользователя информации [Марченко 2013]. Данная особенность проявляется и в поздравлениях, например: «OMG (Oh My God), Happy B day (Happy Birthday), Happy birthday cuz (Happy birthday cousin), HB (Happy Birthday), HBD (Happy Birthday)» (поздравления англоговорящих американцев); «С днюхой (С днем рождения), др (день рождения)» (поздравления русскоговорящих); «Joyeux anniv (Joyeux anniversaire), bon annive (bon anniversaire), bonne annif (bon anniversaire)» (поздравления франкоговорящих).

Отметим, что, по нашим данным, в поздравлениях на немецком языке отсутствуют аббревиатуры. Это объясняется ценностным ориентиром на данное событие: сокращение слов может восприниматься как недостаточное уважение, тогда как в некоторых других культурах это считается нормой. В русскоязычных поздравлениях такие сокращения, как было отмечено выше, присутствуют, но достаточно редко.

Редукционный характер поздравлений с днем рождения проявляется в краткой (номинативной) форме, где в основном преобладают такие поздравления, как «С Днем Рождения», «Happy Birthday», «Bon anniversaire», «Alles Gutte» (где последнее выполняет двойную функцию – поздравления с днем рождения и пожелания всего наилучшего). Это можно объяснить быстрым темпом жизни, недостаточностью времени, большим количеством «друзей» в социальной сети и тем фактом, что «друзья» в «Facebook» – это не обязательно близкие друзья, а иногда и мало знакомые и даже почти не общающиеся люди (друзья друзей и т.д.).

В основном для поздравлений с днем рождения в «Facebook» характерно стремление к простоте (затрата наименьшего количества усилий), шаблонности и обыденности выражений. Когнитивные усилия и поиск креативного вербального решения поздравления осуществляется только тогда, когда именинник «дорог» поздравителю. Имея сотни, порой тысячи «друзей» невозможно ежедневно придумывать оригинальные поздравления.

Слияние и взаимодействие устной/разговорной и письменной/книжной речи привели к формированию спонтанной письменной речи социальных сетей, которая проявляется на разных уровнях: графическом, лексическом, грамматическом. Наблюдается тенденция к передаче звучащей устной речи и тенденция к усложнению знака, формируется новый вариант письменной речи – спонтанной письменной речи [Марченко 2013].

Помимо «смайликов» для компенсации тембра и акцентирования части высказывания в виртуальном общении используется так называемый «капслок» (от английского «Caps Lock» – блокировка верхнего регистра клавиатуры; написание фразы или ее части заглавными буквами), который в сети трактуется как повышение голоса или акцентирование внимания. Большое количество восклицательных знаков также свидетельствует о важности написанного.

HNAAPPPPYU VBIIRRTTHHDDAAYU, AAMMAANNDAA!!!! Have a BLESSED DAY!!!

С Днём Рождения!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Ниша языковых взаимодействий в социальной сети «Facebook» культурно обусловлена. Согласно мнению Ю.И. Александрова, научение и формирование индивидуального опыта культурно и генетически детерминированы. Люди не только говорят на разных языках, но и мыслят по-разному для достижения одного результата: при этом психофизиологи регистрируют у них разную активность и даже некоторые различия в морфологии мозга [Александров 2013].

А.Р. Лурия, Л.С. Выготский и их последователи отмечают огромное влияние культуры на формирование субъективного опыта. Ю.И. Александров уделяет особое внимание теории ген-культурной ко-эволюции. Расширенная теория эволюции включает средовую или экологическую наследуемость наряду с генетической. Человек создает особую среду, и на генетический пул влияет не просто физическая среда, а та среда, которую создал данный геном. Ниша влияет на отбор соответствующих пулов, пулы конструируют и реконструируют нишу, и эта реконструируемая ниша благоприятствует соответствующим пулам [Александров 2014: 25]. Следовательно, культурный аспект наряду с физической средой «Facebook» является одним из определяющих факторов речевой деятельности в социальной сети.

Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, особенности мышления человека определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является. Ментальные представления, в свою очередь, могут изменяться под воздействием языковых и культурных систем [Worf 1956]. Менталитет разных народов может «заставить» людей разных национальностей воспринимать по-разному одни и те же вещи. З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что «национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации» [Попова 2007: 59]. Таким образом, всё культурно зависимо, а разные языки – это разные способы видения мира, которые детерминируют восприятие мира.

Как отмечает В.И. Карасик, «язык – это один из ключей к культуре общества и внутреннему миру человека» [Карасик 2009: 5]. Автор отмечает, что «человеческое поведение обусловлено ценностями культуры, ситуативными обстоятельствами и личным опытом индивидуума, поэтому коммуникативные поступки и пережи-

ваемое знание о мире можно объяснить с учетом этой триады – культура, ситуация, индивидуальное сознание» [Карасик 2009: 6].

Рассмотрим культурно детерминированные различия вербальных поздравлений с днем рождения американцев, русских, французов и немцев на фактическом материале, полученном методом сплошной выборки из социальной сети «Facebook». Всего в рамках данной статьи было проанализировано 680 единиц (поздравлений) на четырех указанных выше языках.

В цели данной работы не входит подробное изучение жанра поздравления, однако отметим, что жанр поздравлений с днем рождения устойчив и представляет собой своеобразный прототип (типовую модель) в сознании носителей языка набора правил и формул речевого поведения. Эти языковые или семиотические модели, которые формируются в определенной культурной среде и передаются из поколения в поколение, дают некоторое представление о том, как люди той или иной культуры мыслят и ведут себя.

Н.В. Дудкина [2011] сравнивает речевой жанр «поздравление» в русской и американской лингвокультурах и приходит к выводу о том, что, во-первых, русские поздравления тяготеют к общим поводам, американские поздравления – к персональным поводам. Однако данный вывод, на наш взгляд, скорее, свидетельствует о том, что языковые формы русских поздравлений носят более обобщенный характер и могут быть применимы к различным поводам в связи с большим количеством праздников; другими словами, они генерализированы или унифицированы, хотя повод, естественно, конкретен в ситуации общения и персонален. Невозможно представить поздравление без повода. Следовательно, трудно согласиться с данной формулировкой автора.

В разных культурах могут быть разные поводы для поздравлений в связи с тем, что у нас не только разные праздники, но и с тем, что мы по-разному концептуализируем и категоризируем этот мир, но повод, в равной степени как и адресат и адресант поздравления, – неотъемлемые части данного типа дискурса.

Социальная сеть «Facebook» используется как среда для создания расширенной, более разнообразной экологии языка с определенными системами ценностей. Э. Хауген пишет об экологии языка «как науке о взаимоотношениях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается общество, использующее язык как один из своих кодов. Язык существует только в сознании говорящих на нем и функционирует только при взаимоотношениях с другими говорящими и с их социальным и естественным (природным) окружением. Экология языка зависит от людей, которые учат его, используют и передают другим людям» [Haugen 1972]. Это одно из современных направлений языкознания, которое сформировалось на стыке социального, психологического и философского направлений лингвистики.

Речевая деятельность в социальной сети ценностно обусловлена. Ценностные ориентации касаются обыденной сферы человеческой деятельности и находят отражение в поведенческих нормах и, как следствие, в выборе поступков [Hofstede 2010]. Добавим, что в выборе не только поступков, но и слов. Люди, принадлежащие к разным культурам, по-разному поздравляют с днем рождения в социальной сети «Facebook».

Отталкиваясь от условного деления на западные и не-западные культуры с преобладанием аналитического в первом и холистического во втором случае типов мышления, мы пришли к следующим выводам.

Русскоязычные пользователи сети «Facebook», поздравляя с днем рождения, обычно используют абстрактные общие понятия, такие как здоровье, любовь, счастье, богатство, благополучие и др.

Анюта, с днем рождения!!!! Безграничного веселья тебе, успехов и любви!!!!
Очень скучаю!

Леночка, С Днем Рождения!! Желаю тебе счастья!!

Аня, поздравляю с Днем рождения!!! Улыбок, счастья, успехов, здоровья и хорошего настроения!

Анечка, поздравляю с Днем Рождения! Всего самого прекрасного, успешного и позитивного в новом году!!!

С Днем рождения, Олечка! В этот прекрасный весенний день поздравляю тебя и желаю всегда положительных и ярких эмоций! Здоровья крепкого! Успехов во всех благих делах! Пусть каждый день будет наполнен любовью и теплом родных и близких!

Дорогая Анна!

Как говорить Поздно Чем Никогда, С Днем Рождения!

Желаю тебе Здоровья, Счастья, Большой Любви, Верных Друзей и Удачи во всем!

С днем рождения! Любви, успехов, приятных сюрпризов, позитива без границ, увлекательных путешествий!

Причем эти абстрактные ценностные сущности взаимосвязаны (счастье предполагает здоровье, любовь и наоборот), что можно объяснить холистическим типом мышления, характерным для русской культуры, где акцентируется общее видение мира.

Холизм также проявляется в том, что русскоязычные поздравления содержат пожелания на всю жизнь или на следующий год (исходя из абстрактных и общих поздравительных фраз), нет ни одного поздравления с днем рождения, где бы подразумевался конкретный день. В примере ниже автор поздравления даже уточняет «не только сегодня»:

С днем рождения, начальник! Всего самого доброго и желательно не только сегодня!

Отметим, что русскоязычные пользователи «Facebook», поздравляя своих друзей на английском языке, традиционно желают абстрактных и общих благ. Такие поздравления выделяются из общего ряда поздравлений на английском:

Happy Birthday, dearest!! Wish you all the best I can only think of)))

Happy Birthday! Luck, love, lots of laughter!!

Следует уточнить, что если человек значим и близок, и адресант знает о его увлечениях, предпочтениях или ожидаемом событии в будущем, то те же перечисленные выше ценности конкретизируются: например, желают отличного отпуска или отдыха на море, сдать успешно сессию, найти взаимную любовь и т.д.

Поздравления с днем рождения русскоязычных наиболее длинные и разнообразные по содержанию, меньше случаев использования одной номинальной поздравительной фразы «С днем рождения».

Для поздравлений на русском языке характерно наличие различных пожеланий, которые, как ценностные показатели, имеют большое значение: в русской культуре написать просто «С днем рождения» недостаточно, это воспринимается как равнодушное отношение.

Личные взаимоотношения, похвала и выделение черт и качеств именинника в русскоязычных поздравлениях проявляются нечасто, хотя их всё же можно наблюдать в таких фразах, как «ты очень хороший человек», «мне не хватает “культурной странички”», «Хочу, чтобы вы оставались таким же добрым и приветливым Человечком!», «Красотка!», «Вы замечательный руководитель», «ты умница», «красавица-русалочка», «оставайся всегда такой же молодой»; «скучаю», «мне очень приятно, что именно вы преподаете у нас», «мы вас любим»:

*Анюта, с днем рождения!!!! Безграничного веселья тебе, успехов и любви!!!!
Очень скучаю!*

Анечка! С днем рождения! недавно вспоминала, как же мне не хватает «культурной странички» J

Я желаю вам счастья, здоровья, послушных учеников! мне очень приятно, что именно вы преподаете у нас и дополнительно с нами со всеми занимаетесь! Я рада, что это вы! Хочу, чтобы вы оставались таким-же добрым и приветливым Человечком! Мы вас очень любим!!

Интересно, что для немецкоговорящих пользователей тоже характерно пожелание общего, абстрактного благополучия. Они поздравляют в основном словами «Alles Gute, alles Liebe zum Geburtstag», причем не выделяют сам день как день рождения. В большинстве поздравлений нет «Zum Geburtstag», используется выражение «всех благ» – «Alles Liebe» или «Alles Gute». Данные выражения функционируют одновременно и в номинативной роли, и в роли пожелания общего характера (для обозначения самого праздника дня рождения, то есть вместо «Zum Geburtstag» немецкие пользователи сети «Facebook» предпочитают использовать «Alles Gute»). Отметим, что из 201 рассмотренных поздравлений с днем рождения только в 33 случаях (16,4%) употребляется «Zum Geburtstag».

Alles Gute! :)

alles liebe :)

ois guade!

Hallo Julia, ich wünsche Dir alles alles Gute und Liebe zum Geburtstag!! Feier schön und lass es Dir gut gehen!! :-)

Alles alles Liebe zum Geburtstag, Julia:) Feier schön!

Hey maus! Alles alles liebe und gute zum Geburtstag! Bleib so ne liebe Schnecke und va gesund! :-*

В последнем примере выделены личностные качества именинника, а также содержатся их положительная оценка и пожелание здоровья.

Германия, безусловно, западная страна. Возникает закономерный вопрос: почему же мы наблюдаем холистический тип мышления? Ответ на этот вопрос дает Ю.И. Александров. Страны, относящиеся к западным, тем не менее могут иметь черты холистические, те же, что у стран юго-восточных. Германия – страна, в которой выражено холистическое мышление. Труды Лейбница, Гегеля, Шеллинга, Мейер-Абиха, посвященные холизму в германских культуре и науке, тому под-

тверждение. Гештальт-психология (фигура и фон) появилась именно в Германии [Александров 2013]. Холистическое мировоззрение предполагает единство кооперированных и интегрированных объектов.

Характеризуя разнообразие поздравлений (определенных пожеланий, выражение похвалы или личных взаимоотношений с именинником), отметим, что немецкие поздравления в основном носят номинативный характер, т.е. сам факт поздравления имеет высокий ценностный показатель, при котором выражение пожеланий не предполагается.

В англо-американской и французской культурах пожелания относятся только ко дню рождения (внимание сосредоточивается на самом дне, а не на том, что будет после него).

Joyeux anniversaire et belle journée ! Bises

Joyeux anniversaire. toute belle journée.

Joyeux anniversaire et très belle journée ! Bisous

Happy Birthday Amanda. Hope your day is great!!

Happy Birthday. Have an awesome day.

Happy birthday Amanda have a great day!

Happy birthday to this sweet, beautiful lady and best friend! I hope you have the most fabulous day ever!! Love you darlin!

Выделение конкретного дня и концентрация на нем объясняется западным (аналитическим), или таксономичным, типом мышления. Более того, это характерно для самой языковой структуры «Happy Birthday» в английском языке и «Joyeux Anniversaire» во французском языке, где главное слово в словосочетании «день рождения» (Birthday и Anniversaire) используются в именительном падеже (без предлогов) в отличие от дательного падежа в русской и немецкой конструкциях «С днем рождения» и «Zum Geburtstag».

Англоговорящие пользователи не скупаются на похвалу в поздравлениях и выражении чувств и эмоций и отмечают личные отношения с именинником:

I want to wish the happiest of birthdays to Amanda Stewart - you are the best girlfriend in the world and I couldn't be happier to be by your side. Love you!

Happy Birthday to one of the greats at CC. I appreciate ALL you do! Have a great day.

Happy Birthday Homegirl :)I hope you have a day as amazing as you are!!

Happy birthday to one of my favorite people!!!!!!!!!!!! I hope you have a wonderful birthday!

Happy birthday to you my amazingly talented friend. Hope you have an awesome day.

Happy birthday to this sweet, beautiful lady and best friend! I hope you have the most fabulous day ever!! Love you darlin! @__cassanova !!!

Англо-американское общение в большей степени ориентировано на личность и ее достижения, а также ее качества, что свидетельствует о более ярком выражении индивидуального начала в американской лингвокультуре, по словам Н.В. Дудкиной [2011].

Happy Birthday, sweet girl! I've loved you since you were 6. I'll never forget that little girl. Hope you will have many more Happy Birthdays!

Французские поздравления в социальной сети «Facebook» характеризуются большой степенью эмоциональности и выражением любви, что проявляется в использовании эмодзи (смайликов, сердечек и поцелуев) и большого количества восклицательных знаков. Часто встречается слово «поцелуй» («bisous», «bises», «bosou»), причем орфографической правильности написания этого слова не уделяется внимания – важно эмоциональное состояние. Поцелуи в поздравлениях иногда адресуются не только имениннику, но и его или ее семье.

Bj Vincent, avec un peu d'avance je te souhaite un excellent anniversaire bisous a vous trois

Bisous a toute la famille

Использование обращений типа «mon Rico adoré», «mon Henrico d'amour» свидетельствует о стремлении выразить личное отношение к виновнику торжества. Однако похвала или концентрация на личных взаимоотношениях невелика по сравнению с англо-американскими поздравлениями.

Таким образом, размещение поздравлений с днем рождения на стене друзей – пользователей сети «Facebook» это языковое действие, направленное в будущее и обладающее ориентирующей функцией (стремление доставить имениннику удовольствие). Поздравления с днем рождения в социальных сетях – это языковое действие в нише электронного интернет-дискурса, предполагающее оказание внимания конкретному человеку с целью порадовать, сделать приятное в этот день.

Речевое действие в виртуальной индексальной нише является частью повседневной жизни и, таким образом, входит в обыденное сознание. Оно культурно обусловлено и определяется интерактивностью взаимодействия в данной среде, которое располагает к аббревиации и сокращению слов, номинативной форме поздравлений, экономии речевых усилий в целом, стремлению к простоте, слиянию и взаимодействию устной и письменной речи, использованию паралингвистических средств (смайликов, капс лок и др.). Для жителей разных стран характерно выделение разных ценностей, различная манера поведения в интернет-среде и соответствие двум типам мышления (аналитическому и холистическому). Все эти особенности находят отражение в языке поздравлений с днем рождения в социальной сети «Facebook». Анализ поздравлений должен учитывать комплексное взаимодействие множества внешних и внутренних факторов при включенности индивида в социально-культурные взаимодействия.

Лингвистическая форма поздравлений и пожеланий влияет на специфику восприятия праздника как такового (психолингвистический феномен). Это каузальный процесс, при котором индивид как представитель той или иной культуры выбирает форму выражения поздравления. Исследование интернет-дискурса и обращение к феномену повседневности являются перспективным направлением в психолингвистике.

Литература

Александров Ю.И. Мозг, субъективные миры, культуры: теории и факты // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г. – Калининград, 2014. – С. 25.

Александров Ю.И. Вторая лекция Мозг и культура // Телеканал культура. Россия, 2013. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-RRfSjjobp2s> (дата обращения 09.02.2015).

Александров Ю.И. Субъективный опыт, культура и социальные представления / Ю.И. Александров, Н.Л. Александрова. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – 320 с.

Александров Ю.И. Теория функциональных систем и системная психофизиология // Системные аспекты психической деятельности / под общей ред. акад. РАМН, проф. К.В. Судакова. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 96–152.

Дудкина Н.В. Речевой жанр поздравления в русской и американской лингвокультурах // Покровская Е.А., Дудкина Н.В., Кудинова Е.В. Речевые жанры в диалоге культур. – Ростов н/Д: Foundation, 2011. – 200 с.

Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

Кравченко А.В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // Экология языка и коммуникативная практика, 2014. – № 2. – С. 90–99.

Марченко Н.Г. Социальная сеть «ВКонтакте»: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2013. – URL: <http://netess.ru/3jazykoznanie/32175-1-socialnaya-set-vkontakte-lingvopragmaticheskiy-aspekt.php> (дата обращения: 09.02.2015).

Матурана У.Р. Социальные явления // Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 159–181.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ, 2007. – 314 с.

Cowley S.J. Distributed Language / Ed. by Cowley. – University of Hertfordshire, UK John Benjamins Publishing Company Amsterdam / Philadelphia, 2011. – 211 p.

Haugen E. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen // American Anthropologist. – Stanford: Stanford University Press, 1972. – P. 1078–1080.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations, software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival (3rd edition). – McGraw-Hill Professional, 2010. – 306 p.

Whorf B.L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. John B. Carroll. – New York: Wiley, 1956. – 448 p.

А.В. Кирилина, Л.М. Терентий

УДК 81'374

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА,
МУЖЕСТВЕННОСТЬ, ЖЕНСТВЕННОСТЬ ПО ДАННЫМ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДОВ И НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА
РУССКОГО ЯЗЫКА**

В статье на материале анализа лексикографических трудов обсуждается интерпретация семантики и сочетаемостные возможности гендерно значимой лексики; проводится сравнение русского и немецкого лексикографического материала, а также анализируется динамика употребления гендерно значимых лексических единиц по данным Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: гендер, гендерные исследования, лексика, динамика частотности, Национальный корпус русского языка, лексикография.

Alla V. Kirilina, Liviu M. Terentiy

**CONCEPTUALIZATION OF MASCULINITY AND FEMININITY
IN THE LEXICOGRAPHICAL WORKS AND THE NATIONAL RUSSIAN
CORPUS**

The issue deals with the interpretation of semantic and syntactic peculiarities of gender-related vocabulary found in the analysis of lexicographic works; Russian and German lexicographical definitions are compared. Then the frequency dynamics of gender-related lexical units is discussed on the base of the Russian National Corpus.

Keywords: gender, gender studies, vocabulary, frequency dynamics, Russian National Corpus, lexicography.

Ранее нами обсуждался вопрос о влиянии «телесной метафоры» на концептуализацию маскулинности и фемининности и было показано, что этот факт обязывает включать в лингвистический анализ как номинации, обозначающие совокупность определенных черт и свойств (*мужественность, женственность*), и соотносимые с ними абстрактные категории (активность, пассивность, рациональность, эмоциональность и т.д.), так и слова, обозначающие конкретную личность в связи с ее полом: *мужчина, женщина* и т.д. [Кирилина 2000]. Исходя из этой установки, мы рассмотрим ряд словарных дефиниций, чтобы выяснить, с какими семантическими областями лексикона соотносятся данные лексические единицы, каков их синтагматический потенциал, прослеживается ли определенный параллелизм в их значениях, есть ли ограничения в их употреблении.

Затем мы рассмотрим частотность названных единиц в динамике, насколько сегодня это позволяет проследить Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

Привлекались данные следующих словарей: Словарь русского языка (СРЯ 1991), Учебный словарь сочетаемости слов русского языка (УСССРЯ 1978), Идеографический словарь русского языка (ИСРЯ 1995), Словарь синонимов русского языка (ССРЯ 1971).

В ряде случаев в них представлены симметричные дефиниции:

Мужчина – пол организма, человек мужского пола;

женщина – пол организма, человек женского пола (ИСРЯ).

При этом подчеркивается прокреативная функция женщины:

СРЯ (с. 194-195):

Женщина – 1. Лицо, противоположное мужчине по полу, та, к-рая рождает детей и кормит их грудью. 2. Лицо женского пола, вступившее в брачные отношения.

Жена – 1. Женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в официальном браке (к своему мужу): *братъ в жены (жениться)*. 2. То же, что женщина в первом значении (устар., высокоп.).
Славные жены отчизны.

Мужчина:

1. Лицо, противоположное женщине по полу. *Будь мужчиной!* (веди себя так, как подобает мужчине). *Поговорим как м. с мужчиной* (как подобает мужчинам). 2. Такое взрослое лицо, в отличие от мальчика, юноши. В статье приводится также с пометой *прост. шутол.* уменьшительный вариант *мужчинка*.

В других случаях женщина категоризируется как человек особого рода с присущими ему определенными чертами:

Женщина – а) лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств; б) лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке (ССРЯ).

Синтагматические особенности названных лексем более полно раскрываются в словаре сочетаемости (УСССРЯ). Значения лексемы *мужчина* соответствуют значениям СРЯ. В качестве типичных образцов сочетаемости приводится следующий список:

*Красивый, симпатичный, обаятельный (не)интересный, (не)высокий, крупный, рослый, широкоплечий, сильный, стройный, сутулый, худой, сухощавый, сухопарый, подтянутый, полный, толстый, седой, лысый, плешивый, усаый, бородатый, черноглазый, синеглазый, загорелый, смуглый, цветущий, (не)молодой, пожилой, старый, умный, остроумный, образованный, интеллигентный, культурный, флегматичный, энергичный, деловой, решительный, властный, гордый, самолюбивый, самоуверенный, веселый, спокойный, серьезный, нервный, ревнивый, странный, аккуратный, одинокий, холостой, (не)женатый, как-л. (хорошо, плохо, модно ...) одетый, солидный... **мужчина**.*

Устойчивые сочетания:

Кто-л. настоящий мужчина – так говорят о лице мужского пола, когда хотят похвалить его за твердость, мужество и другие качества, которые считаются типично мужскими.

Будь (будьте) мужчиной! – так говорят лицу мужского пола, когда хотят, чтобы оно проявило твердость, мужество и другие подобные качества.

Мужской:

СРЯ: 1., 2. Такой, как у мужчины, характерный для мужчины. *Мужское рукопожатие. М. разговор (дельный)*

3. Мужской род (гр.)

УСССРЯ: такой, который относится к мужчине, состоит из мужчин, предназначен для мужчин, мальчиков; такой, как у женщины:

мужской пол, голова, лицо, руки, фигура, голос, смех, одежда, пальто, костюм, сорочка, рубашка, брюки, халат, свитер, зонт, шляпа, перчатки, носки, обувь, туфли, характер, сердце, ум, твердость, прямолинейность, почерк, имя, дело, работа, персонал, общество, компания, команда, население чего-л., сила, труд, походка, общежитие, пляж, раздевалка, баня, туалет, уборная, зал (о парикмахерской)

УСССРЯ (с.156-157):

Женщина – Лицо, противоположное по полу мужчине.

Хорошая, плохая, красивая, прекрасная, замечательная, чудесная, обаятельная, очаровательная, милая, симпатичная, (не)приятная, (не)интересная, (не)высокая, маленькая, стройная, худая, полная, толстая, седая, синеглазая, черноглазая, загорелая, смуглая, цветущая, (не)молодая, пожилая, старая, умная, глупая, образованная, остроумная, интеллигентная, культурная, энергичная, решительная, властная, гордая, самолюбивая, самоуверенная, веселая, спокойная, беспокойная, простая, скромная, тихая, (не)серьезная, легкомысленная, кокетливая, капризная, добрая, приветливая, чуткая, мягкая, внимательная, заботливая, злая, сварливая, грубая, хитрая, завистливая, Вздорная, крикливая, скандальная, сильная, слабая, болезненная, больная, нервная, ревнивая, странная, трудолюбивая, ленивая, аккуратная, (не)чистоплотная, беззащитная, одинокая, (не)замужняя, беременная, как-л. (хорошо, плохо, модно...) одетая, модная, современная, (не)знакомая, русская, советская ... женщина.

Женский – такой, который относится к женщине, женщинам, свойствен им; предназначенный для женщин; принадлежащий женщине; состоящий из женщин.

женский (-ая,-ое, -ой, -ие) пол, голова, лицо, руки, плечи, грудь, фигура, красота, голос, улыбка, смех, одежда, пальто, платье, брюки, костюм, халат, чулки, обувь, туфли, сапоги, украшения, ум, характер, натура, сердце, душа, качество, гордость, достоинство, доброта, чуткость, мягкость, хитрость, интуиция, чутье, любопытство, прихоть, каприз, шутки (разг.), кокетство, ласка, внимание, забота, счастье, доля, воспитание, почерк, болезни, дело, работа, персонал, общество, организация, команда, население, половина, движение, праздник, журнал, календарь, сила, труд, общежитие, пляж, раздевалка, туалет, зал (в парикмахерской).

СРЯ: **Женский** – 1. см. женщина. 2. Такой, как у женщины, характерный для женщины: *ж. характер, ж. ласка*; **Женственный** – с качествами, свойствами женщины, мягкий, нежный, изящный: *женственная натура, женственная внешность*.

Сам факт существования в русском языке устойчивых сочетаний *настоящий мужчина, будь мужчиной, поговорим как мужчина с мужчиной, мужской разговор* и т.п. свидетельствует о наличии в коллективном сознании определенного эталона поведения и моральных качеств мужчины. По данным словарей, этот эталон включает твердость, прямоту, смелость, присутствие духа в опасности, отсутствие излишней эмоциональности.

Для феминности в словарях отмечаются: *женская интуиция, женское чутье, женские шутки, женская логика, женское счастье, женская доля, женское кокетство, женская ласка, женский ум/характер/натура, женское движение*, что имплицитно подразумевает наличие определенных личностных свойств у человека женского пола: своеобразии мышления/интеллектуальную недостаточность, поведенческие особенности, эмоциональность, заботливость. Анализ семантики подобных сочетаний позволяет говорить о гендерной асимметрии и наличии разных эталонов морали, поведения и в целом личностных качеств для мужчин и женщин. Тот факт, что эти сочетания являются устойчивыми, говорит о фиксации в языке особых свойств характера, поведения, ассоциируемых с лицом в зависимости от его пола. Так, в сочетаниях *женский вопрос, женское движение* нельзя без изменения смысла произвести подстановку лексемы *мужской* (ср.: *женский вопрос* – *мужской вопрос). С другой стороны, высказывания типа *Она слишком женщина* говорят о том, что разграничиваются идеальный и реальный модусы существования данного концепта.

Различия в концептуализации понятий *мужчина* и *женщина* не носят, однако абсолютный характер. Как показывает словарный материал, сочетаемостный потенциал этих лексем во многих случаях совпадает: и у мужчин, и у женщин значи-

ваются внешность, возраст, деятельность, личностные качества, многие из которых легко выдерживают субституционный тест.

Слово *женщина* характеризуется большим сочетаемостным потенциалом, нежели *мужчина*. Среди прилагательных, синтагматически связанных только с этим словом, УССРЯ приводит: *капризная, кокетливая, злая, сварливая, хитрая, завистливая, вздорная, скандальная*, что свидетельствует о том, что женский характер концептуализируется как не вполне уравновешенный, слишком эмоциональный (уместно повторить, что УССРЯ приводит типичные сочетания; синтагмы *капризный/кокетливый* и т.д. *мужчина* возможны, но являются менее типичными).

Однако это не единственный вывод, который можно сделать на основании большего сочетаемостного потенциала слова *женщина*. Обширность синтагматических связей может, на наш взгляд, служить косвенным доказательством того, что *женщина* чаще может заменить собой слово *человек* при реферировании к лицам женского пола, нежели это происходит в паре *мужчина – человек* при реферировании к лицам мужского пола.

Как показывает УССРЯ, сочетаемостный потенциал слова *человек* весьма высок:

Хороший, отличный, прекрасный, замечательный, удивительный, превосходный, исключительный, обаятельный, (не)приятный, плохой, скверный, никудышный (разг.), ужасный, отвратительный, невыносимый, (не)интересный, (не)обыкновенный, обычный, странный, смешной, простой, скромный, вежливый, тактичный, деликатный, любезный, грубый, (не)воспитанный, (не)культурный, спокойный, уравновешенный, беспокойный, сдержанный, (не)выдержанный, раздражительный, вспыльчивый, безрассудный, трудный, тяжелый, легкий, непосредственный, общительный, замкнутый, откровенный, скрытный, (не)разговорчивый, молчаливый, таинственный, болтливый, шумный, беззаботный, задумчивый, рассеянный, печальный, грустный, мрачный, сумрачный, хмурый, расстроенный, раздраженный, разгневанный, веселый, скучный, бодрый, радостный, подвижный, бойкий, беспечный, суетливый, медлительный, робкий, тихий, застенчивый, осторожный, дерзкий, нахальный, испорченный, распущенный, безнравственный, циничный, честный, правдивый, искренний, прямой, лживый, продажный, справедливый, объективный, беспристрастный, (не)серьезный, легкомысленный, поверхностный, наблюдательный, разумный, благородный, здравомыслящий, сознательный, принципиальный, щепетильный, беспринципный, уверенный (в себе), самостоятельный, активный, напористый, пассивный, наивный, современный, добрый, добродушный, доброжелательный, злой, бессердечный, жестокий, безжалостный, беспощадный, бескорыстный, великодушный, злопамятный, мстительный, дружелюбный, приветливый, отзывчивый, участливый, чуткий, гуманный, черствый, снисходительный, мягкий, сердечный, строгий, суровый, безжалостный, насмешливый, язвительный, ехидный, внимательный, заботливый, (не)обязательный, забывчивый, (не)доверчивый, лукавый, хитрый, коварный, неблагодарный, терпеливый, постоянный, благородный, капризный, мнительный, обидчивый, завистливый, лицемерный, широкий, мелочный, гостеприимный, щедрый, жадный, скупой, гордый, самолюбивый, самоуверенный, самонадеянный, самовлюбленный, высокомерный, заносчивый, тщеславный, честолюбивый, властолюбивый, властный, деспотичный, умный, способный, одаренный, даровитый, талантливый, гениальный, мудрый, (не)глупый, недалекий, близорукий, пустой, ограниченный, тупой, сообразительный, находчивый, остроумный, (не)развитой, мыслящий, проникательный, знающий, начитанный, эрудированный, (не)образованный, (не)грамотный, невежественный, темный, эмоциональный, чувствительный, сентиментальный, впечатлительный, увлекающийся, страстный, восторженный, горячий, мечтательный, романтичный, влюбчивый, ревнивый, трезвый, бесстрастный, бесчувственный, флегматичный, инертный, расчетливый, равнодушный, сухой, холодный, тонкий, опрометчивый, истеричный, нервный, эксцен-

тричный, твердый, стойкий, решительный, волевой, безвольный, неустойчивый, (легко)ранимый, слабохарактерный, настойчивый, упорный, упрямый, смелый, храбрый, отважный, трусливый, сильный, слабый, мужественный, бесстрашный, отчаянный, цельный, противоречивый, сложный, трудолюбивый, (не)добросовестный, ленивый, (не)организованный, (не)точный, педантичный, небрежный, усидчивый, усердный, старательный, аккуратный, исполнительный, деятельный, энергичный, деловой, инициативный, предприимчивый, изобретательный, требовательный, самокритичный, ответственный, безответственный, хозяйственный, практичный, опытный, красивый, стройный, статный, широкоплечий, узкоплечий, мускулистый, крепкий, сильный, слабый, коренастый, полный, дородный, упитанный, плотный, толстый, тучный, хилый, худой, сухошавый, сухопарый, тощий, костлявый, нескладный, сутулый, седой, кудрявый, лысый, плешивый, усатый, бородатый, широколобый, голубоглазый, синеглазый, сероглазый, кареглазый, черноглазый, бледный, румяный, розовощекий, загорелый, смуглый, как-л. (хорошо, плохо...) одетый, здоровый, больной, болезненный, хромой, глухой, немой, слепой, близорукий, раненый, живой, мертвый, (не)молодой, взрослый, пожилой, старый, богатый, бедный, сытый, голодный, опустившийся, счастливый, несчастный, удачливый, влиятельный, выдающийся, великий, русский, советский, каждый, всякий, этот, другой... **человек**.

Устойчивые сочетания: *быть (стать, сделать кого-л.) человеком* – быть, стать, сделать кого-л. личностью, обладающей высокими моральными качествами. *Молодой человек* – речевая формула, которая употребляется как обращение к молодому мужчине.

по-человечески (гуманно), *человеческое существо*, *человеческий род (люди)*, *потерять/утратить человеческий вид/облик/образ* – перестать по своему виду или поведению быть похожим на человека; *человеческие жертвы* – о гибели людей.

Столь высокий синтагматический потенциал слова *человек*, особенно по сравнению со словом *мужчина*, обнаруживающим в рассматриваемой триаде наименьшие сочетаемостные возможности, может свидетельствовать, что референция к лицу мужского пола чаще осуществляется посредством слова *человек*, а не *мужчина*.

Этот факт, на наш взгляд, чрезвычайно интересен. В работе Д. Вайсса [Weiss 1984], посвященной особенностям употребления слова *человек*, доказываемое, что оно не во всех случаях допускает в качестве референта лицо женского пола. Мы же предлагаем рассмотреть другую сторону вопроса – соотношение лексических единиц *человек* и *мужчина*.

Аргументация Д. Вайсса имплицитно содержит допущение, что в ряде случаев исключается лишь референция к лицу женского пола и что, таким образом, в значениях слов *человек* и *мужчина* имеет место параллелизм. Однако замеченный нами при анализе словаря сочетаемости факт говорит о том, что такой параллелизм ограничен и что *человек* не идентичен *мужчине* (Ср.: *Он интересный человек* – *Он интересный мужчина*). Этот факт не самоочевиден и не является универсальным. Особенно четко он проявляется при анализе соответствующих слов в разных языках. Так, в немецком языке параллелизм значений *Mann* и *Mensch* значительно выше, что явствует из анализа словарного материала. Рассматривались следующие словари: Duden Das große Wörterbuch der deutschen Sprache (GWDS), Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (WDG), Duden Deutsches Universalwörterbuch (DUW), G-Wahrig Deutsches Wörterbuch, E. Agricola: Wörter und Wendungen (WW).

GWDS, Bd4, S. 1731-1732:

der Mann:

1. erwachsene Person männlichen Geschlechts;
2. Ehemann;

3. Lp.: -en: Gefolgsleute: der Kanzler und seine Mannen.

Именно в разделе 1. словарной статьи помещено наибольшее количество связанных словосочетаний, позволяющих заключить, что *Mann* (мужчина, человек) имеет в немецком языке гораздо большую распространенность, нежели в русском:

Er ist ein ganzer Mann; Er ist ein Mann des raschen Entschlusses; Sei ein Mann! (zeige dich als mutiger Mann); Ein Mann ein Wort; der gemeine Mann (veralt. Durchschnittsbürger); der dritte Mann; ein Mann der Tat; ein Mann aus dem Volk; ein Mann von Geist, Format; Charakter, hohem Einfluß; ein/sein freier Mann sein (unabhängig, selbständig); die Männer (die Regierenden) von Bonn; Mann über Bord (Notruf, Seemannsprache); Alle Mann an Bord; alle Mann (umg.: alle zusammen); Mann an Mann; Mann für Mann; 5 Mark pro Mann; ein Kampf Mann gegen Mann; der kleine Mann (1. arme Person; 2. salopp: Penis); freier Mann; der Mann des Tages; der Mann auf der Straße (Durchschnittsbürger); der Mann im Mond; [mein lieber] Mann! (Erstaunen); einen kleinen Mann im Ohr haben; den toten Mann machen; den starken Mann markieren/mimen; den wilden Mann spielen/machen; seinen Mann stehen/stellen; Mann decken (Ballspiele: seinen unmittelbaren Gegenspieler decken); dieser Beruf o.ä. ernährt seinen Mann; wenn Not am Mann ist; mit Mann und Maus untergehen; von Mann zu Mann.

В современном немецком языке сочетания с этим существительным касаются не только лиц мужского пола, но имеют обобщенное значение «человек». Тем не менее пометы «о лицах мужского пола», ограничивающие их употребление, имеются у многих связанных сочетаний:

seinen Mann gefunden haben; ein gemachter Mann sein; der Mann des Tages; ein toter Mann sein; der erste Mann an der Spitze sein; ein Mann von Wort sein.

Очевидно, что понятия «человек» и «мужчина» в лексеме *Mann* как бы «наслаиваются» друг на друга.

Остальные исследованные нами словари дают аналогичную картину.

Некоторая повышенная маскулинность слова *Mann* даже в значении «человек» отмечается лексикографами. Так, словарь *Wörter und Wendungen* (WW, S. 417-418) предлагает следующие толкования значения названного слова:

Mann, der: 1. [männlicher] Mensch. 2. Erwachsener männlichen Geschlechts. 3. Ehemann. 4. männliches Tier (Männchen).

Если же брать за отправной пункт слово *Mensch*, то в соответствующих словарных статьях обнаруживается большое количество выражений, синонимичных сочетаниям, содержащим слово *Mann*:

ein Mensch/Mann mit Vernunft.

В ряде случаев подразумевается референт мужского пола, что и указывается в скобках:

Ich kenne diesen Menschen (diesen Mann) nicht.

Es klingelte, und ein junger Mensch (männlicher Jugendlicher) stand vor der Tür.

Таким образом, существуют веские основания считать, что понятия «человек» и «мужчина» в немецком языке концептуально ближе, чем в русском. Кроме того, слово *der Mensch* этимологически также восходит к понятию «мужчина»:

Mensch, der [mhd mensch(e), ahd **mannisco**, eigentl. = der Männliche, zu Mann (DUW, S. 1007).

В английском языке отмечается сходная ситуация (см. [Колосова 1996]).

Особенности немецкого словообразования также придают лексической системе немецкого языка некоторую маскулинность благодаря наличию суффиксоида (полусуффикса) *-mann*, продуктивность которого высока и который присутствует во многих номинациях с агентивной семантикой:

Seemann, Staatsmann, Kaufmann, Feuerwehrmann, Obmann.

Вопрос о том, сохраняют ли полусуффиксы семантику свободной лексемы, является дискуссионным (см. об этом [Stepanova, Chernyeva 1986]). Тем не менее подстановка подобных словообразовательных конструкций в контекст, где референтом является лицо женского пола, не во всех случаях может быть успешной:

“Ihre Lehrzeit ist beendet, sie ist Industriekaufmann – ein sehr junger, sehr hübscher, sehr weiblicher Industriekaufmann.” (I. Kütter, zit. nach “Sichtwechsel, 1995, S.17).

Неопределенно-личное местоимение *man* также вызывает ассоциации с мужской агентивностью:

Mit dem wörtchen “man” fängt es an. “man” hat, “man” tut, “man” fühlt...: “man” wird für die beschreibung allgemeiner zustände, gefühle, situationen verwendet - für die menschheit schlechthin. Entlarvend sind sätze, die mit “als frau hat “man” ja... beginnen. “man” hat als frau keine identität. Frau kann sie nur als frau suchen”(Stefan, 1994, S. 33-34).

Дополнительным доказательством этого может служить анализ успешности нормирования языка в соответствии с требованиями феминисток. Так, несмотря на различия в синтаксическом поведении местоимений *man* и предложенного ФЛ *frau*, это местоимение уже встречается в рекламе и довольно органично (особенно по сравнению с другими требованиями ФЛ, многие из которых не выполняются последовательно даже в таких радикальных изданиях, как журнал “Emma”) входит в письменную и устную, подчеркнута политически корректную речь, а также с 1998 г. включено в новейшие толковые словари.

Исходя из приведенной выше аргументации, можно заключить, что, хотя слово *человек* в ряде случаев соотносится в русском языке только с лицами мужского пола, оно в значительно меньшей степени, чем *Mensch* и *Mann* в значении «человек» в немецком реферирует именно к полу обозначаемого лица.

В немецком языке *Mensch* и *Mann* проявляют значительно больший параллелизм и синонимичность значения, что проявляется не только на лексическом уровне, но и в словообразовании, грамматической категории неопределенности, запечатлевается во многих культурно значимых понятиях.

Meyers Großes Konversationslexikon, Der große Brockhaus не содержат лингвистических толкований данных концептов, но приводят понятия с точки зрения их общественной значимости. И эти издания включают ряд статей, указывающих на доминирующее положение мужчины:

Mannen – in der seemännischen Sprache etw. von Mann zu Mann weiter reichen;
Männerapostolat, Männerbund, Männerkindbett, Männervereine, Männerdienst.

Можно, выражаясь образно, утверждать, что значение *Mann* в лексиконе немецкого языка «разлито» шире, чем это происходит в русском языке со словом *человек*.

Еще одно отличие слов *Mann* и *мужчина*, явствующее из сравнения словарных дефиниций, – подчеркивание доминирующей, главенствующей роли мужчины в репродуктивном процессе. Большинство исследованных словарей в статье *tännlich* под номером 1) дают интерпретацию, в которой акцентируется производящая, оплодотворяющая функция мужчины.

männlich:

- 1) zum zeugenden, befruchtenden Geschlecht gehörend (GWDS);
- 1) dem zeugenden Geschlecht angehörend (WDG);
- 1) dem zeugenden, befruchtenden Geschlecht angehörend (DUW);
- 1) zum zeugenden, befruchtenden Geschlecht gehörig (Wahrig).

Лишь WW и Wahrig приводят в качестве третьего значения личностные качества: *mutig, tapfer, unerschrocken ausharrend*.

В числе переносных значений приводятся названия рифм – *mannlicher Reim* – *weiblicher Reim*, – где отражена телесная метафора:

ein mannlicher Reim endet mit einer Hebung, stumpf (WDG).

Как видно из приведенных дефиниций, первое значение слова *mannlich* в большинстве словарей интерпретируется как *zum zeugenden, befruchtenden Geschlecht gehörend*. В русских словарях аналогичные толкования отсутствуют. Напротив, акцентируется прокреативная функция женщины.

Русские лексемы *мужество, мужественность* концептуализируют личностные черты: храбрость, присутствие духа, твердость:

Мужество:

Храбрость, присутствие духа в опасности. *Проявить м. и стойкость* (СРЯ).

СРЯ дает также ряд сходных по значению лексем:

мужаться (высок.) проявлять стойкость, мужество; **мужать/возмужать** 1. становиться зрелым, зреее, взрослым, взрослее (книжн.): *юноша мужает*. 2. (перен.) Становиться сильнее, крепче, выносливее, мужественнее; **мужиковатый** (грубоватый, простоватый); **мужик:** 1. Крестьянин в противопоставлении горожанину (устар.). 2. То же, что мужчина (прост.) 2. То же, что муж (прост.). 4. Невоспитанный, грубый человек (устар.).

Зафиксирован в СРЯ и ряд уменьшительных и уничижительных номинаций: *мужичок, мужичонка, мужичье*.

Присутствие духа в опасности, в беде и т.п.; храбрость, бесстрашие (УСССРЯ).

Мужественный (-ность):

Обладающий мужеством, выражающий мужество. *М. характер, м. вид* (СРЯ);

Такой, который обладает мужеством; такой, который выражает мужество; исполненный мужества (УСССРЯ).

Как образцы сочетаемости приводится следующий ряд:

человек, женщина, юноша, девушка, солдат, разведчик, партизан, народ, лицо, черты лица, вид, характер, сердце, голос, поведение, ответ, поступок, решение, борьба.

Немецкая номинация *Männlichkeit*, напротив, часто интерпретируется в связи с потенцией и аналогичными физиологическими особенностями мужчины как организма:

GWDS:

Männlichkeit:

1) männliches (3) Wesen;

2) das Mannsein in Bezug auf die Potenz, Zeugungsfähigkeit; Geschlechtsteile.

DUW, S. 986:

Männlichkeit: 1) männliches Wesen

2) das Mannsein in bezug auf die Potenz

b)(verhüll.) männliche Geschlechtsteile.

В ряде случаев отмечаются и личностные качества:

Wahrig, S. 838:

Männlichkeit: Männliche Wesensart.

При сопоставлении словарных дефиниций *женщина* и *Frau (Weib)* обнаруживается тенденция иной направленности. Обозначение *Frau* характеризуется сочетаемостью в основном с признаками, относящимися к внешности, возрасту, репродуктивной функции:

Frau (GWDS, DUW):

1. Erwachsene Person weiblichen Geschlechts:

eine junge, hübsche, schöne, reife, liebende, kluge, berufstätige, verheiratete, schwangere F; eine F. mit Vergangenheit; eine F. nach Maß (Idealgestalt mit guter Figur); die weise F. (Hebamme).

2. Ehefrau.

3. Hausherrin, Gebieterin, Dame: *die F. des Hauses; die junge F. (veraltet-Schwiegertochter); unsere liebe Frau (Maria, die Mutter Christi)*

4. Anrede.

Слову *женщина* УССРЯ приписывает большее количество признаков, значительную часть которых составляют положительно коннотированные обозначения личностных качеств: *образованная, остроумная, интеллигентная, энергичная, решительная* и т.п. Вместе с тем, как отмечалось выше, в русском языке также лексикализованы и негативные, «типично» женские качества.

Примеры сочетаемости составлены на основе частоты встречаемости соответствующих синтагм в текстах, что не исключает сочетаний положительно коннотированных прилагательных со словом *Frau*. Тем не менее в качестве типичных в словарях фигурируют иные образцы сочетаемости.

Женственность интерпретируется русскими словарями как мягкость, нежность, изящность, но не слабость. Это качество также соотносится с реальными лицами женского пола:

женственный – с качествами, свойствами женщины, мягкий, изящный, нежный: *женственная натура, женственная внешность* (УССРЯ).

Немецкие словари не акцентируют личностные качества при толковании лексических единиц *weiblich, Weiblichkeit*.

Если рассматривать словарные дефиниции с учетом года издания словаря, обнаруживает себя тенденция к устранению гендерной асимметрии. Так, WW (1977) интерпретирует значение слова *Mensch* следующим образом:

Mensch, der: 1. Lebewesen. 2. Mann.

Mensch, das: die Dirne, Schlampe.

Словарь более позднего издания DUW (1989) по сравнению с WW (1977) не приводит *Mann* в качестве второго значения к *Mensch*. Но DUW содержит еще слово *das Mensch*, хотя и определяет это понятие более нейтрально, снабжая *das Mensch* стилистической пометой, ограничивающей ее употребление:

Mensch, der: 1. mit der Fähigkeit zu logischem Denken u. zur Sprache, zur sittlichen Entscheidung und Erkenntnis von Gut u. Böse ausgestattetes höchstentwickeltes Lebewesen. 2. menschliches Lebewesen, Individuum. 3. bestimmte Person, Persönlichkeit. 4. burschikose Anrede, oft auch ohne persönlichen Bezug in Ausrufen des Staunens, Erschreckens, der Bewunderung.

Mensch, das (landsch., meist abwertend): weibliche Person, Frau.

Более современный WAHRIG (1997) статьи *das Mensch* уже не содержит, зато включает в свой состав новое, возникшее под влиянием феминистского движения местоимение *frau*:

1. Weibl. erwachsener Mensch; Ehefrau, Gattin;

2. Anrede für erwachsene weibl. Person.

Этот словарь включает ряд пояснений, сделанных под влиянием феминистской критики языка: в издание 1997-го года включено местоимение *frau* как контрагент неопределенно-личного местоимения *man*, что, несомненно, отражает процес-

сы депатрификации немецкого языка, а также служит доказательством его высокой андроцентричности:

frau – indefinites Pronomen; in der Frauenbewegung verwendete Ersatzbezeichnung fuer *man*: *Fraut tut so etwas nicht* (S. 500).

Под влиянием активной феминистской критики с течением времени в словари стали включаться все более политически корректные формулировки. Это касается и русских словарей, хотя феминистский дискурс в российской лингвистике обнаружил себя лишь недавно. Так, В. Штадлер [1999] обращает внимание на то, что в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [1992] и у слова *женщина*, и у слова *мужчина* сокращено по одному толкованию значения в сравнении со Словарем русского языка, изданным в 1981 г. Из словарной статьи *женщина* убрано значение «лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств», а из словарной статьи *мужчина* изъято значение «лицо мужского пола, отличающееся мужеством, твердостью»; кроме того, *женская логика* была заменена на *женскую ласку*.

Обобщая, можно констатировать меньшую распространенность, меньшие сочетаемостные возможности и способность образовывать устойчивые сочетания слова *мужчина* по сравнению со словом *Mann*, а также меньшую семантическую близость слов *человек* и *мужчина*, нежели слов *Mensch* – *Mann*.

При сравнении немецкого слова *Mann* и русского *мужчина* прежде всего следует отметить значительную количественную разницу. Русский язык не располагает, в такой степени, как немецкий, устойчивыми выражениями, соотносимыми не только с мужчиной, но и с человеком в целом. Словарные статьи со словом *мужчина* занимают в русских словарях значительно меньшее пространство, чем в немецких. Отсутствуют соответствия полусуффиксу *-mann* и местоимению *man*. Типичное для русского языка большое количество неопределенно-личных и безличных предложений, которые могут быть отнесены к любому лицу (*выше головы не прыгнешь*) также, по нашему мнению, снижает маскулинность языка. Слово *человек* в русском языке не вполне применимо не только к женщинам, но и далеко не во всех случаях может заменить собой слово *мужчина*:

(1) Он интересный *мужчина* (2) Он/она интересный *человек*.

Пример (1) подчеркивает привлекательные для противоположного пола качества, тогда как пример (2) может относиться к лицам любого пола, акцентируя личностные качества, не связанные с полом референта.

Сопоставление словарных дефиниций лексических единиц *человек, мужчина* и *Mensch, Mann* приводит к выводу о том, что немецкие словари в значительно большей степени, нежели русские, дефинируют мужчину как лицо активное, более сексуализованное и подчеркивают его производящую функцию (*das zeugende, befruchtende Geschlecht*). Слово *мужественность*, в отличие от его немецкого соответствия *Mannlichkeit*, трактуется словарями лишь в переносном смысле как отвага, храбрость, тогда как немецкие словари и в этом случае акцентируют физиологические аспекты.

Женственность интерпретируется как мягкость, нежность, соотносят ее с лицами женского пола. Кроме того, женщинам приписывают некоторые особые черты, отличающие их от мужчин не в физиологическом, а в личностном плане. Главным образом это касается интеллекта и характера. В несколько большей степени *женщина* сочетается со словами, относящимися к обозначению внешности и возраста. Однако и *мужчина* имеет ряд типичных сочетаний, также определяющих

его с позиции внешности и возраста. Далее, анализ лексикографических трудов позволяет увидеть отсутствие абсолютно полярной оппозиции. Многие синтагматические связи рассматриваемых единиц лексикона идентичны.

На основании материалов словарей можно с известной долей осторожности сделать вывод о меньшей представленности в языке слова *мужчина*, нежели слова *женщина*. Однако это предположение требует дальнейшей проверки. Так, слово *мужик*, помеченное в словарях как просторечное, по нашим наблюдениям, в последние годы XX в. употреблялось в устной неофициальной речи весьма часто. Оно также имеет большее количество дериватов: *мужичок*, *мужицкий*, *мужичонка*, *мужиковатый*, *по-мужицки* и т.п. Но и *мужик* не обнаруживает такой широкой распространенности в лексиконе русского языка, как *Mann* – в лексиконе немецкого.

Примерно с 2000-го года резко усиливается влияние глобализационных тенденций, которые затрагивают и использование гендерно значимой лексики русского языка.

Анализируя средства языка, используемые для инноваций в институционализации гендера, мы наблюдали появление новой лексики, связанной с более детальным обозначением лица в зависимости от его сексуальных предпочтений, а также ревизию «стандартных» языковых форм представления гендера. Она реализуется как частотное калькирование англоязычных форм при игнорировании лексических и морфологических возможностей русского языка, что может вести и нередко ведет к противоположному результату – *усилению гендерной асимметрии* (она выражается прежде всего в смещении от метагендерного к гендерному уровню описания; в игнорировании неодинаковой степени андроцентричности языков при переводе с английского языка на русский или калькировании). Так, под влиянием калькированного перевода английских официальных формул, отражающих политкорректность, повышается частотность имен существительных с семантикой пола: *мужчины и женщины* (несомненная калька с *men and women* – выражения, заменившего неполиткорректное *men*). Ранее в подобном контексте встретилось бы слово *люди*. По этой же причине появляются сочетания вроде *права человека-женщины*. Там, где ранее несомненно было бы слово *человек*, ныне нередко встречается слово с более четким обозначением принадлежности по полу:

Вспомним теперь Аристотеля. Это был мужчина с незабываемо гибким умом. Великий грек (Литературная газета, 2008, № 7, 18-24 февраля, С. 5).

Сам факт роста частотности подобных лексических единиц говорит о подавлении отмечавшейся нами ранее [Кирилина 1999: 80] неравной степени андроцентризма языков и культур и о переносе иноязычных моделей, касающихся гендера. Как показано выше, к концу XX века в триаде «женщина – мужчина – человек» наибольший сочетаемостный потенциал имело слово *человек*, а наименьший – слово *мужчина*, и наметилась тенденция к снижению частотности слова *мужчина* и увеличению частотности слова *мужик* [Кирилина 2000: 173]. Аналогичные данные получены психолингвистами [Уфимцева 1996] и культурологами. Так, О. Шабурова в конце 90-х гг. фиксирует появление в российском неформальном дискурсе положительно коннотированного типа «мужик» [Шабурова 2002].

Таким образом глобальная экспансия английского языка оказывает воздействие на тенденции развития гендерно значимой русской лексики (подробнее о масштабе заимствований см. [Маринова 2008]). К этому же процессу можно отнести заметное повышение частотности имен существительных, отражающих исключи-

тельно семантику пола и возраста, а не пола и профессии, пола и деятельности, как это было ранее (динамику частотности см. ниже).

Новая отечественная гендерно специфичная лексика представлена, на наш взгляд, слабо, в официальном общественном дискурсе она, как правило, не присутствует. Если заимствования и кальки чаще отражают сферу сексуального поведения (*бигендер, агендер* и под.), то лексика, созданная из материала русского языка, в значительной степени принадлежит к семантической группе «межнациональные отношения». Она отражает специфику миграционных потоков и отношение к ним: *носорог, ликан* и под. (названия кавказцев); *свинорылый, ватник* (названия русского), *чернильница* (девушка или молодая женщина, имеющая сексуальную связь с выходцем с Кавказа), *хиджабнутая, заматашка* (мусульманка, носящая хиджаб¹). Как правило, такая лексика обозначает лицо по возрасту, полу и национальной или религиозной принадлежности и имеет негативные коннотации.

Отметим также возрастание частотности лексем, обозначающих лицо по возрасту и полу: *мужчина, женщина, девушка*. Рост их употребительности заметен в повседневности, а также фиксируется при обращении к статистическим возможностям корпусов: на Рис. 11 представлена динамика частотности слова *мужчина* по данным НКРЯ с 1985 по 2010 годы. Рис. 12 отражает динамику частотности слова *женщина*:

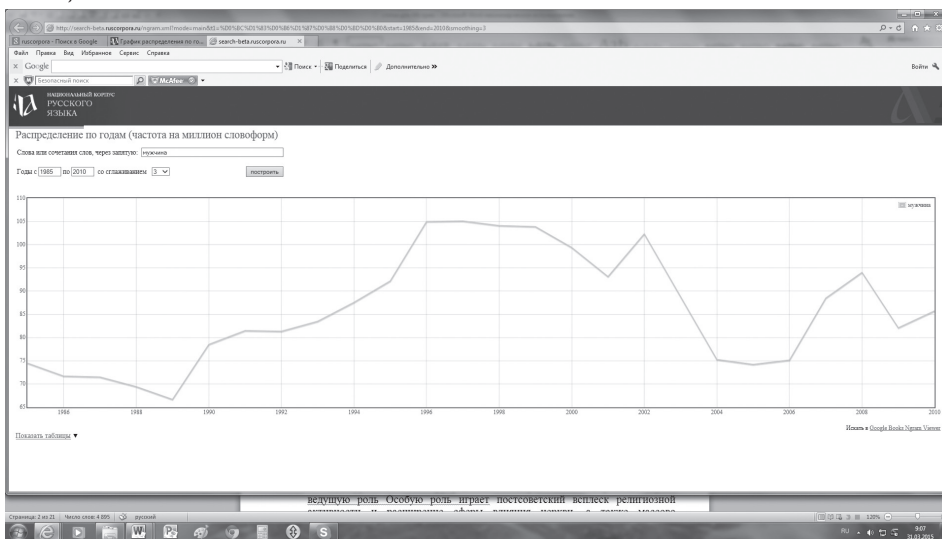

Рис.11. Динамика частотности слова *мужчина* 1985 – 2010 гг.

¹ В блогах обнаружено и другое определение: «Заматашки – так в Астрахани называют девочек, вдруг надевших хиджаб. Национальный состав очень разношерстный: татарки, казашки, русские, узбечки, аварки. С каждым годом их все больше. Только по официальным данным, сейчас 60 из них – жены боевиков. Одних находят живыми, о судьбе других родные узнают, когда эти молодые мусульманки, ушедшие в бандформирования, погибают за “правое дело”» (<http://blog.fontanka.ru/posts/147948>; 30.12.2013).

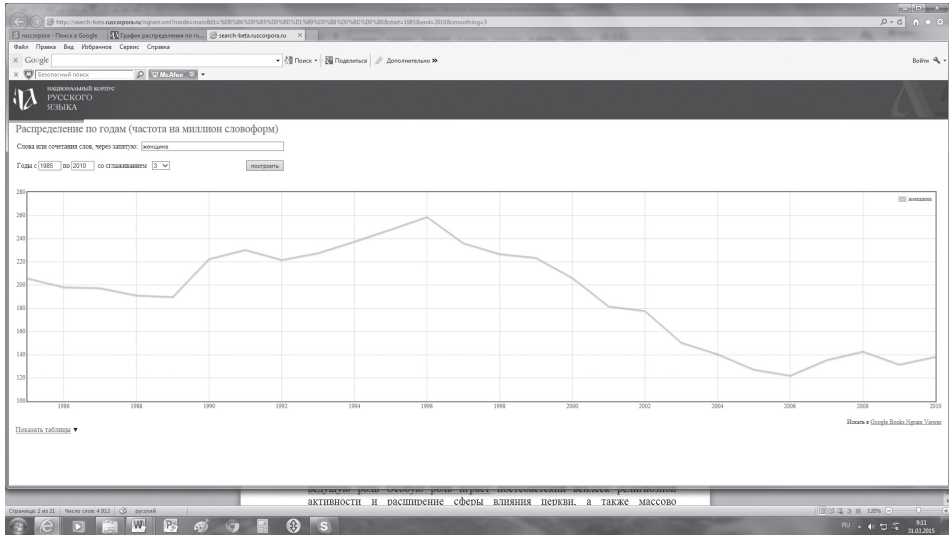

Рис.12. Динамика частотности слова *женщина* 1985 – 2010 гг.

Одновременно несколько сокращается частотность употребления слова *человек*, в большинстве контекстов относящегося к метагендерному уровню (Рис. 13).

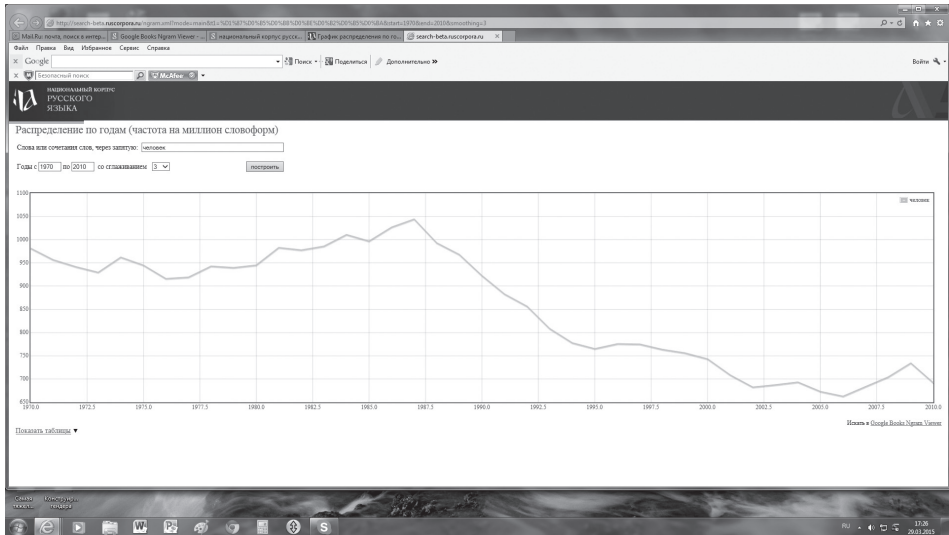

Рис.13. Динамика частотности слова *человек* в 1970 – 2010 гг.

Пики, приходящиеся на середину 90-х гг. и последующие спады частотности объясняются, на наш взгляд, распространением электронной коммуникации: некоторые специфические области, присутствовавшие в СМИ в 90-е годы, ушли в интернет-коммуникацию, не вполне пока отраженную в НКРЯ. В пользу этого аргумента говорят и данные Google books Ngram Viewer (Рис. 14), отражающие книжные публикации, в которых актуальные тенденции диверсификации в интернет-общении не учитываются.

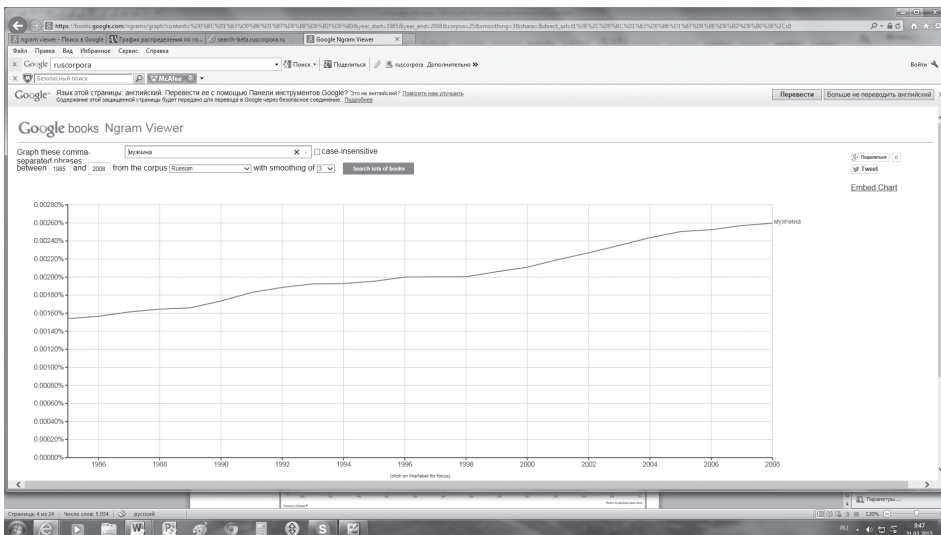

Рис.14 Динамика частотности слова *мужчина* по данным Google books Ngram Viewer 1985 – 2008 гг.

Слово же *мужик*, частотность которого росла в 90-е годы, обнаруживает сегодня меньшую употребительность (Рис. 15).

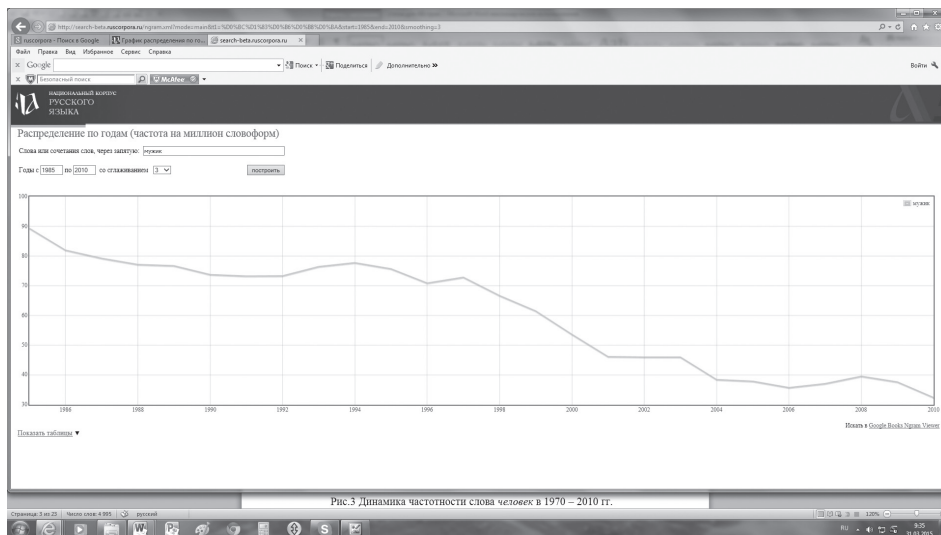

Рис.15. Динамика частотности слова *мужик* в 1980 – 2010 гг.

Литература

- Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999. – 189 с.
- Кирилина А.В.* Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000 – 369 с.
- Колосова О.Н.* Когнитивные основания языковых категорий (На материале современного английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 325 с.
- Маринова Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв: Проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2008. – 44 с.
- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М., 1996. – С. 139-162.
- Шабурова О.* Мужик не суетится или Пиво с характером // О муже(Н)ственности / Под ред. С. Ушакина. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 532-556.
- Штадлер В.* Особенности употребления лексических единиц *женщина, мужчина, человек* у В.В. Жириновского // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – Иваново, 1999. – С. 15-22.
- Bachmann S. et al.* Sichtwechsel. Text- und Arbeitsbuch, Mittelstufe. – Klett, 1995. – 167 S.
- Stefan V. Häutungen.* Fischer Tagebuch Verlag. – Frankfurt/Main, 1994 (Erste Aufl. 1975). – 178 S.
- Stepanova M.D., Cernyševa I.I.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – М., 1986 (zuerst 1976). – 247 S.
- Weiss D.* Frau und Tier in der sprachlichen Grauzone: diskriminierende Strukturen slawischer Sprachen // Slavistische Linguistik, 1984. – S. 317-358.
- Словари**
- Идеографический словарь русского языка (ИСПЯ) / Сост. О.С. Баранов. – М., 1995. – 820 с.
- Словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – М., 1991. – 917 с.
- Словарь синонимов русского языка в двух томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л., 1971. – Т. 1. – 680 с.; Т. 2. – 856 с.
- Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1978.
- Duden Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. von G. Drosdowski. – Mannheim, 1989. – 1816 S.
- Duden Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bänden / Hrsg. von G. Drosdowski. – Mannheim, 1976-1981. – 2992 S.
- Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. – Gütersloh, 1997. – 1420 S.
- Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / Hrsg. von E. Agricola. – Leipzig, 1977. – 818 S.
- Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in 6 Bänden / Hrsg. von R. Klappenbach und W.W. Steinitz. – Berlin, 1978. – 4579 S.

Список сокращений

ИСРЯ – Идеографический словарь русского языка

СРЯ – Словарь русского языка

ССРЯ – Словарь синонимов русского языка

УССРЯ – Учебный словарь сочетаемости слов русского языка.

DUW – Duden Deutsches Universalwörterbuch

GWDS – Duden Das große Wörterbuch der deutschen Sprache

WDG – Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache

WW – Wörter und Wendungen

Т.А. Литвинова, Е.В. Диброва,
П.В. Середин, О.А. Литвинова

УДК 81'23

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АВТОРА И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЕГО ТЕКСТА: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

В ходе экспериментального исследования с применением методов статистического анализа на материале специально созданного корпуса текстов на русском языке *Personality*, содержащего метаданные в виде информации об их авторах, установлены корреляции между количественными параметрами письменного текста (индексы автосемантической, лексического разнообразия, частотности служебных слов и местоимений, индекс предикативности, показатели синтаксической сложности и др.) и характеристиками его продуцента (пол, возраст, тип темперамента в виде баллов по психологическому тесту, наличие и тип акцентуации характера). Наибольшее число корреляций выявлено для возраста, наименьшее – для пола. Среди параметров текста наиболее информативными для диагностирования характеристик личности автора оказались параметры, отражающие частотные характеристики служебных и строевых слов, что подтверждает ранее сделанные нами наблюдения, а также согласуется с результатами, полученными зарубежными исследователями (преимущественно на материале английского языка). Определены перспективы дальнейшего исследования проблемы взаимосвязи характеристик личности и количественных параметров ее речевой продукции.

Ключевые слова: автороведение, корпус текстов, диагностирование личности автора текста, психолингвистика, индивидуальное варьирование в речи.

Tatyana A. Litvinova, Elena V. Dibrova,
Pavel V. Seredin, Olga A. Litvinova

INDIVIDUAL CHARACTERISTICS OF THE AUTHOR AND QUANTITATIVE TEXT PARAMETERS: A CORPUS STUDY

During experiments using the statistical analysis on a special Russian text corpus *Personality* including metadata on their authors, the correlations between quantitative parameters of a written text (autosemanticity indices, lexical variety, frequencies of function words and pronouns, predicativity index, syntactical complexity, etc.) and characteristics of an individual who produced it (gender, age, temperament type based on the psychological test scores, accentuations of character) were found. The largest number of correlations was identified for the age and the smallest for the gender. The most instrumental text parameters in personality profiling were those indicative of frequencies of function and linking words, which agrees with the previous observations as well as the

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-36-50104 мол_нр «Формально-грамматические параметры письменного текста и индивидуально-личностные характеристики его автора: корпусное исследование».

results obtained by foreign scientists (mostly on English texts). Possible new directions in the study of personality characteristics and quantitative parameters of speech production are identified.

Keywords: authorship studies, text parameters, text corpus, linguistic statistics, authorship profiling, psycholinguistics, individual differences in text parameters.

Введение. Проблема поиска корреляций между характеристиками личности и особенностями ее речевой продукции не является новой в мировой науке и активно изучается как российскими, так и зарубежными учеными. В российской науке приоритет в изучении данной проблемы принадлежит психологам, собственно лингвистических работ в этом направлении, как признают сами исследователи, крайне мало, и представленные в них данные носят фрагментарный, эклектичный характер [Седов 2004], «количественная оценка речевых коррелятов психологических характеристик разработана слабо» [Чернов 2012: 139].

Между тем обозначенная проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение, в частности, в лингвокриминалистике для разработки методик классификационной автороведческой экспертизы, цель которой – установление методом лингвистического анализа текста данных о его авторе (пол, возраст, психологические особенности) [Литвинова 2012; Литвинова 2015а]. Кроме того, успешные исследования в этом русле в перспективе могли бы привести к созданию «нового психодиагностического инструментария» [Чернов 2012: 139].

При решении данной проблемы, как показывает анализ научной литературы, особое значение имеет анализ формально-грамматических, не зависящих от темы текста и неконтролируемых автором характеристик, поддающихся квантификации (см., например, [Pennebaker 2003]; см. также краткий обзор в [Литвинова 2013а]).

В наших предыдущих работах [Литвинова 2012; Литвинова 2014; Литвинова 2015б] были предприняты попытки выявления корреляций между формально-грамматическими параметрами текста на русском языке и полом и психологическими характеристиками его автора (в виде баллов по пятифакторному личностному опроснику в интерпретации А.Б. Хромова, Фрайбургскому личностному опроснику) и построения на их основе прогностических математических моделей, позволяющих диагностировать указанные характеристики личности на основе численных значений квантифицируемых параметров продуцируемого ею текста. Данные исследования проводились нами на материале специального созданного корпуса текстов Personality, представляющих собой образцы естественной письменной речи (письмо другу, эссе на различные темы, рассказ по предложенной картине и пр.) [Загоровская 2012]. Отличительной особенностью данного корпуса текстов является метаразметка в виде информации об их авторах (пол, возраст, профессия, данные психологического тестирования и др.). Корпус содержит также подкорпуса «ложных» и «правдивых» текстов, текстов людей, страдающих психическими заболеваниями, и др. В настоящее время в корпусе представлены тексты более 1000 респондентов, и корпус постоянно пополняется (см. подробнее о составе и структуре корпуса: [Литвинова 2015а]).

Аналогичные корпуса текстов созданы для английского, датского языков, и они активно используются исследователями для решения проблем, связанных с по-

строением методик диагностирования личности автора письменного текста, атрибуции текста, выявлением статистически значимых различий между «правдивыми» и «ложными» текстами и т.д. [Литвинова 2015а]. Насколько нам известно, в отечественной лингвистике данный корпус аналогов не имеет.

Для указанных исследований нами были отобраны тексты респондентов, однородных по возрасту, образованию, социальному статусу (студенты 1-3 курсов вузов, всего 231 человек).

В качестве параметров текстов нами использовались:

- 1) частности слов различных частей речи, параметры, отражающие синтаксические характеристики текста [Литвинова 2013б];
- 2) биграммы частей речи (последовательности из двух единиц) [Литвинова 2014];
- 3) комплекс параметров, включавший индексы удобочитаемости, лексического разнообразия, частотности служебных слов и местоимений и т.д. [Литвинова 2015б].

Был выявлен ряд значимых корреляций между характеристиками личности и количественными параметрами текста, на основе которых были построены прогностические модели. В среднем точность полученных моделей для диагностирования пола и индивидуально-психологических характеристик авторов, определенных при помощи пятифакторного личностного опросника, составила 60-65 %, что сопоставимо с результатами подобных исследований на материале английского языка. Наиболее высокая результативность была достигнута при диагностировании склонности автора текста к аутоагрессивному поведению на основе анализа комплекса количественных параметров текста. Так, было установлено, что для текстов, продуцируемых лицами с высокой склонностью к аутоагрессивному поведению, характерно меньшее лексическое разнообразие, меньшее число предлогов, большее число местоимений в целом, и личных в частности, при более высоком индексе логической связанности (создаваемом за счет большего количества союзов и дейктических частиц) и более высоком индексе средней длины предложения [Литвинова 2015б]. Во всех экспериментах была установлена особая значимость анализа частотностей служебных слов и местоимений для диагностирования личности автора текста. Однако необходимы дальнейшие исследования взаимосвязи квантифицируемых параметров текста и характеристик его автора, поиск новых эффективных параметров и их апробация на большом корпусном материале.

Целью настоящего исследования является поиск взаимосвязи между количественными параметрами письменного текста (как доказавшими свою эффективность в предыдущих исследованиях, так впервые используемых для данной задачи) и психофизиологическими характеристиками личности (пол, возраст, тип темперамента, наличие и тип акцентуации).

Экспериментальное исследование взаимосвязи характеристик личности и количественных параметров текста.

1. Материал исследования. Настоящее исследование проводилось на материале одного из подкорпусов корпуса текстов *Personality*², в составлении которо-

---

² Данный подкорпус текстов составлялся Е.В. Дибровой с сентября 2014 по февраль 2015 гг.

го принимали участие жители города Ростов-на-Дону, N = 124, среди которых 91 женщина и 33 мужчины, возраст – от 16 до 79 лет (респондентов в возрасте от 16 до 22 – 51 человек, от 23 до 35 – 33 человека, от 35 до 50 – 13 человек, от 50 до 65 – 17 человек, от 65 до 79 – 10 человек), среднее образование среди них имеет 37 человек, среднее специальное – 13 человек, незаконченное высшее – 22, высшее – 45, два и более высших образования – 4. Перед написанием текста респонденты прошли психологическое тестирование – выполнили тест А. Белова на определение типа темперамента (флегматик; меланхолик; холерик; сангвиник, по каждой из этих шкал для каждого респондента высчитываются баллы в диапазоне от 0 до 1, которые в сумме дают 1); тест на определение акцентуации характера К. Леонгарда – Н. Шмишека (каждый испытуемый получал оценку 0 или 1 в зависимости от наличия/отсутствия акцентуации по шкалам «Гипертимность», «Дистимичность», «Циклотимность», «Эмоциональность», «Демонстративность», «Застревание», «Педантичность», «Тревожность», «Возбудимость», «Экзальтированность»).

От каждого респондента был получен 1 текст на тему «В чем я вижу смысл жизни?», средний объем текста – 342 слова.

2. Параметры текста.

В качестве параметров текста, которые могут коррелировать с характеристиками личности, в настоящем исследовании мы брали количественные параметры текста на разных уровнях его организации. Ряд этих параметров зарекомендовали себя как эффективные в наших предыдущих исследованиях, ряд параметров впервые применяется для решения данной задачи.

1-я группа параметров – **показатели автосемантической и лексической разнообразия текста**. В нашем исследовании [Литвинова 2015б] было показано, что индекс лексического разнообразия (известный также как индекс Хорвата), вычисляемый как отношение числа различных, неповторяющихся, слов к общему числу слов, в первых 100 словах текста, коррелирует с некоторыми параметрами личности.

В связи с этим в настоящем исследовании мы использовали ряд параметров текста, отражающих его лексическое разнообразие и автосемантическую:

1. Индекс автосемантической текста ИА1, вычисляемый как отношение всех полнозначных слов к общему числу слов текста.

2. Коэффициент лексического разнообразия КЛР1, вычисляемый как отношение количества неповторяющихся полнозначных слов к общему числу слов в тексте.

3. Коэффициент лексического разнообразия КЛР2, вычисляемый как отношение количества всех неповторяющихся слов к общему числу слов в тексте.

4. Индекс автосемантической текста ИА2, вычисленный с использованием программы *Textus Pro 1.0* как отношение общего числа полнозначных слов к общему числу слов.

5. Процент покрытия словаря текста (общего числа разных слов, встречающихся в тексте) 5-ю самыми частотными словами (без учета неполнозначных слов).

6. Процент покрытия словаря текста 5-ю самыми частотными словами (с учетом неполнозначных слов).

7. Число слов, состоящих из 10 и более букв, деленное на длину текста в словах.

Параметры 1-3, 5-6 вычислялись при помощи онлайн-ресурса <http://istio.com/>

2-я группа – *показатели смысловой плотности текста*. В качестве показателя смысловой плотности предложения нами был выбран такой показатель, как индекс предикативности (8), вычисляемый как отношение предикативных единиц к длине текста в словах. К предикативным мы вслед за А.Ф. Журавлевым относили финитные формы глагола (однородные глагольные сказуемые считались разными предикативными элементами), императив, инфинитив в инфинитивных односоставных предложениях, неадвербиализованные деепричастия, именную часть сказуемого с нулевой связкой и др. Парцеллированные элементы считались самостоятельными предикативными единицами. Именные однородные связи при одном глаголе не считались предикацией, как и второе именное сказуемое (пришел пьяный), причастия и причастные обороты в определительной функции, обособляемые адъективные определения и т.п. [Журавлев 1988].

3-я группа – *показатели, связанные с частотностью служебных слов и местоимений*:

9. Индекс прономинализации, вычисляемый как отношение количества местоимений-существительных к общему числу существительных.

10. Коэффициент логической связности, вычисляемый по формуле: общее число служебных слов (частицы + предлоги + союзы) / 3N предложений.

Все тексты были размечены при помощи морфологического парсера Xerox Incremental Parser², далее производился подсчет частности слов с теми или иными тегами с ручным снятием омонимии.

4-я группа – *показатели синтаксической сложности текста*:

11. Соотношение числа групп однородных членов и длины текста в словах. Этот параметр Г.Я. Мартыненко относит к числу не зависящих от длины текста параметров, с помощью которых можно измерить синтаксическую сложность текста [Мартыненко 1988: 140].

12. Средняя длина фразы (под фразой мы понимаем простое предложение или предикативную часть сложного предложения); считается как отношение длины текста в словах к общему числу простых предложений и предикативных частей сложного предложения.

13. Средняя длина трех самых длинных предложений текста (в словах).

14. Отношение общего числа фраз к общему числу предложений в тексте.

15. Число случаев интерпозиции придаточного предложения, деленное на общее число придаточных предложений. В ряде работ данный параметр также используется как один из показателей сложности текста (см., например, [Кемпер 1986]).

Синтаксическая разметка текстов проводилась вручную.

3. Результаты эксперимента. После подсчета числовых значений указанных параметров текста данные для расчетов были занесены в *Excel* и далее экспортированы в программу SPSS Statistics для проведения корреляционного анализа.

---

² <https://open.xerox.com/Services/fst-nlp-tools/Consume/Morphological%20Analysis-176>

На первом этапе эксперимента на основе критерия Пирсона был проведен поиск статистически значимых корреляций между выбранными параметрами текста для выявления взаимовлияния параметров текста на разных уровнях языковой системы и уменьшения признакового пространства в дальнейших исследованиях. Полученные данные приведены в табл. 1, в которой на пересечении строки и столбца в случае наличия статистически значимых корреляций между параметрами текста приведено значение коэффициента корреляции Пирсона r (жирным выделены параметры, имеющие между собой высокие уровни связи). В нашем исследовании при поиске корреляций между численными значениями выбранных нами для исследования параметров текста мы исходили из тех соображений, что уровень статистической значимости p не может быть выше 0,05, однако для подавляющего большинства параметров его значение было крайне малым, в силу чего в данной таблице мы его не приводим.

Таблица 1

Статистически значимые корреляции между параметрами текста

Порядковый номер параметра	2	3	4	5	6	7	8	9	12	13	14	15
1	0,824	0,360	0,835			0,466		-0,524				
2		0,631	0,665	-0,403		0,431		-0,393				
3			0,416		0,319			-0,350				
4						0,490		-0,616				
5					0,934							
7							-0,358	-0,452	0,381			
8								0,470	-0,921		0,372	
9									-0,448			
10										0,921	0,791	0,557
12											-0,370	
13											0,827	0,530
14												0,409

Таблица 2

Статистически значимые корреляции между параметрами текста и характеристиками личности

Номер параметра текста	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	13
1. Психологическая характеристика автора												
1.1. Темперамент												
Холерик	-0,225 0,01	-0,224 0,01										
Сангвиник					0,297 0,0008	0,253 0,005						
Флегматик	0,294 0,0009	0,228 0,01										
Меланхолик						-0,233 0,009						
1.2. Акцентуация												
Гипертимность			0,242 0,007			0,225 0,01						
Дистимичность												
Циклотимность	-0,262 0,003			-0,258 0,004					0,258 0,004			
Эмоциональность	-0,205 0,02		-0,238 0,008									
Демонстративность	-0,267 0,003			-0,235 0,009					0,406 0,000003			
Застревание							0,291 0,001					
Педантичность												
Тревожность										0,200 0,03	0,221 0,01	0,228 0,01
Возбудимость									0,244 0,006			
Экзальтированность												
2. Пол	0,256 0,004								-0,296 0,0008			
3. Возраст	0,211 0,02	0,271 0,002			-0,293 0,001	-0,242 0,007		0,260 0,004			0,284 0,001	

Сильная корреляционная связь была нами обнаружена в группе параметров, отражающих лексическое разнообразие текста: между параметрами 1 и 2, 1 и 4, 5 и 6.

Как показало настоящее исследование и наши предыдущие работы, целесообразно различать две группы параметров, связанных с лексическим разнообразием текста, – параметры, учитывающие только полнзначные слова, и параметры, учитывающие все лексические единицы текста. Высокая степень корреляции параметров 1 и 4 говорит о том, что индекс автосемантической текста, показывающий соотношение в нем полнзначных и неполнзначных слов, может быть измерен как при помощи сервиса *istio.com*, так и при помощи бесплатно распространяемой программы *Textus Pro 1.0*.

Также нами была установлена сильная корреляционная связь между индексом предикативности (8) и средней длиной предложения (12): с возрастанием длины предложения этот индекс падает. Коэффициент логической связанности (10) возрастает с увеличением средней длины трех самых длинных предложений (13) и увеличением отношения (14). Параметры (13) и (14) также находятся между собой в сильной прямой корреляционной связи.

Используя аналогичный подход, на втором этапе исследования нами были определены уровни связи между характеристиками личности (пол, возраст, психологические характеристики в виде баллов) и параметрами текста.

В табл. 2 приведены коэффициенты корреляции Пирсона r и уровни статистической значимости p для коррелирующих между собой параметров текста и характеристик личности. Учитывая математические критерии оценки силы корреляционной связи, следует отметить, что уровень связи между исследуемыми величинами находится на границе слабой и средней связи. При расчетах мы сознательно отсекали те корреляции, значение коэффициента Пирсона для которых составляло менее 0,2, поскольку наши предыдущие исследования [Литвинова 2013б; Литвинова 2014; Литвинова 2015б] показывают несостоятельность использования этих данных для дальнейших расчетов.

Следует отметить, что на этапе составления корпуса текстов и тестирования ряд характеристик личности (акцентуации) в соответствии с выбранным подходом задавались не в виде шкалы, а логистически (наличие/отсутствие признака). Поэтому расчет корреляций для большинства параметров демонстрирует весьма низкую связь личности с текстом по сравнению с тем, что нам удалось наблюдать ранее [Литвинова 2015б], когда тот или иной параметр личности имел градацию в виде числового диапазона.

4. Обсуждение. Как показал статистический анализ данных, наибольшее число корреляций с характеристиками личности имеет индекс автосемантической (1), что подтверждает полученные ранее рядом авторов на материале различных языков результаты, свидетельствующие о значимости количественных характеристик неполнзначных слов для диагностирования характеристик личности. С возрастанием доли полнзначных слов в тексте (и соответственно снижением доли неполнзначных слов) падает вероятность того, что автор текста – холерик, имеет

такие акцентуации, как циклотимность, эмоциональность, демонстративность. Также отметим, что более высокие значения этого параметра характерны для мужчин.

Также установлен ряд корреляций с характеристиками личности такого параметра, как индекс лексического разнообразия с учетом только полнозначных слов (2). С его возрастанием ниже вероятность того, что автор текста – холерик, и выше – того, что флегматик.

Также является значимым для диагностирования характеристик личности такой параметр, как процент покрытия словаря текста 5-ю самыми частотными словами с учетом неполнозначных слов. С возрастанием этого показателя выше вероятность того, что автор текста является сангвиником, и ниже – того, что он является меланхоликом; также этот показатель падает с возрастом.

Как и в наших предыдущих исследованиях, выявлен ряд корреляций с характеристиками личности такого параметра, как индекс прономинализации. С его возрастанием также растет вероятность того, что автор текста имеет такие акцентуации характера, как циклотимность, демонстративность, возбудимость. Также высокие значения этого параметра более характерны для женщин.

Как показывает анализ, для диагностирования той или иной характеристики личности оказываются значимыми параметры различных языковых уровней. Так, для диагностирования типа темперамента оказываются значимыми те или иные характеристики лексического разнообразия и автосемантической текста: например, для холериков, в противоположность флегматикам, характерны более низкие показатели индекса автосемантической и лексического разнообразия с учетом только полнозначных слов; для сангвиников характерны более высокие показатели по параметру «процент покрытия 5-ю самыми частотными словами словаря текста» (как с учетом неполнозначных слов, так и без них) в противоположность меланхоликам, для которых характерны менее высокие значения этого показателя (с учетом неполнозначных слов).

Для диагностирования той или иной акцентуации оказываются значимыми различные параметры текста. Так, для гипертимов характерны более высокие показатели индекса лексического разнообразия (3) и более высокий процент покрытия словаря текста 5-ю самыми частотными словами с учетом неполнозначных слов.

Для циклотимов характерны более низкие показатели индекса автосемантической (1), (4) и высокие – индекса прономинализации. Для текстов эмоциональных людей характерны более низкие показатели индекса автосемантической (1) и лексического разнообразия (3). Для речевой продукции демонстративных людей также характерны более низкие показатели индекса автосемантической (1), (4) и более высокие – индекса прономинализации. Для текстов авторов с типом акцентуации «застревание» характерно более высокое значение доли слов, состоящих более чем из 10 букв, для авторов с акцентуацией «возбудимость» – более высокий индекс прономинализации.

Интересно отметить, что синтаксические параметры оказались значимыми только для диагностирования такой акцентуации автора текста, как тревожность. Для текстов лиц с повышенным уровнем тревожности характерны более высокое число однородных групп, более высокая средняя длина трех самых длинных предложений и большие высокие значения коэффициента логической связанности.

Для пола были найдены корреляции с индексом автосемантической (1) и индексом прономинализации (9), что доказывает высказанный в ряде работ тезис о значимости анализа частотностей служебных слов (в частности, местоимений и предлогов) для диагностирования пола автора текста.

В работе был также выявлен ряд корреляций между значениями параметров текста и возрастом его автора, который понимался как диапазон значений от 16 до 79. В текстах людей более старшего возраста выше показатели индекса автосемантической (1), лексического разнообразия с учетом только полнозначных слов (2), более высокий индекс предикативности и выше встречаемость групп однородных членов, меньше – процент покрываемости словаря текста 5-ю самыми частотными словами (как с учетом неполнозначных слов, так и без). Таким образом, как показал анализ, с возрастом происходит увеличение языковой сложности текста. Отметим, что для русского языка проблема диагностирования возраста автора текста остается слабо разработанной.

Выводы. Таким образом, в работе была подтверждена связь между характеристиками личности и количественными параметрами письменного текста. Также исследование подтвердило особую значимость анализа частотных характеристик служебных и строевых слов для диагностирования личности автора текста. Вместе с тем относительно невысокие значения полученных коэффициентов корреляции в сравнении с полученными нами в предыдущих исследованиях указывают на то, что существуют возможности для улучшения полученных результатов. Выделим несколько направлений дальнейшей работы.

Так, в дальнейшем необходимо расширять корпус текстов для лучшей сбалансированности выборки. В частности, для исследования отражения в количественных параметрах текста возраста и пола их авторов возможно расширение корпуса за счет текстов интернет-коммуникации, для авторов которых известны соответствующие данные.

Отметим также, что для большей эффективности корреляционного анализа необходимо выбирать психологические тесты, результаты которых представлены в виде шкалы, а не в виде бинарных оппозиций (наличие/отсутствие признака).

В качестве одного из дальнейших направлений работы видится также расширение списка используемых параметров текста. Как представляется, такое расширение возможно за счет более детального анализа использования авторами текстов служебных и строевых слов, в том числе коннекторов, а также за счет введения количественных параметров, отражающих уровень связности и цельности текста.

Кроме того, необходима проверка количественных лингвистических параметров на стабильность при продуцировании одним и тем же автором текста на другую тему. Частично данную задачу может решить корпус текстов Personality, ряд подкорпусов которого содержат два текста разных функционально-смысловых типов одного и того же автора.

Как представляется, работа в указанных направлениях внесет определенный вклад в решение проблемы диагностирования личности по тексту и – шире – фундаментальной проблемы взаимосвязи языка и личности.

Литература

Журавлев А.Ф. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1988. – С. 84-150.

Загоровская О.В., Литвинова Т.А., Литвинова О.А. Электронный корпус студенческих эссе на русском языке и его возможности для современных гуманитарных исследований // Мир науки, культуры и образования. – 2012. – № 3(34). – С. 387-389.

Литвинова Т.А., Диброва Е.В., Литвинова О.А., Рыжкова Е.С. Корпусные исследования письменной речи в решении задач судебного автороведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015а. – № 7 (в печати).

Литвинова Т.А. Лингвистические основы неидентификационной судебно-автороведческой экспертизы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2012. – Вып. 67. – С. 74-79.

Литвинова Т.А. Профилирование автора письменного текста // Язык и культура. – 2013а. – № 3(23). – С. 64-72.

Литвинова Т.А. Формально-грамматические корреляты личностных особенностей автора письменного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013б. – № 12(30), ч. 1. – С. 132-135.

Литвинова Т.А., Литвинова О.А., Середин П.В. Частоты встречаемости последовательностей частей речи в тексте и психофизиологические характеристики его автора: корпусное исследование // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. – 2014. – № 2. – С. 8-12.

Литвинова Т.А., Середин П.В., Литвинова О.А., Загоровская О.В., Сердюк М.Е. Диагностирование индивидуально-психологических особенностей автора письменного текста, детерминирующих склонность к аутоагрессивному поведению // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015б. – № 3 (в печати).

Мартыненко Г.Я. Основы стилеметрии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 176 с.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.

Чернов Д.Н., Игнатов Ю.Ю. Выражение психологических особенностей в количественных показателях речи // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 1(15). – С. 134-139.

Kemper S. Imitation of complex syntactic constructions by elderly adults // Applied Psycholinguistics. – 1986. – Vol. 7, N 3. – P. 277-287.

Pennebaker J.W., Mehl M.R., Niederhoffer K. Psychological aspects of natural language use: Our words, our selves // Annual Review of Psychology. – 2003. – Vol. 54. – P. 547-577.

Н.И. Миронова

УДК 81'23

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТА: РЕАКЦИЯ НА РАЗЛИЧНЫЕ КОНФЛИКТОГЕНЫ

В статье представлены результаты исследования реакции молодых людей обоего пола на разные типы конфликтогенов в ситуации случайного конфликта. Исследование проводилось методом анкетирования. Установлено, что молодые люди обоего пола предпочитают уход от конфликта его эскалации. Реакция на конфликтоген зависит от его характера (явный – скрытый) и его силы (сильный – слабый), а также от особенностей коммуникативной ситуации. Отмечены и гендерные особенности поведения в конфликтной ситуации.

Ключевые слова: агрессия, конфликт, конфликтоген, эскалация конфликта, избегание конфликта.

Natalia I. Mironova

LINGUISTIC ANALYSIS OF A CONFLICT: REACTION TO DIFFERENT CONFLICT CAUSES

The results of the study of young people reaction to different conflict causes in an accidental conflict situation are presented in this article. The study was conducted by questioning. It was found that young people prefer to avoid the conflicts rather to escalate it. Their reaction depends on the conflict character (clear - hidden) and force (strong - weak) as well as on the communicative situation features. The gender-specific behavior in a conflict situation was noted.

Keywords: aggression, conflict, conflict cause, conflict escalation, conflict avoiding.

Введение

Известно, что эскалация конфликта или его затухание во многом зависит от реакции коммуниканта на конфликтоген. Считается, что на реакцию влияют тип конфликта (случайный – неслучайный) и тип конфликтогена (стремление к превосходству, проявление агрессивности, проявление эгоизма, нарушение правил, неблагоприятное стечение обстоятельств), а также его характер (скрытый – явный) и сила (сильный – слабый).

Еще одним фактором, определяющим степень агрессивности реакции человека (в том числе и в вербальной форме), являются параметры конкретной коммуникативной ситуации. В первую очередь, это так называемые субъективные факторы, связанные с участниками коммуникации. А.Н. Баранов [Баранов 1992: 10–15] подразделяет их на постоянные и переменные. В перечень постоянных признаков включаются биологический пол, возраст, место рождения и воспитания, уровень образования, профессиональная принадлежность говорящего. Переменные социальные признаки связаны с позицией, которую человек занимает в обществе (она

меняется на протяжении всей его жизни) и в данном конкретном коммуникативном акте. Важны также и объективные факторы: тема и цели коммуникации, ее место, временной фактор, наличие наблюдателей и пр. [Беликов, Крысин 2001; Миронова 2008; Седов 2002].

Мы поставили задачу определить, какое влияние на реакцию респондента оказывает тип конфликта и тип конфликтогена, а также его характер и его сила. Основным для нас является вопрос, в каких случаях коммуникант в ответ на агрессивные действия партнера выбирает форму поведения, ведущую к эскалации конфликта, а в каких случаях – к избеганию, и как на это влияют параметры конкретной конфликтной ситуации.

В статье представлены результаты пилотажного эксперимента, проведенного в московских вузах в 2014–2015 гг.

Конфликт, агрессия, конфликтогены

Анализу конфликта посвящено огромное количество литературы. Опыт исследования конфликта обобщен в книге В.И. Шейнова [Шейнов 2004]. Конфликт определяется как открытое противоборство вследствие взаимоисключающих интересов и позиций. Конфликты подразделяются на случайные и неслучайные. Причиной неслучайного конфликта являются накопившиеся между сторонами противоречия. Для случайных конфликтов наличия значимых противоречий между сторонами не требуется. Различаются механизмы возникновения этих двух типов конфликтов и их структура. Стечение обстоятельств, ставшее поводом для конфликта, называется инцидентом. Разрешить конфликт — значит устранить конфликтную ситуацию и исчерпать инцидент [Шейнов 2004: 257–260].

Конфликтогенами называют слова, действия (или бездействие), которые способны привести к конфликту. В этом определении подчеркивается потенциальный характер конфликтогенов. Часто на конфликтоген отвечают еще более сильным конфликтогеном, осуществляя ответную агрессию по отношению к партнеру, стараясь компенсировать свой психологический проигрыш, избавиться от раздражения; начинает действовать закон эскалации конфликтогенов [Шейнов 2004: 242–247]. Именно в этом автор видит причину возникновения случайных конфликтов. Ответ конфликтогеном на конфликтоген не является неизбежным, возможна и другая реакция – так называемый «благожелательный посыл». Это понятие противоположно конфликтогену. К данной категории В.П. Шейнов относит все, что поднимает настроение человека: улыбку, проявление внимания, сочувствие, уважительное отношение, похвалу, комплимент и т.п.

Большинство конфликтогенов, по мнению В.П. Шейнова, можно отнести к одному из следующих пяти типов: 1) стремление к превосходству; 2) проявление агрессивности; 3) проявление эгоизма; 4) нарушение правил; 5) неблагоприятное стечение обстоятельств [Шейнов 2004: 247–253].

Стремление к превосходству может проявляться в форме приказа, угрозы, замечания, отрицательной оценки, критики, обвинения, насмешки, издевки, сарказма. Сюда же можно отнести и хвастовство, категоричность (безапелляционность) оценки, навязывание советов, перебивание собеседника (особенно с целью поправить), напоминание о чем-то неприятном для собеседника, снисходительный тон. Конфликтогены этого типа объединяет подчеркивание своего преимущества перед партнером по коммуникации.

Проявление агрессивности также является конфликтогеном. Агрессия может быть природной, т.е. постоянной чертой личности, или ситуативной, т.е. реакцией на сложившиеся обстоятельства [Шейнов 2004: 277–279]. Ситуативная агрессивность обычно является следствием внутренних конфликтов личности, вызванных сложившимися обстоятельствами (неприятности, плохое настроение или самочувствие), а также ответной реакцией на полученный конфликтоген. Агрессивность психологи связывают с фрустрацией – состоянием, которое возникает вследствие реальной или воображаемой помехи, препятствующей достижению цели. Защитные реакции при фрустрации и проявляются в агрессивности.

Проявление эгоизма является одним из сильнейших конфликтогенов. Эгоист добивается благ для себя, причем обычно за счет других; это и служит почвой для конфликтов. К проявлениям эгоизма можно отнести обман, перекладывание собственной ответственности на другого человека и т.п.

Конфликтогеном может стать и нарушение правил, которые устанавливаются именно с целью предотвращения конфликтов. Наиболее важны для человека правила этики, общежития, дорожного движения, техники безопасности и др. Нарушения правил могут быть преднамеренными или непреднамеренными (вас толкнули, наступили на ногу, но не извинились; кто-то влез без очереди; соседи шумно ведут себя в позднее время и пр.).

Неблагоприятное стечение обстоятельств также может сыграть роль конфликтогена, возникшего помимо чьего-либо желания. Примером может служить очередь, контакт с раздраженным человеком, неприятное или несвоевременное событие, плохая погода и т.п.

Конфликтогены могут быть явными или скрытыми. К явным относят такие конфликтогены, как «проявление агрессивности» и «стремление к превосходству». Это сильные конфликтогены. Скрытыми конфликтогенами являются «проявление эгоизма» и «неблагоприятное стечение обстоятельств». В первом случае мы имеем дело с сильным конфликтогеном, а во втором – со слабым. Самым неоднозначным конфликтогеном является «нарушение правил»: этот конфликтоген может быть как сильным, так и слабым, как явным, так и скрытым; все зависит от конкретной ситуации.

В силу закона эскалации конфликта скрытая агрессия обычно получает отпор в виде явной, более сильной агрессии.

Описание эксперимента

Участниками нашего пилотажного эксперимента стали 130 студентов различных московских вузов, в основном разных факультетов МГУ (65 женского и 65 мужского пола) в возрасте от 17 до 26 лет. Все участники постоянно (или большую часть своей жизни) проживают на территории России, и русский язык для них является родным.

Респонденты отвечали на вопросы анкеты (она приведена ниже), в которой были отражены 6 стандартных ситуаций («Транспорт», «Столовая», «Пожилая женщина», «Гардеробщица», «Соцпрос», «Приятель»), различающихся параметрами коммуникативной ситуации, типом конфликтогена, его характером (скрытый – явный) и силой (сильный – слабый). Варьировались также характеристиками коммуникантов, их отношения и ситуативные роли.

Респондентам предлагалось пять вариантов ответа, аналогичных для каждой ситуации и составляющих своеобразную шкалу. На одном полюсе помещался отказ от коммуникации (вариант 1), на другом полюсе – агрессивное физическое действие (вариант 5). Между ними располагались: вежливый ответ (вариант 2) с формальным показателем вежливости – специальным языковым средством; нейтральный ответ (вариант 3); грубый ответ (вариант 4) с формальным показателем грубости – специальным языковым средством (инвективой) [Жельвис 2007].

Студенты должны были выбрать вариант ответа, соответствующий их обычному, наиболее частому поведению в подобной ситуации (а не тому, который рекомендуется, считается приличным). Для того чтобы избежать влияния последнего фактора – социальной желательности ответов – соблюдалась анонимность. Анкета приведена ниже.

АНКЕТА

Пол _____ возраст _____ соц. статус (студент, служащий, рабочий - подчеркнуть) национальность _____ родной язык _____

Место постоянного проживания _____

Ниже представлены ситуации, с которыми вы часто сталкиваетесь. Как Вы ОБЫЧНО, ЧАЩЕ ВСЕГО реагируете на них? Пожалуйста, выберите один из вариантов ответа и поставьте галочку в соответствующем квадрате. На месте пометки «(инвектива)» подразумевается любое бранное слово (дурак, идиот, придурок, сволочь, хам и т.п.).

1. Вас сильно толкнули в транспорте (метро, автобусе и т.д.).

Вы ничего не говорите (возможно, бросив на виновника презрительный взгляд или рассмеявшись).

Вы говорите: «Нельзя ли поосторожнее?»

Вы говорите: «Вы что толкаетесь?»

Вы говорите: «Ну ты, (инвектива), спокойно стоять не можешь?»

Толкаете человека в ответ (возможно, сопровождая это действие каким-либо высказыванием).

2. Вы стоите в очереди в столовой на перемене, времени у Вас мало, и Вы понимаете, что можете и не успеть пообедать. Вдруг к человеку, стоящему перед Вами, подходят три его приятеля и становятся перед Вами.

Вы ничего не говорите (возможно, бросив на них презрительный взгляд или рассмеявшись).

Вы говорите: «Пожалуйста, встаньте в конец очереди!»

Вы говорите: «Не нужно проходить без очереди!»

Вы говорите: «Послушайте, (инвектива), сейчас же убирайтесь отсюда! Я вас не собираюсь пропускать!»

Выталкиваете их из очереди (возможно, сопровождая это действие каким-либо высказыванием).

3. Вы идете по улице, вдруг идущая навстречу пожилая женщина останавливается, преграждает Вам путь и, указывая на Ваши модные рваные джинсы, начинает причитать: «Господи, срам-то какой, лучше бы совсем без штанов вышла/вышел!»

Вы ничего не говорите (возможно, бросив на нее презрительный взгляд или рассмеявшись).

- Вы говорите: «Пожалуйста, оставьте меня в покое!»
- Вы говорите: «Дайте мне пройти!»
- Вы говорите: «Ну ты, (инвектива), тебе что, заняться больше нечем, только мои джинсы разглядывать?»
- Отталкиваете ее (возможно, сопровождая это действие каким-либо высказыванием).

4. Вы заметили, что гардеробщица, неся Ваше дорогое пальто, волочит его по полу.

- Вы ничего не говорите (возможно, бросив на нее презрительный взгляд).
- Вы говорите: «Пожалуйста, пальто поднимите повыше!»
- Вы говорите: «Мое пальто волочитя по полу!»
- Вы говорите: «Эй ты, (инвектива), ты что моим пальто пол подметаешь?»
- Грубо выхватываете у нее из рук пальто и тут же демонстративно его отряхиваете (возможно, сопровождая это действие каким-либо высказыванием).

5. Вам очень некогда, Вы уже опаздываете, каждая минута на счету. Вдруг звонит телефон, Вы берете трубку и слышите: «Здравствуйте, меня зовут ..., я хочу попросить Вас ответить на несколько вопросов, это займет немного времени ...».

- Вы ничего не говорите и спокойно кладете трубку.
- Вы говорите: «Извините, я сейчас очень спешу, позвоните мне позже».
- Вы говорите: «Я спешу и не могу говорить».
- Вы говорите: «Вы что, (инвектива), специально выбираете время, когда людям неудобно говорить?»
- Вы с негодованием швыряете трубку (возможно, сопровождая это действие каким-либо высказыванием).

6. Вам с приятелем поручили подготовить презентацию. Вы разделили материал пополам и договорились в нужное время сделать совместный доклад, но приятель на занятие не пришел, не предупредив Вас, и Вы получили неудовлетворительную оценку.

- Вы ничего ему не говорите (возможно, бросив на него презрительный взгляд).
- Вы говорите: «Пожалуйста, объясни, почему ты не пришел на занятие?»
- Вы говорите: «Ты меня очень подвел, друзья так не поступают!»
- Вы говорите: «Ты (инвектива), ну кто так делает, у меня теперь из-за тебя двойка!»
- Прекращаете все отношения с ним (возможно, высказав ему все, что Вы о нем думаете).

Обсуждение результатов

Можно считать, что данные, полученные нами в ходе проведения эксперимента, отвечают требованиям надежности и валидности. Надежность мы, вслед за Бэрном и Ричардсон [Бэрон, Ричардсон, 2001: 62], понимаем как «стабильность, или устойчивость во времени». Результаты данного эксперимента совпадают с результатами эксперимента, проведенного в 2013-2014 гг. (подробнее см. [Миронова 2014]), поэтому могут оцениваться как надежные. Валидность понимается как «степень связи измерений шкалы с тем, что хотят измерять». Наши данные являются валидными, поскольку к проявлениям неагрессивного поведения мы относим

реакции, не содержащие языковых показателей (языковых средств выражения) агрессивности: нейтральные ответы и ответы, содержащие формальный языковой показатель вежливости. А к манифестации агрессивного поведения, наоборот, мы отнесли реакции, содержащие языковые средства выражения агрессивности – формальный языковой показатель грубости (инвективу). Сюда же были отнесены и реакции, связанные с агрессивными действиями. Результаты анализа представлены в Таблицах 1 и 2.

Таблица 1.

Количество и процентное соотношение реакций (ответов) респондентов на конфликтогенные ситуации.

Название ситуации	Мужчины				Женщины			
	№ ответа	Общее кол-во ответов	Процент ответов	Процент ответов в «зоне вежливости» и в «зоне грубости»	№ ответа	Общее кол-во ответов	Процент ответов	Процент ответов в «зоне вежливости» и в «зоне грубости»
Транспорт	1.	24	36.9	49.2	1.	32	49.2	46.2
	2.	26	40.0		2.	29	44.6	
	3.	6	9.2		3.	1	1.5	
	4.	6	9.2	13.8	4.	0	0	4.6
	5.	3	4.6		5.	3	4.6	
Очередь	1.	27	41.5	41.5	1.	29	44.6	50.7
	2.	14	21.5		2.	18	27.7	
	3.	13	20.0		3.	15	23.1	
	4.	7	10.8	17.0	4.	1	1.5	4.6
	5.	4	6.2		5.	2	3.1	
Пожилая женщина	1.	37	56.9	35.4	1.	37	56.9	29.2
	2.	11	16.9		2.	6	9.2	
	3.	12	18.5		3.	13	20.0	
	4.	5	7.7	7.7	4.	8	12.3	13.9
	5.	0	0		5.	1	1.5	
Гардеробщица	1.	7	10.8	75.4	1.	4	6.2	89.2
	2.	32	49.2		2.	41	63.1	
	3.	17	26.2		3.	17	26.1	
	4.	5	7.7	13.8	4.	1	1.5	4.6
	5.	4	6.2		5.	2	3.1	
Соцопрос	1.	22	33.8	63.1	1.	11	16.9	81.6
	2.	26	40.0		2.	33	50.8	
	3.	15	23.1		3.	20	30.8	
	4.	0	0	3.1	4.	0	0	1.5
	5.	2	3.1		5.	1	1.5	
Приятель	1.	3	4.6	38.5	1.	2	3.1	75.4
	2.	10	15.4		2.	19	29.2	
	3.	15	23.1		3.	30	46.2	
	4.	34	52.3	56.9	4.	9	13.8	21.5
	5.	3	4.6		5.	5	7.7	

Таблица 2.

Обобщенные данные по количеству и процентному соотношению ответов респондентов.

Мужчины				Женщины				Студенты обоего пола			
№ ответа	Общее количество ответов по всем ситуациям	Процент ответов	Процент ответов в «зоне вежливости» и в «зоне грубости»	№ ответа	Общее количество ответов по всем ситуациям	Процент ответов	Процент ответов в «зоне вежливости» и в «зоне грубости»	№ ответа	Общее количество ответов по всем ситуациям	Процент ответов	Процент ответов в «зоне вежливости» и в «зоне грубости»
1	120	30.8		1	115	29.5		1	235	30.1	
2	119	30.5	50.5	2	146	37.4	62.0	2	265	34.0	56.3
3	78	20.0		3	96	24.6		3	174	22.3	
4	57	14.6	18.7	4	19	4.9	8.5	4	76	9.8	13.6
5	16	4.1		5	14	3.6		5	30	3.8	
Общее количество ответов - 390				Общее количество ответов - 390				Общее количество ответов - 780			

Ответы респондентов мы разделили на три группы: ответ № 1 (двусмысленный); ответ № 2 + ответ № 3 («зона вежливости»); ответ № 4 + ответ № 5 («зона грубости»).

В «зону вежливости» были включены такие типы ответов респондентов, которые демонстрировали тактику бесконфликтного поведения, избегания конфликта. Вариант 2 ответа содержал специальные лексические или синтаксические средства выражения вежливой просьбы (*пожалуйста; извините; нельзя ли*). Вариант 3 ответа имел нейтральную форму выражения (*Не нужно проходить без очереди!*).

В «зону грубости» вошли те типы ответов, которые способствовали эскалации конфликта. Вариант 4 включал специальные языковые средства вербальной агрессии – инвективы (*Эй ты, (инвектива), ты что моим пальто пол подметаешь?*), а вариант 5 подразумевал агрессию физическую (*Толкает человека в ответ*). Подобные ответы на конфликтоген сами являются конфликтогенами (в силу закона эскалации конфликтогенов еще более сильными).

Ответ № 1 рассматривался нами отдельно, поскольку мы не могли однозначно отнести его ни к «зоне вежливости», ни к «зоне грубости». Подобный ответ (*Вы ничего не говорите (возможно, бросив на них презрительный взгляд или рассмеявшись)*) амбивалентен, т.е. может как привести к эскалации конфликта, так и свидетельствовать о намерении его избежать. Ответ был связан с отказом от вербальных средств общения, но допускал использование невербальных, которые также могут быть показателями агрессии. К таким средствам относятся пронизывающий взгляд, мимика агрессии – сдвинутые к переносице брови, раздувающиеся ноздри,двигающиеся скулы, поскрипывание зубов, очень плотно сжатые губы, насмешка, ухмылка [Козлов: Электронная публикация]. Нежелание вступить в диалог также может рассматриваться как проявление скрытой агрессии. В ситуации конфликта с пожилой женщиной, например, реакция последней на отказ от коммуникации вполне может быть и такой: *«Посмотрите на нее/ на него, она/ он как будто не слышит, как будто это ее/ его не касается»* и т.п.

Все конфликты, о которых шла речь в наших анкетах, можно отнести к категории случайных, поскольку между участниками не существует значимых противоречий.

Предложенная В.И. Шейновым классификация конфликтогенов не позволила однозначно соотнести все взятые нами реальные ситуации с определенным типом конфликтогена. Это стало возможным только для ситуации «Соцопрос», связанной с «неблагоприятным стечением обстоятельств». В ситуации «Транспорт» представлены конфликтогены «проявление агрессивности» и «нарушение правил». Ситуацию «Пожилая женщина» можно соотнести как с конфликтогеном «стремление к превосходству», так и с конфликтогеном «проявление агрессивности». Ситуации «Очередь» и «Приятель» имеют отношение к конфликтогенам «нарушение правил» и «проявление эгоизма» (в случае ситуации «Приятель» добавляется еще «неблагоприятное стечение обстоятельств»). Ситуация «Гардеробщица» связана одновременно с «нарушением правил» и «неблагоприятным стечением обстоятельств».

Более ясную картину дает классификация конфликтогенов по характеру (явный – скрытый) и силе (сильный – слабый). В ситуациях «Транспорт» и «Пожилая женщина» представлены случаи явной, уже осуществленной агрессии, физической и вербальной. В воображаемой ситуации «Транспорт» респондента толкают, а в ситуации «Пожилая женщина» агрессия осуществляется вербально в форме обидных слов, публичного оскорбления и унижения достоинства. Речь в этих двух ситуациях идет о явных сильных конфликтогенах.

В ситуации «Соцопрос» агрессия связана с «неблагоприятным стечением обстоятельств»: если бы к вам обратились с просьбой высказать свое мнение в другое время, а не тогда, когда вы спешите, это, скорее всего, не вызвало бы у вас агрессивной реакции. Подобный конфликтоген мы можем наблюдать и в ситуации «Гардеробщица» (хотя к нему добавляется и «нарушение правил»). Если бы гардеробщица увидела, что пальто касается пола, она бы тут же подняла его, и проблема была бы исчерпана. Если же пальто уже испачкано, она поможет вам его почистить. В этих двух случаях конфликтогены можно считать скрытыми и слабыми.

Ситуация «Очередь» – это пример скрытого сильного конфликтогена. С одной стороны, люди, неожиданно появившиеся в очереди перед респондентом, не имеют намерения вступить с ним в конфликт, а с другой – с разрастанием очереди увеличивается время ожидания, что может лишить респондента возможности пообедать и нормально продолжить занятия, т.е. нанести ему серьезный ущерб. В ситуации «Приятель» мы также сталкиваемся со скрытым сильным конфликтогеном. Но здесь расширяется набор конфликтогенов, с которыми она соотносима (к «нарушению правил» и «проявлению эгоизма», свойственным и ситуации «Очередь», добавляется еще и «неблагоприятное стечение обстоятельств»). Кроме того, ситуация «Приятель» отличается от других параметрами, в первую очередь тем, что ее участники не только из одной возрастной группы, одного уровня (и характера) образования, возможно, одного пола, но и близко знакомы и должны учитывать необходимость контактов в дальнейшем. Несмотря на сходство ситуаций «Очередь» и «Приятель» по характеру и силе конфликтогена, их различия становятся причиной разного соотношения количества ответов в «зоне вежливости» и в «зоне грубости».

Полученные нами данные показали четкую корреляцию характеристики и силы конфликтогена (явный сильный или скрытый слабый) с соотношением количества ответов в «зоне вежливости» и в «зоне грубости». Учитывая высокий уровень агрессивности, который, по словам Л.П. Крысина [Крысин 1996: 385–386], свойствен речевому поведению современного человека, мы выдвинули гипотезу о том, что респонденты будут выбирать ответы № 4 и 5, ведущие к эскалации конфликта, в ответ на явный сильный конфликтоген (в ситуациях «Транспорт» и «Пожилая женщина») и, соответственно, неагрессивные ответы № 2 и 3, демонстрирующие избегание конфликта, в ответ на скрытый слабый конфликтоген (ситуации «Соцопрос», «Гардеробщица»). Но наша гипотеза подтвердилась лишь отчасти.

Реакция студентов на явный сильный конфликтоген действительно была более агрессивной. Но как в случае явного сильного конфликтогена, так и в случае скрытого слабого предпочтение они все же отдавали ответам в «зоне вежливости», менялось лишь соотношение количества ответов в «зоне вежливости» и в «зоне грубости». В случае явного сильного конфликтогена отношение ЗВ : ЗГ было не очень велико. По ситуации «Транспорт» оно составило у мужчин 3.6, а у женщин 10.7; а по ситуации «Пожилая женщина» у мужчин – 4.6, а у женщин – 2.1. В среднем по ситуациям с явным сильным конфликтогеном отношение ЗВ : ЗГ составило у мужчин 4.1, а у женщин – 6.4. А в случае скрытого слабого конфликтогена количество ответов в «зоне вежливости» и соотношение ЗВ : ЗГ значительно увеличивалось. По ситуации «Соцопрос» оно составило у мужчин 20.4, а у женщин – 54.4; а по ситуации «Гардеробщица» у мужчин 5.5, а у женщин – 19.4. В среднем по ситуациям со скрытым слабым конфликтогеном отношение ЗВ : ЗГ составило у мужчин 13.0, а у женщин – 36.9. Таким образом, соотношение ЗВ : ЗГ в случае явного сильного конфликтогена оказалось значительно меньше. В случаях скрытого слабого конфликтогена проявились и гендерные различия.

Интересные результаты дает анализ конкретных ситуаций по соотношению количества ответов в «зоне вежливости» и «зоне грубости». У студенток количество ответов в «зоне вежливости» по всем ситуациям превалирует над количеством ответов в «зоне грубости», и это соотношение иногда очень велико (по ситуации «Соцопрос» ЗВ : ЗГ – 54.4). У студентов есть одна такая ситуация («Приятель»), по которой количество ответов в «зоне грубости» превышает количество ответов в «зоне вежливости». Соотношение количества ответов в «зоне вежливости» по отношению к «зоне грубости» составляет 38.5% к 56.9%, т.е. в 1.5 раза чаще студенты выбирают агрессивные варианты ответов: или ответ, содержащий инвективу, или особый в данном случае вид агрессии – прекращение дальнейших контактов, разрыв отношений. Здесь четко прослеживаются гендерные различия. Мнение о существовании гендерных особенностей использования инвективы разделяют многие ученые. Так, отмечается [Дмитриенко: Электронная публикация], что «мужчины чаще используют слова с отрицательной оценочностью, включающие стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы... женщины стремятся использовать коннотативно-нейтральные слова, выражения и эвфемизмы».

Увеличение количества ответов в «зоне грубости» происходит за счет варианта 4 ответа, который предполагает использование инвективы: из 56.9% ответов в «зоне грубости» на ответ № 4 приходится 52.3%. Но более частое использование инвектив молодыми людьми, строго говоря, не позволяет сделать вывод о том, что

они значительно более агрессивны, чем студентки. Функции лексических единиц, относящихся к категории инвектив, очень разнообразны: это и установление/ поддержание контакта, и манифестация отношения «свой» из категории «свой-чужой», и многие другие [Жельвис 2007]. Здесь и особенности общения молодежи (молодежного сленга), и молодежная мужская бравада, и привычная языковая игра. Л.П. Крысин [Крысин 1996: 385–386] пишет о том, что современные молодые люди часто используют речевую инвективу как средство негативной оценки поведения и личности адресата.

Кроме того, данная ситуация отличается от 5-и предыдущих тем, что участники конфликтной коммуникации хорошо знакомы и близки по возрасту. Один этот факт значительно расширяет арсенал языковых средств, которые им позволено использовать. Близкие отношения между коммуникантами и невозможность избежать дальнейших контактов заставляют выяснить причину случившегося и дать оценку происходящему. При этом определяется намеренность поступка (в итоге – причинения ущерба респонденту) и, соответственно, тип конфликтогена: «проявление эгоизма» или «случайное стечение обстоятельств» (в сочетании с «нарушением правил»), что и определяет дальнейшие отношения между участниками конфликта.

Ситуация «Приятель» четко задает роли участников: обвиняющий – обвиняемый (превосходство – подчиненность), а также порядок использования соответствующих речевых актов: обвинения, порицания (с одной стороны) и извинения, оправдания (с другой). А речевой акт обвинения (особенно в состоянии эмоциональной напряженности) делает естественным использование инвективы.

Анализ конкретных ситуаций с точки зрения использования определенного варианта ответа тоже является показательным.

Амбивалентный вариант 1 ответа, который мы не можем однозначно включить в «зону вежливости» или «зону грубости», является почти самым частотным (так же, как и вежливый ответ № 2 – см. ниже). Если обобщить данные по всем ситуациям, то получится, что студенты используют этот вариант ответа в 30.8% случаев, а женщины – в 29.5%; гендерных различий здесь не наблюдается. Такой значительный процент подобных ответов связан как с их двусмысленностью, так и, очевидно, с представлением респондента о том, что этим он демонстрирует нежелание вступать в конфликт, оставляя при этом последнее слово за собой.

Студенты обоего пола довольно часто выбирают этот вариант ответа в трех первых ситуациях: «Транспорт», «Очередь», «Пожилая женщина». У мужчин этот показатель находится в интервале от 36.6% до 56.9%, а у женщин – в интервале от 44.6% до 56.9%. А в ситуации «Соцопрос», где речь идет о разговоре по телефону, мы можем наблюдать некоторые гендерные различия. У мужчин количество ответов № 1 составляет 33.8%, а у женщин лишь 16.9%. Эта ситуация имеет особенности: невербальная реакция здесь неэффективна, поскольку, в основном, недоступна наблюдению адресата; но похоже, что этот факт больше учитывают студентки.

В ситуациях «Приятель» и «Гардеробщица» количество ответов № 1 значительно сокращается, что определяется параметрами каждой конкретной ситуации. Особенно резкое падение можно наблюдать в ситуации «Приятель»: у студентов до 4.6%, а у студенток до 3.1%. Это понятно: прежде чем реагировать презрительной усмешкой на поступок приятеля / подруги, хорошо бы выяснить причину произошедшего. И конечно, скорее захочется выплеснуть эмоции на того, кто виноват в

причинении вам серьезного ущерба, чем просто презрительно на него посмотреть. Вербальная коммуникация здесь необходима.

В ситуации «Гардеробщица» у студентов процент ответов варианта 1 составляет 10.8%, а у студенток – 6.2%. Эта ситуация связана с возможным нанесением ущерба вещи, важной для респондента (пальто, куртки), причем этот процесс разворачивается у него на глазах, давая возможность изменить положение. Поэтому отказ от коммуникации и использование невербальных средств будут малоэффективны; важно быстро исправить ситуацию, а не продемонстрировать гардеробщице с помощью невербальных средств коммуникации оценку ее действий. Кроме того, респондент уверен, что гардеробщица делает это неосознанно, поэтому его замечание немедленно будет принято к сведению.

Самым частотным (практически таким же частотным, как вариант 1) был вариант 2 ответа, содержащий формальный показатель вежливости – специальное языковое средство, лексическое или синтаксическое. У мужчин таких ответов 30.5%, а у женщин – 37.4%. Третий, нейтральный вариант ответа молодые люди обоего пола использовали одинаково часто: студенты – в 20.0% случаев, а студентки – в 24.6%. Ответ № 4, связанный с использованием инвективы, значительно чаще использовали студенты: у них таких ответов 14.6%, а у студенток – только 4.9%. Таким образом, в частоте использования инвективы просматриваются гендерные различия. О других особенностях этого варианта ответа мы уже упоминали выше, анализируя ситуацию «Приятель». Пятый вариант ответа на все вопросы, связанный с физической агрессией или прекращением отношений с партнером по коммуникации (что привело бы к эскалации конфликта), респонденты обоего пола в любой ситуации выбирали очень редко; это наименее частотный ответ. Гендерных различий здесь мы не обнаружили. У студенток процент таких ответов по соотношению с другими вариантами составил в среднем по всем ситуациям всего 3.6%, а у студентов – 4.1%.

В целом можно сказать, что независимо от ситуации, типа конфликтогена, его характера и силы студенты обоего пола чаще старались избежать конфликта. Процентное соотношение количества ответов в «зоне вежливости» и «зоне грубости» по студентам обоего пола составляет 56.3% к 13.6% (оставшиеся 30.1% приходятся на вариант 1 ответа). Таким образом, в 4.1 раза чаще современные студенты выбирают неагрессивную модель поведения и не реагируют на конфликтогены, стремятся погасить конфликт. При этом можно отметить и гендерные различия: студентки более миролюбивы, чем студенты. У студентов соотношение количества ответов в «зоне вежливости» и «зоне грубости» составляет 50.5% к 18.7%, т.е. они в 2.7 раза чаще выбирают вежливый или нейтральный ответ, а вот у студенток соотношение в «зоне вежливости» и «зоне грубости» составляет 62.0% к 8.5%, т.е. они гораздо чаще, чем студенты (в 7.3 раза), выбирают нейтральный или вежливый вариант ответа.

Выводы

Наше пилотажное исследование показало, что московские студенты в ситуации случайного конфликта в ответ на агрессию чаще выбирают неагрессивную модель поведения, ведущую не к эскалации, а к затуханию конфликта. На выбор ответа тип конфликтогена (стремление к превосходству, проявление агрессивности, проявление эгоизма, нарушение правил, неблагоприятное стечение обстоятельств)

влияет лишь косвенно, поскольку связан с характером конфликтогена (явный – скрытый) и его силой (сильный – слабый). Мы обнаружили непригодность предложенной в книге В.И. Шейнова [Шейнов 2004] классификации конфликтогенов к анализу реальных жизненных ситуаций: только в редких случаях ситуацию можно однозначно соотнести с определенным типом конфликтогена. И это не удивительно: конфликт – явление сложное и многогранное, требующее многоаспектного анализа.

В результате исследования была установлена корреляция показателей характера и силы конфликтогена с количеством ответов в «зоне вежливости» и в «зоне грубости». Явный сильный конфликтоген (ситуации «Транспорт», «Пожилая женщина») приводит к уменьшению количества ответов в «зоне вежливости» и к увеличению – в «зоне грубости». В случае слабого скрытого конфликтогена (ситуации «Соцопрос», «Гардеробщица»), наоборот, количество ответов в «зоне вежливости» увеличивается, а в «зоне грубости» уменьшается.

На выбор ответа респондента влияют также личностные качества и ролевые отношения партнеров по коммуникации, намеренность – ненамеренность их действий, ожидания (прогнозы поведения партнера), необходимость дальнейших отношений с ним и пр.

Самыми частотными ответами (около 30-и %) стали ответ № 1 (молчание, возможно, сопровождаемое невербальными коммуникативными средствами) и ответ № 2 (с языковым показателем вежливости). Важность учета невербальных средств коммуникации при анализе ответа № 1 доказывается тем, что количество подобных ответов резко сокращается в ситуациях «Соцопрос» и «Гардеробщица», где использование невербальных средств неэффективно. Реакция в форме физической агрессии (ответ № 5) для студентов не характерна; это наименее частотный ответ. У мужчин количество таких ответов составляет 4.1%, а у женщин – 3.6%.

Обнаружены и гендерные различия: при практически одинаковом количестве ответов № 1 у студенток несколько больше ответов в «зоне вежливости» (62.0% против 50.5% у студентов) и одновременно меньше ответов в «зоне грубости» (8.5% против 18.7% у студентов). Гендерные различия проявились также в ситуациях со скрытым слабым конфликтогеном («Соцопрос» и «Гардеробщица»). Есть различия и в использовании инвективы студентами и студентками: для студентов такие ответы менее характерны.

Анонимность участия респондента в анкетировании позволила нам уменьшить влияние на его ответы «внутреннего контролера», строго следящего за соответствием поведения принятым в обществе нормам, несмотря на то, что эксперимент был лабораторным: студенты сталкивались не с реальными, а с воображаемыми ситуациями.

Наш пилотажный эксперимент показал большой потенциал лингвистического анализа вербальных и невербальных компонентов коммуникации: с его помощью можно не только идентифицировать лингвистические средства, используемые в конфликтной коммуникации, но и понять причину их использования и их функции в конкретной коммуникативной ситуации. Но полноценный анализ конфликта, вне всяких сомнений, возможен только при междисциплинарном подходе.

Литература

Баранов А.Н. Социальный статус человека в лингвистическом аспекте // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. Сб. научно-аналитических обзоров / Н.Н. Трошина. – М.: ИНИОН, 1992. – С. 47-74.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Рос. Гос. Гуманит. Ун-т, 2001. – 439 с.

Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.

Дмитриенко Г.В. Социальный аспект англоязычной субстандартной инвективы. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/V/uch_2008_V_00030.pdf (дата обращения: 6.04.2015).

Жельвис В.И. Инвективная агрессия в ряду эмотивных средств // Социальная психолингвистика / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 278-334.

Козлов Н.И. Как определить невербальные сигналы агрессии. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.stepandstep.ru/catalog/learn-as/109305/kak-opredelit-neverbalnye-signaly-agressii.html> (дата обращения: 31.03.2015).

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Е.А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 384-408.

Миронова Н.И. Отражение характеристик коммуниканта в речевом поведении (когнитивный анализ) / Н.И. Миронова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 312 с.

Миронова Н.И. Является ли речевая агрессия нормой общения? // Психология общения и доверия: методология, теория, практика: Материалы междунар. конф. – М.: Ун-т Рос. Академии образования, 2014. – С. 738-742.

Седов К.Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии // Материалы международной конференции «Диалог 2002» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive> (дата обращения: 6.03.2013).

Шейнов В.П. Искусство управлять людьми / В.П. Шейнов. – Минск: Харвест, 2004. – 512 с.

О.А. Нестерова

УДК 81'23

К ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: МЕТОДИКА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье представлены результаты разработки методики психолингвистического анализа языковой личности. Данная методика реализует возможность интеграции различных подходов, заложенную в концепции языковой личности, направлена на изучение устной речи и основывается на сочетании акустических, экстра-, пара- и собственно лингвистических видов анализа с последующей общей психолингвистической интерпретацией. Эмпирическим материалом послужили видеозаписи интервью с русским писателем В.П. Астафьевым.

Ключевые слова: языковая личность, мотивационный ориентир, психолингвистический анализ, спектральный анализ, кепстральный анализ, анализ осциллограммы.

Olga A. Nesterova

TO THE INSTRUMENTALIZATION OF LINGUISTIC PERSONALITY RESEARCH: A PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS METHOD

The article presents the results of development of a linguistic personality psycholinguistic analysis method. The technique realizes the possibility of integration of different approaches included in the linguistic personality conception. The techniques aimed at studying of oral speech and is based on a combination of acoustic, extralinguistic, paralinguistic and linguistic types of analysis followed by general psycholinguistic interpretation. The empirical material consists of video interviews with a Russian writer V.P. Astafyev.

Keywords: linguistic personality, motivational reference point, psycholinguistic analysis, spectrum analysis, cepstrum analysis, waveform analysis.

Введение

Концепция языковой личности, восходящая к трудам Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова, обозначила собой антропоцентристский поворот в отечественной лингвистике. Концепция была призвана выполнить интегративную функцию, объединив в рамках одной парадигмы положения и методы различных лингвистических дисциплин, а также других наук социально-гуманитарного цикла. Интегративный потенциал содержится в постулате, согласно которому язык – это не просто система, но система, принадлежащая человеку, а в человеке как объекте наблюдения с одинаковой долей справедливости можно выделить историческую, социальную, психологическую, когнитивную и другие составляющие.

Новая концептуальная рамка была с энтузиазмом воспринята многими исследователями, как отечественными, так и зарубежными. Об этом свидетельствует большой объём работ, выполненных в рамках этого направления к настоящему времени.

Однако данное замечание касается в первую очередь работ теоретического плана. В прикладных исследованиях языковая личность изучается в различных аспектах: структурном, текстовом, лексикографическом, историко-лингвистическом, социолингвистическом, коммуникативно-функциональном, прагмалингвистическом, поведенческом и гендерном.

Прикладные исследования данной проблематики отличаются социо- и этнолингвистическим креном: в них преобладает акцент на построении обобщённых языковых личностей представителей определённых социальных групп или этносов. Те же из работ, которые обращаются к анализу индивидуальных языковых личностей, опираются преимущественно на традиционные для лингвистики методы, тем самым не в полной мере раскрывая интегративный потенциал, заложенный в концепции языковой личности.

Таким образом, в современной лингвистике всё ещё довольно остро стоит вопрос необходимости разработки и апробации методик исследования языковой личности, ориентированных на интеграцию различных научных дисциплин и подходов.

Языковая личность – объект непосредственно ненаблюдаемый, но гипотетически предполагаемый, это область сопряжения мыслительных (когнитивных), психических (личностных) и лингвистических (языковых) сторон человека. Языковая личность человека проявляется в том, как он распоряжается в речи языковыми средствами. Мы полагаем, что исследовать особенности языковой личности можно, выявляя и изучая её мотивационные ориентиры.

Мотивационный ориентир, на наш взгляд, представляет собой прагматический феномен, находящийся на стыке психологического и лингвистического. Под мотивационными ориентирами мы подразумеваем цели, установки и мотивы, «выражающиеся в устойчивых коммуникативных потребностях и чертах», влияющих на специфику речевого поведения личности «и в конечном счёте – информирующих о её внутренних установках, целях и мотивах» [Караулов 2010: 39].

Ю.Н. Караулов употребляет термин «мотивационный ориентир» в психолингвистическом значении при описании одного из уровней языковой личности. На мотивационном уровне «языковая личность как объект исследования сливается с личностью в самом общем, глобальном социально-психологическом смысле» [Караулов 2010: 38]. Важную роль при этом играет именно психическая, «а именно, эмоционально-аффективная составляющая, характеризующая интенциональности личности в коммуникативно-деятельностной сфере» [Караулов 2010: 45-46]. Мотивационный уровень в организации языковой личности оказывается, по его мнению, наиболее труднодоступным для исследователя, поскольку мотивы, интересы, устремления, интенциональности, цели, как и творческие потенции человека, в значительной доле строятся на аффектах и эмоциях, а языковое выражение последних, не говоря уже о психической сущности, исследовано недостаточно [Караулов 2010: 211]. Учёный отмечает, что «техника лингвистического анализа пока слабо разработана для решения задачи реконструкции мотивационной сферы личности на основании её дискурса», однако выражает надежду, что «этот пробел в лингвистической технологии будет ликвидирован» вследствие «широкого выхода в область прагматики» [Караулов 2010: 87].

Описание методики

С учётом изложенного выше нами была предложена методика психолингвистического анализа языковой личности, базирующаяся на выявлении и комплексном анализе мотивационных ориентиров в речи человека. В качестве теоретико-методологической основы выбрана психолингвистика как наука, исторически занимающаяся изучением живой разговорной речи и тех её проявлений, которые находятся вне фокуса внимания общего языкознания. Эмпирическим материалом послужили видеозаписи интервью с писателем В.П. Астафьевым, хронологически разделённые на периоды с промежутками около 10 лет.

В рамках анализа сформулированы критерии выделения мотивационных ориентиров, разделяющиеся на несколько категорий:

лингвистические – подразделяются на 3 группы: аудитивные, коммуникативно-прагматические и собственно языковые характеристики;

паралингвистические (анализ невербальных компонентов коммуникации в аффективном состоянии);

экстралингвистические (анализ общеисторических и биографических событий и их влияние на речь говорящего).

Наличие в одном фрагменте речи нескольких индикаторов (т.е. признаков, отклоняющихся от нормы, свойственной для изучаемой личности), указывает на возможность присутствия в данном фрагменте мотивационного ориентира, что опровергается или подтверждается в ходе дальнейшего анализа.

Исследование интервью подразделяется на четыре этапа:

I. Экстралингвистический анализ, заключающийся в сборе информации об изучаемом субъекте коммуникации (черты характера, детали биографии). Также проводится сбор расширенной информации об экстралингвистической реальности, в которой реализуются анализируемые коммуникативные акты (период в жизни анализируемой личности и в истории общества, к которому она принадлежит). Поскольку личность формируется событиями её собственной и общественной жизни, полноценное изучение языка через обращение к личности его носителя требует учёта этих основных событий. При этом мы вслед за Т.В. Романовой принимаем «широкое понимание контекста», которое включает в себя все факторы, сопутствующие вербальной коммуникации. Это и «ситуация общения, и совокупность культурных и социальных условий, в которых совершается коммуникация, сетка контекстов, в которую включается данный текст: контекст эпохи, литературного направления, индивидуальной авторской системы и т.д.» [Романова 2009: 61].

II. Анализ отобранных записей речи изучаемой личности. Главная цель данного этапа – выявить мотивационные ориентиры (лексические, тематические, концептуальные), то есть некие слова, мысли и образы, вокруг которых строится речь, к которым человек всё время возвращается, которые вызывают у него самый сильный отклик, которым он уделяет больше времени.

Второй этап анализа – ключевой, поскольку здесь комплексно задействуются различные исследовательские техники: собственно лингвистические, паралингвистические, а также инструментальные.

Собственно лингвистический анализ включает несколько методов: концептуального, семантико-синтаксического, лексико-семантического, пропозиционального (логико-грамматического), лингвостилистического, функционально-

стилистического видов анализа, метода грамматического анализа предложений, анализа коммуникативной организации текста, контент-анализа.

Паралингвистический анализ основывается на методике Т.Н. Синеоковой [Синеокова 2008] и направлен на изучение невербальных компонентов коммуникации (НКК), зафиксированных на видеозаписи. Паралингвистический анализ представляет собой анализ жестов, позы и мимики говорящего в зависимости от типа его психофизиологического (в нашем случае аффективного) состояния. НКК передают совместно с вербальными смысловую информацию в составе речевого сообщения, поэтому их анализу отводится значительное место в нашем исследовании. К паралингвистическим средствам относятся следующие виды: 1) фонационные (тембральные и энергетические характеристики голоса, темпоритмические особенности речи, мелодика, особенности артикуляции, манера и тон речи); 2) кинетические (жесты, поза, мимика, окулесика (визуальное взаимодействие), локомоции (перемещение говорящего в пространстве), голосовые характеристики (смех, покашливание)).

Аналитика паралингвистических средств проводится с помощью методов визуального наблюдения и аудитивного перцептивного анализа голоса и речи.

Инструментальный аспект исследования представлен анализом осциллограммы звукового давления, спектральным анализом и кепстральным анализом. Эти методы исследования, активно применяемые при проведении фоноскопической экспертизы, позволяют с точностью выявить и проанализировать различные сегментные и суперсегментные фонетические единицы. Для проведения инструментального анализа используется специальное программное обеспечение.

Таким образом, будучи соположены, результаты трёх видов анализа позволяют с точностью определить мотивационные ориентиры, представленные в речи изучаемой личности.

III. Сравнение результатов исследования отдельных интервью в диахронии; выявляются «стабильные» мотивационные ориентиры, которые постоянно организуют речь, несмотря на исторические, общественные и ситуативные изменения, а также мотивационные ориентиры, возникающие от случая к случаю.

IV. Интерпретация полученных результатов.

3. Апробация методики

Рассмотрим применение предлагаемой методики при анализе интервью, данного В.П. Астафьевым для пермского телевидения в 1982 г. Видеозапись для исследования была взята из сети Интернет.

Собственно лингвистический и инструментальный анализ

Мотивационными ориентирами в интервью этого периода для В.П. Астафьева выступают «родина», «война» и «дети», что подтверждается и набором индикаторов, и структурой текста: он строится вокруг этих трёх центральных понятий, прослеживается взаимосвязанность, чёткий переход и смена микротем, которые можно обозначить вышеназванными лексемами.

В количественном представлении лексема «родина» встречается 6 раз, «война» – 13 раз, «дети» – 13 раз. При сравнительно большой продолжительности монолога писателя (чуть более 40 минут) и таком немногочисленном наборе мотивационных ориентиров их «удельный вес», а следовательно и значимость, растёт.

Перечислим индикаторы выделенных нами мотивационных ориентиров.
«Родина»

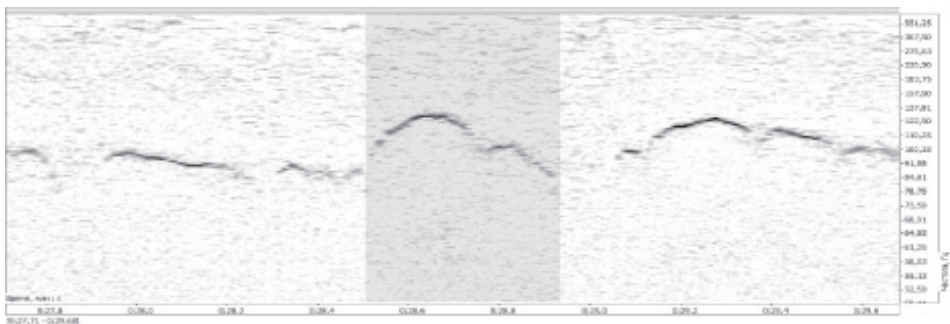
В семантическое поле «родина» входят следующие лексические репрезентанты: *малая и большая, Урал, город Чусовой, Пермь, рождение детей, могилы родных, могила девочки маленькой, чусовляне, народ Чусового, Владимир Александрович Черненко, Борис Никандрович Назаровский, Александр Краевский, Людмила Сергеевна «Мама» Римская, Клавдия Васильевна Рождественская.*

Данные репрезентанты условно можно подразделить на 3 группы: географические объекты, их жители, события, связанные с понятием *родина*.

Набор индикаторов мотивационного ориентира «родина» следующий.

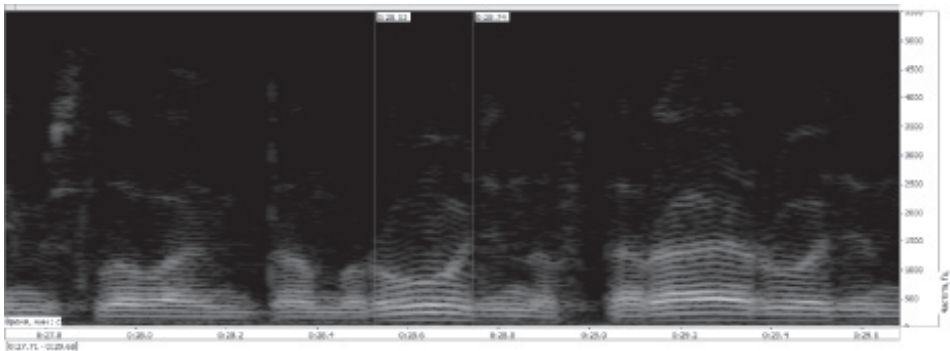
Аудитивные характеристики:

- повышение тона на ударном гласном в значимом слове (см. изобр. 1)

Изображение 1. Направление движения тона в слове *родина*.

- выделение ударного слога в значимом слове большей интенсивностью произнесения и эмфатической долготой (см. изобр. 2)

Изображение 2. Увеличение длительности и интенсивности произнесения ударного слога при произнесении слова *родина*. Эмфаза.

Коммуникативно-прагматические характеристики:

включение вставной информации в виде присоединений и «лирических отступлений»: *Я, к таким людям не принадлежу, у меня одна родина, я одну её люблю, и малую и большую. Для меня они неразделимы.*

включение вставной информации в виде «лирических отступлений»: *Родина есь одна, и никакой второй и третьей не бывает. Хотя есть ведь люди, которые*

находят и вторую, и третью, и четвёртую.

использование «влиятельных» форм сообщений в виде обозначения своей позиции: *Родина есть одна, и никакой второй и третьей не бывает. Хотя есть ведь люди, которые находят и вторую, и третью, и четвёртую. Я, к таким людям не принадлежу, у меня одна родина, я одну её люблю, и малую и большую.*

Собственно языковые характеристики:

употребление имени и отчества и неофициальных наименований (ласкательных слов) при номинации людей, ассоциируемых у говорящего с родиной: *Владимир Александрович Черненко, Борис Никандрович Назаровский, Клавдия Васильевна Рождественская, Людмила Сергеевна «Мама» Римская.*

«Война»

Весь фрагмент интервью, посвящённый войне, строится на противопоставлении базовых лексем. Они озвучиваются В.П. Астафьевым в сильной инициальной позиции, в первом высказывании. Это **милосердие и мир и война**. В самой организации противопоставления этих двух понятий уже заложен, хотя и имплицитно, такой концептуальный признак войны, как 'жестокость'. **Мир и милосердие** выступают контекстуальными синонимами.

Лексические репрезентанты, входящие в семантические поля «милосердие и мир» и «война» представлены в таблице 1.

Таблица 1

	МИЛОСЕРДИЕ И МИР	ВОЙНА
характеристики	<i>великие вещи, ради которых и должен жить человек</i>	<i>оплачивается страданием, нехватками, недостатками; такое безумие повторять непростительно адское оружие (о крылатой ракете)</i>
субъекты	<i>всё живое, невинные, безгласные неразумные твари; мир живой</i>	<i>человек с профессиональным спокойствием ... как о работе (о подготовке к военным действиям); он в мире чуждый человек, вредный миру человек; самодовольный, сытый человек</i>
эмоции	<i>жалко животных и, очень жалко тайгу</i>	<i>никакой страсти, никаких эмоций</i>
модели поведения субъекта	<i>насторожённость, соблюдение самого себя в мире, ответственность</i>	<i>не понимает, не осознаёт этого; недорастание, непонимание того, что произойдёт</i>

Набор индикаторов мотивационного ориентира «война» следующий.

Аудитивные характеристики:

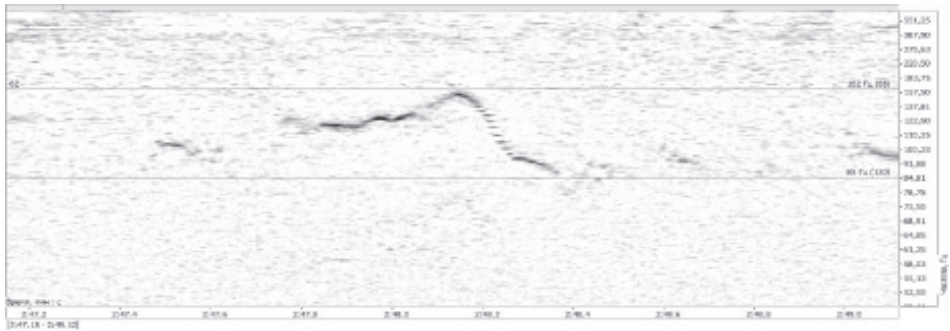
скрипучий тембр на участках со значимой лексемой

значительные перепады высоты голоса в пределах одного слова (значимой лексемы *война*) (см. изобр. 3, 4)

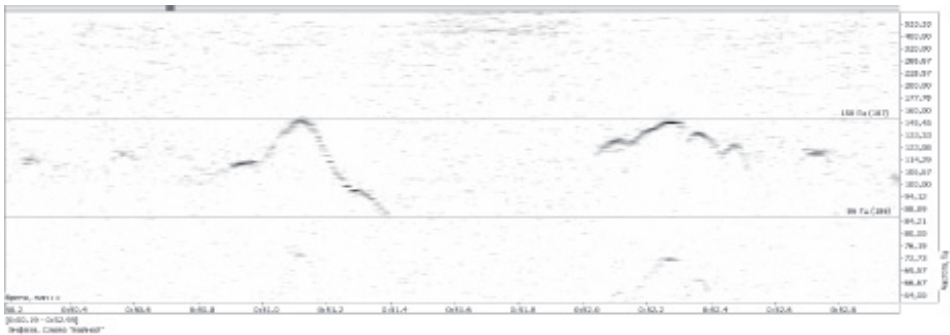
резкое понижение тона в словах, несущих смысловую нагрузку (см. изобр.

3, 4)

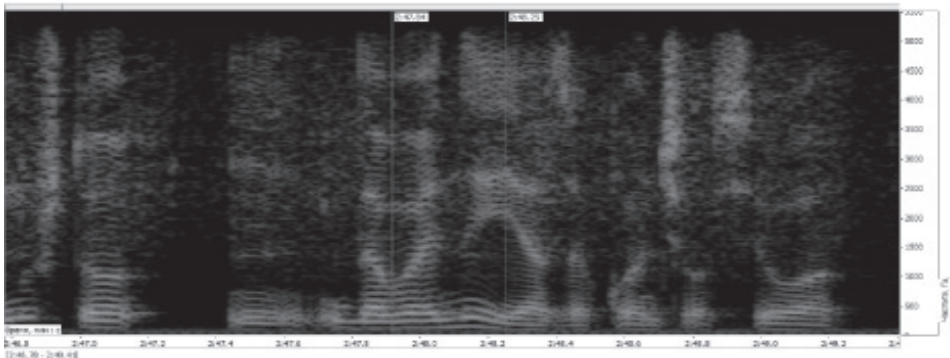
Изображение 3. Направление движения тона в слове *войны*. Перепад высоты голоса.

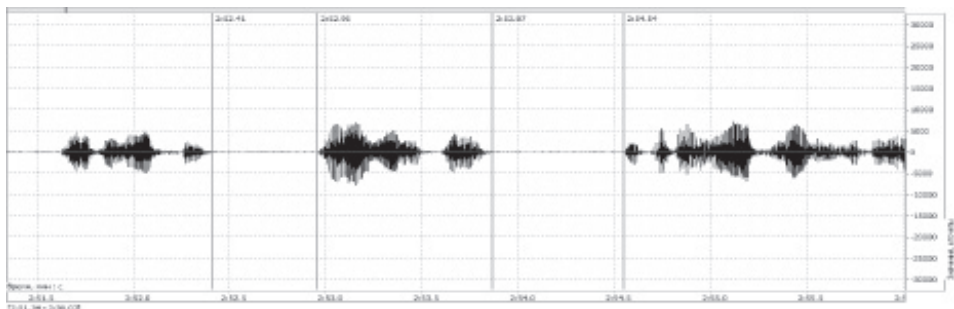
Изображение 4. Направление движения тона в слове *войны*. Перепад высоты голоса.

- выделение ударного слога в значимом слове большей интенсивностью произнесения и эмфатической долготой (см. изобр. 5)

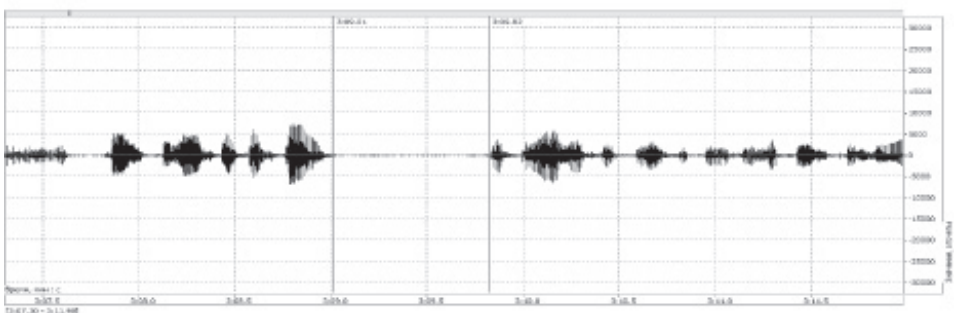
Изображение 5. Увеличение длительности и интенсивности произнесения ударного слога при произнесении слова *войны*. Эмфаза.

- отчётливое динамическое артикулирование на участках, где встречается лексема *война*
- замедление темпа на участках со значимыми словами
- удлинение пауз перед и после значимого слова (см. изобр. 6, 7)

Изображение 6. Пауза до и после «на войне».

Изображение 7. Пауза перед словом *войны*.

- изменение манеры речи (со спокойной на вкрадчивую) на участках со значимыми лексемами

- заполнение пауз хезитации нефонологическими образованиями типа [н], [м], [э]: *И всё это оплачивается какой-то, н-н, чело-, человеческой, огромной человеческой энергией, страданием, нехватками, недостатками; Сидит самодовольный, сытый человек, понимаешь, подсчитывает, сколько будет этой ракетой сметено, э-э, и только боится, чтоб ракета на его сына не упала; Вот, м-м, и это тоже как-то страдает наверно.*

- сбой речепорождения в виде повтора слогов и слов, поправок-самоперебивов неверно сказанного слова, оговорок, переформулирования высказывания в процессе речепорождения: *они ж не-, неразумные твари, мы ответственность за них ведь тоже, за мир живой за этот, так сказать; Вот-, вот как он излагает свою точку зрения и в то же время, он не понимает своего-, что он в мире чуждый человек. Немецкий ли он какой ли, он-, он вредный миру человек, этот Гудериан, а он не осознаёт этого; Ну, к сожалению, вот когда мы щас разговариваем с ми-, с Вами, опять в мире так беспокойно, так сложно; Нельзя того-, у меня сам-, я щас дед, у меня двое внуков; Нельзя человеку-, вот где-то на стыке вот этих мыслей, э-э, мне бы хотелось сделать книгу как-то.*

Коммуникативно-прагматические характеристики:

- включение вставной информации в виде присоединений, «лирических отступлений», перескакивания на другие темы в процессе воспоминаний: *Все, кто слушает меня, наверно, тоже или внуков, или детей, или кого-то имеют. Вот.*

А кто может быть и кошку и собаку имеет, тоже жалко. Мне, кстати говоря, очень жалко животных и, очень жалко тайгу и всё, это всё живое. Вот, м-м, и это тоже как-то страдает наверно. Во всяком случае, мы без всего этого страдать будем; И вот когда невинные особенно, безгласные, не знающие наших законов, не знающие то, что не только на человека, но и на них заготовлены огромные количества взрывчатки, они ж не-, неразумные твари, мы ответственность за них ведь тоже, за мир живой за этот, так сказать; Вот как-то вот-, это я Вам говорю, что мне хотелось бы как-то в общем это осмыслить, проследить на человеческой судьбе. Хотя книг антивоенных и-и страшных книг написано очень много. Я, прочитал, значит, в переводе, Шерберга, э, книгу Трамбо-американца «Джонни получает винтовку», она у нас ещё не напечатана. Ну это переводчик «Трёх товарищей» Ремарка, «Триумфальной арки», переводчик очень хороший. Я был потрясён просто этой книгой.

- использование при аргументации средств, апеллирующих к моральным нормам и эмоциональной сфере собеседника: *потому что такое безумие повторять, ну непростительно просто; я щас дед, у меня двое внуков. Все, кто слушает меня, наверно, тоже или внуков, или детей, или кого-то имеют. Вот. А кто может быть и кошку и собаку имеет, тоже жалко. Мне, кстати говоря, очень жалко животных и, очень жалко тайгу и всё, это всё живое. Вот, м-м, и это тоже как-то страдает, наверно. Во всяком случае, мы без всего этого страдать будем.*

- выделение слова путём присоединения частицы -то: *изобретатель этой, ракеты-то крылатой; Вот, хотелось бы как-то, немножко потревожнее-то было, чтоб люди всё-таки, задумались над тем, как они живут.*

- использование просодических средств воздействия на собеседника при помощи варьирования громкости голоса и тембра: *Вот, хотелось бы как-то, немножко потревожнее-то было, чтоб люди всё-таки, задумались над тем, как они живут.*

Собственно языковые характеристики:

- выражение оценки за счёт использования лексики с отрицательной семантикой: *это оплачивается <...> страданием, нехватками, недостатками; безумие [о войне]; в мире чуждый человек; вредный миру человек; самодовольный, сытый человек; адского оружия.*

- употребление десемантизированных элементов при хезитации: *Я сейчас как раз вот, э-э, значит, э, м, в связи с тем, что вот готовлюсь писать книгу, я ездил и за границу для этого, читал много, и не торопился, не тороплюсь приступить; Вот читаю записки Гудериана, вот, и меня потрясает, сама фактология, значит, того, что он излагает; Он спокойно, как о работе, какое-то вот, значит, своё, как, они покоряли Францию, главы потряса-ающие совершенно, как Польшу, потом как готовились к войне с нами, как перешли грани-ицу, всё по минутам, всё педантично, так скать.*

«Дети»

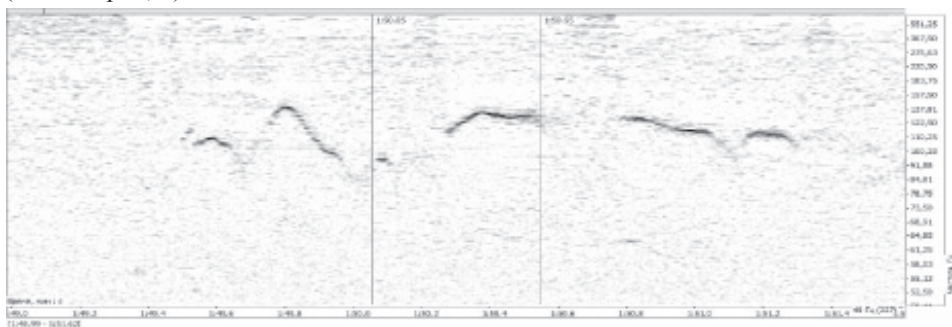
Дети рассматриваются В.П. Астафьевым в тесной взаимосвязи с проблемой будущего, в качестве его символа. «Вопрос очень сложный, вопрос, не может который не волновать никого из нас старших. Всё-таки им оставаться жить на земле, им продолжать нас», – говорит писатель.

В семантическое поле «дети» входят следующие лексические репрезентанты, обозначающие: 1) желательные характеристики, присущие детям: *добрые, хорошие, трудолюбивые*; 2) проблемы молодого поколения: *доказывают свою самостоятельность <...> каким-то негодными средствами; семь молодых лбов могут на улице напасть на человека, <...> избить его и даже убить; сидят на шее у родителей, имея уже ребёнка; хипёжник; стремления к джинсам, к малогабаритному раю; эгоизм; нежелание хранить родителей; нежелание помогать им; сдать свою мать в дом престарелых; сиротство; при родителях сироты; влияние пьяниц на детей.*

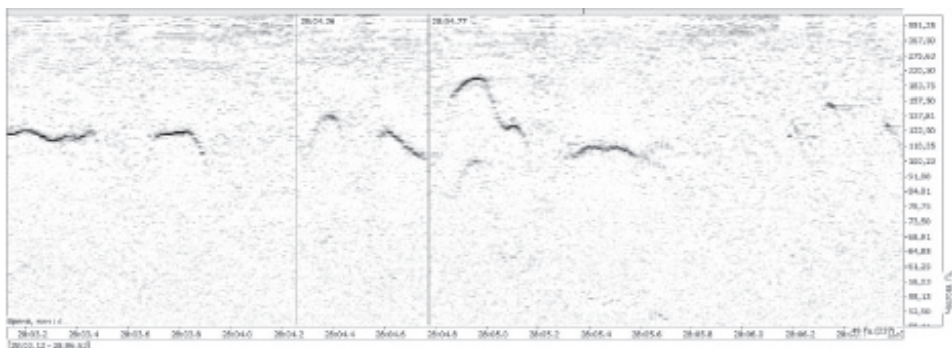
Набор индикаторов мотивационного ориентира «дети» следующий.

Аудитивные характеристики:

- повышение либо понижение тона на ударном гласном в значимом слове (см. изобр. 8, 9)

Изображение 8. Направление движения тона в слове *дети*.

Изображение 9. Направление движения тона в слове *дети*.

- отчётливое динамическое артикулирование на участках, где встречается лексема *дети*

- замедление темпа на участках, где встречается лексема *дети*

- изменение манеры речи (со спокойной, рассудительной на эмоциональную) на участках со значимыми лексемами

- заполнение пауз хезитации нефонологическими образованиями типа [э], [м]: *Вот, конечно все хотели бы своих детей иметь хорошими, вот, добрыми, хорошими, трудолюбивыми, э-э, и в то же время вот, не совсем это удаётся, так*

сказать; Подспудно как-то знают, но им хочется вот какой-то, м-м, отдушины, пары где-то спустить.

- переформулирование выказывания в процессе речепорождения: Почему их стремления к джинсам к этим, к малогабаритному раю, этот эгоизм, нежелание хранить родителей, нежелание помогать им, сдать свою мать в дом престарелых, понимаете, вот меня это всё не м-м, не может-, вот я буквально днями был у нас в очень хорошем школе-интернате-, просто мне сказали, что вот работает человек, похожего на Вашего валера-, Валерьяна Ивановича Репнина, только современный, молодой-, он действительно похож, и внешне, и по доброте, но меня потрясло, что из двести пятьдесят детей сто восемьдесят имеют родителей.

Коммуникативно-прагматические характеристики:

- включение вставной информации в виде «лирических отступлений» и перескакивания на другие темы в процессе воспоминаний: Я, например, никогда не ожидал, что, вот, после такой войны, после нашей молодости поучительной, все-го, вот будет допустим такое явление, когда, семь молодых лбов могут на улице напасть на человека, ни с того ни с сего избить его и даже убить. **Вот, причём, уже не раз мне приходилось быть на беседах с такими людьми, когда спрашивали «Зачем вы это сделали?» - «Не знаю». Вот этот, ответ «Не знаю» он может быть самый страшный из всего, что существует ныне и то, к чему мы никак не хотели стремиться и не стремились даже, так сказать вот. А-а, незнание, нежелание чего-то знать, нежелание понимать чужие страдания-, понимаете, вот эти семеро человек, которые нападают на одного, э, старого даже человека или на инвалида, были и такие вещи, значит, они трусливые. Семь храбрецов никогда на одного слабого не нападут. Нет, они почему-то, значит, бьют по затылку, человека, нападают на него, и потом говорят «Не знаю». Знают они, конечно. Подспудно как-то знают, но им хочется вот какой-то, м-м, отдушины, пары где-то спустить. А пары есть где спустить. А-а, пожалуйста, значит, поди у нас ещё, много инвалидов живёт, и-и в деревянных домах, напилы дрова, так сказать, помоги там ему, знач, подремонтируй дом.**

- использование пропозициональных предикатов: Я думаю, что мы очень много м-м пустых красивых слов говорили о воспитании, вот, обо всём и надоели немножко. И вызвали какую-то такую ответную фронду со стороны молодых; Я думаю, что не может на этого ребёнка не повлиять, что вот он здесь находится, как бы мы ни обставляли дома-интернаты, как бы мы их ни называли, что бы мы там ни делали-, я был в очень хорошем доме-интернат.

Собственно языковые характеристики:

- обилие риторических вопросов: И вот, меня занимает вопрос, откуда всё-таки в них всё это взялось, и как, получилось это? Но я понимаю, раньше, значит, там вот нас подзаборников, сирот делало бесхлебие, голод, так. Ну вот мы пережили это, так сказа-, нет у нас голодных по существу людей, да и, прост- невозможно, можно наестъ есть где даже брошенным хлебом, на улице подобрать пропитаешься. **Вот, откуда это?** Вопрос очень-нуж сложный, вопрос, не может который не волновать никого из нас старших. Всё-таки им оставаться жить на земле, им продолжать нас. **Что же где-то вот, что у нас получилось? Что мы недосмотрели, недоделали?<...>А откуда у нас это, почему ...?**

- употребление десемантизированных элементов при хезитации: **Вот**, конечно все хотели бы своих детей иметь хорошими, **вот**, добрыми, хорошими, трудолюбивыми, э-э, и в то же время **вот**, не совсем это удаётся, **так сказать**; Дом, и, все равно ребёнок на всю жизнь остаётся травмированным, зажатым, **вот**, в себе, с определённой психологией и пониманием того же, той трагедии, которой даже не знали мы, что имея родителей, **вот** он живёт здесь, ест казённую пайку, **так сказать**, спит на казённой постели, **вот**.

выражение оценки за счёт использования лексики с отрицательной семантикой в отношении кого-либо: *хипёжники, детки богатых родителей шлятся, семь молодых лбов*

выражение оценки за счёт использования лексики с положительной семантикой в отношении кого-либо: *все хотели бы своих детей иметь хорошими, вот, добрыми, хорошими, трудолюбивыми; растут кристально чистыми*

выражение оценки аффиксальным способом при помощи пренебрежительного суффикса: *детки богатых родителей*.

Паралингвистический и экстралингвистический анализ

Данное интервью относится к 1982 г. Уже тогда В.П. Астафьев критически относился к ситуации в стране и прошлой войне (о чём свидетельствуют его письма [Астафьев 1998а: 205]), но в публичной речи старался это не демонстрировать. Интервью бралось для дальнейшей трансляции по центральному телевидению, и, конечно, советский дискурс с его строгой цензурой не мог не наложить отпечаток на речь писателя. Манера речи В.П. Астафьева весьма сдержанна и демонстрирует склонность следовать формальному стилю, он осторожен в выборе языковых средств.

Вышеуказанные факторы повлияли также и на невербальные компоненты коммуникации. Анализ паралингвистических средств не показал их большого разнообразия. Сдержанность, напряжённость, некоторая скованность наблюдается во всей позе В.П. Астафьева. Большую часть интервью писатель сидит, сцепив пальцы или сжимая и разжимая их, иногда потирает подбородок, осматривается или переводит взгляд с одного объекта на другой. Если номинация предмета речи вызывает у писателя затруднение, он изредка помогает себе жестикуляцией. Вышеописанные НКК характерны для собственно адаптационной модели поведения и свидетельствуют об эмоциональном напряжении В.П. Астафьева, писатель волнуется и чувствует себя немного скованно.

В данном интервью обращает на себя внимание синхронический приоритет мотивационных ориентиров «родина» и «дети». Мы полагаем, что в этом случае имеет место сильное влияние экстралингвистической реальности.

Обратимся к событиям 1982 г. В это время пьесы по произведениям В.П. Астафьева ставят в Москве, Ленинграде, Петрозаводске, Вологде, Кирове, Архангельске, Туле, Брянске, Гродно, Уфе, Сыктывкаре, Курске, Ставрополе, Нижнем Тагиле, Челябинске и других городах, однако не ставят в родном Красноярске, несмотря на заявления местных партийных деятелей о борьбе за высокую культуру в Сибири. Почти не показывают фильмов по произведениям В.П. Астафьева. Он не стремится жаловаться на это («сроду не жаловался и в обкомы да в крайкомы не писал», «нет, я и в молодости не навязывал никому ни книг своих, ни пьес, ни обрза жизни»), но это игнорирование, своеобразное непризнание его творчества на малой родине не может не задеть писателя за живое.

В семье В.П. Астафьева также не всё спокойно, проблемы воспитания детей касаются его самым прямым образом из-за разгульного поведения его зятя. *«Вот после нового года дочь родит второго ребёнка, а муж подался, нет, не в леса – каб в леса! – а в шинки, в медвытрезвители и прочие места, достойно венчающие наши усилия и борьбу за высоконравственное общество. Он мне как-то сказал: «Как живёте Вы – живете единицы, а как живём мы – живем миллионы». Ну и живёт, как миллионы, соря по свету детей-безотцовщину и не испытывает при этом никаких угрызений совести». «А муж в бегах. Они, мужья-то, сейчас передовые, не то что мы, отсталые, – заведём бывало детей и сами их воспитываем, растим, кормим, теперь этим государство вроде должно заниматься – нужны ему рабочие и солдаты – корми! Ну а в нашем варианте – дед и бабка пока живы».*

Таким образом, анализ экстралингвистического компонента коммуникативной ситуации интервью раскрывает причины актуализации в речи мотивационных ориентиров «родина» и «дети».

Подобным же образом были проанализированы другие интервью с писателем. Выявленные мотивационные ориентиры В.П. Астафьева за разные периоды были далее подвергнуты компаративному анализу в диахронии.

Заключение (выводы)

Эмпирические результаты проведённого с применением этой методики исследования можно изложить следующим образом:

вневременными, сохраняющими приоритет на протяжении длительного срока, мотивационными ориентирами для В.П. Астафьева являются: «война», а также ориентиры морально-этические, особенно такие их компоненты как «милосердие» и «сознательность»;

гуманизм писателя, ценность человеческой личности пронизывает все устные тексты В.П. Астафьева и является ключевым компонентом мотивационных ориентиров за все анализируемые периоды;

невербальные компоненты коммуникации созвучны вербальному наполнению речи и могут служить неким дополнительным «индикатором правдивости» декларируемых мотивационных ориентиров;

экстралингвистические компоненты ситуации коммуникации всегда оказывают влияние на выбор (зачастую неосознанный) тех или иных языковых и паралингвистических средств;

экстралингвистическая ситуация находится в тесной взаимосвязи с приоритетом и актуализацией в речи разных периодов тех или иных мотивационных ориентиров и их компонентов (в нашем случае: «родина» и «дети» в 1982 г., «друг» и «интеллигент» в 1993 г.).

Значимым же позитивным результатом методического характера является проверка предложенной методики психолингвистического анализа языковой личности, который свидетельствует о возможности применения её при исследовании различных устных текстов. Кроме того, открываются горизонты углубления предложенной методики за счёт разработки подходов к её применению в исследовании письменных текстов, имеющих более или менее выраженный коммуникативный характер, таких как письма, публичные обращения в средствах печати и черновики художественных произведений (которые можно трактовать как диалог автора с самим собой).

Литература

Астафьев В.П. Письма 1961–1989 гг. // Соч. в 15 т. Т. 14. Красноярск: Офсет, 1998. – 408 с.

Астафьев В.П. Собрание сочинений в 15 т. – Красноярск: Офсет, 1998. Т. 14 и 15. – 512 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

Романова Т.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2009. – 271 с.

Синеокова Т.Н. Лингвистика изменённых состояний сознания: Учебное пособие. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 151 с.

Телепрограмма «Виктор Астафьев» [Электронный ресурс] // Пермский край: история на экране. Видеоархив. – URL: <http://kino.t7.ru/id1004457> (дата обращения: 06.10.2014).

Д.Б. Никуличева

УДК 81'23

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПОЛИГЛОТА:
ДИНАМИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА**

Цель предлагаемой статьи состоит в том, чтобы проследить динамику внутренних представлений полиглота о процессе изучения нового иностранного языка так, как она проявляется в его спонтанных комментариях. Материалом послужили результаты четырех месяцев ежедневных наблюдений в режиме онлайн за процессом изучения иврита известнейшим американским полиглотом Александром Аргуеллесом. Объектом рассмотрения стали метафоры, зарегистрированные в ходе наблюдения. Установлено, что метафоризации в комментариях подвергались исключительно ключевые автодидактические понятия: *language, language learning, language learner*. Доказывается, что метафорические комментарии при всем их разнообразии образуют целостный сценарий, соответствующий объективным стадиям усвоения языка.

Ключевые слова: психолингвоперсоналогия, моделирование индивидуальных черт коммуникативной компетенции, лингводидактический дискурс полиглота, концептуальная метафора, динамика интегративного образа референта.

Dina B. Nikulicheva

**DYNAMICS OF CONCEPTUAL METAPHOR IN LANGUAGE
ACQUISITION**

The article traces the dynamics of internal representations of a polyglot through his spontaneous commentaries on the process of language learning. The material was collected during four months of daily on-line observations after the well-known American polyglot Alexander Arguelles when he was studying Hebrew. The article focuses on metaphors used by Mr. Arguelles. It turned out that all metaphors were related to the key autodidactic concepts: *language, language learning, language learner*. The article argues that the diverse metaphoric commentaries follow the consistent scenario that corresponds to the objective stages of language acquisition.

Keywords: psycholinguopersonology, modeling of individual communicative competence, linguodidactic discourse of a polyglot, conceptual metaphor, dynamics of language learner's self-awareness.

Экспериментальное исследование лингводидактических стратегий полиглотов осуществляется нами в рамках такого направления практической психолингвистики, как *психолингвоперсоналогия*. Перспективность данной сферы исследований подчеркивал в своем обзоре отечественной психолингвистики К.Ф. Седов, констатирующий становление новой области психолингвистики, а именно «психолингвистику индивидуальных различий, которая ставит перед собой задачи моделирования индивидуальных черт коммуникативной компетенции личности»

[Седов 2009: 50]. Согласно К.Ф. Седову, «основной объект психолингвистики индивидуальных различий – это коммуникативное (речевое) поведение, дискурс, явленный ученому в виде процесса и продукта – в конкретных речевых произведениях, будь то связные и цельные тексты или результаты ассоциативных или любых иных экспериментов» [Седов 2008: 13].

Применительно к исследованию полиглотов задача моделирования индивидуальных черт коммуникативной компетенции приобретает важное лингводидактическое значение. Обследуя коммуникативное поведение полиглотов, мы получаем возможность смоделировать особенности языкового сознания людей, особенно успешных в усвоении множества иностранных языков, с тем чтобы затем применить полученные результаты в широкой лингводидактической практике.

Испытуемым в нашем эксперименте любезно согласился выступать председатель международной ассоциации полиглотов, американский лингвист, директор Института лингвистики Американского университета в Дубаи профессор Александр Аргуеллес (произносится Аррейес) (Professor Alexander Arguelles, Director of the Language Institute American University in the Emirates, International Academic City, Dubai, U.A.E.). «Дискурсом, явленным ученому в виде процесса и продукта» в нашем исследовании стали более ста часов видеозаписи, выложенные на youtu.be. Автору доклада была предоставлена уникальная возможность в течение почти полугода ежедневно в онлайн-режиме наблюдать за процессом изучения иностранных языков одним из известнейших современных полиглотов. В частности, в течение первых трех с небольшим месяцев – за изучением с нуля такого нового языка, каковым для Аргуеллеса в тот момент был иврит, его 48-й иностранный язык. Вот, ссылка на первый из более чем ста ежедневных сеансов изучения иврита Аргуеллесом с 1 января по 12 апреля: <http://youtu.be/RoOcXjQHHvA>.

Цель предлагаемой статьи состоит в том, чтобы проследить динамику внутренних представлений полиглота о процессе изучения нового иностранного языка так, как она проявляется в его речевых комментариях, спонтанно возникающих по ходу языковых занятий. Особый интерес при этом представляют не высказывания ассертивного характера и прямые номинализации, которые отражают сознательную установку, а бессознательно возникающие метафорические представления, позволяющие отразить те когнитивные процессы, которые в конечном счете и обеспечивают достижение столь успешных результатов.

Теоретической базой для анализа материала послужила теория концептуальной метафоры как результата взаимодействия ментальных пространств, высказанная в трудах Дж. Лакоффа, М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; рус. пер. 2004], Ж. Фоконье, М. Тернера [Fauconnier, Turner 2002] и других исследователей.

Языки и их изучение, безусловно, представляют собой ключевую ценность для любого полиглота. Самоопределение, которое неоднократно возникало в высказываниях Аргуеллеса, звучало как: «*I am an experienced learner*», «*I consider myself a life-long learner of all my languages*». Поэтому закономерно, что референтом метафоризации в его комментариях оказываются лишь три ключевых концепта, формирующие единое ментальное пространство, а именно объект: <LANGUAGE>, процесс: <LANGUAGE LEARNING> и субъект: <LANGUAGE LEARNER>.

Процесс изучения иврита продолжался 103 дня и завершился достижением уровня, который сам испытуемый охарактеризовал как *natural plateau*, «естествен-

ное плато», позволяющее ему общаться на бытовые темы и уверенно сохранять достигнутые результаты в памяти. Основные наблюдения над динамикой концептуальной метафоры процесса изучения языка сводятся к следующему:

1-я неделя. День 3. Аргуеллес развивает понимание на слух. Констатирует при повторении, что уроки, проработанные в первые два дня, стали «абсолютно **прозрачными**»: «*Lessons 1-4 became “transparent” already the first time*». Значение <понимание>, «вложенное», как говорят когнитивисты, в ментальное пространство <изучение языка>, актуализируется через визуальный модус восприятия <прозрачность>: «*Lessons 5-6 became absolutely transparent now, but lessons 8-9 not yet completely, but they will become absolutely transparent next time*».

Смысловое развитие «понимать» – значит «видеть» является одной из первичных метафор, имеющих перцептивную природу. Однако далее можно отметить весьма любопытную «траекторию» метафорического развития: «*I view language learning like peeling skins off an onion. A global understanding gives me the gist of the idea, and each time I go over it again, I take off a new layer and so reach greater depth*. «Пересекающиеся ментальные пространства» визуальных метафор <понимания> (достижение прозрачности, достижение глубины), сочетаясь с указанием на постепенность (*now / next time*), претерпевают «семантический скачок»: <проникновение в глубину за счет снятия слоя за слоем> (*I take off a new layer*), что приводит к возникновению нового, уже не пересекающегося с исходным ментального пространства: визуальной метафоры «*language learning like peeling skins off an onion*».

В недавно защищенной докторской диссертации о техниках непрямого наименования в тексте был выявлен «когнитивный механизм текстового перефокусирования» и продемонстрирована «его роль в конструировании интегративного образа референта в тексте» [Киосе 2015: 6]. Этот же механизм создает **динамически меняющийся интегративный образ** комплексного референта <LANGUAGE>, <LANGUAGE LEARNING>, и <LANGUAGE LEARNER> в обследованном нами 100-часовом дискурсе изучения нового языка полиглотом.

На 8-й, 9-й день занятий Аргуеллес начинает ощущать большую точность своей артикуляции и определяет эту стадию как *the stage of getting used to the language*. В этот период появляется гастронологическая метафора. «*If need be, I would reduce my input rather than squeeze too much material for me to digest into the time period*». Язык на этой стадии – это гастронологический объект. (Отметим, что такой интегративный образ был подготовлен ранее – обращением к метафоре *луковицы*, которую Аргуеллес «очищал слой за слоем» неделей раньше).

День 12. Аргуеллес обнаруживает, что занятие идет так легко и быстро, что остается время на следующий урок: «*I looked at my watch and saw that I almost had time for another lesson*». Это ощущение усиливается к дню 14. Впервые возникают не только метафоры языка, но и себя самого, своих ощущений, главным из которых становятся ощущения *удовольствия и радости*, связанные с фактором *новизны, уникальности* языка и ощущением *непреднамеренной интенсивности*: «*It has a novelty factor and a uniqueness factor and an unintended intensity factor!*», что приводит к активизации предикатов *увлеченности* и *стремительного движения*: «*I am getting truly captivated by this new tongue*». «*This is really fun, I am in a flow, I would like to be going on but there are a lot of other things to do*. И метафоры в конце дня 15 достраивают данный интегративный образ *потока, снежного кома, катящегося*

с ускорением: *I feel in the flow, it's like a snowball, you get momentum. It's a great feeling, culture, history is coming up. I am really enjoying it*».

День 21. Аргуеллес заканчивает свой первый учебник и настолько увлечен, что хочет увеличить продолжительность занятий до 45 минут утром и 60 минут вечером. Сохраняется метафорика *интенсивного движения*: «*My interest in the novelty of the language is pushing me to give it more and more time*». Именно в этот момент возникают положительные прямые номинации процесса *learning* и субъекта *learner*: «*It is a pleasurable, fascinating learning*». «*I am an experienced learner*». Ментальное пространство *опытного ученика* пересекается с идеей *активности субъекта*. Это *повар*, который готовит *суп*. (Опять гастронологическая метафора!) Чтобы суп получился вкусным, надо не торопиться: «*Analogy of cooking: to make a nice soup you can let it cook slowly. The soup will taste good!*» Но это и *садовник*, который посадил *семя*, и теперь оно начинает *расти*: «*I planted a seed and now it started growing. I prefer a long-term growth of a language!*» То есть к концу третьей недели занятий из *инактивного* объекта язык превращается в *живое саморазвивающееся существо*.

День 32. (Начало 2-го месяца изучения языка) Аргуеллес начинает новый курс (продвинутый Assimil V.2). Переходя к более сложному курсу, он вновь возвращается к *гастронологической метафоре* «поглощения и переваривания» языка: «*process of ingesting and digesting the language*». На новом уровне вариантом гастронологической метафоры становится *метафора наркотика*: «*I've got addicted, I need a larger dose!*»

День 33. Режим ежедневных занятий теперь чрезвычайно интенсивный – сначала 12 уроков повторения, а потом 6 новых уроков. Аргуеллес поражается тому, как легко идет усвоение языка. И тогда впервые возникает *метафора влюбленности* в иврит: «*I was happily surprised how easily it goes now! I was fallen in love with this language!*». Процесс изучения языка достигает своей эмоциональной кульминации. Интегративная метафора вновь меняется. Теперь язык – не только *ожил*, но и *превратился в возлюбленную!*

День 34. На мой вопрос, что должно быть в языке, чтобы он влюбился в него (what must for you be there to really fall in love with a language?), Аргуеллес ответил, используя все предикаты влюбленности: «*It just clicks with you. You like everything about it. The way it sounds, the way it looks, the way it works. It just raises itself above the others and stays with you through the day*. А дальше было самое интересное. Вместо неодушевленного местоимения *it* Аргуеллес вдруг стал говорить о любимых языках в женском роде, используя местоимение *she/her*: «*Я был женат на арабской речи так долго (для русского перевода приходится отказаться от слова язык) и полагал, что просто знаколюсь с ее сестрой. Но однажды все изменилось, и я обнаружил, что у нас с ней роман! Когда это произошло? Наверное, тогда, когда я добровольно стал уделять ей час в день вместо запланированных 30 минут*» «*I've been «married» to Arabic so long that it felt like I was just getting to know her sister, but then I turned around one day and realized that we were having an affair. When was this? About the time I voluntarily started giving an hour a day to her when I had budgeted only 30 minutes I suppose*». Отношение к ивриту Аргуеллес сравнил с теми языками, «которые *уважаешь*, но *не любишь*». «*You respect them, but not love them. These are languages like Sanskrit and Chinese, which I sense I should know really well, but I just can't remain excited about. At a certain point you get full and*

just can't absorb any more, but with the first ones, there is *no end to how much you can take in*». То есть бессознательно полиглот различает «любимые» и «прочие» языки, *персонифицируя* первые и воспринимая вторые как *вещественный объект*, который можно *впитывать absorb* или отказываться *поглощать take in*.

В середине второго месяца Аргуеллес завершает работу с новым материалом четырех учебников и переходит к повторению всего по второму разу. Тут впервые появляется негативный эпитет «скучный» (пока что по отношению к одному отвергнутому учебнику).

Во второй половине второго месяца *критическое отношение* к учебникам, ранее воспринимаемым с восторгом, возникает неоднократно.

С точки зрения языкового анализа обращает на себя внимание использование для выражения негативного отношения только прямых атрибутивных номинаций, в отличие от метафоризаций, которые у Аргуеллеса явно сопровождают состояние ресурсности: «While editing the book, I found it to be deadly *boring and repetitive*». (day 47). I found that all rather *tedious* as they are *quite childish*. (Day 51). «Too many notes and explanations that are *quite elementary* (5 pages explanations for "good morning" construction)/ *painfully clear and enunciated speech* that you almost find *tedious* at this point». (Day 52).

К концу второго месяца позитивная динамика восстанавливается. Вновь возникает ощущение, что язык *становится частью тебя, приятно растет внутри тебя*. Этому сопутствует работа над второй, продвинутой частью нового (5-го по счету) учебника иврита, содержащей много нового языкового материала. Вновь появляется *позитивная метафора самостоятельного роста языка*: «Предложения становятся частью меня. Отзываются в мозгу. Я ощущаю, как язык приятно растет во мне». «I am not trying to memorize sentences. They are becoming *part of me*. Going *rattling in my brain* with other 6 hours of soundtracks. I feel the language growing *nicely in me*». (Day 56)

Но с началом третьего месяца, когда заканчивается работа над последним новым учебником и опять начинается повторение с самого начала, негативное отношение усиливается. Впервые Аргуеллес проявляет явное *раздражение*. Внешняя причина – французский акцент диктора-женщины, не проговаривающей начальный звук [h]: «Today I *got angry* at the program for the first time, It's *really irritating*. It's *really disappointing*. При всей формальной незыблемости процедуры занятий отношение к ним меняется. Появляются эпитеты *скуки, разочарования, раздражения* и даже *злости*. Аргуеллес признает, что «новизна ушла, а с ней и состояние влюбленности». Ему приходится признать, что «повторение важно, но без новой информации оно не в радость!». Пик негативного отношения приходится на день 77, когда на фоне объективного ощущения боли и усталости Аргуеллес жалуется на отсутствие художественной литературы на иврите и *переносит проблему на уровень ценностей*: «У меня в жизни есть более важные вещи!». «I am tired. I pulled my leg. I am in pain». «У меня в жизни есть более важные вещи!» «I have more important things in my life: all languages I know, my life, my family, my cat, my job». "It's more important for me daily to read German, French, Spanish novels, try to read Persian and of course Arabic novels. That is my main thing now".

К 80-му дню занятий происходит *перелом*. Как только Аргуеллес позволяет себе приступить к продуктивной стадии и, вместо бесконечных повторений за ау-

диозаписью, *начать самому говорить*, переводя фразы на иврит, напряжение спадает. «Режим перевода вслух действует *освежающе*». «*I think I began slipping into translation mode rather than just reading*» (Day 79). «*I had a lot of fun today toward the end when I began translating rather than reading*» (Day 80). «*I found translations very refreshing!*» (Day 81). Подключается ритм, темп, интонационная и гендерная имитация речи. Одновременно Аргеллес начинает читать аудиокниги, повторяя их звучание.

В день 90, подводя итог трем месяцам занятий, Аргуеллес подчеркивает, что уже мог бы функционировать в реальном общении, но это не является его целью. Он разочарован тем, что его надежды на художественную литературу на иврите не оправдались. Роман с ивритом закончился. «*Теперь это просто еще один мой язык*»: «*In the beginning Hebrew was like a sister to Arabic, then I felt I was having an affair with it – love – now I don't love it. But I don't hate it. It's just another language behind my belt. With Hebrew my aim was to learn a language as a mirror to Arabic*».

В первую неделю четвертого месяца Аргуеллес интенсивно читает вслух роман на иврите, проговаривая текст за аудиозаписью, и достигает состояния увлеченности художественным повествованием: «*It was today for the first time that I got carried away by the story. I did get so into the story that I read two chapters rather than reading one chapter twice*»

Последнюю неделю занятий он посвящает проверке своих речевых навыков, переводя вслух французские тексты всех Ассимилей на иврит. Он убеждается, что достигает 90% точности, а нужные фразы сами приходят на память. «*It's more like reaching into my memory and pulling the sentences out, like a magician putting his hand into a hat and pulling out various objects <...>. Most of the time what I need just comes right out*» (Day 97).

В последний день занятий (середина четвертого месяца) он констатирует, что зафиксировал языковой навык в памяти и не боится потерять иврит. Энтузиазм ушел, но *естественное плато достигнуто*. Теперь надо сделать перерыв: «*According to my experience 3 months is a period you need in order to really get a habit "ingrained". And now I am not in danger of losing Hebrew, but less enthusiastic. It's a kind of a natural plateau. I need a break*».

Анализируя динамику концептуальной метафоры в послекульминационный период (дни 40-113), можно отметить повторную *деперсонификацию языка*: <LANGUAGE> превращается в утилитарный объект: *another language behind my belt*, а <LANGUAGE LEARNER> – в уверенного пользователя, с легкостью фокусника достающего из шляпы (= из памяти) нужный ему предмет: *like a magician putting his hand into a hat and pulling out various objects*. А единственная во всем обследованном дискурсе *пространственная метафора* возникает в последний день как внутренний сигнал завершенности процесса – достижения горного плато (то есть промежуточной цели) в своем восхождении к вершине.

Таким образом, обработав уникальный материал *целостного лингводидактического дискурса полиглота*, мы можем с уверенностью утверждать, что в его динамике важнейшую роль играет интегративная концептуальная метафора ментального пространства <LANGUAGE>, <LANGUAGE LEARNING>, <LANGUAGE LEARNER>. Метафоризация предстает как живой когнитивный процесс, обладающий внутренней логикой, определяющей динамику взаимодействия менталь-

ных пространств и формирующей интегративный образ комплексного референта. Развитие метафоры изучения языка является эффективной бессознательной стратегией полиглота, направленной на создание и поддержание своей ресурсности на разных стадиях процесса усвоения нового языка. В общих чертах для А. это было последовательной трансформацией ментальных пространств: <язык - визуальный объект>, <язык-гастронологический объект>, <язык - живое растущее существо>, <язык-возлюбленная>, <язык - утилитарный объект>. Важно подчеркнуть, что у обследованного полиглота метафора всегда возникала только в связи с позитивными состояниями, тогда как прямые атрибутивные номинации процесса зачастую отражали негативное отношение. Эти наблюдения полезно учесть в лингводидактическом процессе, помогая ученику, с одной стороны избегать прямых негативных номинаций, а с другой стороны научиться создавать для себя ресурсные метафоры. Причем не только стараться определить метафорически те свои состояния, когда усвоение материала идет особенно легко, но и закрепить их сенсорно, научиться их узнавать и сознательно поддерживать.

Моделирование динамики когнитивной метафоры полиглота в процессе изучения нового языка позволила нам также выявить ряд других закономерностей, имеющих важное лингводидактическое применение.

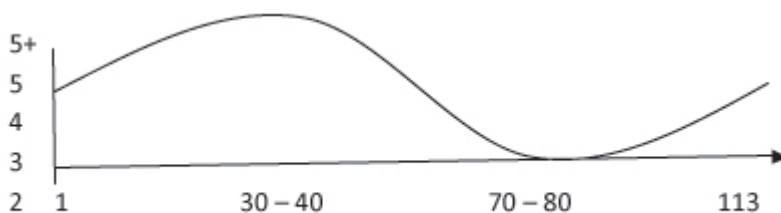
Во-первых, это подтверждение необходимости ежедневных занятий и достаточность ста часов ежедневных интенсивных занятий при правильно организованном повторении для достижения «функционального уровня» языка в плане понимания, чтения, говорения.

Во-вторых, это признание естественности смены отношения к процессу изучения языка – даже у опытных и успешных в языках полиглотов.

В-третьих, это обязательность фактора новизны для поддержания мотивации в изучении языка. Даже для сверхорганизованного перфекциониста, каковым является Аргуеллес, многократное волновое возвращение к одному и тому же материалу вызывало бессознательное отторжение.

В-четвертых, это необходимость включения собственных ценностных запросов в структуру языковых занятий. Если бы к середине второго месяца, когда Аргуеллес еще переживал пик эйфории в изучении иврита, ему попалась бы захватывающее художественное произведение на этом языке, его «роман с сестрой арабского языка» мог бы развиваться более романтично. Если же для человека базовая мотивация состоит в возможности общения на этом языке, то, по-видимому, именно к периоду «пики влюбленности» следует приурочить начало живого общения на этом языке, хотя бы в онлайн-режиме.

Наконец, пристального внимания заслуживает сама выявленная в ходе нашего эксперимента временная динамика процесса изучения языка. Можно отметить четкий *трехчастный ритм эмоциональной синусоиды*. Первая треть периода изучения языка (день 1-39) характеризуется устойчивым эмоциональным подъемом. Условно мы можем оценить его по школьной пятибалльной шкале от 4+ до 5+. Вторая треть (день 40-78) стремительным спадом от 5+ до 2. Последняя треть (день 79-113) характеризуется повторным, хотя не столь высоким подъемом от 3– до 4+. При этом пики эйфории и раздражения располагаются весьма симметрично: первый между днями 30 и 40, а второй между днями 70 и 80.

Подобная эмоциональная динамика, отмеченная на примере такого опытного в изучении иностранных языков полиглота как Александр Аргуеллес, может послужить основой для дальнейших наблюдений над тем, как эффективнее организовать процесс изучения языка, чтобы максимально использовать фазу эмоционального подъема и минимизировать влияние фазы эмоционального спада.

Литература

Киосе М.И. Техники и параметры непрямого наименования в тексте. – Автореферат ... докт. филол. наук. – М.: ИЯЗ РАН, 2015. – 48 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

Седов К.Ф. Теоретическая модель психолингвоперсоналогии // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 12-23.

Седов К.Ф. Отечественная психолингвистика: структура и перспективы развития // Язык и сознание: психолингвистические аспекты (под ред. Н.В.Уфимцевой и Т.Н.Ушаковой). – Москва-Калуга: ИЯЗ РАН, 2009. – С.41-52.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual blending and the Mind's Hidden Complexities. N-Y: Basic Books, 2002. – 425 p.

Нистратов А.А., Нистратова С.Л.,
Маховиков Д.В., Тарасов Е.Ф.

УДК 81'23

ОБРАЗ СТРАН В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И ИТАЛЬЯНЦЕВ¹

Темой настоящей статьи является исследование образов различных стран в обыденном сознании русских и итальянцев. Результаты исследования основываются на материале экспериментальных данных, полученных в ходе проведения опроса русских и итальянцев. Опрос проводился в форме психосемантического эксперимента. Использовалась модифицированная методика семантического дифференциала Ч. Осгуда.

Ключевые слова: семантический дифференциал, категоризация, семантическое пространство, образ стран, дендрограмма.

Aleksandr A. Nistratov, Svetlana.L. Nistratova
Denis V. Makhovikov, Evgeniy F. Tarasov

IMAGE OF COUNTRIES IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF ITALIANS AND RUSSIANS

The article analyses image of countries in language consciousness of the Italians and Russians based on the method of semantic differential. The method of factor analysis has been used to build the semantics space for the Italian and Russian.

Keywords: values, semantic differential, categorization, semantic space, dendrogram.

В данной работе исследуется картина мира представителей двух этносов – итальянского и русского, которая включает не только когнитивные, но и геополитические компоненты, отраженные в языковом сознании народа. Мир – это описание мира. Описание мира для людей столь же реально, как и реальный мир. В языке ценности культуры и установки массового сознания даны непосредственно как система категорий. Категориальный строй языка фиксирует тончайшие сдвиги общественных настроений, потенциальные направления их динамики. Категориальный профиль может служить матрицей сравнения представлений об образах конкретных стран в языковом сознании народа. Категоризация представляет собой необходимый этап познания на переходе от восприятия к мышлению. Каждый объект, будь то элемент эмпирической реальности, или, в данном случае, ментальный образ, в восприятии индивида сопряжен с некоторым уже имеющимся знанием о нем, которое выступает как основание категоризации, которую можно представить как когнитивную схему картины мира. Когнитивная схема интегрирует предшествующий опыт индивида, его знания и навыки и выполняет функцию предвосхищения событий во внешнем мире, организует поведенческую готовность субъекта. Важно, что схема всегда коренится в том опыте культуры, которому причастен субъект

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Информационно-исследовательская база современного русского языка по материалам словаря-справочника «Общечеловеческие ценности в русском языковом сознании»» № 14-04-12021.

познания. Представляется допустимым принять в качестве языкового аналога когнитивной схемы систему категорий (лексических единиц), иерархически организованных в соответствии с частотностью употребления и сложностью (наполненностью их семантического поля) – собственно категориальный профиль.

Одним из методов анализа категориального профиля может быть семантический эксперимент. Предполагается, что стереотипы обыденного сознания, связанные с образом различных стран, одной из форм выражения имеют семантическую форму и могут быть зафиксированы в семантическом эксперименте. Можно сказать, что семантические оценки суть оценки эмоций, возникших в процессе контактов с объектом, или оценки тех же эмоций при освоении общественного опыта. Таким образом, природа семантического оценивания лежит в идентификации воспринимаемого объекта или ситуации со следом эмоционального состояния. Построение семантического пространства является переходом от большей размерности (признаков, заданных шкалами) к базису меньшей размерности (категориям-факторам), представляющему собой определенный способ организации человеческого опыта, своеобразные «очки», через которые мы смотрим на мир.

При геометрическом представлении семантического пространства категории-факторы выступают координатными осями некоего пространства, а значения объектов задаются как координатные точки внутри этого пространства.

Процедура психосемантического исследования заключается в следующем. Респондентам предлагается оценить определенный набор объектов по заданным качествам по градуированной шкале. Полученные таким образом протоколы собираются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается методом факторного анализа.

Для исследования восприятия образов различных стран в психосемантическом пространстве был разработан специализированный семантический дифференциал (СД). В качестве шкал-дескрипторов использовался набор качеств. Список дескрипторов определялся в результате предварительного эксперимента. На втором этапе респондентам предъявлялись объекты и шкалы для их оценки. Каждый объект должен был быть оценен по всем шкалам. Процедура основного семантического эксперимента состояла в соотнесении респондентами образов различных стран с качествами (в качестве шкал-дескрипторов), которые наиболее характерны для данных стран.

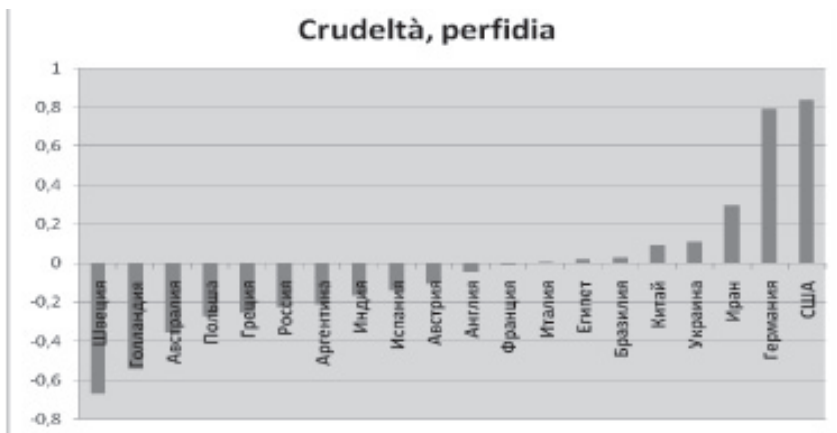
В эксперименте в Италии приняло участие 48 респондентов в возрасте 18-24 лет примерно в равном соотношении мужчин и женщин. Полученная суммарная матрица обрабатывалась методом факторного анализа, с последующим вращением факторов до простой структуры, т.к. при факторном анализе выявляется скрытая от экспериментатора структура больших матриц данных. Предполагается, что факторы выявляют именно те категории, которые значимы для респондентов при оценке данной группы стимулов. В результате обработки данных было выделено семь факторов-категорий и построены семантические пространства восприятия образов различных стран (представлены на графиках). Факторы приводятся в порядке убывания вклада в общую дисперсию по итальянской выборке. В русской выборке выделено 8 факторов и порядок убывания вклада дисперсии факторов в общую дисперсию не совпадает с итальянской выборкой. Кроме того, некоторые факторы русских и итальянских данных не полностью соответствуют друг другу, поэтому приводятся не в порядке их значимости. На рис. Ит.1/2 и рис. Рус.1/2 представлены

семантические пространства первых двух факторов.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВЫБОРКА	РУССКАЯ ВЫБОРКА
1. Crudeltà, perfidia (aggressività)	1. Жестокость, коварство (агрессия)
<i>Pericoloso/опасный, crudele/ жестокий, perfido/коварный, aggressivo/агрессивный,</i>	<i>жестокий, опасный, агрессивный, большой,</i>
<i>menzognero/лживый, duro/твёрдый</i>	<i>лживый, коварный</i>

Этот критерий связан у русских и итальянских респондентов с такими качествами, которые можно интерпретировать как агрессию. Есть некоторое различие в содержании этих критериев – у итальянцев агрессия ассоциируется с твердостью (*duro*), а у русских с дескриптором «большой». Также нужно заметить, что этот критерий имеет оценочный характер. Можно сказать, что это отрицательная оценка (её отрицательный полюс).

На рис. Ит.1 можно видеть, что наибольшие значения по этому фактору имеют США, Германия и несколько меньше Иран. Однако рядом с ними находятся Украина и Китай, что может показаться странным. Но если посмотреть на оценки по шкалам, то можно увидеть, что Украина попала в эту группу потому, что она имеет максимальную оценку по шкале «лживость» и достаточно высокую по шкале «агрессивность», хотя по шкале «твердость» она оценивается очень низко. На противоположном полюсе находятся такие страны, как Швеция, Голландия, Австралия. Нужно заметить, что традиционно категории понимаются как множества предметов, обладающих каким-либо общим признаком. При этом элементы множества неявно рассматриваются как обладающие соответствующим признаком в равной степени. Однако необходимо учитывать прототипический эффект, который заключается в том, что отдельные члены категории обладают особым статусом, отличающим их от других членов той же категории, а именно статусом «быть лучшим примером», или прототипом всей категории. В нашем случае США и Германия являются центральными членами данной категории, в то время как Украина и Китай

находятся на периферии. То же самое можно сказать о противоположном полюсе: здесь Швеция и Голландия являются его центральными членами.

Расположение стран в семантическом пространстве этой категории у русских имеет много общего, но есть и различия: так США имеют максимальное значение, затем следуют Иран, Китай, Германия, Россия. Как видно из рис. Рус.1 США со значительным отрывом располагаются на полюсе этой категории. Противоположный полюс имеет большее сходство в оценке респондентов. Единственное значительное расхождение в оценках обнаруживается в отношении России. Итальянцы оценивают Россию более позитивно, чем русские.

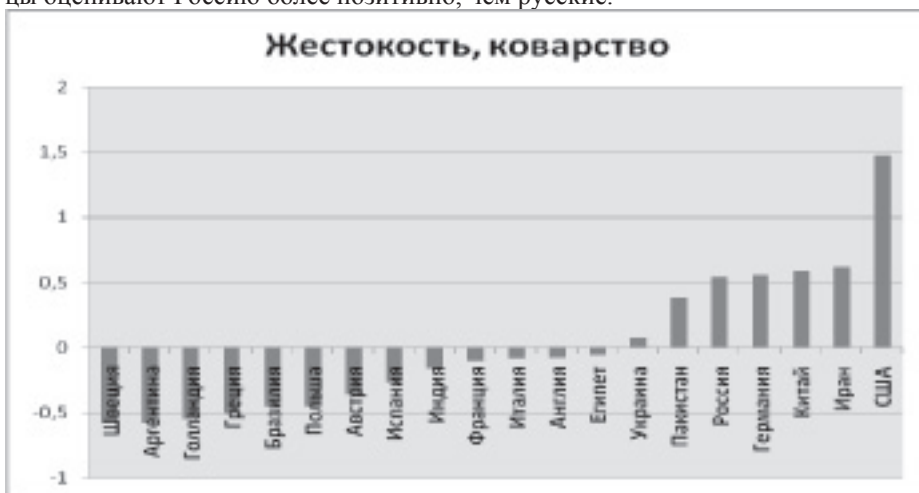

Рис. Рус.1

2. Forte (forza)

coraggioso/смелый, forte/сильный,

deciso/решительный, grande/большой,

energico/энергичный, autoritario/властный,

2. Сильный (сила)

решительный, смелый,

сильный,

властный, энергичный

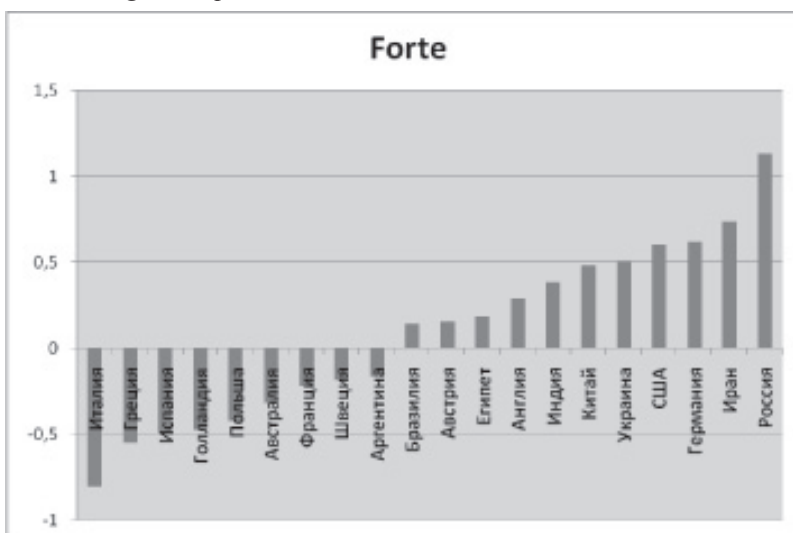
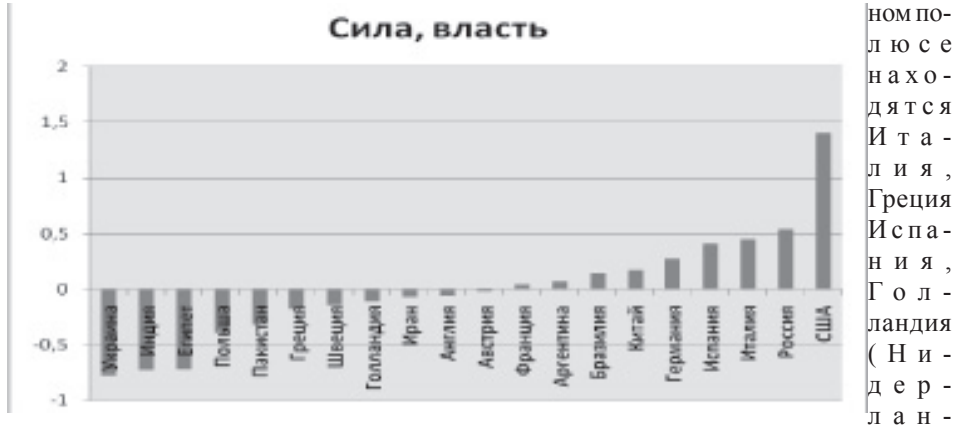

Рис. Ит.2

orgoglioso/gордый

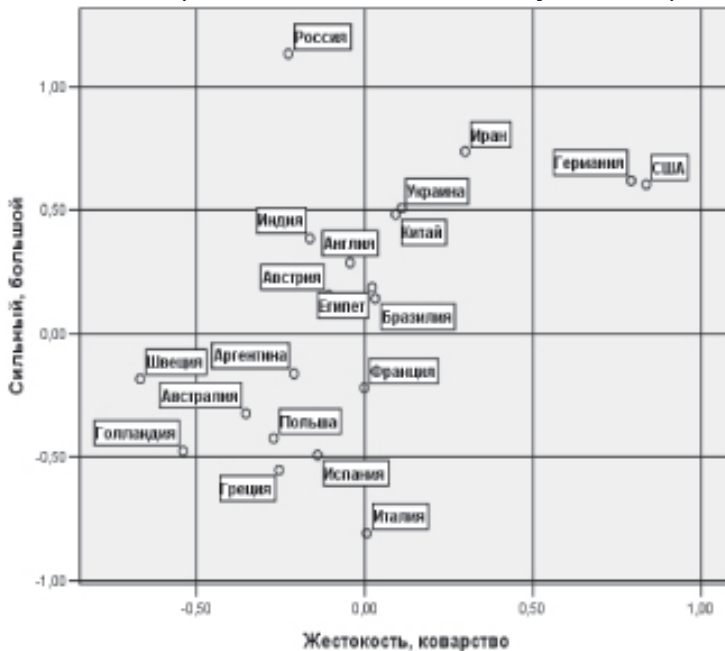
Следующий критерий можно интерпретировать как силу. Здесь также есть небольшое различие в содержании критерия у русских и итальянцев – у итальянцев *сильный* ещё и «большой» и «гордый». Соответственно максимальное значение по этому критерию у России. Далее следуют Иран, Германия, США. На противоположном по-

ды).

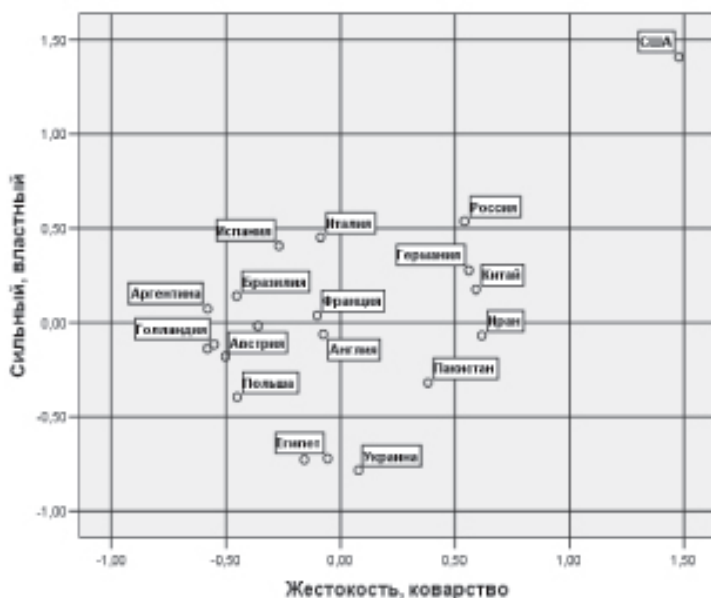
Рис. Рус.2

Русские респонденты максимальную оценку по этому критерию с большим отрывом ставят США. Далее идут Россия, Италия, Испания, Германия. Порядок следования на противоположном полюсе следующий: Украина, Индия, Египет,

Польша.

Рис. Ит.1/2 Размещение стран по критериям:

- Жестокость, коварство и сильный, большой у итальянских респондентов
Рис. Рус.1/2 Размещение стран по критериям:

- Жестокость, коварство
  - Сильный, властный
- у русских респондентов

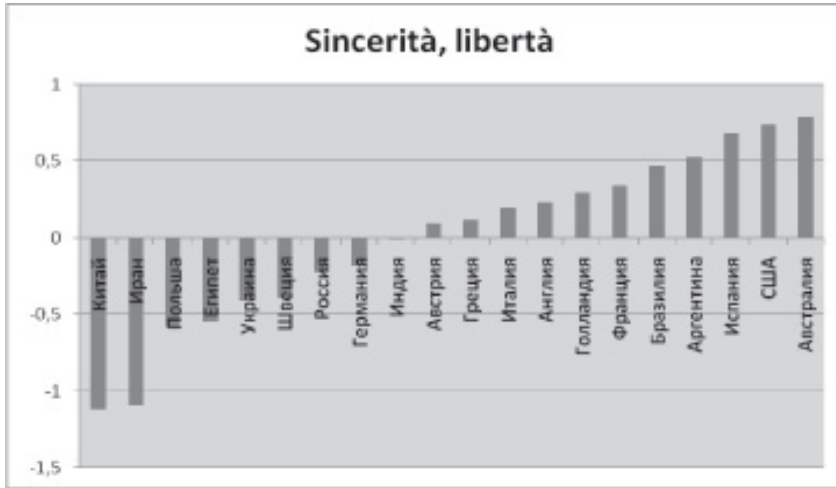
На рис. Ит.1/2 и рис. Рус.1/2 можно видеть расположение стран в семантическом пространстве «жестокость, коварство / сильный, большой».

3. Sincerità, libertà (оценка)   7. Открытость, свобода (оценка)

aperto/открытый, libero/свободный,   открытый, понятный, приятный,
tollerabile/терпимый, gradevole/приятный,   свободный
сиро/мрачный (с минусом, т.е. светлый)

Этот критерий у итальянцев занимает третью позицию, а у русских седьмую (предпоследнюю), что можно интерпретировать как его меньшую значимость для русских. Также есть различия и в его содержании: итальянцы ассоциируют эту категорию с дескриптором «терпимый», а русские – с «понятный». Это объясняет различия в размещении стран в пространстве этого критерия у русских и итальянцев. Для итальянцев на положительном полюсе этого критерия расположились Австралия, США, Испания, Аргентина, Бразилия. Наибольшие значения на противоположном полюсе имеют Китай и Иран. Затем с несколько меньшими значениями идут Польша, Египет, Украина.

У русских респондентов картина иная: на положительном полюсе находятся Германия, Россия, Италия, Англия, Греция, на противоположном – Иран, Пакистан, Китай. Помимо различного восприятия этих стран русскими и итальянскими респондентами надо принять во внимание разницу в содержании этих критериев у русских и итальянцев. Наличием дескриптора «понятный» в этом критерии у русских можно объяснить данный порядок размещения объектов по этому критерию. Для итальянцев дескрипторы «терпимый» и «мрачный» также влияют на располо-

жение стран по этому критерию.

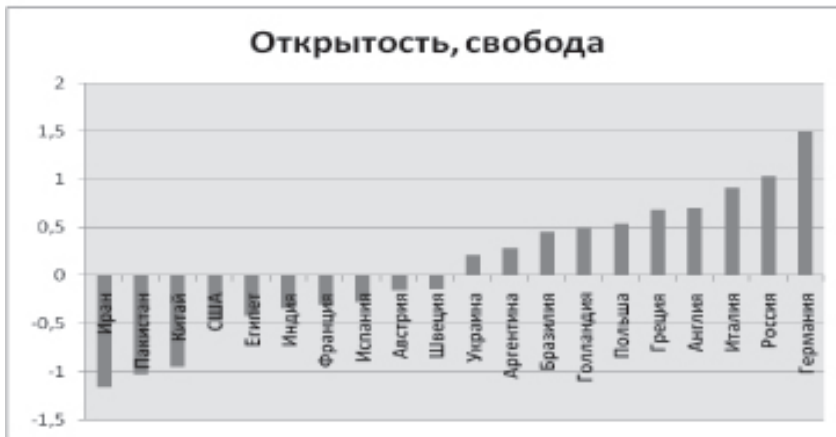

Рис. Ит.3

Рис. Рус.3

4. Stabilità/Стабильность

prudente/осторожный, stabile/стабильный, хитрый, гордый, твёрдый, tranquillo/спокойный

5. Непредсказуемость

непредсказуемый

Эти два критерия можно считать двумя противоположными полюсами одного – «стабильность-непредсказуемость». У итальянцев категоризация проходит через полюс стабильности, а у русских – через непредсказуемость. Для итальянцев наиболее стабильными выглядят в основном страны Европы, а также Австралия и Китай. К нестабильным в разной степени относятся все прочие, включая саму Италию и Грецию. Таким образом, на полюсе стабильности находятся Голландия, Австрия, Швеция, Англия. На противоположном – Иран (с большим отрывом), Бразилия,

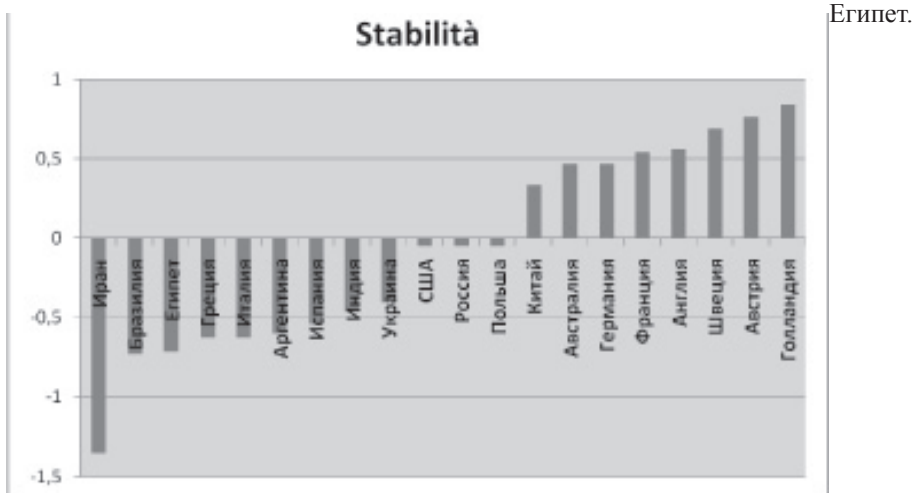

Рис. Ит.4

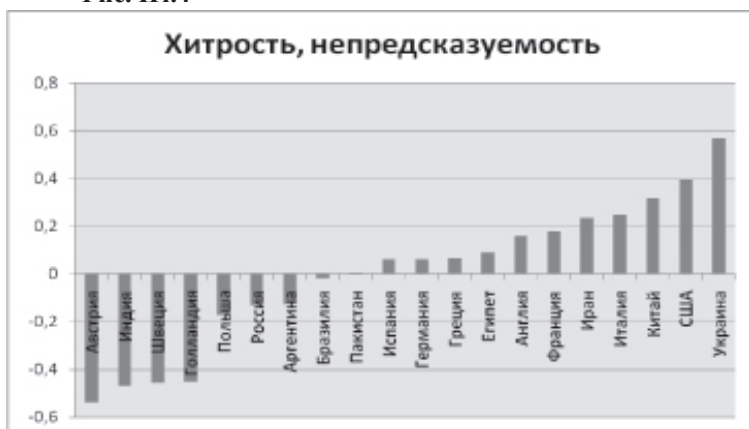

Рис. Рус.4

У русских картина практически прямо противоположная. Как видно из рис. Рус.4 наиболее непредсказуемой для русских является Украина. Далее следуют США, Китай, Италия, Иран. На противоположном полюсе находятся Австрия, Индия, Швеция, Голландия.

5. Originalità

originale/самобытный, brillante/яркий, imprevedibile/непредсказуемый furbo/хитрый,

6. Самобытность

самобытный, яркий, старый

Анализируя этот критерий, видим, что у итальянцев он ассоциируется, помимо самобытности и яркости, с хитростью и непредсказуемостью, а для русских самобытность – это что-то старое, древнее. Так, итальянцы воспринимают как самобытные (в своём понимании самобытности) Аргентину, Россию, Бразилию и саму Италию. Польша и Швеция располагаются на противоположном полюсе. Русским (с учетом их понимания самобытности) наиболее самобытными представляются Франция, Китай, Россия, Индия.

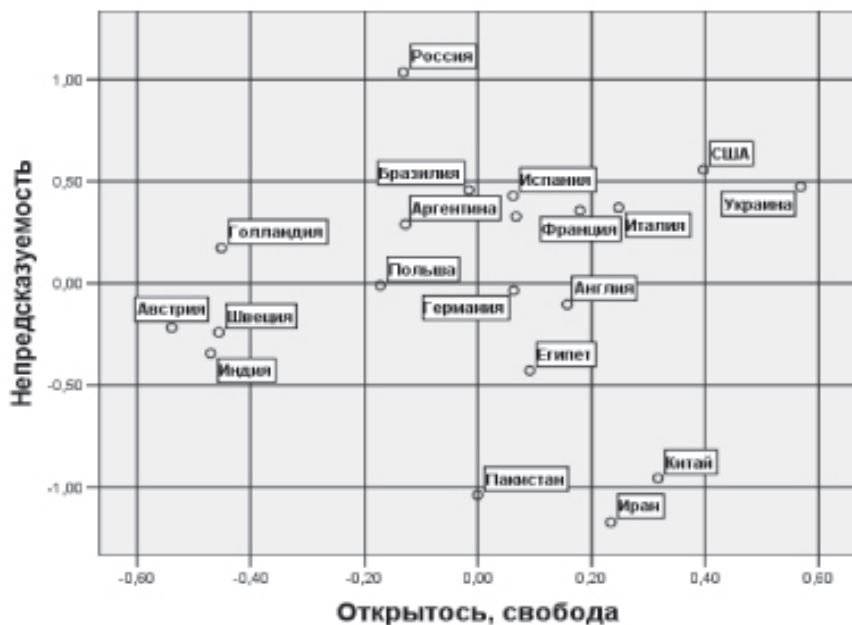

Рис. Ит3/4 Размещение стран по критериям:

- Открытость, свобода
  - Непредсказуемость
- у итальянских респондентов

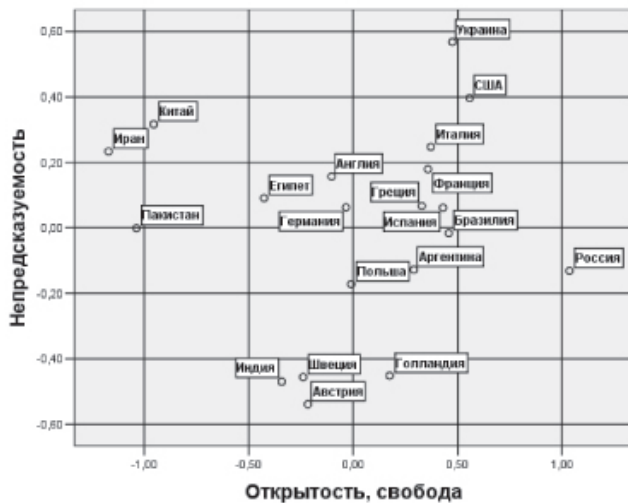

Рис. Рус. 3/4 Размещение стран по критериям:

- Открытость, свобода
  - Непредсказуемость
- у русских респондентов

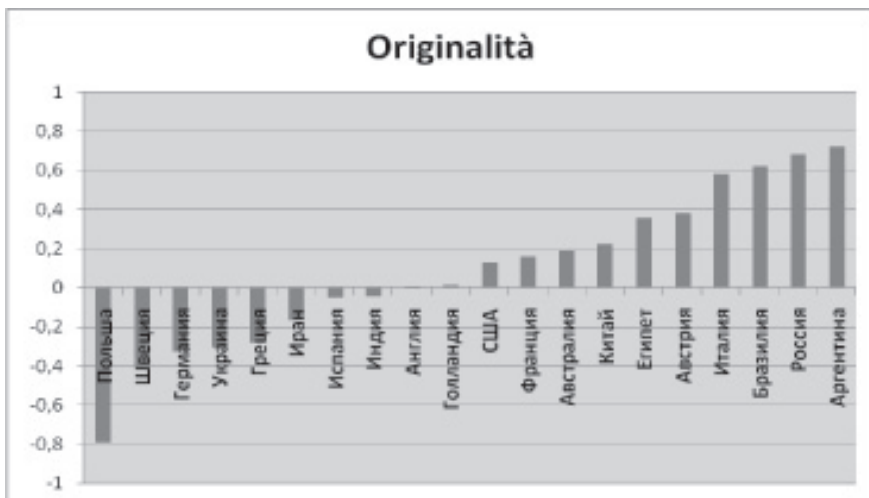

Рис. Ит.5

Рис. Рус.5

6. Sano, colto

sano/здоровый, colto/культурный, chiao/понятный, sporco/грязный (с минусом)

3. Здоровый, культурный

здоровый, культурный, стабильный, спокойный, грязный (с минусом, т.е. чистый)

Итальянцы в этой категории здоровыми, культурными, понятными и чистыми считают такие страны, как Швеция, Австралия, Голландия, Австрия, Италия, а к противоположному полюсу относят Китай, Египет, Индию, Иран. Надо полагать, что определенную роль здесь играет дескриптор «понятный».

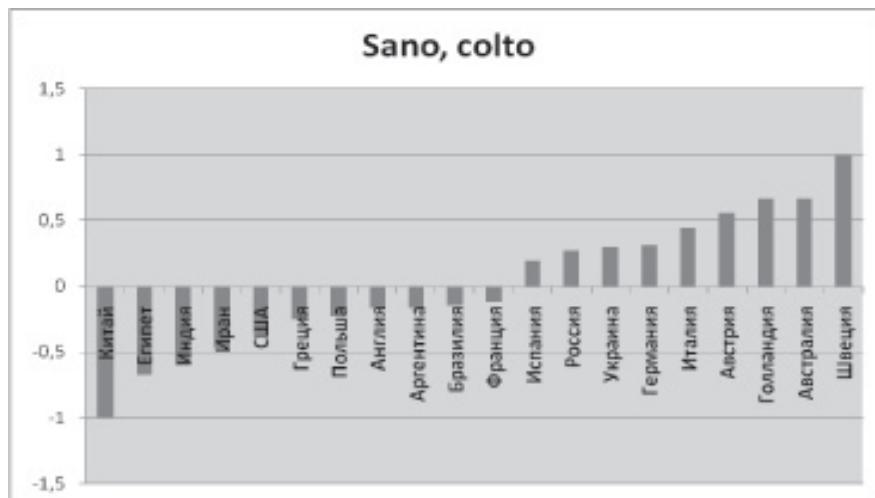

Рис. Ит. 6

Что касается русских, то на отрицательном полюсе наблюдается достаточно большое сходство с итальянцами. На положительном есть расхождения: так Англия, Германия, Франция, Швеция у русских респондентов находятся на положительном полюсе. Здесь, видимо, проявляется влияние дескрипторов «стабильный» и «спокойный».

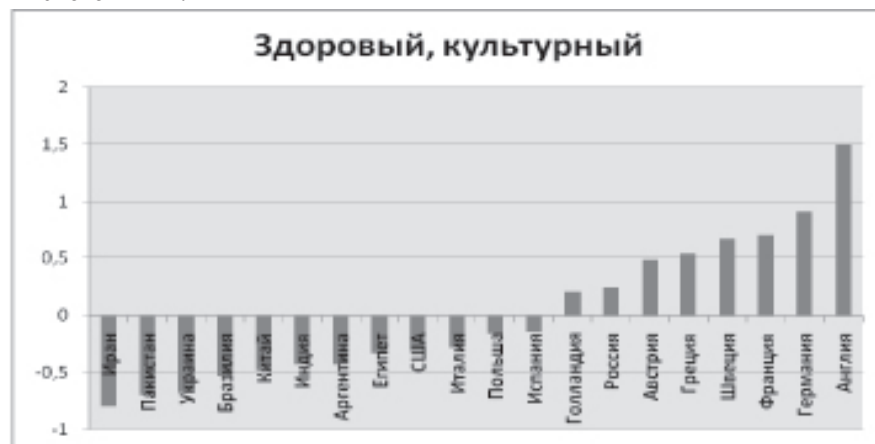

Рис. Рус. 6

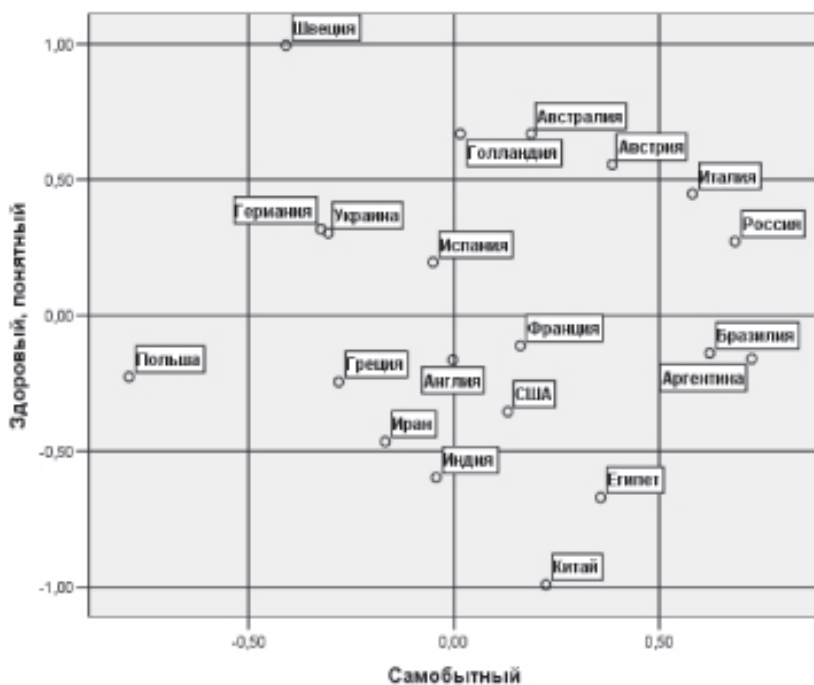

Рис. Ит. 5/6 Размещение стран по критериям:

- Самобытный
  - Здоровый, понятный
- у итальянских респондентов

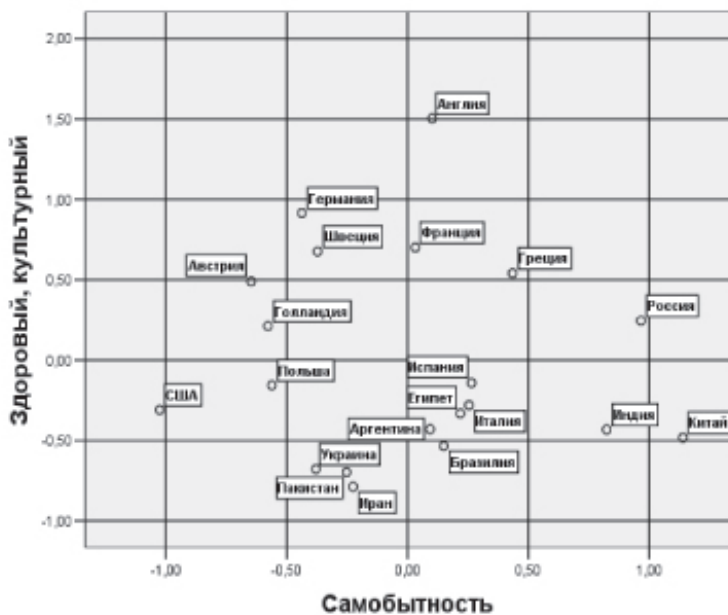

Рис.Рус.5/6 Размещение стран по критериям:

- Самобытность
  - Здоровый, культурный
- у русских респондентов

7. Arretratezza 4. Отсталость

Vecchio/старый, sfortunato/несчастный, несчастный, отсталый, мрачный,

pigro/ленивый, arretrato/отсталый ленивый

Категория «отсталость» у русских и итальянцев обнаруживает некоторые различия. У русских, помимо совпадающих дескрипторов «несчастный», «ленивый», «отсталый», присутствует дескриптор «мрачный», а у итальянцев «старый». Это различие содержания категорий обуславливает размещение оцениваемых стран внутри категорий. Также надо отметить влияние дескриптора «ленивый». Так, у итальянцев наиболее отсталыми считаются страны – наследники старой культуры: Италия, Греция, Иран, Индия, Египет. Напротив, страны относительно молодые – США, Швеция, Австралия – попадают на противоположный полюс.

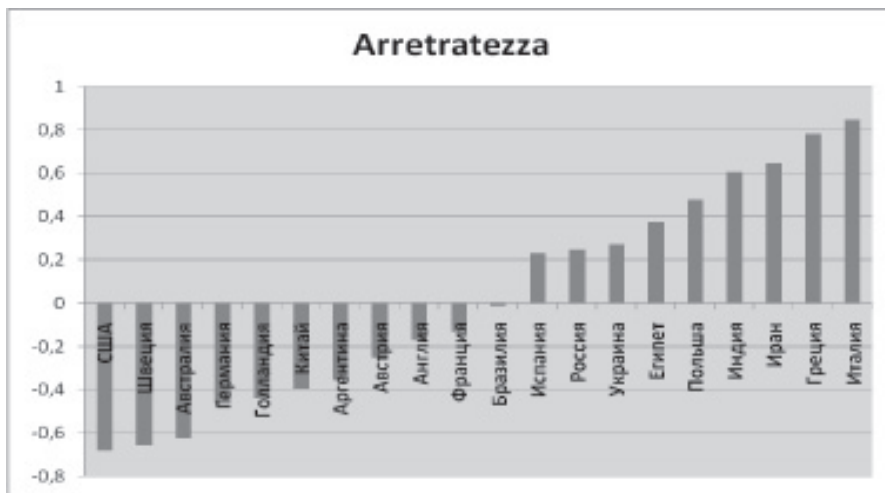

Рис. Ит.7

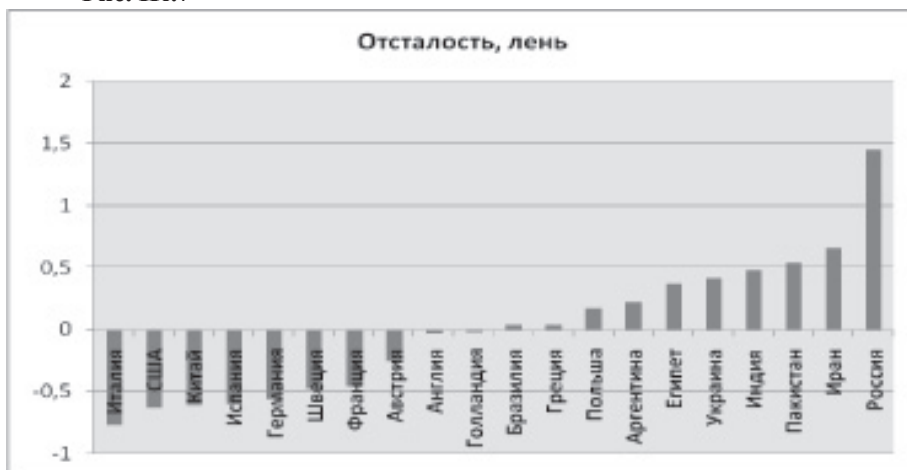

Рис. Рус.7

Для русской выборки характерно влияние дескрипторов «ленивый» и «мрачный». Как видно из рис. Рус.7, Россия находится на полюсе отсталости, демонстрируя при этом большой отрыв от других стран. Далее следует Иран, Пакистан, Индия, Украина, Египет. С противоположной стороны располагаются Италия, США, Китай, Испания, Германия, Швеция, Франция.

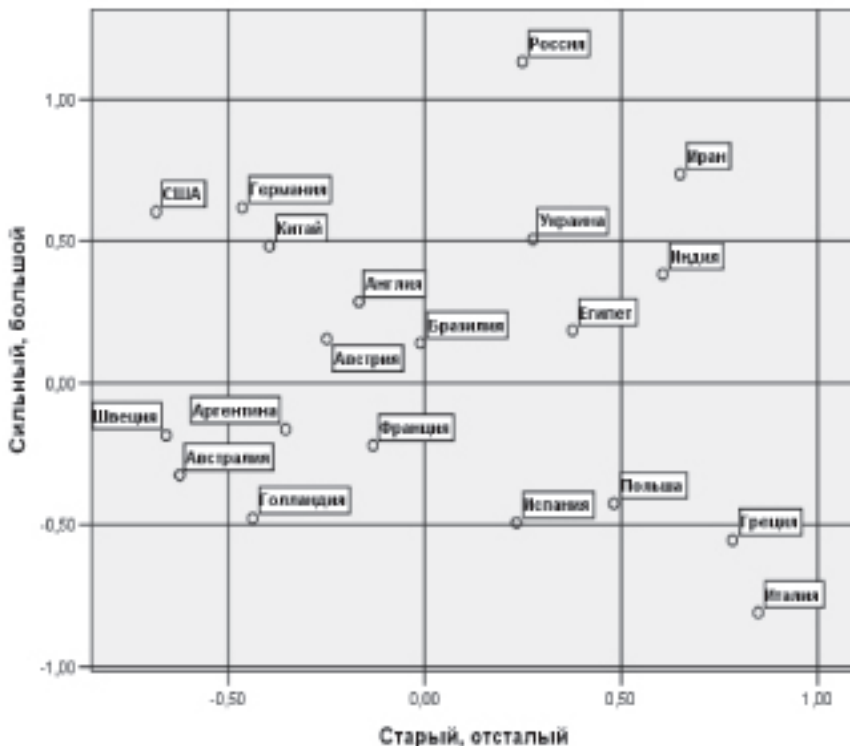

Рис. Ит. 7/2 Размещение стран по критериям:

- Старый, отсталый
  - Сильный, большой
- у итальянских респондентов

8. Осторожность, терпимость

осторожный, терпимый

В русской выборке выделился восьмой фактор – «осторожность». Самым осторожным по мнению русских респондентов является Китай и в значительно меньшей степени Австрия. Почти все прочие страны попадают на противоположный полюс этого фактора.

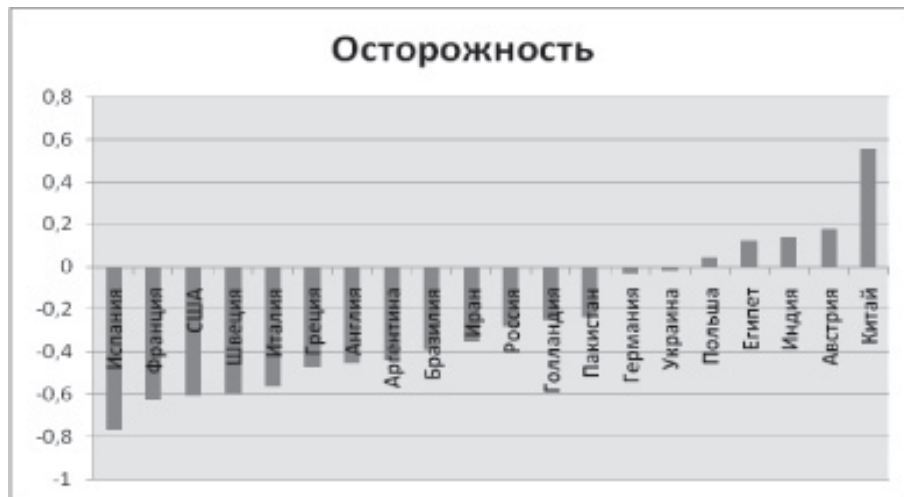

Рис. Рус.8

Оценки восприятия образа страны являются объектом сложной и противоречивой природы. Данные, полученные в результате изучения образов стран, нуждаются в многоуровневой интерпретации, они представляют собой некий срез, на котором отражены самые разные социальные, психологические и культурные феномены. Для получения более полной картины образа мира русских и итальянцев интересно подвергнуть полученные данные дополнительной математической обработке с использованием кластерного анализа. Кластерный анализ – математическая процедура многомерного анализа, позволяющая на основе множества показателей, характеризующих ряд объектов, сгруппировать их в классы (кластеры) таким образом, чтобы объекты, входящие в один класс были более однородными, сходными по сравнению с объектами, входящими в другие классы. Целью классификации является нахождение общих свойств объектов. Классифицируя, мы объединяем в одну группу объекты, имеющие одинаковое строение или одинаковое поведение. При этом выполняются следующие условия: каждый объект попадает в какой-нибудь класс; каждый объект попадает не более чем в один класс. Заметим, что реальные классификации редко соответствуют идеалу и допускают попадание некоторых объектов в несколько классов. В качестве примера можно привести использование математического аппарата теории размытых множеств для описания категориальной организации памяти.

На рис. Ит. и рис. Рус. представлены результаты кластер-анализа, т.е. интегрального сходства, иначе говоря, семантической близости стран в сознании респондентов. Весь набор стран разбивается на группы, наиболее тесно семантически связанных между собой объектов.

Как видно из дерева классификаций рис. Ит., в первую группу вошли такие страны, как Англия, Франция, Голландия, Австралия, Швеция Австрия. Пару составляют США и Германия. Логично предположить, что по мнению респондентов, США и Германия наиболее экономически развитые страны. Еще две страны – Украина и Россия – присоединяются к перечисленным выше и составляют общий кластер. Следующая группа стран: пары Аргентина, Бразилия, Италия, Испания

принадлежат к романскому миру и вместе с Грецией составляют один крупный кластер. Далее следуют Иран, Египет, Индия и Китай – страны Востока.

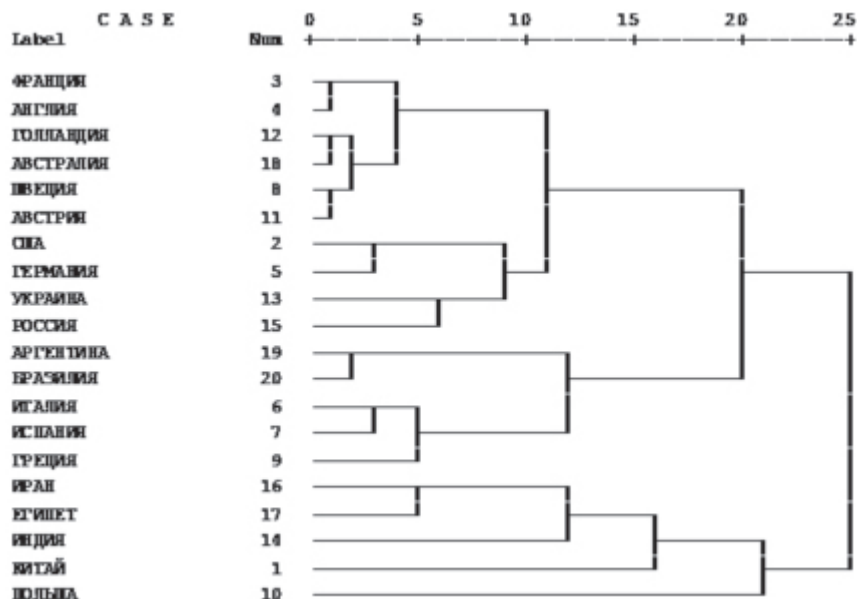

Рис. Ит.

Как видно из дерева классификаций рис. Рус., в первую группу вошли такие страны, как Италия, Испания и с меньшим уровнем сходства Франция, Греция. Логично предположить, что по мнению респондентов, это средиземноморские страны достаточно старые, связанные общей романской культурой. К ним близка группа, включающая Австрию, Голландию, Швецию. На более низком уровне к ним присоединяются также Англия и Германия, страны Северной Европы с германской культурой. Причем первые три – это небольшие страны. Рассмотренный кластер объединяет развитые западно-европейские страны.

Следующий фрагмент общего кластера объединяет на высоком уровне две близкие латиноамериканские страны – Аргентину и Бразилию. К этим странам примыкает Польша. Объединение Аргентины и Бразилии в один кластер очевидно. Присоединение Польши хотя и на более низком уровне можно объяснить тем, что оценки по всем дескрипторам, кроме «большой» и «коварный», довольно близки. Далее, на следующем уровне, обнаруживая большое сходство, происходит объединение с кластером, включающим Индию и Египет и примыкающей к ним Украиной. Египет и Индия являются наследниками древних цивилизаций. Перечисленные страны составляют один более крупный кластер. По-видимому, страны, входящие в этот кластер, связаны с социальной неустойчивостью и нестабильностью. Следующая группа стран – это Китай и Россия. Хотя они объединены и на невысоком уровне сходства. Можно отметить, что наибольшее расхождение Китая с Россией проходит по дескрипторам «ленивый» и «осторожный». Следующие две страны – Пакистан и Иран – объединены на на максимальном уровне, но с осталь-

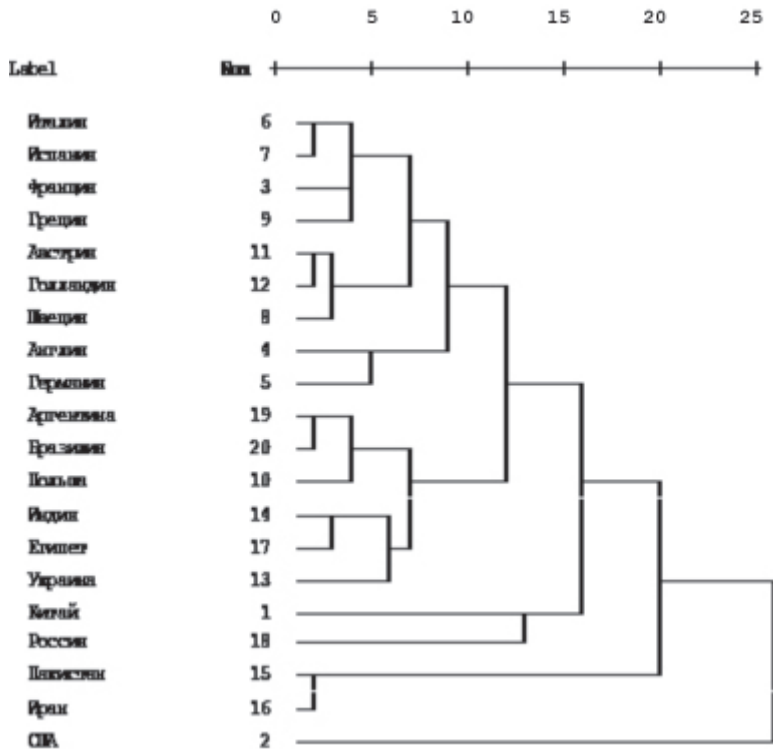

Рис. Рус.

ными странами у них обнаруживается небольшое сходство. И, наконец, совсем особняком стоит США.

Как видно из представленных дендрограмм, в классификации стран русскими и итальянцами много общего: и те и другие объединяют в один кластер Аргентину и Бразилию на высоком уровне, также в один кластер попадают средиземноморские страны – Италия, Испания, Греция. Но русские респонденты добавляют в этот кластер Францию, а итальянцы объединяют Францию с англо-германскими странами. В отдельный кластер объединяются страны Востока, но группируются они по-разному. Также можно отметить, что итальянцы объединяют Россию с Украиной, а русские – с Китаем. Польшу и Украину русские и итальянцы размещают по разным кластерам, при этом Польша у итальянцев попадает к странам Востока на очень низком уровне сходства, а у русских – к латиноамериканским странам.

В заключение можно сказать, что в многочисленных работах, посвященных языковому сознанию, и в частности, стереотипным представлениям, существующим в обыденном сознании, еще не получили достаточного освещения вопросы восприятия образа различных стран представителями итальянской и российской культуры, без которых невозможно воссоздать картину мира данных народов. В настоящем исследовании сделана попытка восполнить эту лауну.

Литература

- Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. – М.: Наука: Смысл, 1999. – 349 с.
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. № 23. – М.: Прогресс, 1988. – 314 с.
- Леви-Стросс К.* Культура как система // Семиотика и искусствометрия. – М.: Мир, 1972.
- Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. – М.: Мир, 1972. – 364 с.
- Петренко В.Ф.* К проблеме построения образа мира: психосемантический аспект // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей / Институт языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – С. 155-177.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. – М.: МГУ, 1997. – 398 с.
- Серкин В.П.* Методы психосемантики. – М.: Аспент пресс, 2004. – 206 с.
- Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. №1. – М., 1960. – 462 с.
- Уорф Б.Л.* Наука и языкознание // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. №1. – М., 1960. – 462 с.
- Carroll J.D.* A review of «The measurement of meaning». – Language, 1959. – № 35. – Pp. 58-77.
- Carroll J.D., Wish M.* Models and methods for three-way multidimensional scaling // Contemporary development in mathematical psychology. – San Francisco, 1974.
- Osgood Ch.* Studies on generality of affective meaning system // Amer. Psychol. – 1962. – Vol. 17. – Pp. 10-28.
- Osgood Ch., Suci G. J., Tannenbautn P. H.* The measurement of meaning. – Urbana, 1957. – 342 p.
- Osgood C.E.* Semantic space revisited // Word. – 1959. – № 15. – Pp. 195-200.
- Carroll, J.D., and Wish, M.* (1974). Models and methods for three-way multidimensional scaling. In D.H. Krantz, R.C. Atkinson, R.D. Luce, and P. Suppes (Eds.), Contemporary developments in mathematical psychology (Vol. 2, pp. 57– 105). San Francisco: Freeman.

К.Я. Сигал

УДК 81'23

СИНТАКСИС СВЯЗНОЙ РЕЧИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются некоторые спорные и нерешенные проблемы синтаксиса связной речи. Здесь показано, что истоки связной речи могут быть найдены на уровне словосочетания. Особое внимание уделяется развитию синтаксиса связной речи в обозримой перспективе.

Ключевые слова: синтаксис, связная речь, словосочетание, текст, онтогенез речи.

Kirill Ya. Seagal

SYNTAX OF COHERENT SPEECH: SOME PROBLEMS AND PROSPECTS

In the paper, some disputable and unresolved problems of the syntax of coherent speech are considered. Here it is shown that the sources of coherent speech can be found on the level of word combination. The author pays special attention to the development of the syntax of coherent speech in the near future.

Keywords: syntax, coherent speech, word combination, text, ontogenesis of speech.

Современное речеведение ставит перед лингвистами особую эвристическую задачу – осмыслить связную речь как сложный синтаксический процесс. Вместе с тем взгляд на синтаксис в действии сквозь призму связной речи позволяет подойти к объяснению функционального генезиса синтаксических единиц.

Как представляется, начать разговор о связной речи было бы разумно с обращения к В. фон Гумбольдту, который высказал крайне важную мысль о том, что «по разрозненным элементам нельзя познать то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить только в связной речи» [Гумбольдт 2000: 70].

В лингвистическом узусе рубежа XX–XXI вв. «связная речь» воспринимается как традиционный термин, за которым стоит как будто бы вполне очевидное понятие. Правда, в самой лингвистике (в отличие, скажем, от лингводидактики) термин «связная речь» употребляется теперь гораздо реже, чем прежде, а стоящее за ним понятие оказывается расплывчатым и формулируемым по-разному.

Так, например, М.Р. Львов понимает под связной речью «деятельность говорящего, процесс выражения мысли», с одной стороны, и «текст, высказывание, продукт речевой деятельности», с другой [Львов 1988: 181], т.е. относит термин «связная речь» к метонимической модели «процесс и его результат» и обнаруживает связность лишь в речевом целом (= в завершенном высказывании, в тексте).

Согласно О.С. Ахмановой, связная речь – это «отрезок речи, обладающий значительной протяженностью и расчленяющийся на более или менее законченные (самостоятельные) части» [Ахманова 2004: 386]. В предложенном здесь истолковании связная речь лишена деятельностно-процессуального аспекта и соотносена если не с текстом, то с каким-то его фрагментом, отличающимся значительной

(!) протяженностью и членимостью на относительно автономные в формально-смысловом плане части.

Очевидно, что ни одна из рассмотренных дефиниций не оставляет сомнений в том, что, рассуждая о связной речи, лингвисты пользуются тем или иным интуитивным представлением о ней. Никак не оценивая этот факт, отметим лишь, что, говоря о связной речи, лингвисты показывают обычно акцентированность своего внимания на том, как связаны в единое целое ее составляющие.

Причем чаще всего под этими составляющими подразумеваются самостоятельные предложения и сверхфразовые образования, изучению связи которых между собой посвящено особое научное направление – лингвистика текста.

Однако создает ли текст такая связь сама по себе? Нет, не создает (ср., например, реализацию цепной связи на основе местоименного повтора: *Летом я отдышал в деревне. Я – личное местоимение*, где текста, однако, нет). Текст рождается еще задолго до всякой речи, его связность является функцией замысла и смысловой программы говорящего / пишущего. Недаром в психологии речи считается, что «связная речь – это такая речь, которая может быть вполне понята на основе ее собственного предметного содержания» [Рубинштейн 2001: 404].

Если представить, что некий школьник получил задание написать сочинение на тему «Как я провел лето», отмечая всякий раз местоимения и определяя их лексико-грамматический разряд, то данная квазитекстовая «связка» предложений окажется не чем иным, как вполне удачным началом такого сочинения, т.е. текста с метаязыковыми «вкраплениями».

Важно здесь и другое. Можно ли полагать, что связность речи возникает исключительно при «выходе» предложения в текст? Нет, нельзя. Писатели, отличающиеся хорошим языковым чутьем, знают, что связная речь разрушается при изъятии из текста или при замене не только предложения, но и словосочетания или даже слова. Более того, становясь полноценным речевым воплощением коммуникативно-смыслового задания говорящего / пишущего, отдельное предложение образует минимальный порог текстовости, т.е., по сути дела, это текст (ср., например, так называемые «стационарные» предложения в их трактовке А.М. Пешковским, митинговые речовки, рекламные слоганы и т.д.).

В своем очерке «Леонид Максимович» Ю.В. Бондарев передает следующее размышление писателя Л.М. Леонова: «Молодым часто не хватает страсти и мук над словом. А надо ночью встать, эпитет зачеркнуть, который не точен или торчит излишеством, кокетливым украшением. Но как только зачеркнул эпитет, значит, нарушил ритм и конструкцию сделанной фразы. То есть – заменил слово, значит, вычеркнул всю фразу. А это потянуло за собой правку следующего абзаца, так как нарушилась общая связь, целостность – и смотришь: измарал все фразы и в конце концов вычеркнул страницу» [Бондарев 2009: 329].

Получается, что выбранное писателем слово (в данном случае – эпитет) приводит в движение разноплановые формы связи, создающие сначала словосочетание, где эпитет может выступить, например, в функции зависимого компонента, затем – фразу, с ее ритмом и конструкцией, наконец – сверхфразовое образование. Тем самым связная речь возникает еще задолго до создания межфразовой связи и существует как текстовый потенциал речевых реализаций слов, моделей словосочетаний и предложений.

Нельзя оспорить очевидного: связи слов в словосочетании и предложении, с одной стороны, и связи предложений в тексте, с другой стороны, различны как по своему синтаксическому механизму, так и по степени своего вклада в построение связной речи. Однако неоспоримо и то, что их корреляция оказывается весьма значимой не только для функционального генезиса связной речи (ср., например, довольно пронизательную фразеологическую концептуализацию неумения строить связную речь в таких высказываниях, как *Он никак двух слов не свяжет*; *Это не речь, а набор слов!*), но и для овладения связной речью в онтогенезе.

Ведущий отечественный специалист в области развития речи дошкольников О.С. Ушакова замечает: «Грамматическая связность (правильность) отдельного предложения и связность развернутого высказывания – это разные характеристики речи. Однако данные показывают, что имеется определенное соответствие уровней того и другого, особенно ярко это выступает в самостоятельном рассказывании» [Ушакова 2001: 109].

Показательно, что в отечественной синтаксической традиции термин понятие «связная речь» далеко не всегда строго относился к сфере текста.

Так, например, А.М. Пешковский использовал термин «связная речь» для наименования синтаксических категорий (в частности, категории падежа имен существительных), обозначающих зависимость одних слов в речи от других [Пешковский 2001: 31], и тем самым находил связную речь в сфере словосочетания.

Эта нетривиальная мысль А.М. Пешковского практически не была замечена лингвистами вплоть до появления в начале 1980-х гг. концепции Е.Н. Смольяниновой, где было показано, что вполне правомерно видеть «связную речь в малом синтаксисе, именно в синтаксисе словосочетания» и что «связная речь – это акт коммуникации, передача языковыми средствами смысла речи, ее фрагментов. Все синтаксические единицы так или иначе формируют связную речь» [Смольянинова 2003: 24].

По Е.Н. Смольяниновой, словосочетание – «минимальный фрагмент связной речи», самодостаточный по смыслу, но не законченный, тогда как «простое распространённое предложение – это связная речь, относительно законченная, самодостаточная для функционирования, являющаяся контекстом для словосочетания». Таким же «минимальным фрагментом связной речи», но обладающим коммуникативной автономностью, оказывается нераспространённое простое предложение. Высшая же форма «синтаксически организованной связной речи» – текст (сверхфразовое образование, сложное синтаксическое целое), разноранговыми фрагментами которого являются предложения и словосочетания [там же: 24–25].

Благодаря такому подходу стало очевидно, что связная речь иерархична с синтаксической точки зрения, причем эта ее иерархичность основана на неоднородности единиц синтаксической системы языка, на их, с одной стороны, структурно-функциональной, а с другой стороны, коммуникативно-смысловой дифференциации.

Так что же такое связная речь? Связной можно назвать речь, формальное построение которой оптимально воплощает замысел говорящего / пишущего, его смысловую программу, создаваемую им мыслительную конструкцию. Критерии оптимальности, скорее всего, окажутся здесь «размытыми», поскольку иначе было бы невозможно объяснить творческий характер речепостроения.

Связная речь начинается с единичного самостоятельного предложения (фразы, высказывания), фрагментами которого могут быть – помимо одного или нескольких предикативных «сочленений» – словосочетания, но также и разнообразные осложняющие формы выражения диктума и / или модуся.

Тем не менее вполне типичен такой речемыслительный прецедент, при котором «содержащаяся в предложении мысль закончена лишь относительно... и требует своего развития. Но синтаксическая форма, структура предложения, в которой заключена эта мысль, закончена, завершена. И продолжение, развитие мысли возможно только в подобной же синтаксической форме, т.е. в другом предложении» [Солганик 1991: 42].

Вследствие этого синтаксическая типизация форм развернутой связной речи не может быть ограничена синтаксической рамкой единичного предложения, какой бы сложно устроенной ни была его речевая форма, и осуществляется в сверхфразовых образованиях (отметим попутно, что нередко аналоги механизмов сверхфразового синтаксиса обнаруживаются в сфере сложного предложения).

В связной речи во многом «снимается» противоречие между целым и частью. При синтаксическом членении связной речи (текста) нельзя найти такой дотекстовой единицы синтаксического уровня (словосочетания, предложения), которая не была бы соотнесена так или иначе с ее общей формально-смысловой организацией.

Поэтому-то в разных текстах речевые реализации, например, одной и той же модели словосочетания могут оказаться и оказываются неодинаковыми в статистическом плане, а главное – в плане варьирования порядка компонентов и их контактного / дистантного размещения, допущения эллипсиса главного компонента или синтаксического смещения зависимого компонента, тяготения к образованию сложных словосочетаний, преобладающего лексического наполнения позиций главного и зависимого компонентов, тенденции к семантической слитности и т.д.

«Снятию» противоречия между целым и частью в связной речи способствует синтаксический изоморфизм. Например, сочинительный союз *и* может соединять словоформы, предикативные конструкции, самостоятельные предложения, целые сверхфразовые образования.

Правда, синтаксический изоморфизм действует весьма прихотливо и избирательно. Так, считается, что сочинительный союз *а* выполняет те же структурные функции, что и сочинительный союз *и*. Однако словоформы сочинительный союз *а* связывает обычно при поддержке партиклевого «довеска» с отрицанием (*не... а, не то чтобы... а*), сам же по себе он связывает чаще всего не словоформы, а предикативные конструкции, представленные словоформами (ср., в частности, такую фразеологизированную конструкцию, как *Богатырь, а плачет!*).

Синтаксис призван изучать все синтаксические формы выявления связности речи – от словосочетания до текста (сверхфразового образования). Применительно к развернутой связной речи главная целеустановка синтаксического анализа должна состоять в обнаружении закономерностей «связывания» текста – от первого предложения до последнего (ср. латинское *textus* ‘ткань; плетеная работа’).

При этом важно отметить, что, например, средство маркирования перехода от предложения к предложению почти не поддается прогнозированию на основе их собственно синтаксической структуры, равно как в связной речи нет непосредственного перехода от словосочетания к тексту, в связи с чем об участии словосоче-

тания именно как синтаксической единицы в организации связной речи за пределами предложения мало что известно (однако парцелляция словосочетания как будто бы создает текстовую форму, ср.: *Боюсь врача. Нового!*). Причем в рамках речевого действия никогда, по сути дела, не сомневались в том, что именно словосочетание, а не слово является минимальной единицей в речевых структурах, превышающих объем предложения [Долгова 1980: 143–151].

По-видимому, подойти к изучению и того, и другого можно, опираясь, с одной стороны, на структурно-семантическую специфику синтаксических единиц, а с другой стороны, на тенденции в распределении смысловой информации по синтаксической иерархии и между синтаксическими единицами одного иерархического уровня.

Изучить связную речь как сложный синтаксический процесс – значит понять то, как происходит синтаксическое расчленение, «квантование» смысловой информации (т.е. образование иерархически однородных / неоднородных синтаксических единиц) и объединение этих синтаксических «квантов» в целостную речевую форму. Представляется, что в обоих случаях говорящий / пишущий с разной степенью осознанности выполняет определенные речевые операции, так или иначе отображенные в системных свойствах и отношениях синтаксических единиц (об этом см., например, [Сигал 2004]).

Полагаем, что плодотворному изучению связной речи в ее синтаксическом формировании может способствовать обращение, с одной стороны, к такому речевому материалу, как варианты и редакции литературных произведений, черновики и «беловики» школьных сочинений, студенческие конспекты одной и той же лекции по непрофильной дисциплине и т.п., где оформление речевых отрезков, соотносительных с точки зрения выражаемой смысловой информации, оказывается подчас синтаксически вариативным, а с другой стороны, к психолингвистическому эксперименту, в частности к тем или иным синтаксически релевантным трансформациям на уровне словосочетания, предложения и текста (сверхфразового образования) и их экспертной оценке как самим исследователем, так и другими носителями языка.

Здесь могут также оказаться полезными наблюдения над тем, как преобразуется связная речь – в плане ее синтаксической организации – под влиянием различных речевых установок, в особенности метаязыковых и / или эстетических.

Следует особо подчеркнуть, что связная речь характеризуется онтогенетически подвижной синтаксической организацией, что объясняется – в соответствии с психологическим учением Л.С. Выготского о речи – развитием смыслового синтаксирования от целого к части, а фазического – от части к целому. В связной речи детей дошкольного возраста ограниченность объема смысловой «программы» высказывания, ее недостаточная структурированность, недоучет возможностей смыслового развертывания ее компонентов, бедность и неотрафелированность «синтаксического багажа» (термин А.М. Пешковского) приводят к «телеграфному» стилю, к хезитационным повторам, к синтаксическому монотону, к спонтанной парцелляции, а нередко – к смысловым диссонансам.

Напротив, в связной речи взрослых людей, где (в норме!) названных «издержек» раннего онтогенеза нет, объем, синтаксическая структура и композиционно-смысловые взаимоотношения предложений, а также применение таких маркеров их синтаксической связи в тексте, как повтор или парцелляция, определяются про-

извольню (с точки зрения психологии) в процессе речевого воплощения смысловой программы высказывания.

При изучении онтогенеза связной речи важно понимать, что формирование связной речи не отражается напрямую в составе маркеров связи. Так, например, на протяжении всего дошкольного детства предложения связываются в текст с помощью сочинительных союзов *и* и *а* (правда, во многом не отделенных еще от партиклевой аффекации!), а также с помощью адвербиальной скрепы *потом*. По своей семантике они также одинаковы в течение всего этого времени. Однако связная речь детей трех лет и связная речь детей шести лет – это эволюционно разные речевые формации, отражающие результаты когнитивного и собственно речевого развития ребенка.

В чем же здесь дело? Во-первых, названные маркеры связи предложений в тексте являются наиболее частотными в разговорной речи (в частности, в бытовых диалогах и рассказах), и они неизбежно доминируют на разных этапах речевого онтогенеза. Во-вторых, эволюция связной речи фиксируется не столько в наборе маркеров связи (хотя его рост и идиолектную систематизацию можно проследить), сколько в общей структуре связной речи, в объеме речевых отрезков, в смысловой обоснованности их границ, в отсутствии синтаксического монотона и, наоборот, в появлении обусловленного изобразительно-описательной интенцией синтаксического параллелизма и т.д.

Учет закономерностей речевого онтогенеза позволяет осознать релятивность маркеров связной речи, их незакрепленность за конкретными смысловыми конвенциями связности, с одной стороны, и рассмотреть связную речь прежде всего как смысловую конструкцию, далеко не полностью запечатленную теми или иными маркерами связи, с другой стороны. Необходимо понять, что в связной речи доля имплицитного, выраженного минус-приемами, весьма значительна: именно благодаря этому в связной речи создается смысловая насыщенность, допускается безущербный пропуск смысловых звеньев, отражается смысловая интерпретация «мысли изреченной».

Представляется, что изучение связной речи как сложного синтаксического процесса, в том числе определение закономерностей синтаксической «упаковки» смысловой информации в ходе построения связной речи, обнаружение вероятностных правил отбора маркеров развернутой связной речи, анализ влияния на синтаксическую организацию связной речи коммуникативно-средовых факторов (например, доминирующей речевой установки говорящего / пишущего, степени развития его речевой способности и т.д.), является первоочередной задачей синтаксиса связной речи, ориентированной на объяснительные процедуры теории речевой деятельности – отечественного варианта психолингвистики [Тарасов 1987: 95–155] (см., в частности, [Сигал, Бакалова, Пушина, Юрьева 2013], а также [Донецких 2013; Милованова 2013]).

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. / О.С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
Бондарев Ю.В. Мгновения / Ю.В. Бондарев. – М.: ИТРК, 2009. – 719 с.

Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.

Долгова О.В. Синтаксис как наука о построении речи / О.В. Долгова. – М.: Высшая школа, 1980. – 191 с.

Донецких Л.И. Рец. на: Сигал К.Я., Бакалова З.Н., Пушина Н.И., Юрьева Н.М. Очерки по синтаксису связной речи. М.: Ключ-С, 2013. 142 с. / Л.И. Донецких // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». – № 2. – 2013. – С. 188–190.

Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка / М.Р. Львов. – М.: Просвещение, 1988. – 240 с.

Милованова М.С. Постигание связной речи: Сигал К.Я., Бакалова З.Н., Пушина Н.И., Юрьева Н.М. Очерки по синтаксису связной речи. М.: Ключ-С, 2013. 142 с. / М.С. Милованова // Русский язык за рубежом. – № 4. – 2013. – С. 114–116.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. / А.М. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: ПИТЕР, 2001. – 720 с.

Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения) / К.Я. Сигал. – М.: Гуманитарий, 2004. – 403 с.

Сигал К.Я., Бакалова З.Н., Пушина Н.И., Юрьева Н.М. Очерки по синтаксису связной речи / К.Я. Сигал, З.Н. Бакалова, Н.И. Пушина, Н.М. Юрьева. – М.: Ключ-С, 2013. – 142 с.

Смолянинова Е.Н. Связная речь (словосочетание) и грамматика / Е.Н. Смолянинова. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 57 с.

Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. (Сложное синтаксическое целое). 2-е изд. / Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1991. – 181 с.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1987. – 168 с.

Ушакова О.С. Развитие речи дошкольников / О.С. Ушакова. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2001. – 236 с.

А.А. Степанова

УДК 81'23

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: КОНФЛИКТ ИЛИ ТОЛЕРАНТНОЕ РАВНОВЕСИЕ?

В статье представлен обзор современной языковой ситуации в Республике Татарстан в условиях официально закрепленного двуязычия. Рассматриваются результаты социолингвистических исследований современной ситуации в этом полиэтническом регионе, очерчиваются зоны конфликта и мирного сосуществования народов в регионе.

Ключевые слова: языковая ситуация, конфликт, двуязычие, языковая политика.

Anna A. Stepanova

LANGUAGE SITUATION IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN: CONFLICT OR TOLERANT BALANCE?

The article presents the survey of current linguistic situation in the Republic of Tatarstan in the conditions of official bilingualism and the results of sociolinguistic research of the current situation in this multi-ethnic region. It also outlines the conflict zone and peaceful coexistence in the region.

Keywords: language situation, conflict, bilingualism, language policy.

Языковая ситуация подвергается целенаправленному воздействию языковой политики, которая реализует языковую жизнь общества, условия существования языков, сферы их использования. Положение языка в обществе обусловлено языковой политикой, которая является одним из аспектов национальной политики государства и представляет собой целенаправленное воздействие государства на функционирование языка в обществе [Байрамова 2001]. Языковая политика Российской Федерации в целом и ее субъектов на современном этапе характеризуется интенсивными процессами возрождения и развития национальных языков.

В Татарстане одной из основных задач языковой политики является необходимость учитывать языковые интересы различных этнических сообществ, где каждый из языков имеет свои проблемные зоны и нуждается в различных мерах поддержки.

Другим важным фактором, имеющим значение для языковой ситуации в Татарстане, являются глобальные процессы. Мир в эпоху глобализации становится все более связанным, взаимозависимым и уплотненным. Благодаря массовым коммуникациям, Интернет технологиям, усилившейся мобильности людей и движению капиталов, границы (политические, идеологические, административные) в глобализирующемся мире теряют свое значение, приводя к более интенсивным

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке проектов РГНФ №15-04-00378а и №15-34-14007а(ц).

контактам и взаимодействиям между странами, культурами и языками [Тухватулина 2007, Фаттахова 2011].

Языковой ситуации в Республике Татарстан посвящен широкий круг исследований. История, развитие, регулирование межнационального взаимодействия в Республике Татарстан являются традиционным сюжетом, характерным для изучения любого полиэтнического региона. В понимание данных процессов внесли ясность результаты исследований Л.М. Мухарямовой [Мухарямова 2003], Л.В. Сагитовой [Сагитова 1998], Г.Р. Столяровой [Столярова 2004]. Одним из наиболее изученных аспектов можно назвать вопрос сложившегося в отдельных субъектах федерации двуязычия. Различные аспекты двуязычия являются центральной темой региональных исследований, в частности Л.К. Байрамовой [Байрамова 1996, 2001], В.Г. Гайфуллина [Гайфуллина 1999], З.А. Исхаковой, Р.И. Зинурова, Р.Н. Мусина [Исхакова, Зинурова, Мусина 2002], Ф.Г. Сафина [Сафина 2000], Ф.Ф. Харисова [Харисов 2001].

Для национальных регионов РФ одной из актуальных проблем в сфере образования является реализация национально-регионального компонента. В Республике Татарстан изучению данного вопроса посвящены труды В. Г. Гайфуллина, Ф. Ф. Харисова [Харисов 2001], И. Г. Амирхана [Әмирхан 2003] и др.

Особое значение в региональных исследованиях представляют работы Л. К. Байрамовой. Автор впервые сформулировала идею существования особой «языковой модели Татарстана» и обозначила функциональные модели государственных языков в Республике Татарстана [Байрамова 1996, 2001].

Л.К. Байрамова показывает, как постепенно менялась в республике языковая ситуация в связи с взаимодействием культур и языков татарского и русского народов, в связи с изменением национального состава и в некоторой степени даже менталитета народов. Большую роль в этих изменениях сыграли, по убеждению автора, войны, восстания, революции, христианизация Казанского края, система образования, средства массовой информации, издательская и переводческая деятельность в республике, а также сама специфика русского и татарского языков – «лингвистический фактор» [Байрамова 2001].

В Татарстане языковая ситуация имеет свои особенности, на нее накладывает отпечаток тот факт, что республика географически не обособлена от остальной России. Здесь живут люди разных национальностей, татары расселены некомпактно, значительная их часть проживает за пределами своей республики. Но татарский язык – второй по числу носителей после русского язык России. Со времени призыва Ельцина (как раз в Казани) брать «столько суверенитета, сколько сможете», там началась весьма активная деятельность по распространению татарского языка во всех сферах жизни [Алпатов 2005].

Вопрос сохранения и развития языка непосредственно связан с проблемой его передачи новому поколению. Большинство жителей Татарстана осознает необходимость владения родным языком своими детьми, а так как большую роль в этом играет не только семья, но и образовательная политика государства, понятно внимательное отношение среднего и старшего поколений к качеству преподавания и к образовательным стандартам, принятым на федеральном и республиканском уровнях [Набиуллина 2013: 99-100].

В 2011 году в Казани обострились дискуссии по поводу изучения государственных языков в системе среднего образования. Сегодняшняя ситуация с татарским языком это плод длительной и целенаправленной политики государства, которая способствовала развитию одного «главного» языка и маргинализации других языков, однако имеющих такое же право жить и быть равноправными [Ходжаева 2011].

Проблема обязательного изучения татарского языка в средней школе и последствий этой политики для русскоязычного населения начала актуализироваться в республиканской прессе с середины 1990-х гг. В начале 2000-х это пробудило публичную активность Общества русской культуры. Так, в 2002 г. его представителям удалось встретиться с тогдашним президентом республики Минтимером Шаймиевым и отстаивать право на создание школ с русским этнокультурным компонентом. Также в начале 2000-х проходил судебный процесс, на котором рассматривалось требование уменьшить объем преподавания татарского языка в республиканских русскоязычных школах. Решение Конституционного суда России в корне не смогло поменять принципов изучения государственных языков в республике [Ходжаева 2011].

После введения в стране обязательного для всех Единого государственного экзамена (ЕГЭ) по русскому языку возник новый поворот в этой проблеме. Если прежде русское население Татарстана воспринимало изучение татарского языка в школах наравне с русским как своего рода историческую справедливость, то теперь родителей перестало устраивать то, что за счет обязательных часов на татарский язык сокращается количество часов, отведенных на изучение русского языка. Дети в Татарстане получают меньший объем знаний, чем школьники центральных регионов страны. Так, в пятом классе школьники Казани изучают русский язык три урока в неделю, тогда как ученики питерских школ – пять уроков в неделю. Для того чтобы выйти на один уровень, родители в Татарстане вынуждены нанимать репетиторов.

В конце первого десятилетия XXI в. русская общественность Татарстана вновь инициировала широкие дискуссии об изучении в школах татарского и русского языков – в контексте сосуществования двух этнических групп населения. Недавние инициативы таковы:

– в 2008 г. было создано Интернет-сообщество «Русский язык в школах Татарстана»;

– в ноябре 2009 г. организован так называемый «русский марш», в ходе которого собирались подписи под обращением к президенту Дмитрию Медведеву о положении русских и русского языка в Татарстане;

– в июне 2010 г. были собраны и разосланы 30 коллективных обращений против республиканской «Стратегии развития образования в Республике Татарстан на 2010–2015 годы» («Килечек»), предусматривающей, по мнению активистов, закрепление позиций татарского языка в системе образования и не предполагающей развития в изучении русского;

– в феврале 2011 г. проведен одиночный пикет под лозунгом «МОиН РТ, верните русский язык в школу», в том же месяце было опубликовано открытое письмо и начат сбор подписей родителей школьников;

– 16 апреля 2011 г. лидеры и активисты Общества русской культуры провели в Казани митинг в защиту русского языка и его положения в системе образования республики;

– 28 апреля 2011 г. была организована совместная встреча в формате «круглого стола» представителей Общества русской культуры и татарских национальных организаций (прежде всего, общества «Магариф»);

– 30 апреля прошел аналогичный митинг в Набережных Челнах;

– 9 июня и 7 сентября были организованы пикеты в Казани в защиту русского языка [Ходжаева 2011].

До 2020 г. власти республики намерены добиться в Татарстане паритетного использования русского и татарского языков. Для осуществления этой задачи правительство Татарстана утвердило специальную программу до 2020 г. с бюджетом более 1 млрд. рублей.

Следует отметить, что согласно Конституции республики русский и татарский языки в Татарстане являются равноправными. Декларируется, что на них ведется работа госорганов и они в равном объеме изучаются в школах. Однако на практике и то и другое положения нарушаются (объемы преподавания татарского в школах, который является обязательным для изучения всех школьников, превышают объемы преподавания русского, что вызывает протесты и недовольство родителей).

Статистически, русским языком в республике владеют 99,9% русских и 95,5% татар, татарским – 92,4% татар и всего 3,6% русских. Анализ результатов предыдущей аналогичной программы, которая действовала в 2004-2013 годы, показал «наличие целого ряда сдерживающих факторов реализации языковой политики» в республике. В частности, «слабую мотивацию к овладению татарским языком» и «недостаточное финансирование» [<http://journalufa.com/9431-tatarstan-motivaciya-k-tatarskomu-yazyku-za-milliard.html>].

В 2001 г. при поддержке РГНФ было проведено исследование на тему «Культуры народов Татарстана», которое охватило 957 человек в возрасте от 16 лет. В 2010 г. при совместной поддержке Франко-Российского центра общественных и гуманитарных наук в Москве и РГНФ был проведен повторный массовый опрос населения на тему этнонациональных и гражданских идентичностей, в рамках которого были опрошены 1002 человека старше 15 лет. В обоих опросах использовалась стратифицированная выборка, которая составлялась с учетом квот по полу, возрасту, месту жительства и роду занятий. Респонденты отбирались по кластерному принципу по месту учебы, работы или, как в случае с безработными, на бирже труда и по месту жительства. Все три опроса проводились в режиме анкетирования (самозаполнения) [Ходжаева 2011].

Данные опросов на протяжении всего постсоветского периода демонстрируют невысокую самооценку знания татарского языка русскоязычным населением.

Насколько свободно вы владеете татарским языком?	2001 (в %)	2010 (в %)	2010 (молодежь от 16 до 24 лет –79 человек, в %)
Свободно говорю, читаю, пишу	3	3	78
Свободно говорю, но читаю и пишу с затруднениями	3	6,5	15
Говорю с затруднениями	9	11,5	34
Понимаю, но не говорю	17	23	19
Не владею этим языком	68	51	23
Нет ответа		5	1

Для сравнения – среди татар (в том числе и в молодежной группе) большинство (70–73%) указало на свободное владение татарским языком и в начале, и в конце 2000-х. Полное отсутствие владения татарским отметили лишь единицы [Ходжаева 2011].

Насколько свободно вы владеете татарским языком?	2001 (в %)	2010 (в %)	2010 (молодежь от 16 до 24 лет –113 человек, в %)
Свободно говорю, читаю, пишу	70	73	70
Свободно говорю, но читаю и пишу с затруднениями	18	15	11,5
Говорю с затруднениями	6	6	11,5
Понимаю, но не говорю	4	3	5
Не владею этим языком	2	1	
Нет ответа		1	2

Таким образом, данные опросов свидетельствуют о том, что за двадцать лет новой языковой политики в Татарстане добиться реального двуязычия не удалось. При этом один из тезисов русской общественности о том, что школьники не знают татарский язык, подтвердился частично: лишь 23% русской молодежи указали, что не знают этот язык. Большинство же указывают в основном на низкий уровень владения (пассивное понимание или ограниченная речь). Кроме того, как показывают глубинные интервью с русскоязычными (подробно не рассматриваемые в данной статье), татарский язык утрачивает приобретенную им функцию «тайного языка» (то есть языка общения для представителей лишь одной группы) и становится понятным молодому поколению русскоязычных.

Политика развития двуязычия в республике встречала и встречает стабильно высокую поддержку у населения: почти трое из пяти опрошенных высказываются о ней с одобрением. Среди татар такого мнения придерживается большинство (72–73%). Среди русских можно наблюдать разделение на две группы: одна половина одобряет ее (причем таких респондентов сегодня почти на 10% больше, чем десятилетие назад), другая – либо относится к ней с безразличием, либо не считает двуязычие реальным. Не одобряют политику двуязычия меньше десятой доли русских.

Как вы относитесь к введению в Татарстане двуязычия?	2001 (в %)			2010 (в %)		
	Все население	Татары	Русские	Все население	Татары	Русские
Одобряю	57	72	41	63	72	49
Мне это безразлично	14	11	17	14	12	18
Не одобряю	6	3	9	3	1	7
Не считаю двуязычие реальным	13	8	21	10	6	15
Затрудняюсь ответить, нет ответа	9	6	12	10	9	11

Если говорить о преподавании татарского языка в школах, то отношение к этому среди татарстанцев неоднозначное. Лишь менее половины татар (44%) и только 14% русских поддерживают текущую республиканскую языковую политику в сфере образования [Ходжаева 2011].

Нужно ли в школах Татарстана преподавать татарский язык? Если да, то в каких формах?	Татары (в %)	Русские (в %)
Он должен быть обязательным предметом для всех	44	14
Он должен быть обязательным предметом, но на него должно отводиться меньшее количество часов	25	28
Он должен идти лишь в качестве факультатива для желающих	16	42
Он должен быть обязательным только для татар	11	10
Его вообще не должно быть в школах Татарстана	1	1
Затрудняюсь ответить	4	5

По данным того же опроса 2010 г. очевидно, что, несмотря на постоянные призывы татарских националистов отдавать своих детей в татарские учебные заведения, большинство этнических татар следует прагматическим установкам, предпо-

читая дать своим детям возможность получить образование либо на обоих языках, либо обучить детей в школах с углубленным изучением иностранных языков, либо даже в русскоязычных школах. Поддерживает позицию татарской общественности лишь каждый десятый опрошенный татарин. Для большинства русских, несмотря на декларируемое каждым вторым одобрение политики двуязычия, обучение детей даже в двуязычной среде остается непопулярным.

В какую школу вы предпочли бы отдать своего ребенка, если бы этот выбор стоял перед вами сейчас?	Татары (в %)	Русские (в %)
В школу с русским языком обучения	15	39
В школу с татарским языком обучения	10	1
В двуязычную школу – с преподаванием на русском и татарском	43	14
В школу с преподаванием на языках других национальностей	1	
В татарско-турецкий лицей	3	
В школу с углубленным изучением английского, немецкого или французского	27	43
Свой ответ: в двуязычную школу с углубленным изучением английского и другого иностранного		1
Другие ответы в целом	1	2
Нет ответа	1	

Какие действия вы лично предпринимаете для поддержки языка и культуры вашего народа?	Татары (в %)	Русские (в %)
Участвую в политических мероприятиях	4	1
Обращаюсь в органы государственной власти, местного самоуправления	3	2
Участвую в работе общественных организаций (национально-культурных обществ, центров, любительских объединений)	4	4
Непосредственно участвую в различных мероприятиях (конкурсы, смотры самодеятельности, выставки народного творчества, концерты)	13	7

Стараюсь привлекать внимание общественности к вопросам языка и культуры через средства массовой информации	3	3
Воспитываю своих детей в любви к родному языку и культуре	38	36
Ничего не предпринимаю, хотя считаю, что поддержка моей культуры необходима	29	28
Не считаю, что культура моего народа нуждается в поддержке	11	18
Затрудняюсь ответить	16	18

Таким образом, местные русские активисты в вопросах преподавания языков в школах могут рассчитывать на понимание примерно половины жителей Татарстана (включая как русских, так и татар). Татарских же националистов в целом поддерживают около 44% татар, а в радикальных требованиях – не более 15% представителей этой этнической группы. Среди русских доля поддерживающих риторику татарских активистов ожидаемо низка. Однако для обеих сторон остро стоит вопрос о мобилизации сторонников, поскольку количество и русских, и татар, готовых публично и политически отстаивать этнические интересы, чрезвычайно мало: участие в политической и общественной публичной жизни в целях поддержки интересов культуры и языка своего народа, согласно опросам, принимают не более 5% населения Республики Татарстан [Ходжаева 2011].

Результаты социолингвистических исследований подтверждают высокий уровень существующей в республике языковой толерантности: и татары, и русские считают естественным правом народов, проживающих в республике, изучать родной язык и учиться в своих национальных школах. Для татар толерантность приводит к постепенному отказу от родного языка, использованию в качестве коммуникативного средства русского языка, функционирующего во всех сферах общественной жизни. Несмотря на желание русских жителей республики говорить на татарском языке, выпускники школ, изучавшие татарский язык как предмет, владеют им лишь на уровне понимания. Это объясняется тем, что программы обучения русских учащихся татарскому языку отличаются уклоном в сторону изучения грамматики татарского языка, недостаточным вниманием к формированию речевых навыков, несовершенством методики преподавания татарского языка в русских классах и группах. Обнаруживаются определенные трудности и недостатки и в преподавании татарского языка как родного. Необходима также современная концепция преподавания родного татарского язык.

Приведем результаты исследований «Состояние и динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан», подготовленные социологами Казанского (Приволжского) федерального университета, проведенные в

феврале – марте 2012 г. на репрезентативной квотной выборке в 1590 респондентов [Низамова 2012].

В состоявшемся опросе респондентам был задан уточняющий вопрос о том, можно ли быть представителем национальности, к которой себя относит респондент, если не соответствовать этнокультурным ожиданиям и не участвовать в ряде практик своего народа. В отношении таких признаков этнической идентичности, как родной язык, исконная религия, традиции и обычаи, а также знание истории своего народа и интерес к ней, мнения респондентов Татарстана оказались поляризованными.

Тем не менее многие опрошенные (46%) считают, что можно быть представителем своей национальности, даже не владея родным языком (не согласны с этим 43%, 11% затруднились с ответом); 50% считают, что то же самое относится к традиционной религии (39% не согласны с такой точкой зрения, 11% затруднились ответить). По мнению 45% татарстанцев, можно быть человеком своей национальности, не придерживаясь ее традиций и обычаев, 48% аналогичным образом высказались в отношении знания истории своего народа и интереса к ней [Низамова 2012].

Тем более не удивительно, что, по мнению респондентов, проживание вне традиционных территорий и за границей или заключение брака с представителями иной национальности не мешает быть представителем своего народа (так считают, соответственно, 78% в первом и 75% во втором случаях).

Интересно, что оценки русских и татар разнятся, особенно в отношении роли родного языка: среди этнических русских преобладает уверенность в том, что нельзя быть русским, не владея русским языком (54%), тогда как подобного мнения в отношении татарского языка придерживается лишь 35% татар, а 54% считают, что можно быть татаринком и не владея татарским языком. Это косвенные свидетельства фрагментации этничности и наличия вариативных модусов, однако социологический опрос позволил получить и прямые подтверждения в следующих количественных данных [Низамова 2012].

Среди татар 87% назвали родным татарский язык, но 10% считают таковым русский язык. Относительное большинство (48%) общаются дома с родителями, супругом (-ой), детьми на татарском языке, а 19% – в основном на русском, 32% используют оба языка. Хотя преобладающее число татар по самооценке языковых компетенций свободно понимают (65%), разговаривают (60%), читают (58%) и пишут (53%) на татарском языке, часть татар признали, что плохо понимают или совсем не понимают татарский язык (6.5%), не разговаривают (14%), не читают (19%), не пишут (23%) на языке своих предков (приведено суммарное число ответивших «плохо» и «нет»). Татарско-русский билингвизм стал распространенным явлением среди татар; все заметнее число тех, кто готов, вопреки принятому правилу о признании только одного языка родным, назвать в качестве родных оба. Вместе с тем 70% татар часто используют татарский язык в повседневной жизни, 23% используют его редко, лишь 7% совсем не применяют родной язык в ежедневных обыденных обстоятельствах [Низамова 2012].

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что 90% опрошенных татар относят себя к приверженцам исламской религии, однако почти 5% заявили, что не ассоциируют себя ни с какой религией, а около 2% связывают себя с православием. При этом глубоко верующими себя считают лишь 8% татар, а подавляющее большинство может быть отнесено к категории просто верующих (61%); 18% признали себя сомневающимися, так как не могут уверенно назвать себя верующими людьми. Кроме того, 3% заявили, что вопросы религиозной веры им безразличны, 5% – неверующие, 2% – атеисты, 3% затруднились с ответом на непростой вопрос. Хотя большинство татар (72%) признали, что верят в Бога (Всевышнего), ежедневно совершают молитву лишь 20% опрошенных; относительное большинство (36%) отметили, что вообще не молятся. Лишь 9% татар соблюдают посты, 20% делают это не во все требуемые дни, а 68% признали, что совсем не следуют одному из столпов ислама, предписывающего соблюдение поста. 50% татар более или менее уверенно отметили, что следуют в повседневной жизни религиозным правилам, а почти 43% констатировали, что не следуют.

Полученные конкретно-социологические данные демонстрируют основные параметры конфессионального сознания, информированности, социализации, религиозной мотивации и культовых действий этнических татар в Республике Татарстан и позволяют сделать вывод о диверсификации исламской идентичности и множественности духовных представлений, ориентаций, предпочтений и стратегий поведения. Если для одних ислам – это религиозный выбор, предполагающий активное изучение и освоение в каком-то смысле новых духовных и социальных практик (в силу господствовавшего ранее атеизма и преобладающих в настоящее время норм светского общества), то для других – скорее инерционное воспроизводство этнокультурной включенности и лояльности, поддерживающее местную этническую традицию и преемственность поколений в секуляризованном региональном сообществе [Низамова 2012].

Вопрос, который встает в связи с попытками расширить области использования татарского языка, связан с тем, насколько же он распространен и употребляем в различных коммуникативных сферах.

Присвоение татарскому языку статуса государственного языка Республики Татарстан подразумевает под собою его повсеместное изучение, знание и применение. В какой степени это осуществлено в Республике Татарстан? С целью выяснения данного вопроса летом 2013 г. Г.Я. Гузельбаевой было проведено пилотажное исследование, которое заключалось в изучении способности и готовности сотрудников организаций и учреждений поддержать разговор на татарском языке. Исследование заключалось в том, что человек обращался в различные учреждения исключительно на татарском языке. Отслеживалась реакция на такое обращение: давался ли ответ на татарском языке и насколько охотно давался такой ответ [Гузельбаева 2013].

В результате этого эксперимента было выяснено, что обращение в государственные органы на татарском языке влечет за собой успешную коммуникацию сторон. Обращения в учреждения системы здравоохранения, как правило, также оказывались успешными. В образовательных учреждениях и библиотеках возникли

трудности с поддержанием разговора на татарском языке: ответ на татарском либо давался очень неохотно, либо не давался вообще. В сфере бытового обслуживания, торговле, в общественном транспорте распространение и использование татарского языка оказалось достаточно неравномерным, что по сути отражает языковую ситуацию в республике в целом [Гузельбаева 2013].

Таким образом, данные этого исследования в очередной раз подтверждают, что на территории Республики Татарстан в публичной сфере татарский язык имеет ограниченное распространение и недостаточно востребован. Говорить о том, что двуязычие действительно стало нормой жизни для населения Татарстана, пока рано.

В Татарстане два государственных языка – русский и татарский, что закреплено Конституцией республики, потому названия улиц, учреждений, многих магазинов пишутся на двух языках, хотя нередко с ошибками. На татарском и русском объявляются остановки в городском общественном транспорте и казанском метро. На двух языках выходят газеты и журналы. Информационные агентства в Татарстане также работают на двух языках: русская и татарская редакции. Однако двуязычие до сих пор не стало нормой даже для Госсовета Татарстана, разработавшего и принявшего Основной закон республики. Конечно, депутат, желающий выступить на татарском языке, такое право будет иметь и имеет. А вот готовить законопроекты на двух языках у татарского парламента не получается – нет в достаточном количестве квалифицированных переводчиков, да и перевести тот же законопроект с русского на татарский сложно. Иными словами, в работе органов государственной власти, в учреждениях доминирует русский язык, а татарский используется эпизодически [Шафигулина 2011].

Сохранение и развитие языка – важнейшее политическое дело государственного, мирового масштаба. Ибо каждый язык, независимо от того, кому он принадлежит – многочисленной нации или малочисленному народу, этносу, – это драгоценный клад, созданный тем или иным народом. Если язык функционирует, то живет и народ, который им пользуется, если исчезает язык, то исчезает и сам народ. Попытки возрождения национальных языков и стремления к их развитию и возвращению в повседневную жизнь, желание дать им второе рождение являются абсолютно оправданными.

Язык – символ нации. Его потеря – невосполнимая утрата не только для отдельного этноса, но и для мировой культуры и истории, которые представляют собой совокупность самобытных культур отдельных народов, даже самых малочисленных.

Литература

Алпатов В. М. Языковая ситуация в регионах современной России// Отечественные записки. - М., 2005, № 2(23). – С. 210-219.

Байрамова Л. К. Равноправие языков нейтрализует конфликты // Науч. Татарстан. – 1997. – № 2. – С. 8 – 12.

Байрамова Л. К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия. – Казань, 2001. – С. 102.

Байрамова Л. К. Языковая модель Татарстана // Модели национальных языков. – Казань, 1996. – С. 13 – 22.

Гайфуллин В.Г. Национально-региональный компонент стандарта образования: Татарстанский вариант. – Казань, 1999. – 119 с.

Гузельбаева Г.Я. Практики использования государственных языков жителями татарстана в ситуации официального двуязычия // Вестник ТГГПУ. 2013. №4. – С.44-51.

Әмирхан И. Г. Татар фәлсәфәсе һәм милли мәгариф. Казан, 2003. – 329 с.

Ибрагимова Э.Р., Тиригулова Р.Х. Полилингвальная языковая ситуация в республике Татарстан // <http://www.sworld.com.ua/index.php/en/philosophy-and-philology-112/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-112/12294-112-658>

Исхакова З.А., Зинурова Р.И., Мусина Р.Н. Современная этноязыковая ситуация в Республике Татарстан. – Казань: Печатный Двор, 2002. – 92 с.

Макарова Г.И. Этноязыковое поведение учащихся старших классов. // Государственные языки в школьном образовании. Информационно-аналитический материал по результатам этносоциологического исследования в г. Казани. Казань, 2006. – С. 12–19.

Мухарямова Л. М. Языковые отношения: политологический анализ. – Казань, 2003. – 389 с.

Набиуллина А.В. Языковая ситуация и политика в сфере образования в поликультурной республике // Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / Под ред. Р.Г. Минзарипова, С.А. Ахметовой, Л.Р. Низамовой. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – С. 90 – 113.

Низамова Л.В. Модерная этничность и ее модусы: теория и практики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. №6. С.105-116.

Сагитова Л. В. Этничность в современном Татарстане: Воспроизводство этничности в татарстанском обществе на рубеже 1980 – 1990-х гг. – Казань, 1998. – 184 с.

Сафин Ф.Г. Принудительный лингвизм: социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920 – 1930-е гг. – М., 2000. – 450 с.

Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. – Казань, 2004. – 425 с.

Тухватуллина Д.Н. Языковая ситуация в Республике Татарстан в контексте европейской языковой политики: Автореф. дис. к.ф. наук / Д.Н. Тухватуллина. – Казань, 2007. – 24 с.

Фаттахова Н.Н. Преподавание русского языка как неродного в Республике Татарстан // Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение (Материалы Международной научно-практической конференции). – Казань, 2011. – С. 247-251

Харисов Ф. Ф. Национально-региональный компонент стандарта общего

среднего образования (концептуальные подходы к проектированию образовательных стандартов в Республике Татарстан). – М., 2001. – 467 с.

Ходжаева Е. Татарский язык в школах Татарстана: общественные дебаты и мнение населения // Неприкосновенный запас 2011, №6 (80) – С.246-247.

Шарыпова Н. Х. Двужычие в Татарстане. – Казань, 2004. –373 с.

Шафигулина И.Ф. Система образования в условиях развития двуязычия в Татарстане // Вестник ЧГПУ. 2011. №10. С.195-204.

<http://journalufa.com/9431-tatarstan-motivaciya-k-tatarskomu-yazyku-zamilliard.html>

<http://my.mail.ru/community/filologia111/journal>.

Т.Н. Ушакова, С.С. Белова

УДК 159.9

ИСТОКИ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЛАДЕНЦА ПЕРВОГО ГОДА ЖИЗНИ¹

Проведен сбор систематических видеозаписей поведения 4-х младенцев возраста от 0 до 12 месяцев в естественных условиях (1226 эпизодов). Разработана специализированная методика анализа видеозаписей, позволяющая дать количественную оценку линиям голосового и поведенческого развития в онтогенезе. Для понимания того, каким образом голосовые знаки приобретают черты звучащей во-круг речи и входят в общий поведенческий репертуар маленького ребенка, исследовалось сочетание голосовых проявлений младенца с формами его поведения. В заключение формулируется общее теоретическое представление об истоках и пути психолингвистического развития младенца раннего возраста.

Ключевые слова: младенчество, голос, поведение, видеонаблюдение, когнитивный механизм, психолингвистическое развитие, первые слова.

Tatyana N. Ushakova
Sofya S. Belova

ORIGINS OF PSYCHOLINGUISTIC DEVELOPMENT OF INFANTS DURING THEIR FIRST YEAR OF LIFE

The article presents a study based on systematic home video data of 4 infants during their first year of life. A special strategy for video data coding was developed to allow tracking of voice and behavior development in the ontogeny. According to the theoretical premises co-occurrence of infant's voice manifestations and behavioral patterns which changes over the first year of life may be important for considerations on the way infant's vocalizations acquire features of external flow of speech and incorporate into his/her behavioral repertoire. In conclusion, the authors formulate general theoretical considerations on the roots and ways of psycholinguistic development in early infancy.

Key words: infancy, voice, behavior, video observation, cognitive mechanism, psycholinguistic development, first words

---

¹ Исследование поддержано грантами РГНФ № 14-06-00174а и № 15-36-01348а2

Теоретические основания исследования

На протяжении первого года жизни малыш проходит огромный путь физического, поведенческого, психического и пред-лингвистического развития (Ушаков, 1997). Реализуя свой генетический багаж и адаптируясь к физическим законам земной жизни, младенец научается сидеть, ползать, ходить, хватать и брать предметы руками, подносить их ко рту, крутить, бросать и мн.др. У ребенка возникают обобщения, касающиеся закономерностей движения объектов мира и поведения людей. С определенного момента малыш начинает понимать речь окружающих и адекватно реагировать на нее. Наконец, он произносит свои первые слова, имеющие признаки осмысленности.

Многие стороны этого сложного комплексного процесса изучены наукой: перцептивные возможности младенца (П. Куль); вокально-речевая динамика произносимых звуков (Е.Ляксо); появление и развитие функции общения с мамой и другими людьми (М.Лисина, М. Томаселло); когнитивные способности младенца, понимание речи (Э. Бейтс, Ж.Пиаже, Е.Сергиенко) и др. Опубликованы монографические исследования крупных линий онтогенеза речевой способности ребенка, включая ранний детский возраст [Ляксо 2010, Фитч 2013, Сергиенко 2006, Томаселло 2011, Ушакова, 2011, Фитч, 2010]. При всем внимании к теме раннего развития ребенка остается нерешенной центральная, на наш взгляд, психологическая проблема: каким образом неопытный младенец, едва овладев начальными умениями жизни в физическом и социальном мире, научается выражать звуками своего голоса внутренние переживания, желания, намерения и осуществлять начальные шаги речевого общения с окружающими. Как отмечает авторитетная исследовательница детской речи П. Куль, «Младенцы осваивают язык с удивительной быстротой, но как они это делают, остается загадкой» [Kuhl 2004: 831].

В настоящей работе поставлена задача нащупать такую линию в широком круге явлений, отражающих онтогенез маленького ребенка, исследование которой привело бы к пониманию путей развития психолингвистической способности малыша. Были приняты во внимание особенности адаптивных реакций младенца, включающих как его голосовые проявления, так и разные формы поведения. Функционирование организма новорожденного начинается с работы врожденных механизмов, включающих основные системы жизнеобеспечения. Голосовые проявления новорожденного младенца (крик, плач) также включены в минимальный круг жизненно необходимых малышу средств. Голос новорожденного выполняет адаптивную функцию, что хорошо видно по сходству детских криков-плачей с соответствующими звуковыми сигналами, подаваемыми детенышами зверей и птиц.

Адаптивная роль младенческого голоса проявляется и позднее при появлении и развитии у него вокализаций позитивного характера (гуканьи, гуления, лепете, вербальных имитируемых заимствованиях, первых «незрелых словах» и др.). С помощью голосовых знаков малыш полнее выражает свои растущие желания и потребности, а, соответственно, более успешно получает их удовлетворение. Позитивный голос связан с иными формами поведения, нежели плач новорожденного. Развиваются новые формы поведенческой активности: ориентировочно-исследовательская (следование глазами за движущимся предметом), тенденция к контакту с мамой и другими близкими людьми («комплекс оживления»), проявления интенционально-мотивационного характера (потребности/желания получить

что-то). Из совокупности этих фактов возник выбор основного направления работы. Мы предположили, что значимую линию развития «осмысливания голоса» можно выявить, прослеживая из месяца в месяц изменения, происходящие в сочетании голосовых проявлений младенца с формами его поведения. Такого рода данные, правилосообразно меняющиеся на протяжении исследованного возраста, могут оказаться продуктивными для понимания того, каким образом голосовые знаки приобретают черты звучащей вокруг речи и входят в общий поведенческий репертуар маленького ребенка.

Тезис о речи как форме поведения звучал в психологической науке в рамках известной Скиннеровской парадигмы, в которой, однако, ранний детский возраст не исследовался, а сам подход отличался, на наш взгляд, неоправданной расширенностью на объекты, не вполне поддающиеся описанию в духе оперантного научения [Skinner 1957]. Внимание к поведенческим проявлениям раннего этапа развития речи и языка, проявлено и в современных подходах: к восприятию речи и статистическому научению младенца [Lany, Saffran 2013], к его социокогнитивным навыкам [Tomasello 2003] и продуцированию речи [Kuhl 2009].

Методика исследования

В качестве эмпирического материала для разработки гипотезы использовались данные аудио- и видео-записей (1226 эпизодов). Материалы собирались на детях, растущих в условиях семей московских профессиональных психологов (3 мальчика и 1 девочка), в течение первого года их жизни – от 0 до 12 месяцев. Регистрация производилась по мере возможности наблюдателей с относительной систематичностью (в среднем – 26 эпизодов в месяц у ребенка).

Наблюдение имеет многие экологически ценные эвристические характеристики. В наше время оно признается уникальным методом исследования раннего этапа онтогенеза в естественных условиях. Домашние видео-материалы первого года жизни используются для выявления ранних поведенческих коррелятов расстройств аутистического спектра [Einspieler, Sigafoos, Bartl-Pokorny, Landa, Marschik, Bölte 2014, Marschik, Pini, Bartl-Pokorny, Duckworth, Gugatschka, Vollmann, Zappella, Einspieler 2012, Saint-Georges, Cassel, Cohen, Chetouani, Laznik, Maestro, Muratori 2010]; в связи с когнитивным и психосоциальным развитием младенца [Dimitrova, Moro, Mohr 2015, Hall, De Waard, Tooten, Hoffenkamp, Vingerhoets, van Bakel, 2014, Nakayama 2015]; для изучения моторного развития в младенчестве [Fjørtoft, Einspieler, Adde, Strand 2009, Nuysink, van Dam, Boonzaaijer, van Haastert 2015, Valle, Støen, Sæther, Jensenius, Adde 2015].

К сожалению, вместе с уникальными возможностями наблюдение остается уязвимым для критики, что связано, прежде всего, с возможной субъективностью исследователя в интерпретации материала. Поэтому введение этого метода в исследование предполагает его тщательную подготовку и проверку на соответствие объекту работы. В настоящей работе разработаны специальные приемы обработки данных видео-наблюдения, адекватные предмету исследования. Они направлены на повышение объективности оценок эксперта, унификацию словесного описания материалов видео-наблюдения, возможности их последующего перевода в количественные показатели.

Первое требование состоит в том, что *эксперт должен использовать при анализе только объективные факты*. Например, если ребенку задают вопрос: «Где

бабушка?» – и он поворачивает глаза в сторону стоящей в стороне бабушки, то правомерна квалификация ситуации: «Ребенок понял вопрос». Если движения глаз не наблюдается, такая квалификация неправомерна.

Другая сторона требования объективности состоит в том, что *эксперт не должен принимать суждения, исходя из своих представлений о субъективных состояниях младенца*. Например, неправомерны суждения: «Он/она хочет того-то», «Интересуется тем-то», «Вспомнил/а то-то».

Второе требование направлено на *унификацию первичного словесного описания материалов видео-записей по всему времени наблюдения (1-й год жизни)*. Это требование исходит из того, что скорость поведенческих изменений младенца в течение первого года делает неоправданной ориентацию на конкретные формы его поведения в течение всего рассматриваемого временного отрезка. Новообразования появляются, трансформируются, исчезают. В соответствии с этим разработана система категорий, обобщающих отдельные конкретные формы голосовых и поведенческих проявлений младенца на протяжении первого года, которая достаточно полным образом описывает эмпирический материал.

Принятая в работе система обозначения типов голоса младенца (или его отсутствия):

Г0: *Отсутствие голосовых проявлений, молчание.*

Г– : *Вокализации негативной эмоциональной окрашенности.*

К ним относятся *крик, плач, предплач, «хныч»*. Встречаются и менее выраженные, как правило, слабо дифференцированные по артикуляции вокализации: *вскрики, возгласы расстроенной тональности и др.* Такие вокализации имеют обычно акустические особенности в виде высокой громкости, цикличности, настоятельности.

Г+: *Вокализации позитивной или нейтральной эмоциональной окрашенности.*

К ним принято относить разные варианты гуления, а также всхрипы, возгласы, подвывания (не плач или выражение протеста).

Гсложный: *Отличается от других видов вокализаций включением в их состав элементов звучащей вокруг взрослой речи.*

Сложный голос включает многие проявления: подражание интонации взрослых, звукоподражание, имитация слогов, диалога и монолога, побуждение голосом, голос по слову, имитация слова, «незрелое» слово и нек. др.

Типы поведения младенца (или его отсутствия) обозначались по следующей системе:

П0: *Отсутствие выраженной формы поведения.*

Данная ситуация характерна для 0-1 месяца развития, хотя может наблюдаться и в более позднем возрасте. Состоит в пассивности и отсутствии явной цели в поведении ребенка.

П1: *Ориентировочно-познавательная активность (2-12 месяцы):*

а) *познание предметного мира*, которое последовательно в онтогенезе может быть представлено зрительным сосредоточением, стремлением ухватить объекты, манипулирование ими, игрой с предметами по их назначению и др;

б) *познание слов*, которое поведенчески представлено выраженной ориентацией ребенка на значения определенных слов (*например, ребенка просят: «При-*

неси машинку» – он идет и приносит ее);

в) познание ритуалов личностно-социального характера, которое может быть представлено следованием правилам игр и совместных действий (например, ладушки, прятки и т.п.).

П2: Социальный контакт, взаимодействие с близкими людьми (2-12 мес.).

Проявляется в визуальном контакте и эмоциональном отклике во взаимодействии с взрослым, следовании за ним в помещении, инициации общения с взрослым со стороны ребенка, участии в совместных действиях.

П3: Интенционально-мотивационные проявления в поведении.

Они заключаются в выражении неудовольствия и протеста вследствие всех возможных причин (боль, плохое самочувствие, нелюбовь к производимым с ним действиям взрослого, неудача и т.п.), а также в объективно выраженном позитивном желании получить что-либо.

Каждый анализируемый эпизод видеоматериалов оценивался по голосовым проявлениям (с помощью голосовых переменных Г0, Г-, Г+, Гслож) и по поведенческим проявлениям (с помощью поведенческих переменных П0, П1, П2, П3), а также характеризовался их сочетанием.

Более подробно особенности данного методического подхода будут представлены в специальной статье.

Результаты анализа материалов

Для каждого испытуемого были посчитаны частоты сочетания типа голоса и поведения в каждом месяце, выделены периоды психолингвистического развития, в рамках которых частоты были переведены в относительные показатели (%). Далее было проведено усреднение этих показателей по испытуемым и проведено сравнение их пропорций между периодами с помощью z-критерия для сравнения пропорций (табл. 1).

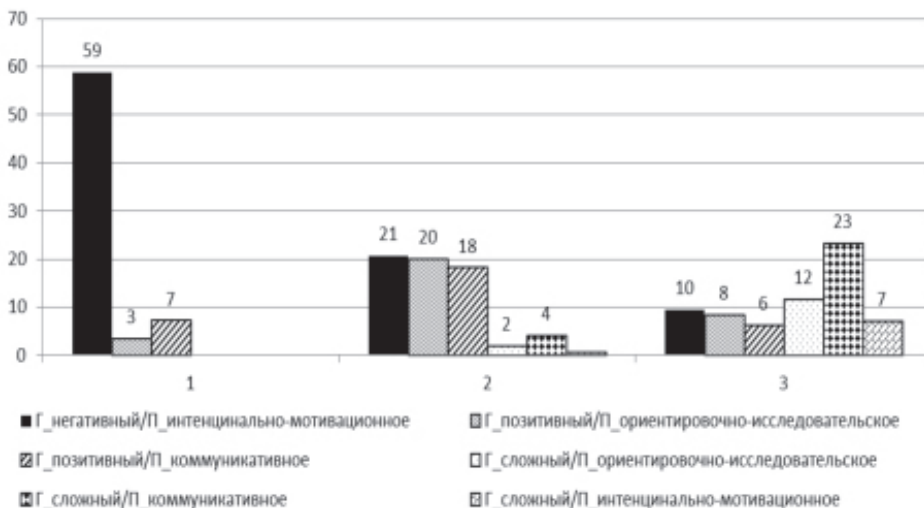
Таблица 1. Различия в средних значениях переменных сочетания голосовых и поведенческих проявлений (в %) в течение первого года жизни

Сочетание голосовых и поведенческих проявлений	Периоды, средний %			Значимость различий, p		
	I	II	III	I vs II	I vs III	II vs III
Г_негативный/ П_ориентировочно-исследовательское	0	1	0	0,5545	0,8050	0,2340
Г_негативный/ П_коммуникативное	1	1	1	0,9078	0,6888	0,6966
Г_негативный/ П_интенционально-мотивационное	59	21	10	0,0003	0,0000	0,0103
Г_нейтрально-позитивный/ П_ориентировочно-исследовательское	3	20	8	0,0548	0,3918	0,0059

Г_нейтрально- позитивный/ П_коммуникативное	7	18	6	0,1958	0,8673	0,0021
Г_нейтрально позитивный/ П_интенционально- мотивационное	0	0	3	0,7633	0,4292	0,2156
Г_сложный/ П_ориентировочно- исследовательское	0	2	12	0,5093	0,0806	0,0073
Г_сложный/ П_коммуникативное	0	4	23	0,3275	0,0086	0,0001
Г_сложный/ П_интенционально- мотивационное	0	1	7	0,7121	0,1804	0,0223
Г_негативный	62	24	11	0,0005	0,0000	0,0032
Г_нейтрально-позитивный	20	44	22	0,0372	0,9095	0,0001
Г_сложный	0	9	53	0,1403	0,0000	0,0000

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые различия на уровне 0,05

Статистический анализ обнаруживает проявление 3-х периодов с качественной и количественной специфичностью в характере сочетания голосовых и поведенческих форм. Эта специфичность отражена на рисунке 1, представляющем значимые различия средних показателей сочетания голосовых и поведенческих проявлений между периодами.

Рисунок 1. Периоды психолингвистического развития на первом году жизни, характеризующиеся спецификой сочетания голосовых (Г) и поведенческих (П) проявлений (средний % к общему количеству единиц анализа в периоде, приведены значимые различия между периодами)

Первый период начинается от рождения младенца и длится в течение полутора-двух месяцев. Это время с высокой частотой вокализаций негативного типа, связанных с поведением витального характера, по сравнению с последующими периодами ($p=0,000$, $p=0,000$, соответственно).

Во втором периоде – с 3 по 7 месяц включительно – по сравнению с первым периодом становятся более частыми вокализации нейтрально-положительного типа при ориентировочно-исследовательском поведении (уровень тенденции, $p=0,055$). Не достигли статистической значимости различия в доле нейтрально-позитивных голосовых проявлений в общении по сравнению с первым периодом ($p=0,196$), несмотря на то, что их средняя частота примерно одинакова. При этом наблюдается значимое уменьшение частоты негативных вокализаций, связанных с поведением витального характера ($p=0,000$), а также появление первых форм сложного голоса.

Третий период – с 8 по 12-ый месяц – отличен выраженным усилением голосовых форм сложного типа, сопутствующим преимущественно коммуникативным ($p=0,000$), а также ориентировочно-исследовательским ($p=0,007$) и интенциональным проявлениям ($p=0,022$). При этом значимо менее частотными по сравнению со вторым периодом становятся проявления нейтрально-позитивного голоса в ориентировочно-исследовательском поведении ($p=0,006$) и общении ($p=0,002$), негативного голоса при интенционально-мотивационных формах поведения ($p=0,01$).

Взятые в совокупности, эмпирические результаты свидетельствуют о наличии на первом году жизни трех периодов психолингвистического развития, для которых характерно: 1) доминирование голосовых проявлений определенного типа (негативного, нейтрально-позитивного, сложного); 2) качественная и количественная специфичность в сочетаниях голосовых проявлений с различными линиями поведения.

Теоретическое обсуждение полученных результатов и гипотезы

В полученных результатах мы видим отражение процессов поведенческого характера, со своими правилами входящими в общий ход предсловесного развития младенца. На начальных шагах первого периода (от 0 до полутора-двух месяцев) жестко реализуется заданная от рождения программа: голос негативного характера функционирует как сигнал неблагополучия в сочетании с реакциями витального спектра и является практически единственным голосовым проявлением новорожденного. Характерная реакция крика/плача новорожденного со своими особенностями проявляется у детенышей разных видов животных и птиц. Адаптивное назначение реакции состоит, по утверждению специалистов, в том, что новорожденный сигнализирует о месте своего существования и нужде в защите. У человеческого детеныша на голос кто-то из близких откликается и по возможности устраняет причины беспокойства малыша. В ситуации повторяющегося со стороны субъекта действия, на которое следует полезный для организма ответ, автоматически воспроизводится процедура выработки адаптивно полезной реакции, оперантной, по терминологии Б. Скиннера [Skinner, 1969]. В нашем случае крик младенца приводит, в общем случае, к ослаблению или устранению неблагоприятного воздействия. У ребенка вырабатывается возможность использовать крик/плач как средство для достижения полезного результата. Такое адаптивно значимое поведение при повторении закрепляется и входит в круг поведенческого репертуара младенца.

На втором месяце (2-й период) негативный голос уступает первенство пробуждающимся позитивным вокализациям. В течение значительного времени (от 2 до 8 месяцев) позитивные вокализации накапливают разнообразие, приобретают элементы сходства со звучащей вокруг речью, усложняются, но как бы не находят устойчивого места в структуре поведенческих реакций. Контакт позитивного голоса с тем или иным видом поведения оказывается во 2-м периоде неустойчивым и переменчивым. Не редкость также, что позитивный голос младенца звучит изолированно, вне связи с каким либо видом поведения или занятием младенца. Негативный голос, уступая по частотности другим вокальным проявлениям по мере развития младенца, сохраняется в последующие месяцы жизни ребенка. При этом он обычно меняет свой характер – становится полусознательным средством для вызова сочувствия или снисхождения окружающих (детский плач). Этот вид поведения также пополняет поведенческий репертуар младенца. Модифицированная форма плача латентно присутствует и у взрослых людей, преимущественно женщин, что находит выражение в состоянии волнения человека, при переживаниях неприятностей, горя, страдания.

В 3-м периоде (8-12 мес.) сложный голос, приобретший звуковое сходство со словами, употребляемыми окружающими, занимает первенствующее положение. При этом формируется ясно выраженная структура соотношения голоса с отдельными видами поведения. Как показывает статистика, чаще всего сложный голос сочетается с коммуникативным поведением малыша в ситуации общения с близкими людьми. Этот вид поведения занимает важное, долговременно сохраняющееся место в детском поведенческом репертуаре.

Обсуждение представленных данных на более глубоком уровне предполагает привлечение знаний из смежных областей – поведенческой психофизиологии, физиологии развития, нейрофизиологии, а также рассмотрение возможных объяснительных гипотез. Для квалификации общего хода развития поведенческого аспекта в предсловесный период, как понятно из сказанного раньше, наиболее адекватной оказывается теория оперантного научения Б.Скиннера. Эта теория в наши дни нередко подвергается критике, которую мы частично разделяем, что упомянуто выше. Однако общий ход оперантного обусловливания высоко профессионально и на большом экспериментальном материале исследован Скиннером [Skinner, 1969], чем заслуживает к себе доверие. Эта сторона работы представляется нам вполне адекватной для использования в нашем случае.

При обсуждении ситуации выработки начальных оперантных реакций у новорожденного отмечалось их позитивное адаптивное значение. Адаптивно полезным оказывается появление у младенца позитивно-нейтрального голоса, поскольку возникает условие для расширения зоны совершаемых им «голосовых проб». Используя вновь появившуюся возможность, младенец «проводит пробы», пытаясь нащупать появление желательной для него ситуации, что характерно при формировании оперантного акта. Использование положительного голоса в поведенческом репертуаре малыша на 2-й ступени развития может иметь непосредственной причиной оперантный характер реакций, усвоенный им в первый месяц жизни,

В пользу этого предположения говорит факт выраженного развития акустических особенностей позитивного голоса во 2-м периоде. Начальные формы голоса в начале 2-го периода – это обычно короткие и негромкие импульсные вокализации,

дополненные взвизгами, вскриками. Позднее возникают формы, имитирующие звуковые особенности звучащей вокруг речи. Увеличивается длительность детских вокализаций, а концу второго периода младенец, случается, задает целые «концерты», включающие сложные рудалды. В развитии этого процесса также можно предположить участие механизма оперантного научения.

Граница между 2-м и 3-м наблюдаемыми периодами не жесткая и определяется тем, что в вокализациях младенца появляются и нарастают приметы звучаний, имитируемых им из речи окружающих. Эти случаи, обозначаемые нами как «сложный голос», проявляются уже во 2-м периоде, а в 3-м их количество возрастает. Здесь, по-видимому, кроме действия оперантных правил, находит свое отражение увеличение роли таких движущих сил, как имитации, образование множественных ассоциативных операций. Они кладут начало так наз. «вербальной сети», формированию обобщенных вербальных образований, в результате чего закладываются начальные языковые структуры – логогены, вербальные сети, обобщенные кластеры [Ушакова 2011: 83-107].

Включение «сложного голоса» дает новые возможности для развития оперантных навыков младенца. Так, посредством т.н. «младенческого диалога» малыш осуществляет более плотное общение с мамой и другими близкими людьми. Усвоение прямых элементов слышимой речи дает младенцу возможность полнее выразить свои побуждения и получить их удовлетворение.

Обнаруженные периоды развития младенческого голоса позволяют понять ход действия оперантных процессов, устанавливающих связь между формой голосового сигнала и тем или другим поведенческим актом.

Уже со второго периода начинается выработка ряда автоматических навыков и привычек ребенка, ведущих к формированию у него некоторых в будущем полезных речевых навыков:

- использование слова как действенной силы [Белова 2005, Ушакова, Белова 2012];
- соблюдение очередности высказываний собеседников, или диалог (показано в настоящем исследовании);
- приспособление звучания голоса (громкости) и артикуляторного аппарата (разборчивости произнесения) к условиям текущего речевого общения [Kuhl 2009].

Эти процессы соответствуют правилам оперантного обусловливания. Младенец издает звуки, соответствующие в данный момент его состоянию и уровню развития его голосового тракта («производит пробы»). Окружающие люди отвечают действиями (в том числе словесными), благоприятно действующими на малыша («осуществляют подкрепление»). Этот клубок взаимодействий образует в норме «мотор» общего хода предсловесного развития младенца. К этому процессу применима выразительная характеристика Б.Скиннера, «Оперантное обусловливание формирует поведение так же, как скульптор лепит фигуру из глины».

**

Приведенные данные обнаруживают, по нашему мнению, важные заложенные в природу младенца движущие силы его раннего психолингвистического развития. Вместе с тем требуется осознать, что приведенное выше описание оказывается недостаточно полным, поскольку анализ представляет только поведенческую линию раннего детского развития. Вне рассмотрения оказывается важная сторона

процесса развития младенца – его субъективная, «семантическая» составляющая. В раннем детском возрасте субъективные проявления младенца отчетливо улавливаются близкими людьми. Уже в «комплексе оживления» месячного малыша мама не напрасно слышит его позитивный эмоциональный отклик.

Заметим, что адепты теории оперантного обусловливания не привлекают «посторонних», как они считают, данных для характеристики процесса научения. Поэтому внутренний механизм формирования оперантной реакции, насколько нам известно, не обсуждается ими. В нашем случае такое обсуждение представляется необходимым, поскольку выработка даже начальной оперантной реакции, связанной с голосом, оказывается комплексной по своему составу. С одной стороны, она происходит по поведенческим правилам. С другой – в этой реакции присутствует психологический компонент: она инициируется голосом, несущим на себе субъективную составляющую. Голос генетически связан с эмоциями, эмоции – субъективное переживание.

Рассмотрим более подробно этот момент. Ребенок инициирует реакцию криком, испытывая неприятные ощущения (голод, холод, дискомфорт). После получения подкрепления (пищи, тепла и др.) его состояние становится положительным. Произведенное оперантное действие приводит к смене неприятного состояния на лучшее, благоприятное. Тем самым субъективное состояние приобретает способность отражать логику внешнего хода событий. Иначе говоря, субъективная сторона реагирования младенца соответствует объективному ходу событий. В оперантном реагировании младенца можно, таким образом, видеть источник улавливания субъектом причинно-следственных отношений с помощью психологических и психофизиологических средств организма.

Особенностью оперантной реакции является и то, что в объективном плане она целесообразна, имеет смысл, поскольку понимается ухаживающим за ребенком человеком, устраняющим негативные для младенца воздействия. Эта реакция целесообразна и в субъективном плане, т.к. неприятное переживание малыша снимается и заменяется вновь возникающим состоянием с положительной окраской. Происходящая смена придает переживанию характер своего рода удовлетворения. Такое удовлетворение переживает и взрослый человек, достигнув понимания ранее непонятого явления. Эта реакция приобретает смысл и в субъективном плане, т.е. может рассматриваться как первоначальное эмоционально окрашенное «предосмысливание» ситуации, поскольку субъективное состояние соответствует логике событий, ее смыслу. Объективное положение вещей находит здесь соответствие в субъективном эмоциональном переживании. Это может служить основанием, чтобы младенец вновь и вновь занимался «поиском смыслов» в окружающей действительности. Такие ситуации возникают с каждым новым формирующимся оперантным навыком, расширяющим круг приспособительных приемов для адаптации младенца к существующим условиям.

Обсуждая возможности субъективных процессов в раннем младенчестве, мы, по сути дела, обращаемся к развитию ментально-когнитивной сферы младенца с первых дней его жизни. Если верна предложенная нами объяснительная гипотеза, то можно думать, что это развитие связано с зачаточными формами осмысленности, без учета существования которых весь путь познания мира и освоения малышом речевых навыков, а также становление у него в будущем осмысленного языка в целом лишается своего коренного начала.

Факты показывают, что развитие ментально-когнитивной сферы младенца начинается с первых дней его жизни. Малыш «открывает смыслы» при рассмотрении внешних объектов, манипуляциях игрушками, во взаимоотношениях с мамой. Получив первые двигательные ресурсы, младенец подолгу занимается своего рода «познанием мира»: тербит игрушки, извлекая из манипулирования ими свидетельства их возможностей – крутит их, пробует на вкус, сосет, бросает. В схватывании, обсасывании, бросании, толкании игрушек и предметов младенец добывает знания об их проявлениях в условиях действия земных физических законов. Этим можно объяснить то, что в возрасте 2–2,5 мес. жизни он обнаруживает представление о простейших законах движения объектов и их взаимодействия, что показано в классических экспериментах [Байаржон 2000; Смит 2000 и др.]. Разнообразные формы игр, которыми увлекается ребенок, имеют ту же направленность. Ранней предтечей детских игр, видимо, являются так называемые циркулярные реакции малыша в раннем возрасте, описанные Пиаже [Пиаже 1983]. Круг переживаний, связанных с внешними событиями, расширяется от одной ступени развития ребенка к другой. В публикациях показано, что к 3–4 мес. возникает обобщенное представление о кошках, птицах, лошадях; в 7–8 мес. ребенок различает предметы, учитывает постоянство их размеров; в 9 мес. может отличить птицу от самолета [Сергиенко 2008]. Еще не говорящий девятимесячный ребенок понимает характер предложенной ему лабораторной ситуации, ее цели, оценивает свои возможности, обращается за помощью к взрослому [Бейтс 1984]. По словесной просьбе дети с 5 мес. начинают совершать простые действия в виде передачи предмета взрослому [Соловьев 1988].

Подтверждение многим наблюдениям находим в недавних экспериментальных исследованиях, проводимых в области детской психологии [Lobo, Galloway 2013, Di Giorgio, Turati, Altoè, Simion 2012; Wilcox, Stubbs, Wheeler, Alexander 2013; Zieberta, Kangasa, Hocka, Haydena, Collinsa, Badaa, Joseph, Bhatta 2013, Shaoying, Quinnb, Wheelerc, Naiqi, Liezhong, Kang 2011, Matatyaho-Bullaroa, Gogateb, Masona, Cadavidc, Abdel-Mottaleb 2014).

Такого рода «познавательные действия» необходимы младенцу для его первоначальных приспособлений к условиям физической, а чуть позднее и социальной среды (адаптации). Соответствующие знания работают при развитии ранних телесных приспособлений малыша – перевернуться со спинки на животик, сесть, поползти, стать на ножки, взять предмет рукой. Такого же рода задача стоит перед ним в приспособлении к условиям общения с окружающими людьми.

Для установления познавательных навыков от нулевого состояния к практически приемлемому, как мы это видим, должно включаться все то же оперантное научение. Образующиеся навыки являются поведенческими по своей сути: они служат адаптации организма и поддаются обучению. При этом они обладают замечательной спецификой – включают в свой состав ментально-когнитивный (психологический) компонент.

Таким образом, приближаясь к годовалому юбилею, голос младенца, в том числе и сложного состава, проводящий в соответствии с оперантными правилами поиск своего места в поведенческом проявлении, встречается с поведением зрелого характера. Этот тип поведения прошел предварительный путь ментально-когнитивной обработки, включающей своего рода «пред-осмысливание» ситуации.

Тем самым мы получаем, что конечная реакция сопряжения голосовой реакции с поведением имеет зерно смысла: голосовое проявление сложного типа, содержащее в себе элементы слышимой вокруг речи или прямо подсказанное со стороны окружающих нужное слово, и сложное поведение, несущее на себе отпечаток семантики. В конечном результате этого акта обнаруживается соединение ментально-когнитивного содержания с его голосовым (звуковым) выражением.

Другими словами, через анализ взаимодействия включенных процессов может быть намечен ответ на загадочный вопрос психологии: каким образом материально выражаемое слово соединяется у младенца с элементами психических переживаний. Проведенный анализ не потребовал обращения к недоказанным сущностям, предполагающим до сих пор ненаблюдаемые явления типа перехода материальной энергии в энергию психическую и обратно.

Заключение

В результате исследования разработано новое представление о структуре процессов, имеющих непосредственное отношение к психолингвистическому развитию младенца раннего возраста (0-12 мес.). Важнейшее место в этой структуре принадлежит группе поведенческих реакций, участвующих после рождения младенца поначалу в его жизнеобеспечении, а затем и в более тонком приспособлении к условиям жизни. Адаптивные процессы, лежащие в основании психолингвистического развития здорового младенца, находятся в состоянии постоянного развития, происходящего на основе принципа оперантного обусловливания. К группе поведенческих реакций принадлежит и голос малыша, от рождения выполняющий адаптивную функцию. Младенец издает звуки, соответствующие в данный момент его состоянию и зрелости голосового аппарата («производит пробы»). Окружающие люди отвечают действиями (в том числе словесными), благоприятно влияющими на малыша («осуществляют подкрепление»). Этот клубок оперантных взаимодействий образует в норме источник и движущую силу общего хода предсловесного развития младенца.

Другое важнейшее место в системе действий, обеспечивающих полноценное психолингвистическое развитие младенца раннего возраста, принадлежит развитию когнитивно-ментальной линии. Мировая литература накопила огромный багаж фактов, свидетельствующих о том, что с первых недель жизни малыша он активно наращивает знания об окружающих людях, предметах, явлениях. Эти знания добываются младенцем посредством постоянных поведенческих актов с людьми, предметами, явлениями и накапливаются в его долговременной памяти. Голос, как показано в нашем исследовании, по описанным выше правилам включается в эти действия. Здесь и лежит ключ ответа на вопрос, каким образом звук голоса становится у ребенка выразителем ментального содержания.

Развитое представление об истоках и общем ходе развития пред-словесных процессов опирается в своих узловых моментах на факты проведенного эмпирического исследования. Нельзя вместе с тем не признать, что некоторые из приведенных тезисов, необходимых для построения целостного представления, имеют только логические, а порой гипотетические основания. Последнее обстоятельство не останавливает нашей решимости опубликовать сложившееся представление, пусть даже в качестве первого научного проекта решения одной из крупных загадок психологии и психолингвистики.

Литература

- Байаржон Р.* Представления младенцев о скрытых объектах // Иностранная психология. – 2000. – № 12. – С. 13–35.
- Бейтс Э.* Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика. / Под ред. А.М. Шахнаровича. М.: Прогресс, 1984. С. 50–103.
- Белова С.С.* Интенциональные явления на раннем этапе развития речи // Язык. Сознание. Культура. Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.; Калуга: Эйдос. – 2005. С. 99–109.
- Ляксо Е.Е.* Развитие речи. От первых звуков до сложных фраз. – СПб.: Речь, 2010. – 190 с.
- Пиаже Ж.* Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 90–102.
- Сергиенко Е.А.* Когнитивное развитие довербального ребенка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – С. 337–367.
- Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 464 с.
- Смит Л.Б.* Обладают ли младенцы врожденными структурами знания? // Иностранная психология. – 2000. – №12. – С.35–50.
- Соловьев В.Д.* Понимание речи ребенком в сенсомоторном периоде развития. // Теоретические и прикладные исследования психологии речи / Под ред. Т.Н. Ушаковой. – М.: ИПАН СССР, 1988. – С. 141–156.
- Томаселло М.* Истоки человеческого общения. – М.: Языки славянских культур, 2013. – 328 с.
- Ушаков Д.В.* Одаренность, творчество, интуиция // Основные современные концепции творчества и одаренности / Под ред. Д.Б. Богоявленской. М. 1997. С. 78 – 89.
- Ушакова Т.Н.* Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. – М.: Изд. ИП РАН, 2011. – 524 с.
- Ушакова Т.Н.* Как возможно осмысленное слово у годовалого ребенка // Вопросы психологии. 2015, № 1, с. 26–38.
- Ушакова Т.Н., Белова С.С.* Истоки осмысленности ранней детской речи // Вопросы психологии. – 2012. – 2. – 45–55.
- Фитч У.Т.* Эволюция языка. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 824 с.
- Di Giorgio E., Turati C., Altoè G., Simion F.* Face detection in complex visual displays: An eye-tracking study with 3-and 6-month-old infants and adults // Journal of experimental child psychology. – 2012. – 113. – 66–77.
- Dimitrova N., Moro C., Mohr C.* Caregivers interpret infants' early gestures based on shared knowledge about referents // Infant Behavior & Development. – 2015. – 39. – 98–106.
- Einspieler C., Sigafos J., Bartl-Pokorny K. D., Landa R., Marschik P. B., Bölte S.* (2014). Highlighting the first 5 months of life: General movements in infants later diagnosed with autism spectrum disorder or Rett syndrome // Research in Autism Spectrum Disorders. –8(3). – 286–291.
- Fjørtoft T., Einspieler C., Adde L., Strand L. I.* Inter-observer reliability of the “Assessment of Motor Repertoire--3 to 5 Months” based on video recordings of infants // Early Human Development. – 2009. – 85(5). – 297–302.
- Hall R. A. S., De Waard I. E. M., Tooten A., Hoffenkam, H. N., Vingerhoets A. J. J. M., van Bakel H. J. A.* From the father's point of view: how father's representations

of the infant impact on father-infant interaction and infant development // *Early Human Development*. – 2014. – 90(12). – 877–83.

Kuhl P. K. Early language acquisition: cracking the speech code // *Nature Reviews. Neuroscience*. – 2004. – 5(11). – 831–843.

Kuhl P. K. Early language acquisition: Phonetic and word learning, neural substrates, and a theoretical model / In B. Moore, L. Tyler & W. Marslen-Wilson (Eds.), *The Perception of Speech: From Sound to Meaning*. Oxford, UK: Oxford University Press. – 2009. – pp 103-131.

Lany J., Saffran J. R. Statistical learning mechanisms in infancy / In Rubenstein, J. L. R. & Rakic, P. (eds.) *Comprehensive Developmental Neuroscience: Neural Circuit Development and Function in the Brain*. – Amsterdam: Elsevier. – 2013. – 3. – 231-248.

Lobo M.A., Galloway J.C. The onset of reaching significantly impacts how infants explore both objects and their bodies // *Infant Behav. and Devel.* – 2013. – 36. – 1. – 14–24.

Marschik P.B., Pini G., Bartl-Pokorny K.D., Duckworth M., Gugatschka M., Vollmann R., Zappella M., Einspieler C. Early speech-language development in females with Rett syndrome: focusing on the preserved speech variant // *Developmental Medicine & Child Neurology*. – 2012. – 54(5). – 451-456.

Matatyaho-Bullaro D.J., Gogateb L., Masona Z., Cadavid S., Abdel-Mottaleb M Type of object motion facilitates word mapping by preverbal infants. // *Journ. of Exp. Child Psychol.* – 2014. – 118. – 27–40.

Nakayama H. Emergence of amae crying in early infancy as a possible social communication tool between infants and mothers // *Infant Behavior & Development*. – 2015. – 40. – 122–130.

Nuysink J., van Dam E., Boonzaaijer M., van Haastert I.-L. Equivalence of the Alberta infant motor scale using a home-video made by parents and observation by a pediatric physical therapist // *Physiotherapy*. – 2015. – 101. 1109–1110.

Saint-Georges C., Cassel R. S., Cohen D., Chetouani M., Laznik M.-C., Maestro S., Murator, F. What studies of family home movies can teach us about autistic infants: A literature review // *Research in Autism Spectrum Disorders*. – 2010. – 4(3). – 355–366.

Shaoying Liua, Quinnb P.C., Wheelerc A., Naiqi Xiaoa, Liezhong Gea, Kang Leec. Similarity and difference in the processing of same- and other-race faces as revealed by eye tracking in 4- to 9-month-olds // *Journ. of Exp. Child Psychol.* – 2011. – 108. – 1. – 180–189.

Skinner B.F. *The Contingencies of Reinforcement: A theoretical analysis*. New York: Appleton-Century-Crofts. – 1969.

Skinner B.F. *Verbal behavior*. – Acton, MA: Copley Publishing Group. – 1957. – 478 p.

Tomasello M. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. – Harvard University Press. – 2003.

Valle S. C., Støen R., Sæther R., Jensenius A. R., Adde, L. Test-retest reliability of computer-based video analysis of general movements in healthy term-born infants // *Early Human Development*. – 2015. – 91(10). – 555–558.

Wilcox T., Stubbs J.A., Wheeler L., Alexander G.M. Infants' scanning of dynamic faces during the first year // *Infant Behav. Devel.* – 2013. – 36. – 4. – 513–516.

Ziebera N., Kangasa A., Hocka A., Haydena A., Collinsa R., Badaa H., Joseph J.E., Bhatta R.S. Perceptual specialization and configural face processing in infancy // *J. of Exp. Child Psychol.* – 2013. – 116. – 3. – 625–639.

Е.Б. Чернышова

УДК 81'23

СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОЦЕНОЧНОЙ ЗОНЫ ЯДРА РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ¹

В статье раскрывается понятие параметризации как одного из видов анализа, используемого в современной отечественной психолингвистике. Применяемая впервые при описании материала ассоциативных словарей, данная исследовательская процедура делает возможным построение многомерной модели содержания оценочной зоны ядра русского языкового сознания. В статье рассматриваются результаты параметризации структуры оценочной зоны языкового сознания.

Ключевые слова: языковое сознание, ядро языкового сознания, ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативные словари, параметризация, параметры оценочной зоны, ядерные единицы, оценочное значение.

Elena B. Chernishova

STRUCTURAL ASPECT OF PARAMETRIC MODEL OF ESTIMATED CORE ZONE OF RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The article deals with the concept of parameterization as one of the types of analysis used in modern Russian psycholinguistics. Applied for the first time in the description of the material associative dictionary, this research makes possible to build a multivariate model of evaluative content of the core zone Russian language consciousness. The article discusses the results of the parameterization of evaluation zone structure of language consciousness.

Keywords: language awareness, the core of linguistic consciousness, verbal associative network, associative dictionaries, parameterization, options evaluative zone, nuclear units, estimated value.

Системно-целостный подход к анализу языковой картины мира, активно развиваемый Московской психолингвистической школой [Уфимцева 2013], позволяет рассматривать содержание языкового сознания (ЯС) как системно-целостное образование.

Оценочная зона ядра ЯС как его фрагмент и как системный феномен обладает составом и структурой. Тем самым описание содержания оценочной зоны ядра русского языкового сознания (РЯС) может быть осуществлено двумя группами параметров, характеризующими ее состав и структуру. Каждая группа параметров квалифицируется как количественно посредством численного значения (индекса), так и качественно посредством шкальных оценок. Оценка параметра, выражаемая числом, называется индексом. Перевод индекса параметра в шкальную оценку является процедурой шкалирования. Шкальные оценки способствуют созданию

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Борисоглебского филиала ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» в 2016 г.

формализованной основы модели, которая позволит описать динамику и вариативность содержания оценочной зоны.

В данной статье опишем параметры группы В, отражающие структуру оценочной зоны ядра РЯС. Под структурой мы понимаем совокупность отношений между системными элементами. При ее описании сначала определяется место элементов в структуре, значимость по отношению к другим единицам, а потом их наиболее существенные связи в системе.

В Таблице 1 представлены аспекты анализа содержания оценочной зоны РЯС, ее структурные параметры и способы индексирования их значений.

Таблица 1. Параметрическая модель оценочной зоны ядра РЯС

Аспекты анализа содержания оценочной зоны ядра РЯС	Параметры	Процедура индексирования параметра
Параметры группы В (структура оценочной зоны ядра РЯС)		
Направление связей	Количество входящих связей	Обозначается абсолютными числами.
	Доля симметричных связей элементов оценочной зоны ядра РЯС	Вычисляется как отношение количества ядерных оценочных слов с симметричными связями к общему числу слов, образующих оценочную зону.
Сила связей	Ранг элемента оценочной зоны в ядре РЯС	Обозначается абсолютными числами.
	Значимость элементов в оценочной зоне ядра РЯС	Вычисляется как отношение количества входящих связей слова к общему количеству входящих связей слов оценочной зоны.
Ориентация связей	Доля синтагматических связей	Вычисляется как отношение количества слов, имеющих симметричные синтагматические / парадигматические связи, ко всем единицам исследуемой оценочной зоны.
	Доля парадигматических связей	

Как мы уже указывали, параметризация предполагает не только операцию квантификации, но и операцию квалификации. Квалификация – это оценка какого-либо объекта, определение его качества [Большой энциклопедический словарь 2000]. Операция квалификации позволяет осуществлять обобщенное качественное описание результатов индексации параметров. Для характеристики параметров на качественном уровне разрабатываются формализованные шкалы, на основе которых устанавливается степень их выраженности.

В ходе исследования оценочной зоны ядра РЯС возникла необходимость в использовании шкалы для параметров, значения которых выраженных в долях (%) [Кривенко 2013], и разработки шкалы для параметров, выраженных в абсолютных числах.

Таблица 2. Шкала ранжирования степени выраженности параметров (в %)

Численные значения параметра	Степень выраженности параметра
0	нулевая степень (отсутствие рассматриваемого явления)
> 0 и $< 10\%$	низкая степень
≥ 10 и $< 30\%$	заметная степень
$\geq 30\%$ и $< 50\%$	яркая степень
$\geq 50\%$ и $< 70\%$	значительная степень
$\geq 70\%$ и $< 90\%$	высокая степень
$\geq 90\%$ и $< 100\%$	гипервысокая степень
100%	абсолютная степень

Таблица 3. Шкала ранжирования степени выраженности параметров (в абсолютных числах)

Численные значения параметра	Степень выраженности параметра
$\geq 0,05$ и $< 0,10$	низкая
$\geq 0,10$ и $< 0,15$	заметная
$\geq 0,15$ и $< 0,20$	значительная
$\geq 0,20$ и $< 0,25$	высокая

Отношения между элементами системы поддерживаются благодаря связям, которые имеют разные характеристики по содержанию и функциональному назначению. Ассоциативные связи в психолингвистике рассматриваются в качестве индикаторов структурных отношений между единицами АВС. Они являются источником информации о структурированности всего содержания языкового сознания представителя той или иной лингвокультурной общности. Конфигурация этой структуры зависит от силы этих ассоциативных связей.

Для нашего исследования важным является описание связей элементов оценочной зоны в аспекте их ориентации, силы и направления. «Измерение» силы (веса) связей оценочных слов ядра позволяет выделить такие параметры как значимость элементов в оценочной зоне и ранг оценочных слов в ядре РЯС. Исследование направления связей дает возможность описать параметр симметричности связей, что в свою очередь позволяет выявить устойчивые оценочные модели в сознании носителей языка. Изучение ориентации связей, их уровня функционирования способствует выявлению параметров парадигматических и синтагматических отношений элементов оценочной зоны.

Содержание оценочной зоны ядра РЯС мы рассматриваем как фрагмент РЯС, являющегося системой предметных значений, овнешненных языковыми знаками [Уфимцева 2015]. Описание этой системы осуществляется при реализации системно-целостного подхода к анализу содержания, главным принципом которого является принцип значимости/ценности [Уфимцева 2013]. Традиционно в психолингвистике значимость элемента в ассоциативно-вербальной сети (АВС) выража-

лась количественным показателем в виде числа входящих связей и в виде ранга. В Таблице 4 представлены результаты анализа ассоциативно-вербальных сетей, построенных на материалах различных ассоциативных словарей и электронных ассоциативных баз. Для исследования структуры оценочной зоны ядра РЯС нами были выявлены варианты семантического гештальта ядерного подграфа ассоциативно-вербальных сетей, построенных на базе 1) Словаря ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) [1977], 2) Русского ассоциативного словаря (РАС) [2002], 3) Русского ассоциативного словаря: ассоциативные реакции школьников (РАСШ) [2011], 4) Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса (ЕВРАС) [2014] и 5) Русской региональной ассоциативной базы данных (СИБАС) [2015]. Для исследования динамики и вариативности содержания оценочной зоны ядра РЯС нами была построена общая база ассоциативных данных (первые 75 ядерных слов) по словарю ЕВРАС и электронной базе СИБАС (ЕВРАС+СИБАС).

Таблица 4. Количество входящих связей и ранги единиц оценочной зоны в АВС (в абсолютных числах)

Оценочные единицы	САНРЯ	РАС	РАСШ	ЕВРАС	СИБАС	ЕВРАС+СИБАС
<i>хорошо</i>	70/2	665/5	394/4	264/5	261/5	525/5
<i>хороший</i>	43/8	425/12	353/6	158/24	146/26	304/26
<i>плохо</i>	32/18	677/4	319/9	269/4	260/6	529/4
<i>умный</i>	-	283/54	286/16	147/32	130/6	277/36
<i>красивый</i>	25/40	385/23	283/17	112/59	105/67	217/60
<i>плохой</i>	-	371/26	271/19	125/41	108/59	233/48
<i>дурак</i>	-	552/9	-	127/39	112/53	239/46
<i>добрый</i>	24/47	-	166/66	112/59	-	-
<i>зло</i>	-	-	-	161/22	161/19	322/21
<i>красота</i>	-	-	-	110/65	104/70	214/64
<i>ужас</i>	-	-	-	125/41	107/62	232/50
<i>хорошая</i>	-	-	174/59	-	-	-
<i>красивая</i>	-	-	157/75	-	-	-
<i>трудно</i>	26/33	-	-	-	-	-
<i>отлично</i>	23/54	-	-	-	-	-
<i>хорошее</i>	21/64	-	-	-	-	-

Первое число – количество входящих связей, второе – ранг ядерной единицы.

Прочерком обозначено отсутствие данного элемента в составе того или иного варианта оценочной зоны ядра РЯС.

Анализ содержания оценочной зоны ядра РЯС показал, что в нее входят единицы, имеющие разное количество связей с другими единицами АВС. Например, ассоциат *плохо*, по данным АВС-РАС, имеет 677 входящих связей, ассоциат *умный* – 283. При ранжировании ассоциату *плохо* присваивается 4 ранг в ядре РЯС [Уфимцева, Тарасов 2009], а ассоциату *умный* – 54 ранг. Четвертое место в ядре ЯС говорит о важной роли этого понятия для носителей языка того периода, когда собирался материал для словаря (1988-1997). Вместе с тем ассоциат *плохо* по данным АВС-РАСШ имеет 319 входящих связей и 9 ранг в ядре языкового сознания школьников. Ассоциат *умный* в той же АВС обладает 286 входящими связями и стоит на 17 месте в ранжированном списке. Как видим, при сходстве состава оценочной

зоны в АВС-РАС и АВС-РАСШ регистрируются различия в их структуре, тем самым можно говорить о возрастной специфике оценочной зоны ядра РЯС.

В нашем исследовании мы предпринимаем попытку выразить значимость ядерной единицы оценочной зоны с помощью индекса. Индекс значимости вычисляется как отношение количества входящих связей слова к общему количеству входящих связей слов оценочной зоны. Такой способ определения значимости ядерного оценочного элемента представляется необходимым в связи с задачей сопоставления оценочной зоны ядра РЯС, полученной на материале разных ассоциативных словарей и электронных ассоциативных баз. Для формализованного описания данного параметра нами разработана специальная шкала ранжирования (см. Таблицу 3).

Таблица 5. Индекс значимости элементов в оценочной зоне (в абсолютных числах)

Оценочные единицы	САНРЯ	РАС	РАСШ	ЕВРАС	СИБАС	ЕВРАС+ СИБАС
<i>хорошо</i>	0,239 высокая	0,198 значительная	0,164 значительная	0,154 значительная	0,175 значительная	0,169 значительная
<i>хороший</i>	0,147 заметная	0,127 заметная	0,147 заметная	0,092 низкая	0,098 низкая	0,098 низкая
<i>плохо</i>	0,109 заметная	0,202 высокая	0,133 заметная	0,157 значительная	0,174 значительная	0,171 значительная
<i>умный</i>	–	0,084 низкая	0,119 заметная	0,086 низкая	0,087 низкая	0,089 низкая
<i>красивый</i>	0,085 низкая	0,115 заметная	0,118 заметная	0,065 низкая	0,070 низкая	0,070 низкая
<i>плохой</i>	–	0,110 заметная	0,113 заметная	0,073 низкая	0,072 низкая	0,075 низкая
<i>дурак</i>	–	0,164 значительная	–	0,074 низкая	0,075 низкая	0,077 низкая
<i>добрый</i>	0,082 низкая	–	0,069 низкая	0,065 низкая	–	–
<i>зло</i>	–	–	–	0,094 низкая	0,108 заметная	0,104 заметная
<i>красота</i>	–	–	–	0,064 низкая	0,069 низкая	0,069 низкая
<i>ужас</i>	–	–	–	0,073 низкая	0,07 низкая	0,075 низкая
<i>хорошая</i>	0,099 низкая	–	0,072 низкая	–	–	–
<i>красивая</i>	–	–	0,065 низкая	–	–	–
<i>трудно</i>	0,089 низкая	–	–	–	–	–
<i>отлично</i>	0,078 низкая	–	–	–	–	–
<i>хорошее</i>	0,071 низкая	–	–	–	–	–

Как видим, значимость элементов оценочной зоны разнится в зависимости от данных разных ассоциативных источников. Общеоценочные слова *хорошо* и *плохо* обладают более высоким индексом значимости. В АВС-САНРЯ была констатирована большая степень выраженности параметра значимости единицы *хорошо* (0,239). Значительная степень выраженности параметра значимости данного элемента отмечается в АВС всех остальных исследуемых ассоциативных баз (см. таблицу 5). Степень выраженности параметра значимости ядерной единицы *плохо* признается высокой в АВС-РАС (0,202), значительной в (АВС-ЕВРАС (0,157), АВС-СИБАС (0,174) и АВС-ЕВРАС+СИБАС (0,171)). Во всех анализируемых нами ассоциативных источниках имена прилагательные *хороший* и *плохой* характеризуются более низким индексом значимости, чем наречия *хорошо* и *плохо* (см. Таблицу 5).

Частнооценочные ядерные единицы *красивый* и *умный* имеют низкую (АВС-ЕВРАС, АВС-СИБА и АВС-ЕВРАС+СИБАС) и заметную (АВС-РАС, АВС-РАСШ) степень выраженности параметра значимости. Разная степень выраженности параметра значимости регистрируется у слова *дурак*: в АВС-РАС, где индекс данного элемента составляет 0,164, в остальных АВС значение данного индекса в интервале от 0,074 до 0,077. В низкой степени выраженности проявляется параметр значимости у единиц *добрый*, *ужас*, *хорошая*.

Единицы с высокими показателями частотности реализуют устойчивые модели языкового сознания [Сергиева 2009]. В связи с тем, что одной из целей исследования содержания оценочной зоны ядра РЯС является установление устойчивых моделей оценки, реально существующих в сознании носителей языка, мы выявляем и подвергаем анализу только симметричные связи элементов оценочной зоны, так как именно этот тип связи позволяет выделить данные модели. Для этого мы обращаемся к анализу постоянных реакций, отражающих наиболее устойчивые связи в сознании носителей языка. Под постоянными реакциями понимаются ассоциаты, данные более чем 5% респондентов в процессе свободного ассоциативного эксперимента [Черкасова 2005]. Обычно в ассоциативном поле того или иного стимула первые три реакции и составляют эти 5%.

Основанием для выделения устойчивых оценочных моделей является пересечение ассоциативных полей выделенной оценочной единицы с ассоциативными полями других оценочных слов в пределах оценочной зоны и со словами других зон ядра (зоны «Действия», «Качества», «Персоналии», «Реалии»), а также оценочными словами, находящимися на периферии ЯС.

В Таблице 6 представлены пары слов, имеющие симметричные связи. Перед первым словом и после второго слова указано число исходящих связей, например: *11 хорошо – плохо 95*, т. е. стимул *хорошо* вызывает реакцию *плохо* у 95 испытуемых, а стимул *плохо* – реакцию *хорошо* у 11 испытуемых (материалы АВС-РАС).

Таблица 6. Симметричные связи: доля и степень выраженности параметра (%)

	Симметричные связи ядерных оценочных слов с элементами оценочной зоны РЯС	Симметричные связи ядерных оценочных слов с элементами других семантических зон РЯС	Симметричные связи ядерных оценочных слов с элементами периферии оценочной зоны РЯС
--	---	---	---

САНРЯ	22,2 % (заметная)	0,0 % (нулевая)	0,0 % (нулевая)
	72 плохой – хороший 217		
РАС	85,7 % (высокая)	57,1 % (значительная)	0,0 % (нулевая)
	11 <i>хорошо</i> – <i>плохо</i> 95 4 умный – дурак 7 56 хороший – плохой 81	47 <i>хорошо</i> – <i>жить</i> 61 64 <i>хорошо</i> – <i>учиться</i> 23 25 хороший – человек 95 52 <i>дурак</i> – <i>набитый</i> 7 19 красивый – парень 12 58 красивый – цветок 8	
РАСШ	44,4 % (яркая)	55,6 % (значительная)	11,1 % (заметная)
	142 хороший – плохой 177 320 плохо – хорошо 349	33 хороший – человек 94 129 <i>хорошо</i> – <i>учиться</i> 42 122 красивый – цветок 72 45 умный – человек 37 47 добрый – человек 150	103 умный – глупый 16
ЕВРАС	54,5 % (значительная)	18,2 % (заметная)	27,3 % (заметная)
	133 <i>хорошо</i> – <i>плохо</i> 135 52 хороший – плохой 66 31 умный – дурак 44	61 <i>хорошо</i> – <i>жить</i> 35 26 красивый – парень 21 46 красивый – цветок 38	189 зло – добро 156 39 умный – глупый 60 58 добрый – злой 43
СИБАС	40,0 % (заметная)	50,0 % (значительная)	10,0 % (заметная)
	111 плохо – хорошо 116 35 хороший – плохой 48	54 <i>хорошо</i> – <i>жить</i> 20 53 <i>хорошо</i> – <i>учиться</i> 20 13 зло – ярость 5 24 зло – гнев 46 107 дурак – Иван 43 46 ужас – страх 172 21 красивый – парень 24 43 красивый – цветок 30	31 дурак – глупый 30
ЕВРАС+ СИБАС	40,0 % (заметная)	50,0 % (значительная)	30,0 % (яркая)
	246 плохо – хорошо 249 87 хороший – плохой 114	27 зло – ярость 53 115 <i>хорошо</i> – <i>жить</i> 55 114 <i>хорошо</i> – <i>учиться</i> 19 109 <i>хорошо</i> – <i>очень</i> 25 225 дурак – Иван 83 96 ужас – страх 336 89 красивый – цветок 72	263 зло – добро 156 61 умный – глупый 48 61 дурак – глупый 86

Курсивом выделены первые реакции в ассоциативном поле.

Как видим, частоты симметричных дуг единиц оценочной зоны и единиц других ядерных зон не совпадают. В ходе анализа параметра симметричности связей мы выявили слова с близким значением долей дуг, связывающих ядерные единицы в обоих направлениях (с разницей не превышающей 5%). В Таблице 6 эти пары слов выделены полужирным шрифтом. Наречия *хорошо* – *плохо*, имена прилагательные *хороший* – *плохой* практически во всех вариантах оценочной зоны имеют близкие к равнозначным значения симметричные связи.

Самая высокая степень выраженности параметра симметричности связей отмечается между элементами внутри оценочной зоны ядра АВС-РАС (85,7 %), а в оценочной зоне ядра АВС-САНРЯ степень выраженности данного параметра

характеризуется как самая низкая среди подобных значений (20,2 %). В то же время степень выраженности параметра симметричности связей ядерных оценочных элементов с элементами других семантических зон в АВС-РАС, АВС-РАСШ, АВС-СИБАС и АВС-ЕВРАС+СИБАС оказывается значительной.

Отдельно нужно охарактеризовать результаты анализа данного параметра по материалам АВС-САНРЯ. Прямые ассоциативные связи были выявлены только между двумя ядерными оценочными единицами: *плохой* – *хороший*, что составляет 22,2 % от всех ядерных единиц. Степень представленности симметричных связей элементов оценочной зоны с единицами других зон ядра является нулевой.

Наименьший разрыв между численными показателями параметра симметричности связей ядерных оценочных слов внутри зоны «Оценка» и с элементами других зон наблюдается в ядре АВС-РАСШ (44,4% и 55,6% соответственно), АВС-СИБАС и АВС-ЕВРАС+СИБАС (40,0% и 50,0% соответственно).

Ядерные единицы образуют симметричные связи с другими зонами гештальта ядра русского языкового сознания: общеоценочные наречия с зоной «Действия» (*хорошо* → *жить, учиться*), общеоценочные и частнооценочные имена прилагательные с зоной «Персоналии» (*красивый* → *парень, цветок*; *хороший* → *человек*; *умный* → *человек*; *добрый* → *человек*; *дурак* → *Иван* и др.).

В отдельной графе Таблицы 6 представлены симметричные связи ядерных оценочных слов с элементами периферии оценочной зоны РЯС. Как видим, наиболее высокая степень выраженности данного параметра в АВС-ЕВРАС+СИБАС (30,0 %) и наименее выражен параметр симметричности связей между указанными элементами в АВС-СИБАС (10,0 %). Симметричные ассоциативные связи со словами периферийной части оценочного компонента РЯС образуют ядерные слова частной оценки.

Наибольшее количество симметричных связей имеет общеоценочное слово *хорошо*. В каждом варианте оценочной зоны, выделенной по материалам разных АВС, данная ядерная единица входит в состав 2-3 устойчивых моделей. Например, в ядре АВС-РАС слово *хорошо* имеет симметричные связи с одной единицей внутри оценочной зоны и с двумя единицами за ее пределами (зона «Действия») (см. Таблицу 6). Другие слова с семантикой положительной оценки также имеют симметричные связи с 1-2 ядерными элементами, находящимися, как внутри оценочной зоны, так и за ее пределами (например, *хороший, красивый, умный*). Необходимо отметить тот факт, что слово *красивый* в каждом варианте оценочной зоны в среднем является элементом двух устойчивых оценочных ассоциативных моделей, и это симметричные связи только с ядерными единицами других семантических зон (зоны «Персоналии» и «Реалии»). Общеоценочные слова с отрицательной коннотацией *плохо, плохой* имеют только симметричные антонимичные связи с элементами внутри оценочной зоны, симметричные связи с элементами других ядерных семантических зон у этих единиц отсутствуют. Частнооценочные слова с отрицательным знаком оценки вступают в симметричные связи с другими ядерными единицами как внутри оценочной зоны, так и за ее пределами.

Важным аспектом исследования структуры оценочной зоны ядра РЯС является анализ ориентации тех связей, которые имеют элементы оценочной зоны. По ориентации связи подразделяются на вертикальные и горизонтальные. Горизонтальные связи – это связи равноправных элементов системы. Вертикальные связи – это иерархические, субординационные связи. Традиционно в психолингвистиче-

ских исследованиях данные типы связей обозначаются как парадигматические и синтагматические.

Таблица 7. Доля парадигматических и синтагматических симметричных связей (%)

	Доля парадигматических симметричных связей	Доля синтагматических симметричных связей
САНРЯ	22,2 % заметная	0,0 % нулевая
РАС	85,7 % высокая	57,1 % значительная
РАСШ	55,6 % значительная	55,6 % значительная
ЕВРАС	72,7 % высокая	18,2 % заметная
СИБАС	50,0 % значительная	50,0 % значительная
ЕВРАС+ СИБАС	70,0 % высокая	50,0 % значительная

Парадигматических симметричных связей ядерных оценочных единиц больше, чем синтагматических в АВС-РАС, АВС-ЕВРАС, АВС-ЕВРАС+СИБАС. Одинакова степень выраженности параметра ориентации связей в АВС-РАСШ, АВС-СИБАС. В АВС-САНРЯ выявлены только парадигматические связи ядерных оценочных единиц.

Если в системе языка структуру ядра лексико-семантического поля «Оценка» определяют градуальные отношения, объединяющие три члена: *плохой – нейтральный – хороший*, то структуру оценочной зоны ядра РЯС определяют градуальные отношения двух членов: *плохой – хороший*. В ядре языкового сознания носителей русской лингвокультуры оценочные триплеты отсутствуют.

Основными структурными особенностями оценочной зоны ядра РЯС являются ее 1) биполярность, предполагающая обязательное наличие «плюса» и «минуса» оценки, и 2) двухядерность, представленная оппозицией *хорошо/плохо*.

В пределах оценочной зоны отношения ядерных оценочных единиц только антонимические (*хорошо – плохо, хороший – плохой, умный – дурак*). Такие же отношения в основном мы наблюдаем между ядерными и периферийными оценочными единицами исследуемых ассоциативно-вербальных сетей (*умный – глупый, добро – зло, добрый – злой*). Только в АВС-ЕВРАС+СИБАС регистрируются синонимические отношения между ядерной и периферийной оценочными единицами: *дурак – глупый*.

Важным является факт того, что в антонимических отношениях общеоценочных и частнооценочных ядерных слов с другими единицами ядра языкового сознания наибольшей силой связей обладают слова положительной оценки. В 69,2 % случаев положительно маркированные ядерные слова имеют более высокую частотность исходящей дуги по отношению к ядерным отрицательно-оценочным словам. Например, стимул *хорошо* вызывает реакцию *плохо* у 95 испытуемых, а стимул *плохо* – реакцию *хорошо* у 11 испытуемых (материалы АВС-РАС). На стимул *хороший* реагировали словом *плохой* 114 испытуемых, а на стимул *плохой* получено

87 реакций словом *хороший* (материалы АВС-ЕВРАС+СИБАС). Данный факт подтверждает предположение психолингвистов об общей положительной оценочности русского языкового сознания [Уфимцева 2009, Незговорова 2004, Сергиева 2009].

В АВС-СИБАС и АВС-ЕВРАС+СИБАС фиксируются квазисинонимические отношения между ядерными оценочными единицами и ядерными единицами другой семантической зоны («Реалии»): *ужас – страх, зло – ярость, зло – гнев*. Как видим, это лишь две языковые единицы, составляющие 20,0 % от всей совокупности элементов оценочной зоны. Тем самым можно утверждать, что самая устойчивая связь между оценочными единицами как в ядре языкового сознания, так и на его периферии – это связь единиц через свою противоположность.

Синтагматические симметричные связи ядерные оценочные единицы образуют с элементами всех семантических зон, которые были выявлены методом построения семантического гештальта ядра РЯС, а именно «Персоналии», «Реалии», «Действия», «Качества». Нужно отметить, что в ходе анализа ориентации связей ядерных оценочных единиц АВС-САНРЯ синтагматический тип симметричных связей выявлен не был.

В ядре языкового сознания носителей русской лингвокультуры наличествуют связи ядерных оценочных единиц трех из четырех основных типов синтагм: предикативная (*дурак → Иван*), атрибутивная (*дурак → набитый, хороший → человек, умный → человек, добрый → человек, красивый → парень, красивый → цветок*), адвербиальная (*хорошо → жить, хорошо → учиться, хорошо → очень*). Ядерные общеоценочные слова с отрицательной коннотацией не имеют с другими ядерными единицами синтагматических отношений. Ядерные слова, имеющие более высокий индекс значимости, *хорошо, хороший* имеют не только больший вес в ядре РЯС, но и более разнообразные связи, что говорит о большей освоенности семантики положительной оценки носителями русского языка.

Четвертый тип синтагмы – объектная (сочетание глагола с дополнением) не представлена в структуре оценочной зоны ядра РЯС, т.к. оценочно маркированные глаголы в оценочной зоне отсутствуют. Наиболее актуальной для русского языкового сознания является синтагматическая атрибутивная связь ядерных единиц с единицами других семантических зон ядра.

Тем самым структурная сложность оценочной зоны ядра РЯС обусловлена биполярностью, двухъядерностью, многообразием отношений, в которые вступают ее элементы.

Обобщенные наблюдения за значимостью оценочных единиц в ядре РЯС и в оценочной зоне, выявленных на материале различных ассоциативных источников, показали, что самые высокие ранги в ядре РЯС имеют общеоценочные слова *хорошо, плохо, хороший*. Частнооценочные слова, имеющие ранги немного ниже, чем указанные общеоценочные единицы, выражают интеллектуальные (*дурак, умный*) и эстетические ценностные отношения (*красивый*). В оценочной зоне также самый высокий индекс значимости у слов *хорошо, плохо, хороший*.

Проведенный анализ содержания оценочной зоны ядра РЯС по структурным параметрам позволил установить устойчивые модели оценки, реально существующие в сознании носителя языка. Для установления таких моделей были рассмотрены симметричные ассоциативные связи оценочных слов ядра и периферии РЯС, а также оценочных слов ядра и ядерных единиц, входящих в состав других семантических зон ядра РЯС.

Как показывает количественный анализ, частоты симметричных дуг единиц оценочной зоны и единиц других ядерных зон чаще не совпадают. При этом наречия *хорошо* – *плохо*, имена прилагательные *хороший* – *плохой* практически во всех вариантах оценочной зоны имеют близкие к равнозначным значениям симметричные связи.

Самая высокая степень выраженности параметра симметричности связей отмечается между элементами внутри оценочной зоны ядра АВС-РАС, а самая низкая среди подобных значений – АВС-САНРЯ. В то же время степень выраженности параметра симметричности связей ядерных оценочных элементов с элементами других семантических зон в АВС-РАС, АВС-РАСШ, АВС-СИБАС и АВС-ЕВРАС+СИБАС оказывается значительной.

Наибольшее количество симметричных связей имеет общеоценочное слово *хорошо*. В каждом отдельном варианте оценочной зоны, выделенной по материалам разных АВС, данная ядерная единица входит в состав 2-3 устойчивых моделей. Ядерные слова, имеющие более высокий индекс значимости (*хорошо*, *хороший*) имеют не только больший вес в ядре РЯС, но и более разнообразные связи, что говорит о большей освоенности семантики положительной оценки носителями русского языка.

Общеоценочные слова с отрицательной коннотацией *плохо*, *плохой* имеют только симметричные антонимичные связи с элементами внутри оценочной зоны, симметричные связи же с элементами других ядерных семантических зон у этих единиц отсутствуют. Частнооценочные слова с отрицательным знаком оценки вступают в симметричные связи с другими ядерными единицами как внутри оценочной зоны, так и за ее пределами.

Самая устойчивая парадигматическая связь между оценочными единицами как в ядре языкового сознания, так и на его периферии – это связь единиц через свою противоположность. Самой устойчивой синтагматической связью является атрибутивная связь ядерных единиц с единицами других семантических зон ядра.

Таким образом, параметризация структуры оценочной зоны ядра РЯС позволяет представить ее как системно-целостное образование, главным принципом организации которого является принцип значимости.

Литература

Большой энциклопедический словарь / Ред. А.М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.

Гольдин В.Е. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1-11 классов: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартыанов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. – 500 с. Т. 2. От реакции к стимулу. Ч. 1. А-Н. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. – 480 с. Т. 2. От реакции к стимулу. Ч. 2. О-Я. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. – 420 с.

Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2013. – 22 с.

Незговорова С.Г. Ядро языкового сознания русских и англичан: Содержание и структура: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 223 с.

Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2015) (авторы-составители И.В. Шапошникова, А.А. Романенко) [Электронный ресурс]. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 18.08.2015).

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с. Т. II. От стимула к реакции. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.

Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании: дис... доктора филол. наук. – М., 2009. – 420 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 192 с.

Уфимцева Н.В. Дихотомия значение/значимость в исследовании языкового сознания // Жизнь языка в культуре и социуме-5: материалы международной научной конференции / Отв. ред. Е. Ф. Тарасов. – М.: Издательство «Канцлер», 2015. – С. 29-30.

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. – 2009. – № 4 (8). – С. 98-112.

Уфимцева Н.В. Системно-целостный принцип и анализ языковой картины мира / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. кол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 122-127.

Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 2. – С. 18-25.

Черкасова Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей / Ин-т языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – С. 227-244.

Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Т. II. От стимула к реакции [Электронный ресурс]. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evgas> (дата обращения: 06.09. 2015).

**КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ЗОНЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ИХ
ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
(на примере концептов КОММУНАЛКА (КОММУНАЛЬНАЯ
КВАРТИРА) и СОСЕД/КА, СОСЕДИ)¹**

В статье проанализированы фрагменты обыденного языкового сознания, реконструированные с помощью ассоциативных методик и связанные с концептами *КОММУНАЛКА (КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА)*; *СОСЕД/КА, СОСЕДИ*. Анализируя ассоциативные поля данных концептов, автор показывает, что в их психолингвистическом значении содержатся конфликтогенные элементы, заключающие в себе противопоставление «свое – чужое».

Ключевые слова: конфликтогенность, повседневность, обыденное языковое сознание, ассоциативное поле, концепт, КОММУНАЛКА (КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА), СОСЕД/КА, СОСЕДИ, «свое – чужое».

Nina L. Tchulkina

**CONFLICT PROVOKING ZONES OF DAILY LIFE AND THEIR
REFLECTION IN EVERYDAY RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS
(based on the concepts *KOMMUNALKA (COMMUNAL APARTMENT)* and
NEIGHBOUR(S))**

The article analyzes the fragments of everyday language consciousness reconstructed with the help of associative techniques and associated with the concepts *KOMMUNALKA (COMMUNAL APARTMENT)* and *NEIGHBOUR(S)*. Analyzing the associative fields of the given concepts the author shows that their psycholinguistic meanings contain conflict provoking elements encompassing the “us vs them” opposition.

Keywords: daily life, everyday language consciousness, associative field, concept, *KOMMUNALKA (COMMUNAL APARTMENT)*, *NEIGHBOUR(S)*, “us vs them” opposition.

Цель нашего исследования – выявить те зоны обыденного языкового сознания, которые содержат языковые единицы, семантика которых заключает в себе потенциальную возможность порождения конфликта при общении.

Приведу две цитаты о повседневности. «Социальные взаимодействия в контексте повседневности зиждутся на предпосылке единообразия восприятия ситуаций взаимодействия всеми его участниками. Другие признаки повседневного переживания и поведения: нерелективность, отсутствие личностной вовлеченности в ситуации, типологическое восприятие участников взаимодействия и мотивов их участия» [Ионин 1998: 122].

Второе высказывание принадлежит А. Лефевру: «Повседневность выступает как подлинный локус творчества, где создается как всё человеческое, так и сам чело-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ: грант № 15-04-00378а «Конфликтогенные зоны в языковом сознании русских, коми, якутов, татар и бурят: межъязыковые параллели» (рук. Н.В. Уфимцева).

век; повседневность – это “место дел и трудов”, всё “высшее” в зародыше содержится в повседневности и возвращается в повседневность, когда хочет доказать свою истинность» [цит по: Ионин 1998: 122].

Сравним приведенные высказывания.

Лично я – на стороне Лефевра. А из этой позиции вытекает как раз актуальный для данной статьи тезис: повседневность конфликтогенна, хотя бы потому, что именно она является ареной столкновения самых важных жизненных интересов не человечества вообще, а конкретного человека. При этом каждый человек может выступать как отдельный индивидуум или принадлежать к некоторой социальной группе или даже к некоторому этносу. Каждый индивидуум – носитель множества потребностей, мотивов и своих особенных интересов, которые он выражает в той или иной повседневной деятельности, делах и поступках. Возможность, и почти всегда неизбежность столкновения этих мотивов и интересов и есть конфликтогенность повседневности. Другой вопрос, что разные зоны обыденной жизни «заряжены» ею в разной степени.

Для подтверждения нашего тезиса рассмотрим такой концепт, как *КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА*, который был особенно актуален в советское время, но и сегодня не утратил окончательно своей значимости для некоторых русских.

В качестве материала исследования мы взяли данные «Современного толкового словаря русского языка», «Толкового словаря языка Совдепии», «Русского ассоциативного словаря» и два фрагмента текстов, в которых фигурирует анализируемый концепт.

Итак, в «Современном толковом словаре русского языка» приведена следующая словарная статья:

«Коммуналка – коммунальная квартира, предоставляемая городским хозяйством и занимаемая несколькими семьями» [Современный толковый словарь русского языка 2004: 282].

В «Толковом словаре языка Совдепии» дано такое толкование этого концепта:

«КОММУНАЛКА. Разг. Пренебр. *То же, что коммунальная квартира – квартира, предоставляемая городским хозяйством и занимаемая несколькими семьями (съемщиками) МАС, т. 2, 84.* Шестьдесят процентов [работников завода] имеют по одной комнате в коммунальных квартирах. *Елисеева, Семилетов, Стрелковский, 1970, 33* [Толковый словарь языка Совдепии 1998: 243].

В «Ассоциативном словаре русского языка» слово *коммуналка* и словосочетание *коммунальная квартира* содержатся только во втором томе (обратном словаре), т.е. являются реакциями на следующие слова-стимулы:

КОММУНАЛКА ← *комната, коридор, общий, ржавое, ругань, соседка 1; 6+6.*

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА ← *коридор* [Русский ассоциативный словарь 2002: 345].

Таким образом, из приведенных данных различных словарей (толковых и ассоциативного) можно выявить несколько важнейших элементов семантики рассматриваемого концепта: *квартира, несколько семей, комната, коридор, общий, ругань, соседка.*

Кроме того, в «Толковом словаре языка Совдепии» есть словарные пометы «разг.» и «пренебр.», которые указывают на стилистическую маркированность концепта *КОММУНАЛКА*.

Даже из этих ограниченных по объему данных можно реконструировать фрейм, содержащий конфликтогенность:

Субъекты: *несколько семей, соседка;*

Объекты: *общий коридор; ржавое;*

Ситуация: *ругань.*

Перейдем к анализу текстов. Первый – из книги Андрея Синявского «Основы советской цивилизации». Приведем несколько фрагментов, в которых автор описывает уникальный феномен советской жизни – *коммунальную квартиру* и такие ее атрибуты, как *соседи, места общего пользования, общая кухня* и др.

«Квартира, раньше рассчитанная на одну семью, заселяется пятью или шестью семьями – по числу комнат. Или – большие комнаты делятся перегородками для размещения разных семей. На этой базе **жилищного голода** (здесь и далее выделено мною. – Н. Ч.) и складывается коммунальный быт со своими особыми законами и специфическим колоритом.

Характеризуется он в первую очередь необыкновенной **теснотой** жизни и необходимостью вступать в постоянное **общение с совершенно чужими тебе людьми.**

<...> В коммунальной квартире **много семей**, и поэтому **коридор, кухня, уборная – общие.** Они так и называются – **места общего пользования.** Если есть ванная – то и **ванная общая.** И **телефон** общий, если, конечно, есть телефон. **Места общего пользования** и составляют основной жизненный нерв и специфику коммунальной квартиры. На этом небольшом пространстве **чужие друг другу люди вынуждены постоянно встречаться, общаться, ругаться и вести борьбу за клочок этой общей площади – каждый в свою пользу.** <...> Удивительно выглядит **общая кухня**, заставленная **множеством столиков или тумбочек** – по числу семей. **Газовая плита – общая, но число горелок ограничено, и всем сразу не хватает места.**

<...> В условиях коммунальной квартиры слово «соседи» звучит весьма **зловеще.** Добрососедские отношения здесь устанавливаются редко, **соседи по квартире** – это чаще всего **что-то враждебное, опасное** или, во всяком случае, **чуждое и мешающее жить.** Любая мелочь превращается в гиперболу, пустяк – в **катастрофу.** Здесь процветает **взаимная подозрительность, взаимная ненависть**, которая разрешается в **скандалах, сплетнях, клевете, в драках, доносах.** Коммунистическое братство чревато **страшной междоусобицей, войной всех со всеми** [Синявский 2001: 237-239].

Характеристика коммунальной квартиры и соседства чужих людей в ней, приведенная выше, дополняется еще одним текстом, который мы хотим привести здесь. Это отрывки из книги И.Б. Орлова «Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления»: «... в коммуналках сложилась **система правил бытового поведения**, закрепленная в “**Правилах внутреннего распорядка**”. <...> Коммуналка с ее **конфликтами и правилами внутреннего распорядка, перегородками и уплотнениями, уполномоченными и бытовым хулиганством, местами общего пользования** и прочими атрибутами долго оставалась **символом советского общежития**<...>, одной из основных арен формирования советской повседневности» [Орлов 2010: 127].

Анализ приведенных текстовых фрагментов позволяет выстроить текстовое ассоциативное поле, в котором ядерными словами являются концепты *КОММУНАЛКА (КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА)* и *СОСЕДИ*. Выделенные жирным шрифтом слова и словосочетания – аттракторы исследуемых концептов и составляющие их интересующего смысла, или (в другой терминологии) психолингвистического значения.

Представим полученные текстовые ассоциативные поля в виде схемы (стр. 221).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что некоторые зоны повседневности, например выбранные нами для анализа концепты *КОММУНАЛКА (КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА)*, *СОСЕД(КА)*, *СОСЕДИ*, конфликтогенны, т.к. содержат в своей семантике, синтактике и прагматике элементы, в которых выражена потенциальная конфликтность на основе противопоставления «свое – чужое».

Подтверждением этого вывода служит также анализ ассоциативных полей слов *sosед, соседка, соседи* в РАС-1 (прямой и обратный) и РАС-2 с точки зрения количества положительных и негативных оценок: в среднем до 65% негативных оценочных слов. Важными представляется и содержательный анализ слов с негативной коннотацией (примеры: СОСЕД: *вредный, злобный, хохол, татарин и т.п.*; СОСЕДКА: *сплетница, дура, брюзга, сварливая, стерва, вредная, злая и т.п.*; СОСЕДИ: *пересуды, сплетни, брань, донос, месть, ругань, скандал*).

Если учесть, что слова *sosед/и* многозначны, и одно из значений, представленное в «Современном толковом словаре русского языка», – «3. Государство, местность, граничащие с другим государством, местностью; население их. *Sosеди с запада. Наш северный сосед – Финляндия*» [Современный толковый словарь русского языка 2004: 776], то возможно также изучение отражения этой зоны повседневности в языковом сознании разных этносов в сопоставительном аспекте. Так, в приведенных нами примерах из ассоциативного поля слова-стимула *sosед* есть два ассоциата – *хохол* и *татарин*, которые также примыкают к негативным оценочным реакциям.

Литература

- Ионин Л.Г. Культурология. XX век. Энциклопедия. Том второй. – СПб., 1998. – 447 с.
- Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – М.: ВШЭ, 2010. – 317 с.
- Синявский А. Основы советской цивилизации. – М.: Аграф, 2001. – 464 с.
- Русский ассоциативный словарь. В 2-х томах. Т. 2. От реакций к стимулу / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М.: Астрель, 2002. – 992 с.
- Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – М.: Ридерс дайджест, 2004. – 960 с.
- Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

А.А. Нистратов

УДК 81'23

АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК¹

Статья посвящена исследованию значения пословиц и поговорок в режиме коммуникации. Был построен искусственный диалог, где репликами испытуемых в ходе диалога выступали пословицы и поговорки. Показателем семантических связей пословиц являлась их смежность в речевой диалогической цепочке. Применение факторного анализа к матрицам сходства позволило выделить структуры семантических пространств в режиме употребления, построить классификацию пословиц и поговорок в речевой деятельности.

Ключевые слова: пословицы, языковое сознание, диалог, семантические связи, категоризация, семантическое пространство.

Aleksandr A. Nistratov

ANALYSIS SEMANTIC STRUCTURE OF PROVERBS

The article presents an investigation of proverb semantics in conditions of communication. We have generated an artificial dialogue with utterances in the form of proverbs and sayings. The marker of semantic links of proverbs is their contiguity in the dialogue chain. Based on the procedure of factor analysis we have singled out the structures of semantic spaces of proverbs in conditions of communication and constructed a classification of proverbs and sayings in communication.

Keywords: proverbs, language consciousness, dialogue, semantic links, categorize, semantic space.

Метаязыком семантического анализа пословиц и поговорок в данном исследовании выступали субъективные семантические пространства, являющиеся аналогом категориальных структур обыденного сознания и применительно к данному исследованию отражающие основание классификации, по которым испытуемые дифференцируют эти формы фольклора.

Значение вообще и в том числе значения пословиц и поговорок существуют в системе значений и раскрываются через эту систему. Поэтому необходимым этапом семантического анализа является установление семантических связей анализируемых объектов и построение матрицы сходства значений пословиц и поговорок. Являясь средством осознания, категориальные структуры обыденного сознания могут как таковые не осознаваться самим носителем языкового сознания, поэтому значения пословиц и поговорок анализировались не в «лингвистической интроспекции», а в режиме употребления их реальными носителями языка. В рамках психолингвистического эксперимента была построена искусственная деятель-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Информационно-исследовательская база современного русского языка по материалам словаря-справочника «Общечеловеческие ценности в русском языковом сознании» № 14-04-12021.

ность по оперированию пословицами и поговорками, имитирующая ситуации их применения в речевой практике. Так в эксперименте был построен искусственный диалог, где репликами испытуемых в процессе диалога были пословицы и поговорки. Показателем семантических связей пословиц являлась их смежность в речевой диалогической цепочке. Таким образом в эксперименте исследовались значения пословиц и поговорок в режиме коммуникации.

Процедура эксперимента

В данном эксперименте воспроизводилась ситуация общения. В каждом опыте участвовало по двое испытуемых. Эксперимент разворачивался в форме «диалога» испытуемых, которые должны были «разговаривать» на языке пословиц. С этой целью им предлагался набор из 60 пословиц, каждая из которых была написана на отдельной карточке. Все карточки выкладывались на стол так, чтобы их можно было видеть. Первому испытуемому предлагалось выбрать любую пословицу. После этого второй испытуемый искал подходящий по его мнению «ответ» на данную пословицу, воспринимая ее как «реплику» разговора, обращенную к нему. Он мог выбрать несколько пословиц, но должен был указать наиболее подходящую. Эта пословица становилась в свою очередь «репликой», на которую отвечал уже первый испытуемый, подбирая подходящую из набора и так далее. Исползованные карточки откладывались в сторону и в данном опыте не фигурировали. Таким образом эксперимент проходил непрерывно и заканчивался в тот момент, когда каждый испытуемый делал по 5 – 7 выборов.

Испытуемые получали следующую инструкцию:

«Перед Вами набор пословиц. Представьте себе, что ваш собеседник в разговоре обратился к Вам с одной из них. Что бы Вы ответили ему, если бы могли использовать только пословицы? (далее следовал пример). Ваша задача в данном эксперименте заключается в том, чтобы на каждую предъявленную Вашим партнером пословицу ответить другой пословицей из этого набора. Ваш партнер, в свою очередь, ответит на выбранную Вами пословицу и так далее. Вы можете выбирать для ответа несколько карточек, но в таком случае указывайте наиболее подходящую пословицу».

Экспериментальный материал

Для эксперимента были отобраны 60 распространенных, широко известных пословиц. В наборе многие пословицы довольно близки друг другу по значению. Тем интереснее наблюдать отношения, в которые они вступали между собой.

Список пословиц

1. Семь бед – один ответ.	2. Не так страшен черт, как его малюют.
2. Смелость города берет.	4. Не все коту масленица.
5. Посади свинью за стол – она и ноги на стол.	6. Взятся за гуж – не говори, что не дюж.
7. С кем поведешься, от того и наберешься.	8. Не подмажешь – не поедешь.
9. По одежке протягивай ножки.	10. Один в поле не воин.
11. Семь раз отмерь – один отрежь.	12. Долг платежом красен.
13. Бумага все терпит.	14. Привычка – вторая натура.
15. Яблоко от яблони недалеко падает.	16. Волков бояться – в лес не ходить.
17. Лучше поздно, чем никогда.	18. У кого что болит, тот о том и говорит.
19. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.	20. Правда глаза колет.

21. Своя рубашка ближе к телу. 22. Пришла беда – открывай ворота.
23. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. 24. Близок локоть, да не укусишь.
25. Повадился кувшин по воду ходить, 26. Лиха беда начало.
тут ему и голову сломить.
27. Хрен редьки не слаще. 28. Горбатого могила исправит.
29. С глаз долой – из сердца вон. 30. Обжегшись на молоке – будешь дуть и на воду.
31. В тихом омуте черти водятся. 32. Под лежачий камень вода не течет.
33. Повинную голову меч не сечет. 34. Рыбак рыбака видит издалека.
35. Куда иголка, туда и нитка. 36. Два сапога пара.
37. Всякому овощу свое время. 38. Дело мастера боится.
39. На миру и смерть красна. 40. Рука руку моет.
41. Новая метла чисто метет. 42. У семи нянек дитя без глаза.
43. Всяк кулик свое болото хвалит. 44. Куй железо, пока горячо.
45. С паршивой овцы хоть шерсти клок. 46. Где тонко, там и рвется.
47. Не рой другому яму – сам в нее попадешь. 48. Лес рубят – щепки летят.
49. Тише едешь – дальше будешь. 50. Назвался груздем – полезай в кузов.
51. Нет дыма без огня. 52. У страха глаза велики.
53. Не в свои сани не садись. 54. Как волка ни корми, он все в лес смотрит
55. И на старуху бывает проруха. 56. Плетью обуха не перешибешь.
57. Голь на выдумки хитра. 58. Дареному коню в зубы не смотрят.
59. Без труда не вытянешь и рыбку из пруда. 60. Поспешись – людей насмешись.

Обработка результатов

Поскольку первоочередной задачей психосемантического эксперимента является установление семантических связей между значениями на основе измерения их сходства, то предложенная процедура предназначалась прежде всего для выявления и количественного выражения отношений между пословичными значениями. Степень близости пословиц измерялась следующим образом: сходство пословиц X и Y оценивалось в 3 балла, если пословица X использовалась в качестве ответа на пословицу Y как самый подходящий ответ (когда было выбрано сразу несколько пословиц) или как единственный (один выбор).

Если же пословица X была одной из нескольких пословиц, выбранных для Y, но не самой подходящей, то ее сходство с Y измерялось 2 баллами.

В тех случаях, когда пословицы X и Y одновременно использовались в качестве ответа на пословицу Z, то сходство X и Y оценивалось в 1 балл.

Например, если первый испытуемый предложил пословицу X, а второй выбрал в ответ две пословицы Y и Z при этом Y – наиболее подходящая пословица, то сходство

X и Y равно 3 балла; X и Z равно 2 балла; Y и Z равно 1 балл.

Суммированием полученных результатов строилась общая матрица сходства пословиц

(60x60), которая затем подвергалась процедуре факторного анализа.

Результаты

В результате обработки данных методом факторного анализа было выделено 10 факторов.

Приступая к обсуждению результатов, следует сделать несколько общих замечаний, касающихся дальнейшей интерпретации данных. В поисках наиболее оптимального способа интерпретации факторов имеет смысл остановиться на том, чтобы выделять общую проблему, решаемую пословицами, входящими в один фактор. Оказалось, что это единственно возможный способ оценить все пословицы данного фактора с единой точки зрения. По-видимому, в этом проявляется специфическое влияние экспериментальной ситуации. Не случайно напрашивается аналогия между значением фактора и темой разговора: подобно тому как каждый участник диалога высказывает свое мнение по какому-то поводу, так и пословицы одного фактора характеризуют одну общую проблему с разных сторон.

Первый фактор

Наибольшие нагрузки по этому фактору имеют пословицы:

16. Волков бояться - в лес не ходить.
3. Смелость города берет.
2. Не так страшен черт, как его малюют.
6. Взялся за гуж – не говори, что не дюж.
38. Дело мастера боится.
52. У страха глаза велики.
51. Семь бед – один ответ.
39. На миру и смерть красна.
26. Лиха беда начало.
50. Назвался груздем – полезай в кузов.
19. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

Можно предположить, что общей темой этих пословиц является чувство неуверенности в себе и своих силах. Одни помогают преодолеть нерешительность (Волков бояться – в лес не ходить), другие призывают не преувеличивать свои возможности (Не говори гоп, пока не перепрыгнешь). Можно выделить несколько способов преодоления страха, которые моделируются пословицами данного фактора:

1. Отрицание значения опасности (пословицы 16, 2, 52);
2. Отрицание значения наказания (пословицы 1, 39);
3. Убежденность в успехе (пословицы 3, 38);
4. Обращение к чувству долга (пословицы 6, 50).

Понятно, что состояние неуверенности может возникнуть в любой ситуации, и там, где человек задумается именно над этой проблемой, появится адекватный контекст для пословицы данного фактора. В той же ситуации человек может обратить внимание на то, что ему не везет, и тогда в ином психологическом контексте станет возможной другая пословица, например, «Не все коту масленица».

Второй фактор

В эту группу вошли пословицы:

21. Своя рубашка ближе к телу.
54. Как волка ни корми – он все в лес смотрит.
36. Два сапога пара.
7. С кем поведешься, от того и наберешься.
40. Рука руку моет.
30. Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду.
43. Всяк кулик свое болото хвалит.
34. Рыбак рыбака видит издалека.

Пословицы этого фактора построены как утверждение, что поведение человека в первую очередь определяется его заботой о себе и своих интересах, что человек не может стать независимым от природы, своих потребностей, своей боли. При этом свое, как бы ни было плохо, субъективно кажется самым привлекательным: «Как волка ни корми, он все в лес смотрит», «Всяк кулик свое болото хвалит», «Рука руку моет».

Интересное и неожиданное освещение получает пословица «Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду», которая имеет довольно большую нагрузку по этому фактору. Хотя она очень сходна по смыслу с пословицей «У страха глаза велики» (и в первом и во втором случае говорится, что опасность сильно преувеличена), она не вошла в первый фактор. Дело в том, что в пословице «Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду», говорится не просто о необоснованном страхе, а о том, что этот необоснованный страх, вызывающий неадекватную реакцию, не поддается регулированию. Человек, конечно, видит что перед ним вода, но не может удержаться, чтобы не подуть. Его побуждает память о пережитой боли. Поэтому нет смысла убеждать такого человека в нецелесообразности его действий, как это делает пословица «У страха глаза велики». Он все равно не сможет преодолеть свой страх, ему помешает телесная память. Поскольку физическое в пословицах чаще всего только модель, то понятно, что телесная память – образное выражение власти личных потерь и неудач над человеческим поведением, того значения, которое человек придает собственным переживаниям. Пословица «Своя рубашка ближе к телу» также говорит о том, что человеку нелегко забыть о себе.

Конечно, каждая пословица обладает смысловыми нюансами, и ни одна не копирует в точности другую. Но все они относятся к людям, от которых бессмысленно ждать справедливости («Рука руку моет», «Два сапога пара»), благодарности, беспристрастности, поскольку ими движут другие чувства. Нравственная глухота – так можно было бы условно назвать этот фактор, имея в виду и излишнее внимание к себе, и сознательное игнорирование нравственных требований, и узость кругозора, позволяющего видеть только себя. Все это – различные проявления эгоизма и себялюбия.

Третий фактор

В третий фактор вошли следующие пословицы:

9. По одежке протягивай ножки.
25. Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить.
57. Голь на выдумки хитра.
53. Не в свои сани не садись.
56. Плетью обуха не перешибешь.
3. Смелость города берет.
24. Близок локоть, да не укусишь.

Все пословицы данной группы (фактор 3) предполагают существование несоответствия между возможностями субъекта, его реальным положением и тем, к чему он стремится или, иначе говоря, неравенство сил. При этом, как представляется, имеются в виду не физические возможности человека, а те, которые обусловлены его правовым, имущественным, социальным положением, существующей иерархией отношений, не позволяющей ему рассчитывать на успех. Интересно, что это в общем-то мнимое препятствие, рассматривается как чрезвычайно серьезное и

в большинстве случаев непреодолимое, разве что субъект сумеет его обойти («Голь на выдумки хитра») или пойдет «ва-банк» («Смелость города берет»).

Сопоставим значение пословиц «Плетью обуха не перешибешь» и «Смелость города берет». Обе пословицы исходят из предположения о неравенстве сил, но предполагают прямо противоположные линии поведения: в первом случае – смириться, во втором – бороться. Хотя в форме утверждения дана только стратегия поведения, а исходящая оценка действующих сил специально не сообщается, она тем не менее сохраняет свою актуальность и оказывает определяющее влияние на характер использования пословиц, вследствие чего обе пословицы вошли в один фактор. В самом деле, говоря о преимуществе смелости, которая делает реальными даже неосуществимые цели, мы тем самым имеем в виду, что цель действительно превышает наши силы. Только в такой ситуации эта пословица может служить поощрением к действию. Если бы трудности не были реальными, а только преувеличенными, то более подходящей была бы другая пословица, например, «Не так страшен черт как его малюют» или «У страха глаза велики». Конечно, пословица «Смелость города берет» может быть иронически или коварно предложена заведомому трусу для того, чтобы подтолкнуть его к действию. Но в этом случае пословица приобретает комический или злорадный оттенок, так как тем самым мы вымышленные трудности выдаем за действительные, а саму ситуацию выставляем как шуточную.

Четвертый фактор включает пословицы:

60. Пospешишь – людей насмешишь.
11. Семь раз отмерь – один отрежь.
49. Тише едешь - дальше будешь.
19. Не говори гоп – пока не перепрыгнешь.
23. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.
37. Всякому овощу свое время.
44. Куй железо, пока горячо.
30. Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду.

Тема пословиц четвертого фактора – своевременность и разумность действия. Здесь также встречаются пословицы, противоположные по характеру утверждения: «Куй железо, пока горячо», «Семь раз отмерь – один отрежь». Однако нетрудно убедиться, что они по-разному решают одну и ту же проблему: как выгоднее разумнее поступить. Ориентированность на конечный результат чувствуется в обеих пословицах: ведь спешить столь же вредно для дела, как и упустить нужный момент.

В пятый фактор вошли пословицы:

45. С паршивой овцы хоть шерсти клок.
58. Дареному коню в зубы не смотрят.
4. Не все коту масленица.
37. Всякому овощу свое время.
50. Назвался груздем, полезай в кузов.

Этот фактор включает более разнообразные по характеру утверждения пословицы, поэтому выход за пределы чисто лингвистического значения в данном случае неизбежен. По-видимому, все пословицы этого фактора исходят из необходимости вынужденного подчинения неблагоприятным обстоятельствам. Даже по-

словица «С паршивой овцы хоть шерсти клок» носит оттенок вынужденного компромисса.

Пословицы **шестого фактора**:

17. Лучше поздно, чем никогда,

33. Повинную голову меч не сечет

Имеют слишком незначительные нагрузки для того, чтобы можно было уверенно судить о значении фактора. Можно предположить только, что контекст обеих пословиц это ситуация принятия рискованного решения.

Интерпретация **седьмого фактора** не вполне очевидна, поскольку только две пословицы имеют нагрузки одного знака:

6. Взялся за гуж не говори, что не дюж (-)

50. Назвался груздем – полезай в кузов (-)

25. Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить (+)

30. Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду.(+)

Представляется вероятным, что эти пары пословиц взаимно отрицают друг друга, то есть по-разному оценивают исходную ситуацию. Если первые две пословицы призывают всегда выполнять свои обязательства и предполагают своеобразную нерушимость долга, то другие говорят, что глупостью было начинать дело не по силам и тем более продолжать его, когда оно грозит опасностью. Иначе говоря, исходные предпосылки каждой пары пословиц диаметрально противоположны. Если в одном случае ценным считается только долг, а все остальное не принимается в расчет, то в другом – на первое место выходит опасность – безопасность, выгодность – невыгодность дела. Если во всех остальных факторах оценка исходной информации оставалась неизменной, менялись только модели поведения, предлагаемые в этой ситуации, то в данном случае изменение модели потребовало и переоценки всей ситуации в целом. В самом деле, нет поговорки, позволяющей не выполнять обещаний, но есть пословицы, призывающие соразмерять силы, быть осмотрительнее, говорящие о слабости человека, поэтому чтобы поменять модель поведения в данном случае необходимо переставить акценты в оценке ситуации.

Интересен **восьмой фактор**:

37. Всякому овощу свое время.

46. Где тонко, там и рвется.

55. И на старуху бывает проруха.

18. У кого что болит, тот про то и говорит.

27. Хрен редьки не слаще.

29. С глаз долой – из сердца вон.

Так же, как и в пятом факторе, здесь фиксируются какие-то неблагоприятные повороты судьбы («Где тонко, там и рвется», «У кого что болит, тот про то и говорит», «И на старуху бывает проруха»). Но в отличие от пятого фактора в этих пословицах звучит сочувствие и понимание, они входят в мир переживаний человека. Сказать «И на старуху бывает проруха», не то же самое, что сказать «Не все коту масленица», хотя внешне ситуация может быть одной и той же. Видимо, использование пословиц этого фактора предполагает известную лояльность по отношению к потерпевшему, возможность стать на его точку зрения, утешить или посочувствовать.

Фактор девятый:

- 49. Тише едешь – дальше будешь.
- 10. Один в поле не воин.
- 28. Горбатого могила исправит.
- 32. Под лежачий камень вода не течет.
- 39. На миру и смерть красна.
- 14. Привычка – вторая натура.
- 16. Волков бояться – в лес не ходить.

Пословицы девятого фактора говорят о безнадежности или необходимости каких-либо действий для достижения цели. Пословицы «Горбатого могила исправит», «Привычка – вторая натура» утверждают, задача просто невыполнима, пословица «Тише едешь – дальше будешь» свидетельствует, что чрезмерная активность только мешает достижению цели. А пословицы «Под лежачий камень вода не течет», «Волков бояться – в лес не ходить», наоборот, утверждают, что деятельность в любом случае полезнее бездействия.

Интерпретация десятого фактора:

- 50. Назвался груздем – полезай в кузов.
- 39. На миру и смерть красна.

представляет известную трудность, так как только две пословицы имеют здесь значимые нагрузки. Возможно, их объединяет выражение обреченности и готовность принять неизбежные трудности.

В ходе анализа результатов выяснилось, что в один фактор часто объединяются пословицы, противоположные по моделям поведения: побуждающие к действию и призывающие к осторожности. В то же время, пословицы, которые как будто сходны по характеру совета и по образному строю, то есть берут примеры из одной и той же области действительности (как, например, «Дело мастера боится» и «Куй железо, пока горячо»), относятся к разным группам. Это означает, что данные аспекты значения не релевантны полученной семантической структуре. Интерпретация показала, что основу каждого фактора составляет не схема поведения, а та или иная оценка возможной ситуации, исходя из которой пословица предлагает свою модель поведения.

То, что было описано выше как общая проблема группы пословиц, на самом деле представляет собой общую оценку исходной ситуации. Проблемность же связана с тем, что каждая пословица по-своему развивает исходную ситуацию. В данном случае совершенно очевидно, что в качестве исходной ситуации выступает не физическая реальность (поскольку не происходило соотнесение пословиц с реальностью), а некоторые предполагаемые общие свойства ситуаций, в которых обычно употребляется пословица. Эти общие свойства собственно и составляют подлинный контекст употребления пословиц, являются ее актуализирующей ситуацией. С этой точки зрения, каждый фактор представляет общие свойства актуализирующей ситуации группы пословиц.

В ходе интерпретации факторов было показано, что эти свойства касаются в первую очередь оценки действующих сил, характеристики движущих мотивов (например, долг – самосохранение) и так далее, то есть выявляют субъективную сторону восприятия каждой жизненной ситуации, которая в принципе может быть оценена с различных точек зрения. Таким образом не формальная структура ре-

альной ситуации является актуализирующим контекстом пословицы, а та общая оценка, которую даёт ей субъект.

Именно поэтому различия в моделях, образном строе, характере логического построения (всеобщность – единичность, отрицание – утверждение) не оказывают влияния на группировку пословиц в семантическом поле и даже не меняют знак пословицы по отношению к другим пословицам этого фактора, если не сопровождаются изменением исходной оценки ситуации. В то же время перенос акцентов в самом психологическом контексте (жертва долга – жалость к себе) изменяет знаки пословиц, так что оба варианта вступают в противоречие друг с другом.

Актуализирующая ситуация, или психологический контекст пословицы представляют собой систему имплицитных оценок (пресуппозиций пословиц), так что употребление пословицы вне этого контекста лишает ее свойственного ей смысла. Иначе говоря, пословица как способ видения явлений приобретает свое настоящее значение только тогда, когда мы знаем, что именно видится и каким образом, какая проблема решается предлагаемым способом. Пословица не сообщает этого прямо, так же как, отвечая на вопрос, мы не повторяем его, а просто держим в голове. Поэтому действительное значение пословицы можно установить только в реальном употреблении.

Эксперимент позволил выделить общие пресуппозиции пословиц. Это их психологический контекст, который подразумевает определенное соотношение сил, предполагает их оценку, то есть характеризует те качества ситуации, которую видит сам субъект. Конечно, на таком ограниченном материале – 60 пословиц нельзя детально изучить структуру норм и ценностей, представленных в пословицах. Однако можно судить об особенностях функционирования пословиц в индивидуальном сознании и их роли в организации поведения.

Теперь уже нельзя сказать, что пословица – просто знак ситуации, лишенный какого бы то ни было другого значения, кроме указательного. С психологической точки зрения пословица представляет собой способ осмысления и восприятия реальности, в ходе которого происходит осознание проблемы, актуализация значимых сторон ситуации. Для индивидуального сознания значение пословицы становится своеобразным ориентиром или алгоритмом поведения, который в свернутом виде содержит определенные формы реагирования. Имеется в виду не формальное предписание, содержащееся в некоторых пословицах (Дареному коню в зубы не смотрят), а выражаемое этим предписанием отношение к явлению или проблеме (в данном случае – отказ от дальнейшей борьбы). Именно этим генерализированная реакция, усваивается субъектом, и впоследствии становится элементом сложного поведения, в то время как прямой смысл предписания часто утрачивается с изменением форм существования (По одежке протягивай ножки).

Это не значит, что пословицы – единственный носитель образцов и норм поведения. Но они представляют собой один из древнейших способов передачи культурных норм и требований, средство воспитания культурного или, точнее, нормативного поведения. Поэтому неудивительно, что пословицы стали выражать некие элементарные, инвариантные формы реагирования, а следовательно и способы осознания, сохраняющие свое значение на всех уровнях развития поведения.

Литература

Крикманн А.А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословиц. – В кн.: Паремииологический сборник. Пословица, загадка (структура, смысл, текст). М.:Наука, 1978.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения. – В кн.: Семантическая структура слова. М.:Наука, 1971.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике, вып. № 23, М., «Прогресс», 1988. – 314 с.

Миллер Д. А. Речь и язык // Экспериментальная психология. М.: Иностр. лит-ра, 1963. С. 348—378.

Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического материала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия, М.: изд. «Мир», 1972. – 364 с.

Петренко В. Ф., Нистратов А. А. Построение вербального семантического дифференциала на базе русской лексики. – В кн.: Исследование проблем речевого общения. М., 1979, с. 139-156.

Симмат В.Е. Семантический дифференциал как инструмент искусствоведческого анализа // Семиотика и искусствометрия, М.: изд. «Мир», 1972. – 364с.

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике, вып.№1, «Издательство иностранной литературы», М., 1960. – 462 с.

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике, вып.№1, «Издательство иностранной литературы», М., 1960. – 462 с.

Уорф Б.Л. Наука и языкознание.// Новое в зарубежной лингвистике, вып.№1, «Издательство иностранной литературы», М., 1960. – 462 с.

Carroll J.D. A review of The measurement of meaning language, 1959, 35, 58-77.

Carroll J.D., Wish M. Models and methods for Three-way multidimensional scaling // Contemporary development in mathematical psychology. San Francisco, 1974.

Osgood Ch. Studies on Generality of affective meaning system. – Amer. Psychol., 1962, v. 17, pp. 10-28.

Osgood Ch., Suci G. J., Tannenbautn P. H. The measurement of meaning. Urbana, 1957. – 342 pp.

Osgood C.E., Semantic space revisited. Word, 1959, 15, 195-200.

А.В. Аликина

УДК 811.111'27

ИНДЕКСАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЦИЗМОВ И ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА

В статье анализируется смыслопорождающий потенциал английского языка как средства создания дополнительных смыслов и конструирования идентичности участников российского дискурса трудоустройства. С использованием методов дискурса-анализа и этнографии выявляются и описываются основные функции англицизмов как способа индексации принадлежности участников дискурса к «своему» или «чужому» профессиональному сообществу.

Ключевые слова: язык, глобализация, дискурс трудоустройства, профессиональная идентичность, английский язык.

Anastasia V. Alikina

INDEXICAL POTENTIAL OF ANGLICISMS AND “US VS THEM” OPPOSITION IN RUSSIAN EMPLOYMENT DISCOURSE

The article examines the role of English as a resource of meaning-making and identity construction in the Russian employment discourse. We use discourse analysis and ethnographic methods to highlight the use of English and Anglicisms as an index of professional (Self vs Other) affiliation.

Keywords: language, globalization, employment discourse, professional identity, the English language.

Благодаря глобализации и виртуализации жизни общества быстрая адаптация к условиям мультиязычной коммуникации стала характерной чертой современного человека. В статье рассматривается использование элементов английского языка как средства конструирования профессиональной идентичности участников дискурса трудоустройства.

Феномен языковой гибридации, использование ресурсов нескольких языков для достижения конкретных целей коммуникации в глобализирующемся мире в последние годы привлекли внимание ученых разных стран [Blommaert 2010; Garcia 2014; Pennycook 2009; Heller 2010; Гриценко 2010, 2012, 2014; Ривлина 2014; Алешинская 2015; Аликина 2015]. Цель работы состоит в выявлении и описании основных функций английского языка как средства индексации принадлежности участников дискурса трудоустройства к «своему» или «чужому» профессиональному сообществу современной России.

Дискурс трудоустройства включает множество разножанровых дискурсивных практик: объявления о вакансии, резюме, сопроводительные и рекомендательные письма, приглашения на интервью, анкеты, тесты, опросы, собеседования, интервью, предложения о работе, трудовые договоры/контракты, заявления и пр. Эти жанры могут быть представлены как в виде устных речевых практик, так и в печатном и/или электронном виде.

Материалом исследования, результаты которого представлены в статье, послужили:

566 объявлений о работе, отобранных методом сплошной выборки с рекрутингового портала www.hh.ru в период с 14 по 15 мая 2013 года;

300 резюме, отобранных методом сплошной выборки с рекрутингового портала www.suregjob.ru в период с 13 по 17 января 2014 года;

27 интервью рекрутеров и работодателей с соискателями, отобранных из серии телепередач «Кадры решают» (900 мин.);

интервью с 6 кандидатами и 2 сотрудниками нижегородских кадровых агентств (140 мин.).

Методологической основой проведенного исследования является концепция социалингвистики глобализации Я. Бломмаерта, в рамках которой язык понимается как набор «усеченных» мобильных (территориально и культурно свободных) ресурсов с высокой степенью индексальности [Blommaert 2003: 619]. Под индексальностью понимаются идеологически опосредованные смыслы, связываемые с той или иной культурой посредством языка. К примеру, нанесение на тело татуировки в виде иероглифа может индексировать красоту и мудрость Востока, а французское название кондитерской в торговом центре г. Токио – изысканность и шик, ассоциируемые с французской культурой и миром моды [Blommaert 2010: 29]. Основными методами исследования являются дискурс-анализ, ситуативно-прагматический и этнографический методы.

Понимание языка как совокупности усеченных мобильных ресурсов основано на выраженной тенденции к фрагментации языка в эпоху глобализации. Как показывает практика, в глобализирующемся мире человек всё чаще осваивает лишь отдельные фрагменты целостной системы языка, позволяющие ему чувствовать себя профессионально компетентным, современным, креативным, причастным к глобальному миру и т.п. По мнению Я. Бломмаерта, задача социалингвистики глобализации заключается в изучении языковых практик и языковых репертуаров, которые характерны для определенных сфер (в терминологии Бломмаерта – «ниш»), в наибольшей мере затронутых глобализацией [Blommaert 2003: 609]. Дискурс трудоустройства является одной из таких ниш.

Особенности дискурса трудоустройства и его жанров (резюме, объявление о работе, собеседование и проч.) обусловлены ситуативной спецификой, ограниченностью во времени и необходимостью четко передать наиболее релевантную информацию. Это требует от участников дискурса мобилизации всех доступных языковых ресурсов для создания наилучшего впечатления и получения предложения о работе.

По типу коммуникативных взаимодействий в дискурсе трудоустройства мы выделили две модели: *однонаправленная* (объявление о работе, резюме и т.д.) и *двунаправленная* (собеседование); последняя, в свою очередь, делится на коммуникацию типа «*профессионал – профессионал*» (кандидат и работодатель) и «*профессионал – непрофессионал*» (кандидат – рекрутер) [Аликина 2015: 26].

Говоря о языке как о системе, заметим, что в материале исследования доля резюме, полностью составленных на английском языке составила лишь 0,3%, что, очевидно, объясняется желанием соискателя расширить аудиторию потенциальных работодателей. Что касается объявлений на английском языке, то их в отобранном

материале несколько больше – 1,2%. Это может быть связано с тем, что работодатели заинтересованы в сужении зоны поиска и отсеивании неподходящих кандидатов уже на стадии объявления о вакансии. В устных практиках случаи переключения с русского на английский язык наиболее часты и составляют 7,5% (2 из 27), что можно объяснить в том числе желанием рекрутера проверить навык владения соискателя английским языком.

Проведенное исследование показало, что англицизмы, к которым мы относим заимствования, кальки, транслитерации, гибридные образования и иностранные слова, в дискурсе трудоустройства используются весьма активно. К примеру, в жанре резюме доля материала с англицизмами составила 78%, в жанре объявлений о работе – 88%, а в жанре собеседования – 100%. Как видим, в усеченном владении английским языком также прослеживается тенденция к увеличению англицизмов в устных практиках, как и в случае, когда речь идет о языке как системе, что свидетельствует о присутствии англоязычного дискурса в социальных практиках россиян.

Материал исследования также показал, что англицизмы в дискурсе трудоустройства выполняют две основные функции: (1) передают профессионально релевантные денотативные значения (семантическая функция), (2) коннотируют дополнительные социокультурные смыслы – т.е. выполняют индексальную (по Бломмаерту) роль, помогая отделить «своего» кандидата/коллектив от «чужого». При этом речь не идет об общении на английском языке в полном смысле слова, а лишь об «усеченном» его использовании, которое призвано сигнализировать об определенных профессиональных и личностных качествах участников дискурса трудоустройства, в том числе владении новыми технологиями, профессиональной терминологией и т.п. (Таблица 1)

Таблица 1: Индексальные смыслы англицизмов в оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

<u>ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ</u>	
<ul style="list-style-type: none"> - владение новыми технологиями - наличие опыта работы в иностранной компании - владение профессиональным жаргоном - владение узкопрофильной англоязычной терминологией 	<ul style="list-style-type: none"> - невладение новыми технологиями - отсутствие опыта работы в иностранной компании - невладение профессиональным жаргоном - невладение узкопрофильной англоязычной терминологией
<u>ЛИЧНОСТНЫЕ</u>	
<ul style="list-style-type: none"> - глобальная ориентация (готовность разделить глобальные западные ценности) - лояльность (готовность стать частью корпоративной культуры) - готовность к неформальному общению 	<ul style="list-style-type: none"> - локальная ориентация (неготовность разделить глобальные западные ценности) - нелояльность (неготовность стать частью корпоративной культуры) - неготовность к неформальному общению

Приведем примеры использования англицизмов из жанра собеседования. Так, для того, чтобы проверить, насколько хорошо соискатель владеет новыми тех-

нологиями, рекрутер задает вопрос, используя англоязычную профессиональную терминологию:

РЕКРУТЕР: «Был ли у Вас опыт работы с *симиоу*? *Соушал медиа оптимизейшн*».

СОИСКАТЕЛЬ: «Да, у нас в компании был человек-продвиженец, и я ставила задачу, чтобы человек, который занимается контекстной рекламой, подобрал слова, согласовал их с заказчиком, и дальше человек, который занимался *сио*, он уже давал свои результаты».

РЕКРУТЕР (НАСТОЙЧИВО): «Я так понимаю, Вы сейчас говорите про *сио*, а я Вас спросила про *соушал медиа оптимизейшн*?».

Как следует из примера, кандидат не владеет требуемым навыком и использование англицизма помогает рекрутеру быстро это выявить.

Желание работодателя отсеять неподходящих кандидатов уже на начальной стадии поиска (объявление о работе) и найти «своего» специалиста, т.е. владеющего профессиональной терминологией, обуславливает частое употребление англицизмов в объявлениях о работе. Так, например, название позиции в объявлении на русском языке может быть дано по-английски, например:

«требуется на работу *market manager (print-manager)*»;

«менеджер по продажам отдела *trade-in*»;

«торговый представитель (сегмент *HoReCa*)»;

«продавец-консультант в *корнер LIO JO*» и т.п.

Подобные вкрапления используются работодателями, чтобы более четко задать профессиональные и лингвокультурные параметры целевой аудитории.

Еще одна функция англицизмов в объявлениях о работе и резюме – позиционирование потенциального кандидата как человека, готового к неформальному общению, частью которого является профессиональный жаргон, например:

«Наш орден *алхимиков-дизайнеров* и *адептов веб и графического дизайна* ищет себе новых братьев!», «никакого *дресс-кода!*»,

«*Пиарщик грамотный, адекватный и с мощным моторчиком*» или «*Генерация уникального контента*» и т.д.

В объявлениях о работе часто встречаются англицизмы типа «*корпоративные* праздники», «регулярные *тренинги*», «интересные *корпоративные* мероприятия» и т.п. На наш взгляд, задача подобных англоязычных вкраплений – выявить готовность кандидата стать частью западной корпоративной культуры.

Особенно интенсивно используются англицизмы в профессиональных сферах эпохи глобализации, которые пришли в Россию с запада: IT, HR, маркетинг, продажи и т.п. Английская лексика и терминология здесь не только заполняет семантические лакуны, но и выполняет семиотическую функцию, являясь своего рода «проводником» глобальных профессиональных дискурсов. Индексальный потенциал англицизмов особенно ярко виден в случаях, когда в процессе коммуникации при наличии русского эквивалента участники отдают предпочтение английскому варианту или кальке с английского, например:

«Я сейчас *вернусь* к Вам с *фидбэком*» (вместо «обратная связь»)

«Это были такие тренинги *слэш* мини-консалтинговые проекты» (вместо «тире»)

«Если мы говорим об услуге *хай* класса» (вместо «высокого» класса) и т.д.

Вместе с тем англицизмы в устных практиках участников дискурса трудоустройства могут являться и маркером «чуждости». Так, сотрудники кадровых агентств, у которых мы брали интервью, нередко подчеркивали, что перенасыщение речи кандидатов англицизмами, не имеющими отношения к теме, способно создать о соискателе впечатление «неадекватно оценивающего ситуацию». Таким образом, и соискатели, и рекрутеры осознают индексальный потенциал англицизмов и используют их вполне осознанно для достижения конкретных коммуникативных целей. Это подтвердили результаты проведенных в рамках исследования этнографических интервью. Так, на вопрос «Будете ли Вы использовать англицизмы на собеседовании на новое место работы?» респонденты ответили следующим образом:

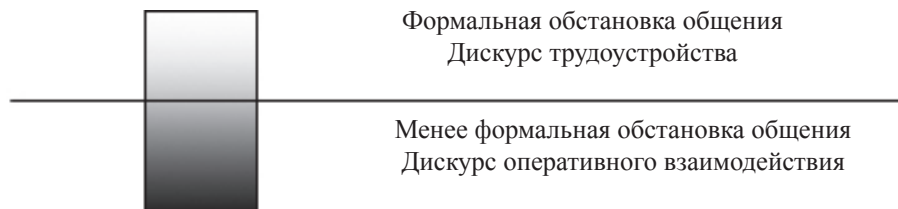
«Всё зависит от человека (работодателя)»

«Стал бы. Это влияет на мнение работодателя обо мне в положительную сторону, поскольку это общепризнанный бизнес-лексикон, и работодатель ожидает, что я с ним знаком».

Одним из результатов проведенного исследования стало выявление зависимости между интенсивностью (частотой) использования англицизмов и статусом коммуникантов. Так, в зоне «профессионал – непрофессионал», где один из участников не является специалистом в той или иной профессиональной области, употребление незнакомого английского слова может спровоцировать рост психологической и лингвистической дистанции. В этом случае участники избегают англицизмов, заменяя их русскими эквивалентами: «Мне интересна *управленческая работа*» (вместо «менеджмент»); «Я управляю продажами в компаниях, которые занимаются производством *продуктов питания*» (вместо распространенной аббревиатуры «*FMCG*»); «Мне бы хотелось заниматься телевизионным *творчеством*» (вместо распространенного «креативом»).

Напротив, в зоне «профессионал – профессионал» значительно более часто используется профильная англоязычная терминология, которая служит для коммуникантов своего рода ориентиром в отношении профессиональной принадлежности собеседника. Другими словами, английский язык выполняет идентифицирующую функцию, обозначая позицию «свой – чужой». Примером может служить фрагмент собеседования, где оба участника являются представителями одной профессии (HR – управление персоналом). Рекрутер начинает собеседование вопросом: «На сегодняшней встрече мы будем говорить о позиции *эйчар дженералист* <...> С чем связано ваше желание уйти и почему не в агентство, почему именно в *инхаус*?». Как видим, употребляя англоязычный профессионализм («инхаус») рекрутер позиционирует собеседника как «своего», т.е. профессионала, понимающего значение данного термина.

Кроме того, была выявлена тенденция к росту числа профессиональных жаргонизмов в речи соискателей по мере снижения тональности общения (от официального тона речи к неформальному). Для обозначения подобных речевых практик используется термин «дискурс оперативного взаимодействия» [Стеблецова 2011: 144] – профессиональное общение, в котором уровень формальности значительно ниже, чем собственно в дискурсе трудоустройства. На схеме стилистическая тональность коммуникации показана цветом: от светлого (формальный) к темному (неформальный).

Более половины опрошенных нами респондентов (4 из 6) имели опыт работы в иностранных компаниях и на вопрос «Использовали ли Вы английские слова в общении с коллегами по работе?» привели следующие примеры:

Респондент 1 (девушка, 24 года, опыт работы в европейской компании в должности регионального менеджера по маркетингу в сфере IT): «Абсолютно! Ну, например, *“Зашидулить митинг с тим-лидами”*» (от to schedule a meeting with team leaders – организовать встречу с лидерами групп);

Респондент 2 (мужчина, 40 лет, опыт работы в российском банке в должности начальника отдела эквайринга): «Да, мы, например, говорили *“онасовские карты”* – карты, находящиеся на нашем балансе (on us). Ну, и многие другие»;

Респондент 3 (девушка, 33 года, опыт работы в европейской компании в должности менеджера по продвижению IT продукта): «Конечно, *“Забукать кон-фрум”*» (забронировать комнату для проведения конференций);

Респондент 4 (мужчина, 49 лет, опыт работы в японской фармацевтической компании в должности регионального менеджера по продажам): «Да, конечно, использовал английские слова, например, просил коллег присылать мне *инвайты*» (приглашения на встречу; в специальной компьютерной программе создается событие, и программа автоматически напоминает всем участникам встречи о деталях и сроках мероприятия) и т.д.

Среди причин, по которым соискатели употребляли подобные формы коммуникации на предыдущем месте работы, были названы удобство, экономия и широкая распространенность соответствующих англицизмов:

«Мне легче и быстрее сказать так, чем искать русский эквивалент»

«Моим коллегам так удобнее и понятнее»

«Они (англицизмы) в частом обиходе, все на них говорят, все их понимают. Когда общаюсь с людьми вне компании, которые не “в теме”, они (англицизмы) всё равно проскальзывают, и иногда мне даже сложно подобрать какие-то эквиваленты»
«Английские слова короче, их все понимают».

Таким образом, англицизмы в российском дискурсе трудоустройства используются как средство обозначения дискурсивной позиции участника коммуникативного процесса в модели «свой – чужой». При этом помимо заполнения семантических лакун (наименования профессионально значимых понятий, у которых нет эквивалента в русском языке) англицизмы выполняют индексальную функцию, коннотируя комплекс коммуникативно-релевантных профессионально и личностно ориентированных смыслов – профессионализм, современность, ориентацию на глобальную корпоративную культуру, готовность к неформальному общению и т.д. Английский язык, пусть в усеченной форме, является проводником западной корпоративной культуры, оказывая значительное влияние на формирование российского дискурса трудоустройства. Удельный вес англицизмов выше в коммуникативной зоне «профессионал – профессионал», а также в зоне неформального общения.

Литература

Алешинская Е.В., Гриценко Е.С. Английский язык в телевизионном музыкальном шоу «Голос» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1(45). – С. 37-43.

Аликина А.В. Глобальный английский в дискурсе рекрутинга (на материале интервью) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2015. – № 30. – С. 20-31.

Гриценко Е.С. Вербальное поведение как способ конструирования социальной идентичности: культурные коды и стилистические модели // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2010. – № 10. – С. 44-56.

Гриценко Е.С. Глобальное и локальное в речевых практиках молодежных субкультур // Вестник Московского университета. – 2012. – № 2. – С. 87-93.

Гриценко Е.С. Английский язык как семиотический ресурс в современной российской повседневности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2(42). – С. 27-31.

Ривлина А.А. Глобализация английского языка и формирование массового русско-английского билингвизма // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 104-108.

Стеблецова А.О. Дискурсивное взаимодействие на работе: лингвокультурная специфика деловой коммуникации // Гуманитарные и социальные науки. Эл. журнал. № 2, 10.04.11. URL: http://hses-online.ru/2011/02/10_02_19/16.pdf (дата обращения: 22.03.2014).

Blommaert J. The sociolinguistics of globalization. – Cambridge University Press, 2010. – 213 p.

Blommaert J. Commentary: A sociolinguistics of globalization // Journal of Sociolinguistics. 7/4. – 2003. – P. 607-623.

Garcia O. and Wei L. Translanguaging: Language, bilingualism and education. – Palgrave Macmillan, 2014. – 176 p.

Heller M. Language as Resource in the globalized new economy // The Handbook of language and globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing ltd., 2010. – P. 349-365.

Pennycook A., Mitchell T. Hip hop as dusty foot philosophy: Engaging Locality // Alim H.S., Ibrahim A., Pennycook A. (eds). Global Linguistic Flows: Hip Hop Cultures, Youth Identities, and the Politics of Language. – New York: Routledge, 2009. – P. 25-42

Н.Л. Железовская

УДК 81'23

ОЦЕНОЧНЫЕ АССОЦИИ НА СТИМУЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ФИЗИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ» И ИХ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье представлены результаты количественного и качественного анализа нейтральных и оценочных ассоциаций на стимулы, обозначающие физические параметры веса, скорости, громкости, текстуры, температуры и пространственной длины и высоты по данным русского, белорусского и американского ассоциативных словарей, исследуются этноязыковые особенности оценочных реакций. Разработанная классификация вербальных ассоциаций может служить методикой выявления оценочных реакций на стимулы данной тематики. Оценочность ассоциаций является результатом фразеологического и прецедентного характера связей частотных реакций с изучаемыми стимулами. Для русских и белорусов оценка является ведущей стратегией ассоциативного реагирования, а для американцев – сопутствующей.

Ключевые слова: ингерентные и адгерентные ассоциации, синтагматические и парадигматические реакции, оценочная коннотация, прецедентные тексты.

Natalia L. Zhelezovskaya

LINGUISTIC AND ETHNIC PECULIARITIES OF EVALUATIVE ASSOCIATIONS TO STIMULI DENOTING PHYSICAL PROPERTIES

The article deals with linguistic and ethnic peculiarities of evaluative reactions to stimuli denoting physical properties of space, texture, speed, weight, temperature and loudness in Russian, Belarussian and American associative dictionaries. It covers upon qualitative and quantitative analyses of neutral and evaluative associations and their further classification as the method of defining them. It is concluded that frequent idiomatic and precedential associative links in the associative-verbal network of an average language speaker predetermine one's evaluative attitudes to the notion described by a word-stimulus. Evaluation is the basic associative strategy for Russians and Belarusians. In Americans neutral associations prevail.

Keywords: inherent and adherent associations, syntagmatic and paradigmatic reactions, evaluative connotation, precedential texts.

Ассоциативный характер мышления проявляется в языке по-разному. Категориально-номинативные связи способствуют организации слов в регулярные парадигмы по сходству и смежности, на что обратили внимание еще Н.В. Крушевский и Ф. де Соссюр. Согласно Д.Н. Шмелёву, в ментальном лексиконе человека «каждое слово, помимо парадигматических и синтагматических связей <...> находится в деривационных (эпидигматических) отношениях с другими словами – как по линии смысловых ассоциаций, так и по линии словообразовательных (и шире вообще фонетических) сближений» [Шмелев 1973: 198].

У носителей языка могут возникать ассоциации, связанные с индивидуальными значениями слов, с представлением об объектах и явлениях материальной действительности, со свойствами обозначаемых этими словами свойств. Н.В. Телия

отмечает, что ассоциативные признаки, вызванные реальным или гипотетическим сходством или смежностью с предметами, «служат мотивом для переосмысления слов, а тем самым – дезорганизуют регулярные парадигмы» [Телия 1981: 223]. «Ассоциативные связи, навеянные самой природой обозначаемого словом объекта и имеющие тот же онтологический статус, что и само обозначаемое», В.В. Телия называет «ингерентными». А те, которые, благодаря действию аналогии, «переключают ассоциативные связи в иноприродную сферу – адгерентными» [там же: 228].

Основное средство для возникновения адгерентных ассоциаций – метафоры, которые помогают выразить эмоционально-оценочное отношение говорящего к обозначаемому. Хотя вещная коннотация и метафора могут со временем стираться, норма всё же удерживает слово в его сочетаемостном режиме, а за словом закрепляется производное значение. Адгерентные ассоциации актуализируют переносные значения слов, вынося на первый план образный и эмоционально-оценочный компонент их значения, то есть их коннотацию. Вслед за И.А. Стерниным, И.В. Арнольд, Н.В. Телия мы рассматриваем коннотацию как часть системного значения языкового знака и отводим ей роль семантического коррелята ассоциативного признака. Согласно Ю.Д. Апресяну, коннотативные значения «отражают связанные со словом культурные представления и традиции» [Апресян 1974: 67].

С целью выявления общеязыковых критериев и показателей оценочных ассоциаций проведено качественное и количественное исследование ассоциаций, зафиксированных в качестве языковой нормы в русском (РАС), белорусском (БАС) и американском (ААС) ассоциативных словарях, на эквивалентные слова-стимулы, характеризующие такие базовые физические величины, как скорость (*быстрый, медленный*), вес (*тяжелый*), температуру (*холодный*), громкость (*громкий, тихий*), текстуру объекта (*мягкий, твердый, гладкий, жесткий*), а также пространственные параметры (*длинный, короткий, высокий, глубокий*). Одной из актуальных задач данной работы является изучение этноязыковой специфики данных ассоциативных полей, а именно, той «наивной этики» и тех особенностей эмоционально-оценочной сферы представителей этноса, которые отражает, а иногда и диктует, тот или иной язык.

Под оценочными ассоциациями мы понимаем слова-реакции, актуализирующие в биноме со словом-стимулом его эмоционально-оценочный компонент значения или через собственные оценочные значения, или оценочные коннотации словосочетания, которое образует (к которому отсылает) данный бином. Они актуализируют в сознании носителя языка положительные/отрицательные оценки и чувства в зависимости от степени соответствия актуализированного образа основным потребностям индивида, ценностям и нормам его этнокультуры.

Вслед за Н.Д. Арутюновой, М.Я. Блохом и М.Я. Ильиной [Арутюнова 1999; Блох, Ильина 1985] оценка представляется нам субъективно-объективной категорией, в которой субъективность проявляется в положительном или отрицательном отношении индивида к объекту, а объективный компонент связан с индивидуальными свойствами предметов деятельности и стереотипными представлениями об их ценности. В.Н. Телия трактует оценочную модальность как «связь, устанавливаемую между ценностной ориентацией говорящего либо слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно либо отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т.п.) в соответствии со стандартом положения дел в некоторой картине мира» [Телия 1986: 22-23].

Ценностное отношение, выступая в качестве узуального илиokkaзионального семантического свойства языковых существей, может быть выражено языковыми средствами эксплицитно или имплицитно, что называется оценочностью. Проявление оценки в семантической структуре лексического значения определяется соотношением эмоционального и рационального компонентов в оценочной единице [Коноваленко 1997: 9]. Так, интеллектуально-логическая оценка входит в денотативный компонент значения слова, эмоциональная оценка – в коннотативный, а эмоционально-интеллектуальная – в оба аспекта.

Оценочность имеет определенные семантические характеристики. Распознавание оценочных ассоциаций осуществлялось на основании оценочных помет в словарях, а также путем выявления идентификаторов оценки – опорных параметров качественной оценки *хороший/плохой* и их синонимов, а также количественных параметров *много/мало* как непосредственно среди ассоциаций, так и в словарных дефинициях актуализированных языковых единиц. В случае имплицитного присутствия данных идентификаторов их обнаружение имело место при вторичном, третичном и т.д. дефинировании или же подтверждалось явно оценочными ассоциациями среди частотных в ассоциативных полях анализируемых реакций. Морфемными маркерами оценки выступили уменьшительно-ласкательные суффиксы и некоторые другие аффиксы.

Принимая во внимание тесную связь оценки с эмоциями и экспрессивностью, к лексическим средствам манифестации аксиологических значений мы относим эмотивные языковые единицы и междометия. В нашем понимании эмотивность – это языковая репрезентация эмоционального опыта человека, который возникает за счет первоначальной оценочной интерпретации окружающей его действительности. По мнению Е.М. Вольф, «оценка – это мнение субъекта о ценности объекта, а эмоция – это переживание субъектом данного мнения» [Вольф 1985: 20]. В свою очередь, мы солидарны с И.В. Арнольд, Н.А. Лукьяновой, Е.М. Галкиной-Федорук и многими другими исследователями экспрессивности, что обязательным признаком данной категории является выражение эмоциональной оценки предмета речи.

К оценочным ассоциациям, помимо слов-реакций с «ингерентными оценочными семемами», можно отнести слова с «адгерентной оценочной семой» [Еромейчик 2015: 8], которая выходит на первый план значения изначально узуально-нейтральных слов под влиянием контекстуальной дистрибуции, в данном случае в биноме «стимул → реакция» (S → R). Метасемантический уровень, в отличие от семантического уровня, где лексические единицы рассматриваются в прямом значении, связан с образными средствами вербализации аксиологических значений [Арнольд 1973: 124-138]. Так, функционально-семантическое поле оценочных ассоциаций включает не только реакции, актуализирующие переносное метафорическое значение одного из элементов биннома стимул-реакция, но и метонимическое, а также значение, связанное с омонимией языковых единиц. Актуализируют аксиологическое значение и реакции – устойчивые эпитеты, перифразы, сравнения, гиперболы, закрепленные в сознании представители этноязыковой среды благодаря частотной сочетаемости слов. Содержание и форма вызванных ассоциаций зачастую детерминированы прецедентными текстами, пропускаемыми через восприятие человека как представителя этнокультурной языковой среды [Караулов 1999].

Основная использованная методика при выявлении и регистрации ассоциативных связей оценочного характера – семантико-когнитивный анализ ассоциативных пар S → R на предмет потенциальной оценочности с привлечением количественных характеристик ассоциативных полей и лексикографических данных. Методом сплошной выборки проанализированы все реакции на изучаемые слова-стимулы в количестве 30701 R (5891 в русском, 11569 в белорусском и 13241 в американском ассоциативном словаре) за исключением одиночных, так как они отражают лишь индивидуальный опыт респондентов, а не свойственный представителям конкретного социума.

Среди ассоциаций, характеризующихся безоценочным отношением представителей языковой среды, были выделены нейтральные и условно нейтральные.

К нейтральным относятся следующие группы реакций:

R-повторы (*кароткі* → *кароткі*).

R-переводы (*доўгі* → *длинный*).

R-синонимы, а именно ближайšie стилистически нейтральные синонимы слова-S (*high* → *tall, top*; *smooth* → *slick* ‘гладкий’; *цяжкі* → *нялегкі, важкі*).

R-антонимы (*тихий* → *громкий, шумный, звонкий*) и слова одной лексико-семантической группы со словом-S (*холодный* → *горячий, теплый*).

R-однокоренные слова, не окрашенные экспрессивными аффиксами (*глыбокі* → *глыба*; *deep* → *depth*; *громкий* → *громкоговоритель*).

R-гиперонимы (*short* → *length*; *высокі* → *рост*), а также синтагматические ассоциации без указания на конкретный объект (*твердый* → *материал, предмет*; *цверды* → *наверхня*; *быстрый* → *ход, темп*).

R-тематические, а именно стилистически нейтральные глаголы и существительные, обозначающие действия и предметы ситуационно объективно связанные с конкретным параметром (*slow* → *stop*; *swift* → *shortening* ‘сокращение’; *smooth* → *sandpaper*; *быстрый* → *скорость*; *холодный* → *мороз*; *гладкий* → *утюг*; *шпаркі* ‘быстрый’ → *бегчы, крочыць*).

Тем не менее, оценку можно рассматривать с точки зрения различных функциональных критериев. Так, Т.В. Ярмейчик выделяет параметрические и темпоральные группы оценок [Ярмейчик 2015: 12]. Мы исходим из того, что изучаемые нами слова-стимулы со значением физических параметров сами по себе субъективны и содержат оценочную коннотацию. Выступая в роли стимулов, нижеперечисленные реакции возникают в сознании респондентов не всегда в связи с объективным сходством или смежностью объектов и явлений в пространстве, поэтому относятся к условно нейтральным.

R-прототипы, которые в биноме со стимулом образуют словосочетание, обозначающее достаточно субъективную характеристику объекта, не связанного с удовлетворением базовых потребностей человека (*длинный* → *путь, коридор, поезд, стол*; *мягкий* → *стул, снег, кошка, пластилин*; *высокі* → *лес, слуп, бераг*; *павольны* ‘медленный’ → *вецер, цягнік* ‘поезд’, *конь*; *deep* → *ocean, hole* ‘дыра’, *well* ‘колодец’).

R-сопутствующие параметры, которые субъективно связаны у представителей этноса с указанным стимулом свойством. Здесь встречаются слова, указывающие на цвет, материал, температуру, размер, расположение и др. (*длинный* → *высокий, узкий, тонкий*; *глыбокі* → *нізкі, цемны, далекі*; *soft* → *warm*; *smooth* → *round*). Хотя во всех вышеприведенных группах речь шла об ингерентных ассо-

циациях, в эту группу мы отнесли и слова-R со стертой внутренней метафорой (*soft* → *fluffy* ‘пушистый’, *furry* ‘меховой’, *spongy* ‘губчатый’; *холодный* → *ледяной*; *гучны* → *звонкі*).

Среди о ц е н о ч н ы х выделены реакции следующих типов.

Ингерентные R, связанные с телом человека, едой (питьем) и одеждой (обувью), актуализирующие в биноме понятия, критичные для удовлетворения физиологических потребностей индивида (*smooth* → *hands, skin, ice-cream*; *heavy* → *man, girl*; *кароткі* → *чалавек, сукенка* ‘платье’; *жорсткі* → *хлеб, пінжак*; *глубокий* → *вырез, разрез*; *холодный* → *лоб, сок, обед*).

Адгерентные R, вызванные распространенным переносным значением слова-стимула и образующие с ним словосочетание с ассоциативно-оценочными семами (*доўгі* ‘продолжительный по времени’ → *пацалунак, лекцыя, перапынак* ‘перерыв’; *жорсткі* → *рэжым* ‘регламентированный’, *цар* ‘жестокий’, *удар* ‘сильный’; высокий → *голос, стиль* ‘официальный’, *іdeal* ‘моральный’, *інтэлект, пост*; *мяжкий* → *характер* ‘добрый’, *голос* ‘тихий, нежный’, *свет* ‘неяркий’, *клімат* ‘теплый’; *deep* → *sleep* ‘ничем не нарушаемый’, *blue* ‘насыщенный’, *voice* ‘низкий’, *night* ‘поздний’; *hard* → *man* ‘конфликтный’, *work* ‘сложная’, *head* ‘уставшая, больная’). Как видно из примеров, словесные опоры, привлекаемые респондентами при осознании изучаемых стимулов вызывают, представления, в которых основные значения, относящиеся к материальным объектам, уступают место производным абстрактным по сути значениям (временным, поведенческим, умственным и др.).

Прецедентные R, продиктованные устойчивой языковой сочетаемостью с ними слова-стимула под влиянием прецедентных словосочетаний, названий, имен и текстов, популярных в этноязыковой среде респондента.

а) Сюда относятся представленные биномом $S \rightarrow R$ в полном или урезанном виде фразеологические единицы, которые являются одним из наиболее эффективных способов передачи разнообразных видов оценки, заложенных в переносных значениях данных устойчивых словосочетаний. В них в сжатой и образной форме представлены оценочные стереотипы и нормы жизни народа (*quiet* → *sleep* ‘безмятежный сон’, *peace* ‘peace and quiet – тишь да благодать’, *time* ‘время для молитвы’; *heavy* → *burden* ‘тяжелое бремя’, *hang* ‘hang heavy – тянуться медленно’, *hearted* ‘печальный’, *sins* ‘тяжкий грех’; *быстрый* → *на руку* ‘воришка’; *твердый* → *орешек* ‘хитроумный, трудный’; *глыбокі* → *след* ‘вклад’; *высокі* → *узлет* ‘достигший значительной степени развития, совершенства’, *палет* ‘птица высокого полета – важная особа’).

б) Встречаются оценочные ассоциации виде образных выражений, устойчивых метафор и перифраз, актуализированных благодаря переносному значению слова-стимула (медленный → *смерть* ‘только за смертью посылать – слишком медлительный’; *жорсткі* → *пень* ‘о бесчувственном человеке’; *халодны* → *статуй* ‘истукан – бесчувственный человек’). Некоторые из реакций этой группы отсылают к устойчивым метафорическим сравнениям, метонимическим оборотам, эпитетам, хотя, на первый взгляд, могут быть ошибочно восприняты как ингерентные ассоциации-прототипы (длинный → *как жердь* ‘длинный как жердь’, *жираф*; *мяжкий* → *вата* ‘ватный – заторможенный, плоходвигающийся’, *пух* ‘мягкий как пух’; *высокий* → *баскетбаліст* ‘баскетбольного роста’; *глубокий* → *небо* ‘глубина неба’, *глаз* ‘глубина глаз’; *навольны* → *рукі* ‘медленные руки – нерасторопный человек’; *цверды* → *камень, граніт, крэмень*; *hard* → *nail* ‘as hard as nails – выносливый’; *soft* → *velvet, down* ‘as silk as velvet, down – мягкий как вельвет, пух’, *cloud*).

в) К данной группе причислены вызванные, казалось бы, первичным значением синтагматические ассоциации, но в действительности порожденные устойчивыми названиями и терминами объектов материального мира и абстрактных понятий (*long* → *arm* 'ружье'; *high* → *school* 'старшая школа', *chair* 'детский стульчик', *jump* 'прыжок в высоту', *noon* 'самый полдень', *place* 'почетная должность', *shoes* 'сапоги', *way* 'скоростная трасса'; *короткий* → *удар* 'быстрая атака', *закрывание*, *ствол* 'ружье'; *глыбокi* → *тыл*; *мяккi* → *грунт*; *цверды* → *метал*, *сплаў*, *сыр*).

г) Встречаются ассоциации, отсылающие к популярным в языковой среде текстам, названиям, именам, объектам, понятиям культуры, которые в качестве «своих, родных», узнаваемых вызывают положительные оценки и эмоции респондентов (*swift* → *meat* "Swift" – компания мясных полуфабрикатов в США', *Jonathan* 'Jonathan Swift – писатель-сатирик', *Gulliver* (*'s Travels*) 'герой (название) романа Дж. Свифта'; *slow* → *pokey* 'Slowpoke – имя персонажа'; *цяжкi* → *молат* '«Тяжким молотом взвивайся...» – цитата И. Гёте'). Порой, став нарицательным, имя или персонаж могут приобретать и отрицательную коннотацию (*тихий* → *американец* 'одноименный роман Г. Грина'; *гадкий* → *утенок* 'гадкий утенок – персонаж одноименной сказки Г.Х. Андерсена'). Отрицательную оценку может вызывать и сюжет актуализированного в реакциях произведения (*жесткий* → *роман (с)* '«Жестокий романс» – художественный фильм'; *холодный* → *дом* '«Холодный дом» - роман Ч. Диккенса'). Как видно из некоторых примеров, прецедентные ассоциации могут быть вызваны словом, которое лишь фонетически напоминает элемент общеизвестного названия, имени. Далее приведем примеры реакций, вызванных тем же явлением (*мягкий* → *Мягков* 'актер театра и кино'; *высокий* → *Высоцкий* 'актер и поэт-композитор').

Эмоционально-оценочные R, к которым в основном относятся синтагматические слова-ассоциации с лексикографически закрепленными ингерентными оценочными семантиками, но которые могут быть связаны как с прямыми, так и с производными значениями слов-стимулов.

а) Сюда относятся общеоценочные ассоциации в виде собственнооценочных лексических единиц и эмотивов, выраженных прилагательными и наречиями (*short* → *good*; *smooth* → *nice*; *наволны* → *марудна* 'нудно'; *глыбокi* → *страшна*; *мяккi* → *прыемна* 'приятно'; *жорсткi* → *злосць*, *вельмi* 'очень'), междометиями (*rough* → *nuts* 'вот черт'; *cold* → *brr*; *quiet* → *please*, *shhh*, *cool* 'круто'; *медленный* → *ужасно*; *быстрый* → *молодец*; *спакойны* → *мара* 'мечта').

б) В эту группу входят и частнооценочные слова-ассоциации с дескриптивным смыслом, вызванные субъективными представлениями носителей этнокультуры о предметах и людях окружающего мира с изучаемыми параметрами (*high* → *steep* 'крутой, непомерно высокий', *dizzy* 'головокружительный'; *swift* → *sure* 'уверенный, надежный', *sudden*; *hard* → *brittle* 'хрупкий'; *гладкий* → *приятный*, *чистый*, *лысый*; *жесткий* → *мужской*, *сильный*, *неудобный*, *требовательный*; *гладкi* → *сыты*, *тоўсты* 'возможна аллюзия к выражению *гладкi парсюк* с этим значением'). Зачастую ассоциации этой группы являются стилистические и экспрессивно маркированными синонимами или антонимами слова-стимула одной с ним части речи в его прямом или переносном значении (*длинный* → *долговязый* 'чересчур высокий'; *медленный* → *тормоз*; *глубокий* → *бездонный*, *дурак* 'поверхностный, глупый'; *короткий* → *куцый*, *коротышка*; *long* → *endless* 'непомерный'; *deep* → *complex* 'глубокий и сложный по содержанию'; *hard* → *easy*, *light* 'простой, неслож-

ный'; *кароткі* → *даўжэзны* 'длиннуший'; *мяккі* → *лагодны* 'добрый'; *навольны* → *рахманы* 'покладистый', *флегматычны*, *няўклюд*, *тоўсты*, *гульта*, *кволы* 'хилый', *немалады*).

в) К эмоционально-оценочным относятся также тематические ассоциации (выраженные в основном существительными и глаголами), которые вызваны актуализированной в сознании респондента типичной ситуацией, опасной или благоприятной для здоровья человека и удовлетворения его базовых потребностей (*тихий* → *покой*; *глубокий* → *брод*, *тонуть*; *cold* → *shiver*; *loud* → *hurt*; *high* → *fall*; *жорсткі* → *калючы*; *цяжкі* → *хворы*; *гучны* → *сваволіць*; *мяккі* → *свежы*, *чорны*).

г) Реакциями подобного типа являются созвучные слова-ассоциации с оценочным значением, которые приведены испытуемыми под влиянием типичных для их языка рифмующихся пар слов (*гладкий* → *сладкий*, *гадкий*; *холодный* → *голодный*; *шпаркі* → *маркі*; *навольны* → *вольны*, *свабодны*).

В результате подсчета полученных данных были выявлены следующие этноязыковые сходства и отличия оценочного ассоциирования русских, белорусов и американцев. Оценочные ассоциации представителей двух первых этнокультур составляют 56 %, около 31 % – условно нейтральные, а у американцев – лишь 21 % и 16 % соответственно. Во всех трех языковых сообществах, особенно русском и белорусском, наблюдается явное преобладание синтагматических условно нейтральных ассоциаций над парадигматическими (БАС – 95 %, РАС – 89 % и ААС – 65 %). Наименее оценочными оказались ассоциативные поля слов *loud* 92.6 %, *slow* 91.6 %, *long* 90.2 %, *high* 85.7 %, *deep* 81.7 %, *short* 81.0 %, *cold* 81.0 %, *swift* 79.6 %, *rough* 78.2 %, *hard* 77.7 %, *soft* 74.9 % согласно ААС; *гладкі* 82.5 %, *шпаркі* 80.3 %, *глыбокі* 67.1 % согласно БАС и *гладкий* 78.5 % – РАС.

Далее рассмотрим, как распределились группы стимулов, обозначающие различные физические параметры, по количеству на них оценочных ассоциаций (см. табл. 1, где указана доля подобных реакций в ассоциативном поле согласно трем ассоциативным словарям). Наиболее оцениваемые, а значит, и значимые в сознании русских и белорусов, являются параметры температуры, веса и громкости. У американцев – это параметры текстуры, хотя оценочное ассоциирование у представителей данной языковой среды проявлено в целом значительно меньше.

Чаще всего оцениваются следующие стимулы-параметры: *тихий* 91.4 %, *холодный* 80.4 %, *короткий* 59.1 % в РАС; *спакойны* 89.8 %, *халодны* 86.4 %, *цяжкі* 84.7 %, *жорсткі* 74.6 %, *кароткі* 69.5 % в БАС и *smooth* 47.3 %, *quiet* 34.2 % в ААС. Наименьшей значимостью в языковом сознании белорусов и американцев обладают параметры скорости.

Таблица 1.

Представленность оценочных R в ассоциативных полях «Физические параметры»

РАС	БАС	ААС
температура 80.4	температура 86.4	текстура 29.1
громкость 78.0	вес 84.7	вес 26.4
вес 70.3	громкость 72.3	громкость 20.8
скорость 52.5	текстура 56.7	температура 19.4
пространственные	пространственные	пространственные
параметры 48.4	параметры 46.0	параметры 15.4
текстура 40.3	скорость 27.4	скорость 14.4

Наибольшую долю оценочных реакций среди русских и белорусских респондентов составляют прецедентные и адгерентные ассоциации (36 % и 35 % в РАС, 45 % и 28 % в БАС), а наименьшую – эмоционально-оценочные (7.4 % в РАС и 5.5 % в БАС). Американцы, если вообще прибегнут к оценочному ассоциированию, скорее всего актуализируют в реакциях прецедентные тексты или выражения (52 % прецедентных R). Согласно полученным данным, нельзя утверждать, что оценочные ассоциации – это лишь слова-реакции с адгерентной оценочной семой, хотя, справедливости ради, заметим, что группа ингерентных оценочных ассоциаций в трех словарях представлена немногочисленно, особенно в американском (7.3 %). Кроме того, оценочные ассоциации не сводятся и к лексическим единицам, оценочная коннотация которых фиксируется лексикографическими источниками, что подтверждается наличием во всех трех словарях пусть и немногочисленной (в отличие от ААС 21.3 %) группы так называемых эмоционально-оценочных R.

Более подробно популярность оценочных ассоциаций определенных типов в зависимости от тематической категории ассоциативного поля можно проследить по таблице 2, где звездочкой помечены группы стимулов, лидирующие среди оценочных реакций данного типа в ассоциативном словаре. На стимулы, характеризующие *скорость*, белорус с наибольшей вероятностью отреагирует оценочной ассоциацией так называемой ингерентной группы, а русский и американец (если не нейтрально) – прецедентной. Популярность оценочного ассоциирования на стимулы, характеризующие *температуру*, можно объяснить актуальностью для сознания представителей всех трех этносов адгерентных оценочных сем изучаемых слов. Такое же заключение можно сделать относительно русской и белорусской этноязыковой среды про слова, описывающие *вес* и *пространственные параметры*. А в сознании американцев и русских для данных слов сильны связи прецедентного характера. На стимулы, характеризующие *громкость*, приводя оценочную ассоциацию, американец с наибольшей вероятностью отреагирует непосредственно эмоционально-оценочной реакцией, белорус – адгерентной, а русский – ингерентной. В сознании американцев и белорусов для слов, характеризующих *текстуру*, сильны связи прецедентного характера, что объясняет частотное оценочное ассоциирование на подобные стимулы среди представителей данных этносов.

Таблица 2.

Рейтинг популярности различных оценочных R в зависимости от параметра S, %

РАС	БАС	ААС
Ингерентные ассоциации		
громкость 42.9* пространственные параметры 20.3 текстура 18.3 скорость 14.9 температура 10.1 вес 0.0	скорость 56.6* громкость 38.9 текстура 19.5 пространственные параметры 17.9 температура 5.7 вес 0.0	пространственные параметры 15.2 текстура 8.2 вес 3.7 громкость 2.8 скорость 2.2 температура 0.0

Адгерентные ассоциации		
температура 53.2* вес 46.5* текстура 38.9* пространственные параметры 38.5* скорость 21.7 громкость 19.4	температура 75.9* вес 62.1* громкость 50.9* пространственные параметры 40.0* текстура 34.7 скорость 10.5	температура 46.5* громкость 31.8 текстура 21.2 вес 11.5 пространственные параметры 10.2 скорость 1.4
Прецедентные ассоциации		
вес 48.9* скорость 47.0* пространственные параметры 37.5* температура 33.7 текстура 30.8 громкость 30.5	текстура 40.5* вес 37.0 пространственные параметры 36.7 температура 17.9 скорость 14.2 громкость 3.3	скорость 87.9* текстура 56.8* пространственные параметры 51.5* вес 49.2* температура 31.6 громкость 26.5
Эмоционально-оценочные ассоциации		
скорость 16.4 текстура 12.0 громкость 7.2 вес 4.6 пространственные параметры 3.7 температура 3.0	скорость 18.7 громкость 6.9 пространственные параметры 5.4 текстура 5.3 вес 0.9 температура 0.5	громкость 38.9* вес 35.6 пространственные параметры 23.1 температура 21.9 текстура 13.8 скорость 8.5

Таким образом, оценочность присутствует как компонент значения даже, на первый взгляд, нейтральных слов-стимулов, обозначающих физические параметры. Разработанная классификация вербальных ассоциаций может служить методикой выявления нейтральных и оценочных реакций на стимулы, обозначающие физические параметры. К первым относятся реакции-повторы, переводы, гиперонимы, стилистически нейтральные синонимы, антонимы и однокоренные слова, тематические ассоциации и прототипы, по смыслу не связанные с удовлетворением базовых потребностей человека, а также сопутствующие параметры. Две последние группы ассоциаций нейтральны лишь условно, так как содержат элементы субъективного мнения респондентов о смежных объектах и сходных параметрах, но всё же нейтральны, так как продиктованы оценочной коннотацией самого слова-стимула.

Оценочные ассоциации делятся на а) ингерентные, в которых оценочная коннотация сопутствует прямому значению словосочетания, образованного биномом «стимул → реакция»; б) обусловленные сочетаемостью слова-стимула адгерентные и прецедентные ассоциации, в которых оценочная коннотация сопутствует переносному, связанному значению слова-стимула; в) эмоционально-оценочные слова-реакции, выражающие общую или частную оценку в рамках лексикографически закреплённого за ними денотативного или коннотативного значения.

Доля оценочного ассоциирования зависит от: а) представленности оценочного значения в слове-стимуле; б) значимости для представителей этноса обозначаемого словом-стимулом понятия или объекта; в) актуальности для языкового сознания респондентов адгерентных оценочных сем слова-стимула; г) силы прецедентных связей слова, отсылающих к узнаваемым текстам, названиям, именам, терминам культуры; д) соответствия актуализированного ассоциацией образа неко-

му эталону, стандартным представителям класса или потребностям субъекта; е) того факта, является ли ассоциация синтагматической или парадигматической (первые обладают большим оценочным потенциалом); ж) обусловленного личным опытом респондента отношением к обозначаемому словом-стимулом объекту или понятию.

Языковыми маркерами оценочных ассоциаций являются слова-эмотивы, междометия, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами или аффиксами степени сравнения, параметры качественной и количественной оценки *хороший/плохой, много/мало* и их синонимы как непосредственно среди ассоциаций, так и в словарных дефинициях слов-реакций, слова со специальными пометами в словарях (*презр., неодобр., ирон., бран., пренебр., эмоц., ласк., уничиж., скорб, груб., шутл., вульг.; diminutive, intensive, hyperbolically, negative, affectionate, emotive, emotional, emphatic, figurative, humorous, informal, pompous, vulgar, jocular, derogative, appreciative, depreciative, poetic, slang, colloquial* и др.).

Качественный и количественный анализ ассоциативных полей «Физические параметры» на предмет ассоциативных связей оценочного характера, позволяет изучить этноязыковые особенности восприятия того или иного параметра носителями языка. По результатам данного исследования выяснилось следующее.

а) Для русских и белорусов оценка является ведущей стратегией ассоциативного реагирования на стимулы, обозначающие физические параметры, а для американцев – сопутствующей.

б) Оценочность ассоциаций русских и белорусских респондентов на изучаемые стимулы является результатом фразеологического и прецедентного характера связей большого количества частотных реакций. В отличие от американцев словесные опоры, привлекаемые русскими и белорусами при осознании слова-стимула, зачастую вызывают представления, в которых ослаблена роль его прямого значения. Этот факт может свидетельствовать о конкретности языкового мышления американцев и об образности мышления русских и белорусов. Однако высокий процент прецедентных реакций среди оценочных ассоциаций американцев позволяет сделать общий вывод о том, что оценочные ассоциации обусловлены языковым опытом респондента в большей мере, чем индивидуальным и этнокультурным.

в) Наиболее оцениваемые, а значит, и значимые в сознании русских и белорусов, являются параметры *температуры, веса и громкости*, а у американцев – параметры *текстуры*.

г) Сложность определения знака оценочной коннотации ассоциаций русских и американцев в основном обусловлена недостаточностью контекста, а белорусов – многозначностью значений слов-стимулов, связанных с их устойчивой сочетаемостью.

Используя данные таблицы 2 как паттерны типичных / нетипичных ассоциаций представителя определенного этноса на определенные стимулы, можно диагностировать степень стандартности языкового мышления человека, применяя их в психологии, педагогике, психиатрии и разведке.

В психологическом значении слова наибольшей этноязыковой яркостью обладают значения, соответствующие фразеологически связанным семам слова благодаря их оценочной коннотации. По степени популярности переносного значения слова среди респондентов можно судить о том, какое из значений в данный момент актуально для носителей языка, и отражать это значение в словарях как приоритет-

ное. Подобное исследование позволяет делать выводы о системном значении слова в сознании носителей конкретного языка.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1973. – 304 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с.

Блох М.Я., Ильина Н.В. Структура и семантика оценочной конструкции // Функциональная семантика синтаксических конструкций: межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина; [отв. ред. М.Я. Блох]. – М., 1985. – С. 14-23.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / АН СССР, Ин-т языкознания; [под ред. Г.В. Степанова]. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

Еромейчик Т.В. Аксиологический аспект рекламной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2015. – 27 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: Институт русского языка РАН, 1999. – 180 с.

Коноваленко Л.Ю. Семантико-синтаксические средства выражения оценочной модальности в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 1997. – 23 с.

Телия Н.В. Типы языковых значений. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / [отв. ред. А.А. Уфимцева]; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

Шмелев Н.Д. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 280 с.

AAC – Jenkins J.J. The 1952 Minnesota word association norms // Norms of word association / L. Postman, G. Keppel. – Berkley, California: Academic press New York and London, 1970. – P. 1-38.

БАС – Цітова, А.І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1981. – 144 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 ч. / Ю.Н. Караулов [и др.]. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – Т. 1. – 784 с.

Е.В. Устьянцева

УДК 81'23

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «ХЛЕБ»

В статье представлен анализ ассоциативного поля «хлеб» как фрагмента вербальной памяти человека, образа мира, отражающего культурные стереотипы в сознании носителей языка. С целью сопоставления психологической реальности слова «хлеб» и представлением содержания данного слова в словарной статье результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента были интерпретированы по формальному и семантическому типу. Лексические значения слова «хлеб», зафиксированные в современных толковых словарях русского языка, нашли отражение в ассоциациях-реакциях испытуемых, однако были выявлены и некоторые неосознаваемые компоненты значения, что позволяет сделать выводы о развитии и формировании семантической структуры слова «хлеб», о возможном существовании других лексических значений.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, лексическое значение, психолингвистическое значение, «хлеб».

Elena V. Ustyantseva

LEXICOGRAPHY AND PSYCHOLINGUISTIC WORD MEANING «BREAD»

The analysis of the associative field “bread” as fragment of verbal memory of the person, image of the world reflecting cultural stereotypes in consciousness of native speakers is presented in article. For the purpose of comparison of psychological reality of the word “bread” and submission of the contents of this word in an entry results of the associative experiment made by us were interpreted on formal and semantic type. The lexical meanings of the word “bread” recorded in modern explanatory dictionaries of Russian found reflection in associations reactions of examinees, however also some extramental components of value that allows to draw conclusions on development and formation of semantic structure of the word “bread”, on possible existence of other lexical meanings were revealed.

Keywords: free associative experiment, lexical meaning, psycholinguistic value, “bread”.

Ассоциации имеют большое значение в развитии и формировании семантической структуры слова, ее осмыслении. Свободный ассоциативный эксперимент является одним из способов выявления ассоциативных полей культурных и национальных образов, представленных в языковой картине мира. Он фиксирует актуальное для человека психологическое значение слова, очевиднее проявляет отличие его реальной семантики от значения, представленного в словаре. И.А. Стернин и А.В. Рудакова отмечают, что «психолингвистическое значение обычно шире и объемней, нежели его лексикографический коррелят (который, как правило, целиком входит в психолингвистическое значение, хотя его компоненты могут занимать в

психолингвистическом значении разное место по яркости)» [Стернин, Рудакова 2011]. Формулируемое в толковом словаре в результате применения принципа редукционизма значение целесообразно именовать лексикографическим, поскольку оно сформулировано (смоделировано) лексикографами специально для представления слова в лексикографических пособиях [Стернин, Рудакова 2012]. Под психолингвистическим значением ученые понимают упорядоченное единство всех семантических компонентов, которое актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве более и менее ярких, ядерных и периферийных, все из которых реально связаны с данной звуковой оболочкой (лексемой) [там же: 176].

Экспериментальное исследование значений слова в психолингвистике позволяет говорить о возможности углубленного описания значений слов, приближающего описание значений в сознании носителей языка к реальному значению, представленному в языковом сознании рядового носителя языка [там же: 175].

Авторами ассоциативного эксперимента в практической психологии принято считать американских психологов Х.Г. Кента и А.Дж. Розанова. Психолингвистические варианты ассоциативного эксперимента были разработаны Дж. ДIZE и Ч. Осгудом. В отечественной психологии и психолингвистике методика ассоциативного эксперимента была усовершенствована и апробирована в экспериментальных исследованиях А.Р. Лурии и О.С. Виноградовой.

На основе ассоциативного эксперимента создаются специальные словари «ассоциативных норм». К числу общеизвестных исходных относится словарь Дж. ДИЗА. На русском языке первым словарем такого рода был «Словарь ассоциативных норм русского языка» под редакцией А.А. Леонтьева. В настоящее время наиболее полным словарем на русском языке является «Русский ассоциативный словарь» (составители: Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова).

Наибольшую сложность представляет интерпретация ассоциативного эксперимента. Значительный вклад в описание механизмов ассоциирования и в проблематику классификаций реакций внесли Дж. Локк, Ф. де Соссюр, А.А. Залевская, Н.В. Уфимцева, Н.И. Береснева, И.Г. Овчинникова, Ю.Н. Караулов, Е.И. Горошко и целый ряд других признанных исследователей. Заслугой ученых-психолингвистов данной группы является то, что им принадлежит разработка и апробация методики и методологии психолингвистических исследований языкового сознания как образа мира [Васильева 2014: 107].

Выбор той или иной классификации при анализе ассоциативных реакций зависит от целей исследования и от объемов статистических данных, полученных в ходе проведения ассоциативного эксперимента.

Цель данного фрагмента исследования – выявление возможности расхождения между психологической реальностью слова «хлеб» для носителей языка и представлением содержания данного слова в словарной статье на основе сопоставления данных ассоциативного эксперимента со словарями ассоциативных норм XX и XXI вв. При анализе результатов нашего исследования мы использовали два типа классификации: формальный и семантический. Первая классификация учитывает характер связи, вторая используется для реконструкции картины мира и языкового сознания.

Итак, в рамках проекта РГНФ 14–14–24004 «Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке» нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, который заключался в том, что испытуемым предлагалось отреагировать на слово «хлеб» таким количеством ответов, которое они успеют воспроизвести за одну минуту. Место проведения ассоциативного эксперимента г.Сосновоборск. Количество испытуемых – 163 человека в возрасте от 11 до 63 лет, среди них учащиеся и педагоги школ № 3 и 4, медицинские работники городской поликлиники.

Всего получено 510 реакций на стимул «хлеб». Формальная структура ассоциативного поля «хлеб» представлена 99 существительными, 18 прилагательными, 1 наречием и 4 словосочетаниями. Смысловая структура определяется ядром, околоядерной и периферийной зонами.

Наиболее частотными реакциями на слово-стимул «хлеб» являются: еда – 83; вкусный – 34; пшеница – 25; мягкий – 23; белый – 14; мука, корочка, суп – 13; поле, всему голова – 12. Именно эти ассоциации входят в ядро ассоциативного поля «хлеб» и свидетельствуют о первичном представлении сибиряка о хлебе как о самом сытном и полезном пищевом продукте. Хлеб – растущая в поле пшеница, из которой изготавливается мука, идущая на выпечку такого продукта.

Среди менее распространенных реакций можно выделить следующие: свежий, зерно – 10; черный – 9; тесто – 8; батон, кушать, солнце – 7; бутерброд – 6; рожь, жизнь – 5, голуби, буханка, мельница, Россия, пища, деревня, черствый, запах, колбаса, молоко, выпечка, горячий, теплота – 4; мякиш, птицы, магазин, булка, голод, теплый, съедобный, небо, аромат – 3; квас, полезный, сгущенка, красивый, серый, хорошо, питание, золото, труд, насущный, ржаной, соль, работа, нива, рабочие, ужин, пышный, семья, каравай, бородинский, дрожжи, нежность, святость – 2.

Итак, околоядерная зона ассоциативного поля «хлеб» выражена реакциями, свидетельствующими о представлении о хлебе как о зерне, из которого изготавливается мука (*мельница*). Из муки замешивается тесто (*дрожжи*), и выпекается пищевой продукт в виде изделия какой-либо формы (*батон, каравай, бородинский*). Встречаются ассоциации, связанные с представлением о хлебе как злаке (*рожь, нива*), заработке (*работа, рабочие, труд*), самом важном и дорогом (*солнце, жизнь, Россия, золото, насущный*). Околоядерная зона ассоциативного поля «хлеб» также представлена реакциями, в которых реализуется основное значение слова «хлеб» (*свежий, черный, красивый, пища, кушать, бутерброд, колбаса, голуби, буханка, деревня, запах, черствый, выпечка, горячий, мякиш, птицы, булка, теплый, съедобный аромат, полезный, серый, ржаной, соль, пышный, ужин, питание, магазин*), и таких реакций, как видим, наибольшее количество.

Число единичных реакций – 59. Среди них: *темный, кормилец, завтрак, кусок, крошки, обед, вода, горчица, горбушка, икра, кормить, столовая, кухня, стол* (о пищевом продукте), *круглый, крендель, калач, пирожок* (о пищевом продукте из муки в виде изделия какой-нибудь формы), *ростки, семя, молот, жито, крупа* (о зерне, из которого делают муку, идущую на изготовление хлеба), *колос, колосья, пашня, земледелец* (о злаке), *пекарня, пекарь* (о тесте), *картошка* (об основном пищевом продукте какой-л. страны, местности), *помощь, пропитание, жить на хлебах* (о пропитании, иждивении), *доступный, финансы, заработок, достаток, добывать хлеб* (о заработке), *ценность, спасение, здоровье, богатство, благо, спа-*

сение от голода (о самом важном); а также сметана, хозяйство, история, карточки, огонь, мир, народ, русские, добро, традиция, завод, воспитание, детство, дом, Ленинград.

Сравним набор смыслов ассоциативного поля «хлеб» со значениями слова «хлеб», представленными в сводной словарной статье. Под сводной словарной статьей в рамках данного исследования понимается такая словарная статья, в которой отражаются все лексические значения слова «хлеб», зафиксированные в современных толковых словарях русского языка. При этом значения, отраженные в разных толковых словарях, обозначим как обязательные, а значения, встречающиеся только в одном из современных толковых словарей русского языка, – факультативные.

1. Хлеб – пищевой продукт, который выпекают из муки. *Ты только попробуй, какой вкусный хлеб!* 2. Хлеб – пищевой продукт из муки в виде изделия какой-нибудь формы. *Ставить хлебы в печь.* 3. Хлеб – зерно, из которого делают муку, идущую на выпечку такого продукта. *Надо было прикинуть места для сыпных пунктов, куда можно было бы хлеб свозить.* (Фурманов). 4. Хлеб – растение, из зерна которого изготавливается мука и крупа. *За речкой на другом берегу гнулись и тихо волновались под ветром созревающие хлеба.* (Короленко). 5. Хлеб – тесто, приготавливаемое для выпечки. *Замесить хлебы. Хлебы поднялись.* 6. Хлеб – об основном пищевом продукте (какой-л. страны, местности). *Финики – хлеб пустыни. Картошка – второй хлеб.* 7. Хлеб (перен.) – пропитание, иждивение (прост.). *Заработать на хлебах.* 8. Хлеб (перен.) – средство к существованию; заработок. *Мой учительский хлеб.* 9. Хлеб – о самом важном, необходимом для существования кого-, чего-л. *Уголь – хлеб промышленности. Эти пьесы – насущный хлеб театра.*

Значения «об основном пищевом продукте (какой-л. страны, местности)» («Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой), «тесто, приготавливаемое для выпечки» и «о самом важном, необходимом для существования кого-, чего-л.» («Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова) являются факультативными.

Сопоставив реакции ядерной зоны ассоциативного поля «хлеб» со значениями данного слова, представленными в современных толковых словарях русского языка, можно увидеть, что языковое сознание сибиряков включает значения «пищевой продукт», «зерно» и «то же, что злак». Именно эти значения являются для информантов первичными и составляют основу русской ментальности.

Реакции окооядерной зоны ассоциативного поля «хлеб» отражают все значения данного слова, зафиксированные в современных толковых словарях русского языка, исключая значения «пропитание, иждивение» и «об основном пищевом продукте (какой-л. страны, местности)», встретившиеся, однако, в реакциях-ассоциациях периферийной зоны исследуемого ассоциативного поля (картошка, помощь).

Таким образом, все значения слова «хлеб», зафиксированные в современных толковых словарях русского языка, нашли отражение в языковом сознании сибиряков, однако основу их языковой картины мира составляют именно значения «пищевой продукт», «зерно» и «то же, что злак».

В ходе данного ассоциативного эксперимента были выявлены смыслы, которые никак не соотносятся ни с одним значением слова «хлеб», представленным в сводной словарной статье. Наличие таких неосознаваемых компонентов значения

указывает на то, что реальная семантика слова «хлеб» шире той, которая представлена в современных толковых словарях, и этот факт позволяет говорить о развитии семантической структуры слова «хлеб».

Попробуем сгруппировать данные ассоциации по смыслу и объяснить причину их возникновения при упоминании стимула «хлеб».

1. *Добро, святость, теплота, нежность, хорошо.* Возникновение таких реакций на стимул «хлеб» возможно, когда образ хлеба связан с чем-либо положительным, хорошим, ценным с точки зрения нравственности.

2. *Голод, карточки, Ленинград, история.* Такие реакции на стимул «хлеб» возникли в языковом сознании людей, для которых хлеб – это то, что способно приносить облегчение кому-либо в самые трудные минуты жизни.

3. *Народ, русские, традиция.* Хлеб – это национальное достояние; то, что переходит от одного поколения к другому и имеет высокую ценность.

4. *Детство, воспитание, семья, дом.* Хлеб – семейная ценность, объединяющая близких родственников.

5. *Суп, колбаса, квас, молоко, сгущенка, сметана.* Хлеб – пищевой продукт, который при употреблении с другими, преимущественно жидкими, пищевыми продуктами и блюдами создает специфические вкусовые ощущения.

Шестую группу составляют реакции *небо, завод, огонь, хозяйство*, которые по смыслу трудно отнести к какому-либо значению слова «хлеб».

Учитывая, что «лексическое значение – это содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе и пр.» [Языкознание. Большой энциклопедический словарь 1998: 261], можно говорить, на наш взгляд, о формировании новых значений слова «хлеб».

Одним из вариантов интерпретации результатов свободного ассоциативного эксперимента является классификация ассоциаций по синтагматическим и парадигматическим свойствам. Синтагматическими называют ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула и которые всегда выражают предикативные отношения. Парадигматические ассоциации представляют собой слова-реакции того же грамматического класса, что и слово-стимул [Белянин 2004: 51].

В результате свободного ассоциативного эксперимента стимул «хлеб» дал следующие парадигматические ассоциации: еда – 83; пшеница – 25; мука, корочка, суп – 13; поле, зерно – 10; тесто – 8; батон, солнце – 7; бутерброд – 6; рожь, жизнь – 5, голуби, буханка, мельница, Россия, пища, деревня, запах, колбаса, молоко, выпечка, теплота – 4; мякиш, птицы, магазин, булка, голод, небо, аромат – 3; квас, сгущенка, питание, золото, труд, соль, работа, нива, рабочие, ужин, семья, каравай, дрожжи, нежность, святость – 2, кормилец, завтрак, кусок, крошки, обед, вода, горчица, горбушка, икра, крендель, калач, пирожок, ростки, семя, молот, жито, колос, колосья, пашня, земледелец, пекарня, пекарь, картошка, помощь, пропитание, финансы, заработок, достаток, ценность, спасение, здоровье, богатство, благо, столовая, кухня, сметана, стол, хозяйство, история, карточки, крупа, огонь, мир, народ, русские, добро, традиция, завод, воспитание, детство, дом, Ленинград - 1.

Парадигматические связи данных слов-реакций отражают синонимические отношения, поэтому для сопоставительного анализа мы использовали «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова, в котором

представлены следующие синонимы к слову «хлеб»: заработок, пища; все едино, что хлеб, что мякина; добывать хлеб; жить на хлебах; из семи печей хлеб есть; и хлебом не корми, а сделай что-л.; кусок хлеба; отбивать хлеб; хлеба; хлеб-соль. Обнаруживаем совпадения: заработок, пища. Кроме того, словарная статья «хлеб» сопровождается отсылкой к словарным статьям «заработок» и «пища». Рассмотрим их. Синонимы к слову «заработок»: доход, приход, выручка, нажива, пожива, корысть, куш, жалованье, заработанная (задельная) плата; отнимать хлеб у кого (лишать заработка); свой кусок хлеба. Синонимы к слову «пища»: кушанье, снедь, еда, брашно, яства (мн. ч.), стол, харчи (харч), хлеб, хлеба, продовольствие, провизия, провиант, съедобное, съестные припасы, пищевое вещество, продукт потребления; лакомство, сладь, амврозия (пища богов); заработать на хлеб; тут тебе разносолов не приготовлено. Обнаруживаем совпадение: еда.

Синтагматические ассоциации на стимул «хлеб» были следующие: вкусный – 34; мягкий – 23; белый – 14; свежий – 10; черный – 9; кушать – 7; черствый, горячий – 4; теплый, съедобный – 3; полезный, красивый, серый, хорошо, насущный, ржаной, пышный, бородинский – 2; темный, кормить, круглый, жить на хлебах, доступный, добывать хлеб – 1.

Синтагматические связи отражают предметные отношения, поэтому для анализа синтагматического вида реакций целесообразно использовать «Словарь сочетаемости слов русского языка» как носитель общенациональной нормы [Жильцова, Васильева 2013]. В вышеназванном Словаре представлены следующие сочетания, отражающие синтагматическую связь: созревающие, озимые, яровые, обмолоченный, целинный, Орловский хлеб, столовый хлеб, бородинский хлеб, украинский хлеб, трудный хлеб, насущный, хороший, плохой, свежий, теплый, душистый, мягкий, черствый, вкусный, сырой, подгорелый, белый, черный, пшеничный, ржаной, кукурузный, ситный; выпекать, есть, привыкнуть к, заплатить за, намазать на, торговать, сыпать, обмолачивать, любоваться, затеряться в, зарабатывать, отбирать.

Обнаруживаем совпадения: бородинский, насущный, свежий, теплый, вкусный, мягкий, черствый, белый, черный, ржаной.

Таким образом, национальные слова, зафиксированные в словарях, в небольшом количестве отразились в языковом сознании испытуемых. Большинство слов-реакций не зафиксированы в данных словарях, что еще раз подтверждает наши предположения о развитии и формировании семантической структуры слова «хлеб».

Далее сравним набор ассоциаций ядерной зоны с реакциями в Электронном ассоциативном словаре Приенисейской Сибири (ЭАСПС) (2014), «Словаре ассоциативных норм русского языка» А.А.Леонтьева (САНРЯ) (1967 - 1973) и «Русского ассоциативного тезауруса» (РАТ) (1988 – 1997).

Ядерная зона реакций на стимул «хлеб» в сравнении

Реакции на стимул «хлеб» по ассоциативному эксперименту, % (2013)	% в ЭАСПС (2014)	% в САНРЯ (1973)	% в РАТ (1997)
Еда - 16	11	1,1	1,6
Вкусный - 7	Вкусно – 2	Вкусно – 2,52	3,6

Пшеница - 5	-	1,89	0,6
Мягкий - 4,5	-	1,26	3,8
Пшено - 3,3	-	-	-
Белый - 2,7	7	5,98	4,4
Мука - 2,5	5	0,31	-
Корочка - 2,5	-	Корка - 0,16	-
Суп - 2,5	-	-	-
Поле - 2,4	-	1,26	1,3
Всему голова - 2,4	5	-	2,9

Первые позиции в САНРЯ занимают реакции «белый» и «вкусно», в РАТ – «белый», «мягкий» и «вкусный», в названных реакциях реализовано основное лексическое значение слова «хлеб». По результатам нашего ассоциативного эксперимента самой частотной оказалась реакция «еда», в которой также реализовано основное лексическое значение слова, и эта же реакция оказалась самой частотной в ЭАСПС. Однако восприятие образа хлеба все-таки разное. «Хлеб белый, вкусный, мягкий» – говорится как о любимом, значимом продукте питания, чувствуется положительное отношение к представленному образу. И «хлеб – еда» – сказано, как о ежедневной пище; эмоционально-оценочная составляющая никак не выражена.

Разное отношение информантов к образу хлеба, на наш взгляд, можно объяснить, во-первых, участием в ассоциативном эксперименте большого числа учащихся 11-16 лет, в то время как, например, данные САНРЯ были получены в результате анкетирования студентов 17-25 лет [Черкасова 2008]. В одной из своих работ мы уже делали выводы о том, что подростки 11 – 16 лет дают нейтральную оценку данному образу и с хлебом связывают в основном представление о еде. Но чем больше был возраст испытуемых, тем положительнее было их отношение к хлебу. Концепт «хлеб» является наиболее значимым для людей старше 45 лет: в их языковом сознании закрепилось отношение к хлебу как к чему-то главенствующему, первостепенному, основополагающему. С хлебом связывают представление о жизни, матери, семье, Родине [Устьянцева 2013: 20].

Во-вторых, рассматривая отношение информантов к образу хлеба, следует учитывать, что ассоциативные опросы проводились с большими временными интервалами (1973 – 1997 – 2013 – 2014). Все дальше от современного человека уходят отголоски блокадного Ленинграда и голодного послевоенного времени, все меньше молодое поколение понимает, как много значили 125 г. хлеба, составляющие суточный паек ленинградца в 1942 г.

И наконец, в-третьих, возможно и особое, другое отношение к хлебу жителей Приенисейской Сибири.

Статистическая обработка результатов ассоциативного эксперимента позволяет выявить особенности восприятия информантами рассматриваемого образа. Наибольшее число реакций свидетельствует о восприятии хлеба как пищевого продукта, т.е. в полученных ассоциациях в большинстве случаев реализуется основное значение слова «хлеб». В связи с этим нам было интересно понаблюдать, какие свойства хлеба как пищевого продукта в первую очередь вызвали реакцию и какую оценку этим свойствам дают испытуемые. Рассматривая атрибутивные сочетания ядерной зоны ассоциативного поля «хлеб», мы видим, что наибольшую частотность

обнаруживает реакция вкусный (6,6%), дающая оценку вкусовым свойствам хлеба. На втором месте по частоте употребления находится реакция мягкий (4,5%), на третьем – белый (2,7%), характеризующие хлеб по состоянию и цвету соответственно, в то же время эти реакции дают косвенную оценку и вкусовым свойствам хлеба. Так, белый хлеб по вкусу отличается от черного, и мягкий хлеб вкуснее черствого.

В околядерной зоне ассоциативного поля «хлеб» наблюдаем следующие атрибутивные сочетания: свежий (1,9%), черствый, горячий (0,8%), теплый, съедобный (0,6%) – характеристика по вкусовым свойствам; черный (1,8%), серый (0,4%) – характеристика по цвету; полезный (0,4%) – характеристика по значимости; красивый, пышный (0,4%) – характеристика по внешнему виду. Как видим, наибольшее число реакций отражает вкусовые свойства хлеба. При этом в околядерной зоне наблюдается преобладание оценочных реакций, которые в основном имеют положительную коннотацию.

Периферийная зона ассоциативного поля «хлеб» представлена одной реакцией – темный (0,2%).

Таким образом, анализ реакций-ассоциаций, в которых нашло отражение основное значение слова «хлеб», показал, что для испытуемых в приоритете вкусовые свойства хлеба, которым была дана положительная оценка.

Полученное в результате эксперимента ассоциативное поле слова «хлеб» – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира, отражающего культурные стереотипы в сознании носителей языка.

Расхождения между психологической реальностью слова «хлеб» для носителей языка и представлением содержания данного слова в сводной словарной статье на основе сопоставления данных ассоциативного эксперимента со словарями ассоциативных норм XX и XXI вв. не выявлены. Даже факультативные значения слова «хлеб» нашли отражение в ассоциациях-реакциях информантов, войдя в околядерную и периферийную зоны ассоциативного поля «хлеб» (только по результатам нашего ассоциативного эксперимента; реакции на стимул «хлеб» в САНРЯ и РАТ в иерархической последовательности не рассматривались). Однако ассоциации, не соотносимые по смыслу со значениями слова «хлеб», зафиксированными в современных толковых словарях, позволяют говорить о развитии и формировании семантической структуры слова «хлеб», о возможном существовании других лексических значений.

Рассматривая ассоциативное поле «хлеб», мы обратили особое внимание на реакции, отражающие основное значение данного слова, и выяснили, что отношение людей к хлебу изменилось. Если данные САНРЯ и РАТ свидетельствуют о восприятии хлеба как ценного, значимого продукта питания, заслуживающего бережного отношения, то данные нашего эксперимента и ЭАСПС говорят о восприятии хлеба как обычного повседневного пищевого продукта, отличающегося вкусовыми качествами, которым испытуемые дают положительную оценку.

Литература

- Белянин В.П.* Психолингвистика: учебник. М.: Флинта, 2004. – 226 с.
Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. - 1536 с.

Большой толковый словарь русского языка: 60000 слов / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2008. - 1268 с.

Васильева С.П. Ассоциативное поле «дом» в русском языковом сознании жителей Приенисейской Сибири // Вестник КГПУ им. В.П.Астафьева. – Красноярск, 2014. - № 2 (28). – С. 107 – 111.

Васильева С.П., Ильина А.Г. Семантическое поле «религия» по данным ассоциативного эксперимента // Вестник КГПУ им. В.П.Астафьева. – Красноярск, 2013. - № 3. – С. 162 – 166.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково – словообразовательный. В 2 т. М.: Рус. яз. Т.2: П – Я, 2000. - 1088 с.

Жильцова Т.П., Васильева С.П. Изучение языкового сознания методом ассоциативного эксперимента: этика // Вестник КГПУ им. В.П.Астафьева. – Красноярск, 2013. - № 3. – С. 157 – 161.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 240е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2010. - 640 с.

Русский ассоциативный тезаурус. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 28.04.15).

Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А.Леонтьева. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения: 28.04.15).

Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4/ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988. - 800 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопросы психолингвистики. – 2012. - № 16. – С. 174 – 183.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. – Воронеж, 2011. – 192 с.

Устьянцева Е.В. Экспериментальные методики исследования концептов // Изучение языкового сознания жителей Приенисейской Сибири: материалы круглого стола. - Красноярск, 2013. – С.18 – 21.

Черкасова Г.А. Русский ассоциативный сопоставительный словарь. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm> (дата обращения: 28.04.15).

Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири (ЭАСПС). URL: <http://react.ftn24.ru/statistic> (дата обращения: 28.04.15).

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

И.Е. Черепанов

УДК 81'23

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УСВОЕНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА ОМОНИМИЧНЫХ ЛЕКСЕМ В СИТУАЦИИ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА

Настоящая статья посвящена проблемам усвоения значений английских слов-омонимов в условиях учебного билингвизма. На материале проведенного эксперимента устанавливаются особенности запоминания и актуализации омонима в случае его автономного предъявления. Рассматриваются различные стратегии включения омонима в контекст, а также анализируются типичные ошибки, допущенные русскоязычными испытуемыми в ходе эксперимента.

Ключевые слова: детский билингвизм, учебный билингвизм, омонимия, эксперимент, контекст, английский язык.

Igor Y. Cherepanov

SOME ASPECTS OF ACQUISITION AND REPRODUCTION OF HOMONYMS IN RUSSIAN-ENGLISH ARTIFICIAL BILINGUALISM

The article is devoted to the issues of learning the meanings of some English homonyms in the environment of Russian-English artificial bilingualism. On the basis of a conducted experiment, peculiarities of memorization and actualization of the homonyms, shown independently, are set. Various strategies of putting a homonym in a context are considered. Common mistakes made by the Russian-speaking participants of the experiment are analyzed.

Keywords: early bilingualism, artificial bilingualism, homonymy, experiment, context, English.

Исследование языкового сознания билингвальной личности является одним из актуальных направлений современной отечественной психолингвистики. Однако единства в трактовке термина билингвизм не существует. «В самом общем виде билингвизм понимается как способность отдельного индивида (или отдельной социальной группы) использовать в коммуникации две и более языковые системы, переключаясь с одной на другую в зависимости от условий общения» [ЛЭС 2002: 303]. Понятие билингвизма может варьироваться от узкого до широкого, т.е. под билингвизмом может пониматься «одинаково свободное владение двумя языками» [Аврорин 1972: 51] или, напротив, любой акт переключения с одного языка на другой при успешном достижении коммуникативной цели [Розенцвейг 1972; Филин 1972; Метлюк 1986]. В современных работах определение данного понятия не претерпевает каких-либо значимых изменений, они во многом опираются на критерии, выделяемые более ранними исследователями в качестве значимых.

По критерию среды усвоения языка выделяются два типа билингвизма: естественный и учебный. Первый также определяется как сбалансированный билингвизм, что предполагает одинаковое владение двумя языками. Второй тип, как правило, несбалансированный, поскольку овладение языками происходит в разных условиях. «Естественный билингв овладевает языком непосредственно в комму-

никации, причем, как правило, в непринужденном диалоге и полилоге» [Башкова, Овчинникова 2013: 54], а искусственный билингвизм предполагает изучение языка в одноязычной среде. Также два данных типа билингвизма имеют следующие отличия: а) по характеру превалирующих процессов, стратегий и опор, используемых формирующимся билингвом при овладении и пользовании вторым языком; б) по характеру продуктов, получаемых в результате таких процессов в тех или иных условиях овладения вторым языком. Помимо критериев учебного/естественного билингвизма, указанных выше, существует ряд других факторов, которые не могут быть не отмечены нами. Это, например, методы обучения, цели обучения, социальные условия, характер мотивации индивида в процессе обучения и т.д. [Залевская 2009: 10-14]

В условиях школьного образования мы имеем дело, как правило, с детским искусственным билингвизмом. Термин «детский билингвизм» достаточно узок. Так, Г.Н. Чиршева предлагает следующее определение: «это овладение ребенком двумя языками в такой степени, которая обеспечивает успешность коммуникации в соответствии с его возрастными особенностями, в устной и/или письменной форме» [Чиршева 2013: 46].

В процессе овладения иностранным языком билингв оперирует иноязычными языковыми единицами. Знания, стоящие за каждой языковой единицей, формируются не так, как при овладении родным языком. Это определяются как самим фактом искусственного билингвизма, учебными задачами, так и самой спецификой иностранного языка, как например, несовпадением критериев, по которым организуются языковые единицы в родном и иностранном языках (лексическая и грамматическая системы). Одной из особо сложных для овладения микросистем является омонимия. Данный тип слов встречается в языке довольно часто, однако в рамках исследования детского билингвизма проблема омонимии остается малоизученной.

Вопросами омонимии занимались такие ученые, как В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, О.С. Ахманова, М.Г. Арсеньева, О.Е. Вороничев, С.В. Красникова, В.В. Лаврентьева, И.С. Логачева, Л.М. Пазова и др., однако единства мнений у ученых на проблемы омонимии, такие как способы классификации и отграничения омонимии от других языковых явлений, не существует. Следует отметить, что проблемам усвоения иноязычных омонимов уделялось не так много внимания [Backscheider, Gelman 1995; Doherty 2004; Lord 1966; Parent 2012; Peters 1980].

Особенностью английского языка как иностранного по сравнению с русским является наличие близких к омонимии явлений: специфическая полисемия (square ‘квадрат, площадь’) и явление транспозиции (air ‘воздух, проветривать’). В английском языке Е.С. Кубрякова выделяет два вида транспозиции – семантическую и морфологическую (конверсию) [Кубрякова 1974: 75].

Носитель русского языка, изучающий английский язык, должен не только привыкнуть к этим особенностям, но и научиться правильно оперировать единицами данных микросистем, например, использовать слово в неизменной форме в роли существительного или глагола. Часто единственным условием для верной идентификации такой единицы является контекст.

Существует различное понимание самого феномена омонимии. Классическое определение омонимии дано в работе Р.А. Будагова: «Омонимами называются слова, отличающиеся по значению, но одинаковые по звучанию и написанию» [Бу-

дагов 1965: 46]. Более конкретно определяет омонимы В.В. Виноградов: «Термин омонимия следует применять к разным словам, к различным лексическим единицам, совпадающим по языковой структуре во всех формах» [Виноградов 1975: 297]. ЛЭС дает следующее определение омонимии: «звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом» [ЛЭС 2002: 344]. Современное понимание омонимии не претерпело значительных изменений. Так, Е.М. Ручимская понимает омонимию как «совпадение плана выражения при несовпадении плана содержания» [Ручимская 2014: 53]. По нашему мнению, омонимией может считаться звуковое или графическое совпадение языковых единиц (имеют одинаковый план выражения), которые не имеют никаких общих семантических признаков (разный план содержания), т.е. значения которых никак не связаны друг с другом.

Изучение иноязычной лексики предполагает работу со словарем. Однако даже такие авторитетные словари английского языка, как [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners 2007; Longman Exams Dictionary 2006; Oxford Advanced Learner's Dictionary 2000] не разграничивают омонимичные и полисемичные лексемы, тогда как в словарях русского языка они четко разграничиваются. Например:

Fair 1. If a situation is fair, everyone is treated equally and in a reasonable way ... 5. Fair hair is blonde or very light brown in colour [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners 2007: 528];

Fair 1. Reasonable and acceptable 2. Treating everyone equally 3... 4. Hair/Skin someone who is fair, or who has fair hair or skin, has hair or skin that very bright in colour [Longman Exams Dictionary 2006: 532-533];

Fair 1. Acceptable / Appropriate 2. Treating people equally ... 5. Hair/skin pale in colour [Oxford Advanced Learner's Dictionary 2000: 451-452].

При изучении русского языка учащихся целенаправленно знакомят с феноменом омонимии, формируют представление об омонимах и о том, как работать с ними, однако при изучении английского языка таких задач не ставится. Обычно сообщается, что у слова есть второе значение, совершенно отличающиеся от первого, с которым учащиеся уже знакомы. Термин «омоним» не употребляется, так как он неважен для выполнения конкретной учебной задачи и нет необходимости давать теоретические знания об отличии омонимии от полисемии. Причина объективна: в школьной программе русский язык изучается как объект анализа, а целью изучения английского языка является умение использовать его в различных коммуникативных ситуациях.

В процессе обучения слова (в том числе и омонимы) часто даются в составе более крупных единиц – фраз, вследствие того что перед обучающимся ставится задача – реализовать коммуникативное намерение, поэтому нет необходимости давать слово изолированно. Предъявление слова в контексте: помогает обучающемуся понять, как употреблять данное слово. Современные словари также начали использовать типовые микроконтексты для наглядности употребления того или иного слова. Недостаток заучивания иностранного слова во фразе в том, что в конкретном контексте слово реализует только одно из своих значений, что не дает полного представления о его семантических потенциях. Чтобы устранить этот недостаток, обучающимся предлагают придумать 2-3 своих примера с использованием нового

слова. С другой стороны, известно, что слово в контексте запоминается лучше, чем слово, предъявленное автономно: впоследствии при предъявлении элемента структуры фразы-клише происходит как достраивание этой фразы, так и употребление необходимого слова (омонима) в ее составе.

При автономном предъявлении слова-омонима учащийся оказывается в ситуации выбора: он может «опознать» записанное слово как омоним-1 или омоним-2 и включить его в соответствующий контекст. Включение в контекст предполагает активизацию знаний, связанных с этим словом. Насколько они адекватны, проверяет наш эксперимент. Помимо выявления (не)корректности употребления омонима для создаваемого контекста (включение предъявленного слова в адекватный контекст), в ходе эксперимента мы анализируем: 1) какой омоним выбирается (значение, частеречная принадлежность (для конверсивов)); 2) в случае адекватности: какой контекст оказывается адекватным для экспликации значения омонима; 3) в случае неадекватности: какие виды ошибок возникают при употреблении омонимов: а) незнание слова (неупотребление), б) употребление слова, близкого по графическому облику, в) употребление слова, близкого по семантике (смещение элементов разных лексико-семантических полей), г) неверное употребление грамматической формы (парадигматическая ошибка).

В одной из общеобразовательных московских школ с углубленным изучением английского языка был произведен эксперимент – включение омонимов в контекст при их автономном предъявлении. Говоря о выборе типа эксперимента, следует отметить, что включение в контекст позволяет выделить типовые (для данной группы респондентов) контексты, в которых реализуется актуальное значение слова-омонима, и уточнить его грамматические характеристики. Особое внимание уделялось выборке омонимов для эксперимента. Вначале нами были выбраны слова-омонимы, с которыми опрошенные были знакомы; как дополнительный способ верификации использовался метод экспертной оценки, где эксперты отмечали спорные случаи омонимии. В роли экспертов выступили учителя английского языка московских общеобразовательных школ с углубленным изучением английского языка со стажем от 15 лет, преподаватели московских вузов, а также ученые-лингвисты, свободно владеющие английским языком.

Эксперимент проходил на уроке английского языка в кабинете, где обычно проходят занятия, чтобы создать спокойную и привычную для испытуемых обстановку. Испытуемым было предложено за тридцать секунд придумать и написать предложение со словом-стимулом, которое можно было употреблять в любой грамматической форме. Цель эксперимента – выявление способа актуализации знаний, связанных со словом-омонимом и выражаемых через самостоятельно создаваемый контекст для данного слова. Участниками эксперимента были 25 мальчиков и девочек 15-16 лет, носителей русского языка.

Значения некоторых слов омонимов, представленных в эксперименте, были хорошо знакомы респондентам в результате обучения. Например: *CLOSE* ‘закрывать’, ‘близкий’; *MAY* ‘мочь/уметь’, ‘май’; *SIGN* ‘подписывать’, ‘знак’; *SHOW* ‘показывать’, ‘шоу’; *RING* ‘звонить’, ‘кольцо’. Примерно равное число респондентов выбрали разные значения: например, слово *MAY* употребили 54% респондентов в значении «мочь/уметь», а 46% – в значении ‘месяц’). Однако в большинстве случаев одно из значений доминировало, или омоним вызывал трудности у респонден-

тов. Эксперимент выявил, что у *WAVE* доминирует одно значение (75% употребили его в значении 'волна', и только 5% с 'махать'), стимул *BACK* был понятен респондентам, однако одно значение превалировало над другим – 71% респондентов перевели слово как 'назад', и только 17% как 'спина'. Некоторые омонимы вызвали трудности у респондентов: они путали значения, подменяли слова, подменяли форму слов или употребляли неадекватное слово, а также в некоторых случаях омоним был незнаком. Для наглядности представим некоторые из них: омограф *TEAR* детьми усвоен частично (29% вставили слово-стимул в контекст со значением 'слез', 4% как 'рвать', 45% отказов), *FAIR* вызвал множество различных реакций: 29% определили это слово как 'честный', 4% как 'светлый', 21% подменили слово, 4% подменили форму слова, 17% представили неадекватное слово и для 25% слово-стимул было непонятно.

Отметим еще несколько типичных ошибок, допущенных испытуемыми в ходе эксперимента. Слово *FAIR* было неадекватно употреблено в 21% случаев. Чаще всего наблюдалось смешение *fair* и *fare* (оба омофоны), так, респонденты писали следующее (орфография и пунктуация сохранены): «What's the fair in the bus» или «The fair was very high», некоторые перепутали *fair* и *fairy*, поскольку слова похожи по звучанию. Их контекст был следующим: «Mum told her son a fairy tale». Также респонденты употребляли словосочетание «love affair» 'любовная связь': «I heard they have a love affair». Некоторые опрошенные «догадывались» об одном из значений слова-стимула, но представляли его в неадекватном контексте: «Tell me the fair» – из контекста ясно, что опрошенный знает фразу-клише «Tell me the truth» 'Скажи мне правду', и значение слова *fair* 'честный' мыслится им как семантически сходное со словом «правда». Некоторые респонденты употребляли слово в неадекватном контексте из-за незнания особенностей перевода слова. «She has a fair room» – респондент знал значение «светлый», однако забыл, что *fair* в значении «светлый» употребляется только как название цвета волос, а, например, со словом «комната» следует употребить слово «light».

Слово *KIND* не вызвало затруднений у опрошенных, но один раз его значение было подменено на *king* 'король' вследствие схожести написания слов: «He was the kind of the world».

Слово *SIGN* респондентами было включено в адекватный контекст, однако в некоторых случаях была зафиксирована подмена словоформы. «Put your sign here», «Her sign was on the paper» – в обоих контекстах автор подразумевает слово *signature* 'подпись', однако использует другое однокоренное слово.

Одни учащиеся увлечены компьютерными играми, поэтому их контексты существенно отличались от контекстов, создаваемых другими испытуемыми. Так, слово *BACK* фигурирует в предложении «He was backstabbed by Rikimaru», что означает «Рикимару (персонаж популярной компьютерной игры) ударил его ножом в спину». Другие респонденты, любящие рэп-музыку, написали «Guess, who's back», что является первой строчкой из знаменитой песни американского рэп-исполнителя Eminem'a.

Некоторые реакции оказались именами собственными. Так, слово *TYPE* 17% респондентов определили как 'печатать', 75% как 'тип' и 8% дали реакцию, которая является именем собственным. Как было сказано ранее, в примерах, которые дают испытуемые, отражаются их личные интересы и увлечения. «He bought the Tank

”Type 59” yesterday» ‘Он вчера купил танк «Тип 59»’ – написал человек, любящий играть в компьютерные игры. Респондент, увлеченный машинами, написал: «Jaguar Type X is very popular and rather expensive car» ‘Ягуар Типа X – очень популярная и довольно дорогая машина’.

Слово *RING* было несложным для опрошенных, однако 4% спутали его со словом *rink* ‘каток’, вследствие того что они являются паронимами: «We are going to skate in the ring» ‘Мы собираемся покататься на катке’.

В некоторых случаях участники эксперимента знали значение слова-стимула, но грамматически неверно использовали его: «the doog was close», вместо «closed».

Опрошенные показали, что знают слово *TEAR* ‘слеза’, но некоторые допустили ошибку, полагая, что оно также означает «плакать» – «She teared yesterday», вместо «she cried yesterday». Мы считаем, что данная ошибка была вызвана тем, в английском языке форма многих слов не изменяется в зависимости от частей речи, т.е. форма слова может быть одинакова для существительных, глаголов и прилагательных.

В некоторых случаях предложенные испытуемым слова являлись частичными омонимами. Так, слово «leave» ‘уезжать, оставлять, отгул/отпуск’ в третьем лице единственного числа совпадает со словом «leaves» ‘листья’. Некоторые респонденты писали: «In summer leaves are green». Несколько опрошенных забыли, что «leave» является неправильным глаголом, что привело к ошибке: «They leaved 2 hours ago» (вместо «left»). Были отмечены случаи подмены значения слова «leave» на «live» ‘жить’, вследствие того что они являются паронимами: «Her mother leaves in Moscow», «People should leave a breath-taking life, because we leave only once».

Иногда ошибки возникают из-за внешнего сходства слов. Например, *CLEAR* ‘ясный, чистый’ 35% опрошенных перепутали со словом «clean» ‘чистить’: «We cleared our house», «Clear your goom» и т.д. Был зафиксирован один случай подмены слова «clearance» ‘расстояние между днищем машины и землей’ словом «clearness» ‘четкость, ясность’: «My car have a very low clearness».

Слово *LIE* ‘врать, лежать’ вызвало затруднения у 15% участников эксперимента. Некоторые использовали грамматическую форму правильного глагола «lie» ‘лгать’ в контекстах, где следовало использовать неправильный глагол «lie» (lie-lay-lain) – ‘лежать’, например, «She lied in her bed». Другие испытуемые пытались изменить форму слова, но делали это неправильно, например, писали «You are a lier» вместо liar ‘лжец’. Такую же ошибку допустили при слове-стимуле *WAVE*, 5% опрошенных написали данное слово вместо слова «wavy» ‘волнистый’: «She has got a wave hair».

Как показал эксперимент, слова запоминаются лучше в контексте: омонимы, выученные в составе фраз-клише, провоцировали наименьшее количество ошибок. В случае выбора между омонимом-1 и омонимом-2 чаще всего предпочтение отдавалось омониму, который является более употребимым. Много ошибок было допущено при словообразовании, например, использовался неверный аффикс или слова были образованы по несуществующим моделям. Частотные ошибки зафиксированы при употреблении омографов вследствие схожести их графического облика, и при употреблении омофонов из-за их схожести звучания. Наконец, эксперимент показал, что при изучении новых омонимов и незнакомых слов весьма значим круг интересов обучающихся.

Литература

- Аврорин В.А.* Двухязычие и школа // Проблемы двухязычия и многоязычия. – М., 1972. – С. 49-62.
- Башикова И.С., Овчинникова И.Г.* Нейропсихологическая характеристика билингвизма // Вопросы психолингвистики. – М., 2013. – № 17. – С.52-69.
- Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. – М., 1965. – 492 с.
- Виноградов В.В.* Об омонимии и смежных явлениях // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – 560 с.
- Вороничев О.Е.* К вопросу об омонимии и смежных явлениях // Рус. яз. в шк. – М., 1999. – № 4. – С. 71-77.
- Залевская А.А.* Вопросы психолингвистической теории двухязычия // Вопросы психолингвистики. – М., 2009. – № 10. – С.10-17.
- Красникова С.В.; Лаврентьева, В.В.* К вопросу о типах омонимии // Некоторые проблемы германской филологии. – Пятигорск, 2000. – С. 174-179
- Кубрякова Е. С.* Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. – М., 1974. – № 5. – С. 64-76.
- Логачева И.С.* Классификация слов-омонимов в английском языке // Науч. жизнь. – М., 2008. – № 6. – С. 78-82
- ЛЭС (Лингвистический энциклопедический словарь)* – М., 2002. – С. 303, 344.
- Пазова Л.М.* К вопросу о полных и неполных омонимах // Вестн. Майкоп. гос. техн. ун-та. – Майкоп, 2010. – Вып. 1. – С. 99-103
- Ручимская Е.М.* Синонимия и омонимия в языке и речи // Русская речь. – М., 2014. – № 5. – С. 52-56.
- Чиршева Г.Н.* Моноэтнический детский билингвизм // Филологический класс. Череповец, 2013. – С. 46-49.
- Backscheider A. A., Gelman S. A.* Children's understanding of homonyms. // Journal of Child Language, – 1995. Vol. 22. – P. 107-127.
- Doherty M.J.* Children's difficulty in learning homonyms // J Child Lang, – 2004. Vol. 31. – P. 203-214.
- Longman Exams Dictionary: Pearson Education Limited, – 2006.
- Lord R.* Complex homonymy in English lexical and semantic structure // Studia Linguistica, – 1966. Vol. 20, Issue 1. – P. 35–56.
- Macmillan English Dictionary for advanced learners: Macmillan Publishers Limited, – 2007.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary: Oxford University Press, – 2000.
- Parent K.* The most frequent English homonyms // RELC Journal: A Journal of Language Teaching and Research, – 2012. Vol. 43. – P. 69-81.
- Peters A. M.* The acquisition of homonymy // Cognition, – 1980. Vol. 8, Issue 2. – P. 187–207.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА РАЗРЕШЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДИКИ РЕГИСТРАЦИИ ДВИЖЕНИЯ ГЛАЗ

Исследования процесса разрешения синтаксической неоднозначности играют большую роль в области изучения синтаксического анализа при восприятии речи в целом. Мы рассматриваем неоднозначную конструкцию с присоединением адьюнкта (в нашем случае причастного оборота) к сложной именной группе и изучаем процесс ее обработки в реальном времени с использованием методики регистрации движения глаз. Выявлено, что ранние эффекты отражают предпочтение локального согласования в соответствии с принципом позднего закрытия, в то время как поздние эффекты отражают процессы дискурсивной интеграции и подтверждают предпочтительное присоединение адьюнкта к более дискурсивно выделенному имени. Данные движений глаз подтверждаются данными об интерпретации предложений испытуемыми.

Ключевые слова: синтаксический анализ, разрешение синтаксической неоднозначности, регистрация движения глаз, причастный оборот при сложной именной группе, согласование

Daria A. Chernova

EYE-TRACKING STUDY OF ATTACHMENT AMBIGUITY RESOLUTION IN RUSSIAN

Structural ambiguity resolution is a widely discussed problem in sentence processing studies. We consider the case of ambiguous adjunct attachment to a complex NP in Russian using eye-tracking technique. Early effects (first-pass time) show that high attachment requires more time to process than low or ambiguous attachment (as Late Closure principle predicts). However, late effects (dwell time and regressions into the target region and out of it) show that adjunct attachment to a more discourse prominent NP (i.e. head of the complex NP) is more preferable. Regressions to competing NPs also show that NP1 is reread more often. Online eye-movements data correspond to offline data - answers to questions forcing to choose between two possible interpretations of the sentence which also show strong high attachment bias.

Keywords: parsing, syntactic ambiguity resolution, eye-tracking, participial construction and complex noun phrase, agreement

1. Введение

Неоднозначностью называется наличие у языкового выражения нескольких различных смыслов одновременно. В зависимости от типа языкового выражения неоднозначность может быть как лексической, то есть связанной с интерпретацией одного слова (*переизбрать Петрова*: «избрать Петрова на другой срок» и «избрать другого человека на пост Петрова»), так и синтаксической, то есть связанной с интерпретацией отношений между словами (*flying planes can be dangerous*: «летающие самолеты могут быть опасны» и «летать на самолетах может быть опасно»; *мужу*

изменять нельзя: «муж не должен изменять» и «нельзя совершать измену по отношению к мужу») [Зализняк 2004].

Намеренная неоднозначность может быть использована для создания игры слов в различного рода каламбурах, однако в обычной речи говорящий имеет в виду одно из значений, не замечая, что данное слово или синтаксическая конструкция может иметь и другие значения, в то время как для слушающего выбор нужного из значений может представлять сложность: «Говорящий или пишущий ... использует языковые средства ... (слова, формы, синтаксические конструкции) с одним определенным значением, хотя иногда они имеют ряд других значений; эти неиспользуемые значения не привлекают его внимания и нередко совершенно им не замечаются. В другом положении находится слушатель или читатель — он воспринимает и раскрывает излагаемое говорящим на основе получаемого речевого материала, и в отдельных случаях этот материал может толкнуть его на иное понимание, чем то, которое имел в виду говорящий или пишущий» [Гвоздев 1961: 241].

Именно процесс анализа «получаемого речевого материала» и находится в фокусе внимания настоящего исследования. Данные о том, как человек обрабатывает и интерпретирует неоднозначные предложения при их восприятии в режиме реального времени могут внести вклад в построение психолингвистической модели понимания высказывания [Fodor 1998], [Frazier & Fodor 1978], [Секерина 2002], [Драгой 2006], [Юдина 2010].

2. Материал

В ряду различных синтаксически неоднозначных конструкций – а неоднозначность может быть вызвана и возможностью отнесения зависимого компонента к нескольким главным (*Требовали заместителя директора, уехавшего командировку*), и возможностью различной разметки синтаксических связей (*Преследование тигра закончилось неудачей*), и возможностью разного объединения слов в составляющие (*новые книги и тетради*) [Гладкий 1985] – особое место занимает конструкция, где к сложной именной группе из двух существительных присоединяется адьюнкт: придаточное предложение (*Я встретил служанку графини, которая жила в доме неподалеку*), причастный оборот (*Я встретился со служанкой графини, жившей в доме неподалеку*) или предложная группа (*Я встретил служанку графини со вздорным характером*), и неочевидно, к какому из двух существительных этот адьюнкт относится.

Конструкция с относительным придаточным предложением при сложной именной группе встречается в самых разных языках мира, и поэтому представляет особый интерес для изучения в контексте межъязыковых сопоставлений с выявлением возможных универсальных правил и специфичных для конкретного языка параметров интерпретации неоднозначной структуры ([Paradoroulou 2006], [Grillo&Costa 2013] и др.). В ряде языков зависимый компонент чаще интерпретируется как относящийся к первому существительному (так называемое раннее закрытие, далее РЗ), а в ряде языков – ко второму (так называемое позднее закрытие, далее ПЗ). Вопрос о причинах такой вариативности остается открытым.

Помимо конструкций с относительным придаточным предложением, интерес представляют и конструкции с адьюнктами других типов в силу их грамматического своеобразия. Так, особенности словоизменения русских причастий, а именно их согласование по роду, числу и падежу с определяемым словом, позволяют сопоставить процессы обработки неоднозначных предложений (*Я упомянул о служанке*

графини, периодически бывавшей в доме напротив) и предложений с морфологически разрешенной неоднозначностью (*Я упомянул служанку графини, периодически бывавшую/бывавшей в доме напротив*).

Таким образом, на материале русского языка, отличающегося развитым словоизменением, могут быть получены новые экспериментальные данные о том, как идет синтаксический анализ, в том числе синтаксический анализ неоднозначных предложений при понимании речи.

3. Методика

Традиционно лингвистика занимается языковой системой (competence), но реализация языковой системы происходит в процессе речевой деятельности, которая и является предметом психолингвистики: «психолингвистикой...мы будем называть междисциплинарную когнитивную науку, изучающую процессы порождения и понимания речи в их функционировании, становлении и распаде» [Федорова 2014: 33]. Особую роль в психолингвистических исследованиях играет исследование построения грамматической структуры предложения при восприятии: «Говорение и понимание основаны на одной и той же базе данных... но им необходимы процедуры, которые бы четко, шаг за шагом обозначали, что необходимо делать сознанию, когда становятся слышимыми слова или когда сам собираешься начать говорить...ментальная программа, анализирующая структуру предложения во время восприятия речи, называется синтаксическим анализатором (parser)» [Пинкер 2009: 187]. Механизмы работы этого синтаксического анализатора представляют интерес прежде всего для лингвистики, но также и для когнитивной науки в целом, так как они связаны с более общими процессами обработки информации человеческим мозгом [Черниговская 2010].

Для изучения этих процессов используются методики, позволяющие рассмотреть, как происходит обработка языковой информации в реальном времени – так называемые непосредственные (online) методики [Секерина 2002]. Одним из наиболее эффективных на сегодняшний день является метод регистрации движения глаз при чтении.

Метод регистрации движений глаз позволяет с высокой точностью зафиксировать место и длительность фиксации взгляда, когда происходит обработка зрительной информации, и траекторию взгляда – саккадические движения [Величковский 2006].

Как отмечает О.В. Федорова, метод регистрации движения глаз крайне перспективен в том смысле, что он удовлетворяет требованиям как экологической валидности эксперимента (относительная естественность условий, в которых проходит эксперимент, и действий, которые предложено выполнять испытуемому), так и внутренней валидности эксперимента (четкая постановка задачи, устранение неконтролируемых экспериментатором факторов, неучтенных переменных). Экологическая валидность необходима для того, чтобы иметь возможность экстраполировать полученные в лаборатории экспериментальные результаты на реальное поведение человека в процессе речевой деятельности, а внутренняя валидность – для уверенности в надежности самих результатов [Федорова 2008]. При чтении с регистрацией движений глаз испытуемые совершают привычные действия в естественных условиях (читают предложения или текст на экране монитора), однако исследователь имеет возможность полностью контролировать переменные в стимульном материале, а значит, получать валидные данные.

Метод регистрации движения глаз в экспериментальном изучении восприятия письменной речи позволяет обнаружить, локализовать и измерить временные задержки, соответствующие затруднениям при обработке того или иного фрагмента на лексическом, синтаксическом или дискурсивном уровне, путем сравнения длительности фиксации взгляда на том или ином слове или группе слов в экспериментальном и контрольном условиях [Staub & Rayner 2007: 327].

Существует несколько групп релевантных измерений. Основными понятиями являются место, время, вероятность события (фиксации или регрессии). Интересующее исследователя слово или словосочетание называется «ключевым фрагментом» (target region), и имеется возможность не только измерить длительность его обработки (такую возможность дает и методика чтения с саморегулировкой скорости), но и получить данные о регрессиях – возвратных движений глаз по тексту (при принятой записи текста слева направо – движение глаз по тексту справа налево).

Выделяют три типа регрессий: возврат в начало фразы для ее перечитывания (forward reanalyses), постепенный возврат справа налево (backward reanalyses) и «адресный» возврат именно к тому фрагменту, который вызвал затруднение (selective reanalyses). Как показано еще в [Frazier & Rayner 1982], затруднения при синтаксическом анализе во время чтения необязательно сопровождаются регрессиями, но если регрессии имеются, то выборочные (selective), то есть происходит не полное перечитывание текста, а возврат конкретно к тому фрагменту, который предстоит переосмыслить, которому следует приписать иную синтаксическую роль и т.д.

Итак, метод регистрации движения глаз позволяет как с максимальной точностью, так и с максимальной экологичностью исследовать процесс синтаксического анализа в реальном времени.

Представляется целесообразным использовать этот метод для изучения процесса обработки синтаксически неоднозначных предложений. Как показано в [Анисимов, Федорова, Латанов 2010] на материале конструкций с относительным придаточным предложением («Юноша тихо попрощался с дочерью хозяйки, которая зашла в гости»), неоднозначные предложения читаются дольше, чем однозначные, и их чтение сопровождается большим количеством регрессий. В нашем исследовании предпринята попытка более детального анализа характеристик движения глаз при чтении предложений со снятой и неснятой неоднозначностью с целью выявить основные этапы обработки таких предложений.

4. Эксперимент

С целью описания процесса обработки неоднозначной конструкции с адьюнктом в русском языке, нами был проведен эксперимент с использованием методики регистрации движения глаз.

4.1. Стимульный материал

В качестве стимульного материала выступали предложения с причастным оборотом при сложной именной группе. При их составлении контролировались такие факторы, как род, число и одушевленность существительных в сложной именной группе, а также длина причастного оборота и степень вероятности каждой из потенциальных интерпретаций.

Среди 24 стимульных предложений в 12 использовались существительные мужского рода (пример 1,2), и в 12 – женского рода (примеры 3,4), использовались существительные как форме единственного (примеры 1,3), так и в форме множе-

ственного (примеры 2,4) числа, при этом оба существительных в сложной именной группе всегда совпадали по числу и роду.

Одним из важных факторов, влияющих на интерпретацию рассматриваемой конструкции, является одушевленность входящих в конструкцию имен [Чернова 2014]. Было составлено по восемь предложений в каждой из четырех возможных комбинаций: сочетание двух одушевленных имен (пример 1), одушевленного имени с неодушевленным (пример 2), неодушевленного с одушевленным (пример 3) и двух неодушевленных (пример 4).

(1) *Дорогая машина предназначалась для племянника директора, несправедливо получившего свою должность.*

(2) *На конкурс выдвинули сотрудников институтов, недавно получивших значительный грант.*

(3) *Критики восхищались картиной художницы, часто выставлявшейся в местных галереях.*

(4) *Эксперт разбирался в фотографиях находок, много лет хранившихся в городском музее.*

Длина причастных оборотов контролировалась и во всех стимульных предложениях составляла 12-13 слогов.

Для того чтобы описать процесс обработки действительно неоднозначных конструкций, необходимо проверить, что вероятность каждой из интерпретаций примерно одинакова. С этой целью был проведен вспомогательный эксперимент, в котором использовалась методика шкалирования. В нем приняло участие 32 носителя русского языка в возрасте от 20 до 35 лет, не принимавших участия в основном эксперименте.

Испытуемым предлагалось оценить по четырехбалльной шкале Ликерта («0 – очень плохо, никуда не годится; 1 – неестественно, скорее плохо; 2 – естественно, скорее хорошо; 3 – совершенно естественно, абсолютно приемлемо») естественность предложений типа (5) и (6), отражающих две интерпретации примера типа (4), РЗ и ПЗ соответственно:

(5) *В музее хранились фотографии.*

(6) *В музее хранились находки.*

Первой группе испытуемых предъявлялись предложения типа (5) для первой половины стимульных предложений и предложения типа (6) – для второй половины, а второй группе испытуемых – наоборот. Таким образом, каждую из интерпретаций оценили 16 человек. Существенных различий в вероятности каждой из интерпретаций не было обнаружено ни для одной пары.

Для каждого предложения было создано три варианта: неоднозначное (пример 7а), условие РЗ (пример 7б) и условие ПЗ (пример 7в). Неоднозначность снималась морфологическими средствами без изменения лексического состава самой изучаемой конструкции и с минимальными изменениями в других частях предложения: в неоднозначном условии первое существительное в сложной именной группе стояло в падеже, формы причастия которого омонимичны форме причастия родительного падежа, в остальных условиях первое существительное стояло в падеже, формы причастия которого не совпадают с формой родительного падежа.

(7а) *Эксперт разбирался в **фотографиях находок**, много лет хранившихся в городском музее.*

(7б) Эксперт изучал **фотографии находок, много лет хранившиеся** в городском музее.

(7в) Эксперт изучал **фотографии находок, много лет хранившихся** в городском музее.

Было составлено три экспериментальных листа, в каждый из которых было включено одинаковое количество предложений на каждое условие, и никакое из предложений не встречалось более чем в одном условии.

4.2. Испытуемые

В эксперименте на добровольной основе приняли участие 36 носителей русского языка от 20 до 30 лет, с высшим или неоконченным высшим образованием, не участвовавшие в предварительном эксперименте и не знавшие цели эксперимента.

4.3. Процедура

Перед началом эксперимента производилась калибровка прибора. Далее испытуемым предъявлялась инструкция: «Читайте (про себя) предложения, появляющиеся на экране. После прочтения нажмите центральную кнопку на пульте. Текст исчезнет, а на экране появится начало предложения. Пожалуйста, устно закончите его, опираясь на прочитанное».

На экране появлялось предложение типа (7а), (7б) или (7в) без ограничения времени предъявления; испытуемый читал это предложение, а после должен был устно закончить предложение типа (8):

(8) *В музее хранились...*

Помимо 24 экспериментальных предложений, в стимульный материал вошли 50 филлеров типа (9), после каждого из филлеров следовало такое же задание (10) продолжить фразу на основе предыдущей прочитанной:

(9) *Капитан приказал матросу надраить палубу корабля, поскольку ждали приезда адмирала.*

(10) *Приехать должен был...*

Вариантов ответа испытуемому не предлагалось, чтобы не акцентировать его внимание на потенциальной неоднозначности.

Устный ответ испытуемого фиксировался экспериментатором.

В половине протоколов порядок следования стимулов был изменен на обратный, чтобы исключить эффект усталости испытуемых при чтении стимулов в конце экспериментальной сессии.

Длительность эксперимента составляла около 15-20 минут.

4.4. Аппаратура

В ходе эксперимента использовался аппарат для регистрации движения глаз EyeLink 1000 (частота регистрации 500 Гц). Запись шла в монокулярном режиме со свободным положением головы.

4.5. Обработка результатов

В стимульных предложениях выделялись следующие «зоны интереса»: первое и второе существительное в сложной именной группе, второе существительное, причастие, последующее слово. Нас интересовали такие параметры, как время первого прохода (сумма всех фиксаций на сегменте до перехода в другой сегмент), общее время чтения (сумма всех фиксаций на сегменте), количество регрессий в данный сегмент и из данного сегмента.

Такой параметр движений глаз, как время первого прохода (first-pass time) представляет собой сумму фиксаций на определенном фрагменте до передвижения

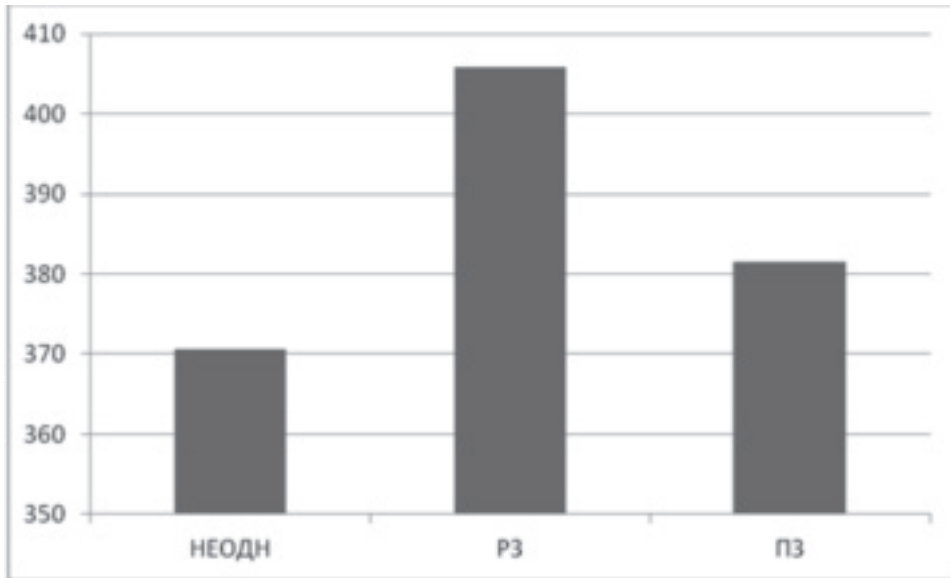

Диаграмма 1. Время первого прохода на сегменте «причастие» в зависимости от условия, мс

Это свидетельствует о том, что на первом этапе анализа справедлив принцип позднего закрытия, который гласит, что при возможности отнесения вновь поступившей информации к нескольким фрагментам, она должна быть связана с ближайшим, т.е. самым последним обработанным фрагментом [Frazier & Fodor 1978]. Соответственно, согласование причастия с вершиной именной группы, отделенной

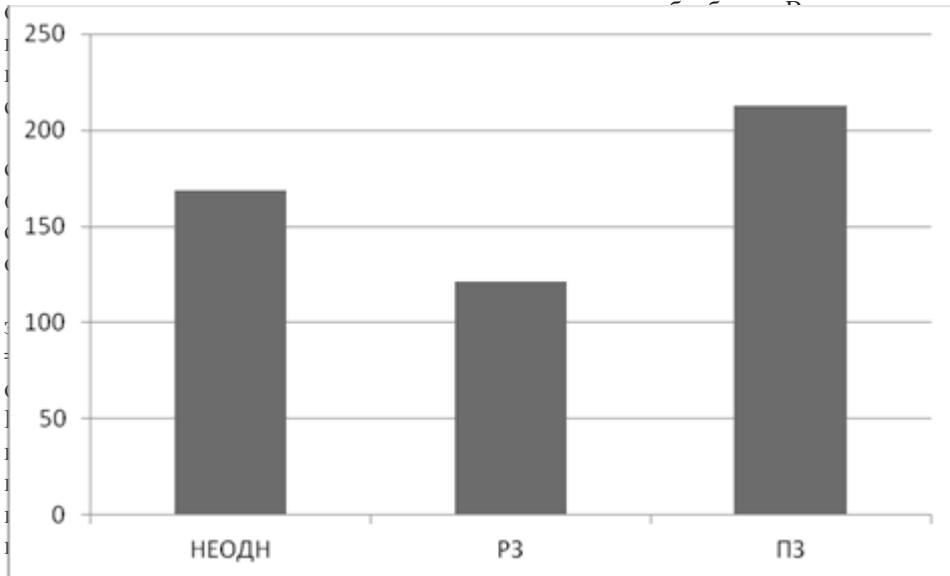

Диаграмма 2. Количество возвратов к форме причастия в зависимости от условия

Аналогичные данные получены и при оценке числа регрессивных саккад, совершенных от причастия к предыдущим фрагментам предложения. В условии РЗ таких регрессий совершалось меньше, чем в условии неоднозначности или условии ПЗ ($\chi^2 = 3,94$, $p = 0,05$).

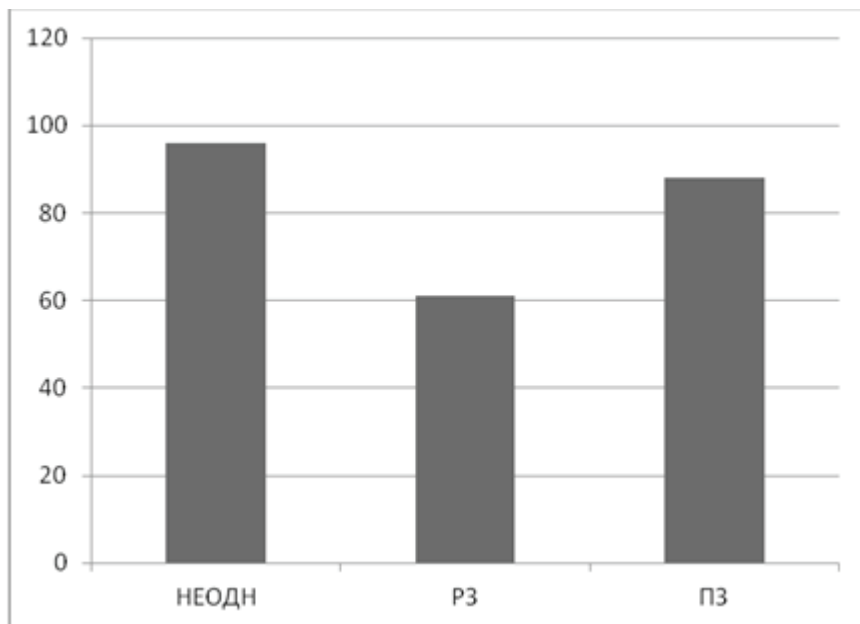

Диаграмма 3. Количество возвратов от формы причастия к предыдущим фрагментам предложения в зависимости от условия

При анализе общего времени чтения причастия не выявлено разницы во всех трех условиях, то есть замедление обработки причастия в условии РЗ на ранних этапах впоследствии нивелировано за счет более частого перечитывания причастия в условии ПЗ и условии неоднозначности.

Отдельный интерес представляет чтение имен существительных – потенциальных контроллеров согласования. Во всех условиях количество возвратов к первому имени примерно в два с половиной раза больше, чем ко второму имени. Это также отражает процесс дискурсивной интеграции, в ходе которого к более дискурсивно выделенному имени (также чаще выбираемому в качестве ответа) совершается больше возвратов, чем к менее выделенному. На диаграмме представлено соотношение возвратов к первой (ИГ1) и второй (ИГ2) именной группе в каждом из трех условий.

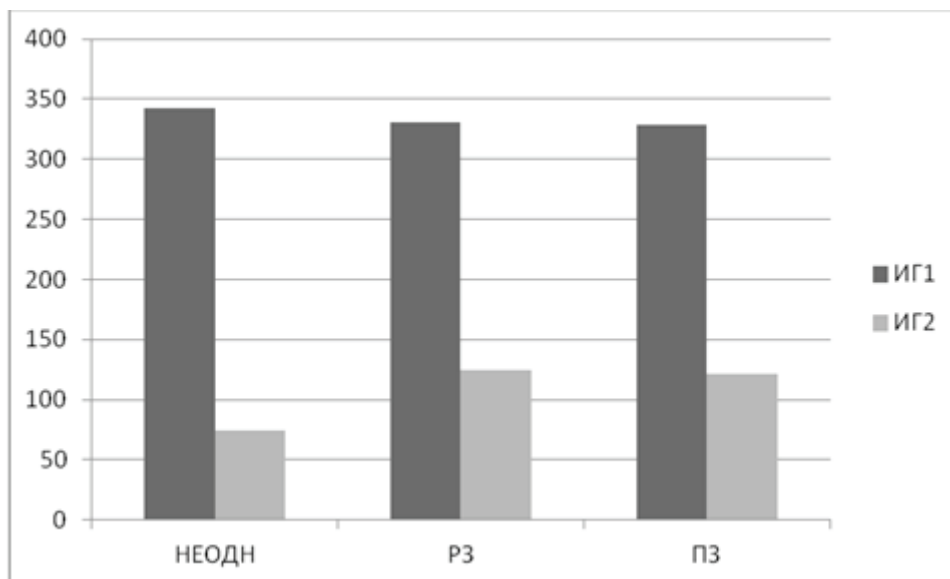

Диаграмма 4. Возвраты к ИГ1 и ИГ2 в зависимости от условия

Обратимся теперь к ответам испытуемых. Как они интерпретируют прочитанные предложения?

Неоднозначное предложение значимо чаще интерпретируется как предложение с ранним закрытием («в доме неподалеку жила служанка», 181 ответ из 280, то есть 64,6%), чем как предложение с поздним закрытием («в доме неподалеку жила графиня», 80 ответов из 280, то есть 28,6%). Это подтверждает предположение о предпочтительности РЗ для русского языка. Всего в восьми ответах (то есть в 2,9% случаев) упоминалось, что однозначной интерпретации дать нельзя («может быть и то, и другое», «из предложения непонятно», «а неизвестно» и т.д.).

Предложения со снятой неоднозначностью часто интерпретировались ошибочно, что свидетельствует о чрезвычайной трудности обработки конструкций такого типа. Однако распределение количества ошибок существенно отличается в зависимости от условия.

На предложения в условии РЗ дано 75,6% правильных ответов. В 18,2% случаев эти предложения ошибочно получили ПЗ-интерпретацию, еще в нескольких случаях был дан другой ошибочный ответ (или испытуемый не смог дать ответа) и, наконец, еще в 2,9% случаев испытуемые отвечали, что предложение является неоднозначным, хотя оно не было таковым.

Что касается предложений с ПЗ, то правильную интерпретацию они получили только в 38,6% случаев. В 55,4% ответов они ошибочно проинтерпретированы как предложения с РЗ. Еще 3,2% и 2,9% соответственно приходятся на ошибочное признание предложения неоднозначным или на другие ошибочные ответы (либо отсутствие ответа).

Таким образом, предпочтительность РЗ при интерпретации мы наблюдаем не только в неоднозначном условии, но и в условии снятой неоднозначности.

Распределение ответов в зависимости от условия представлено на диаграмме 5.

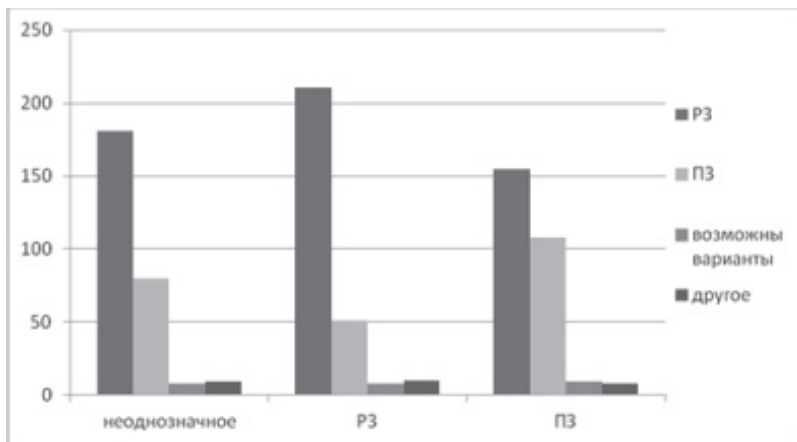

Диаграмма 5. Распределение ответов испытуемых в зависимости от условия

5. Обсуждение результатов эксперимента и выводы

В нашем эксперименте показано, что синтаксический анализ идет в два этапа, на каждом из которых действуют свои закономерности.

На первом этапе есть необходимость встроить вновь поступившее слово в синтаксическое дерево, соотнести согласуемую форму с контроллером согласования. На этом этапе обработка идет тем быстрее, чем меньше линейное расстояние между согласуемым словом и контроллером согласования. Потенциальная неоднозначность интерпретации формы на этом этапе остается «незамеченной», то есть не вызывает замедления обработки. Медленнее обрабатывается определение, расположенное линейно дальше от своего определяемого слова.

На втором этапе идет процесс интерпретации предложения, в котором задействованы более высокие лингвистические уровни. При дискурсивной интеграции может возникнуть необходимость в повторном грамматическом анализе, который отражается в поздних эффектах движения глаз при чтении. На дискурсивном уровне существует тенденция соотносить информацию, выражаемую в адьюнкте, с наиболее дискурсивно выделенным именем, то есть с вершиной именной группы (ведь предложение о служанке графини – это предложение о служанке, а не о графине), в соответствии с принципом относительной релевантности, предложенном в [Frazier 1990]. Именно поэтому в ходе принятия решения об окончательной интерпретации фразы мы наблюдаем возвраты к ИГ1 в несколько раз чаще, чем к ИГ2 во всех трех условиях. По этой же причине интерпретация предложений в пользу отнесения адьюнкта к вершине именной группы преобладает во всех трех условиях (что ведет к существенному увеличению числа ошибочных ответов на задания к предложениям в условии ПЗ). Кроме того, по этой же причине на втором этапе синтаксического анализа форма причастия в условии ПЗ обрабатывается дольше (за счет чего общее время чтения причастия в РЗ и ПЗ условиях не отличается, несмотря на более быструю обработку этого сегмента в условии ПЗ на первом этапе, то есть при первом «проходе»). Более того, именно поэтому как к формам причастия в условии ПЗ, так

и от этих форм совершается значимо больше регрессивных саккад: существенно сложнее встроить в дискурс адьюнкт, отнесенный к зависимому имени, не являющемуся полноправным «участником событий».

Также на втором этапе анализа проявляется когнитивная нагрузка, вызванная необходимостью обрабатывать неоднозначную информацию: мы наблюдаем отсутствие значимой разницы между общим временем чтения ключевого сегмента в условии РЗ и условии неоднозначности при значимом замедлении обработки РЗ-контекстов на первоначальном этапе, а также увеличение числа регрессий в неоднозначном условии по сравнению с условием РЗ. Очевидно, на втором этапе обработки замечается второй вариант грамматического анализа (согласование определения не с ближайшим к нему существительным – зависимым именем, а с более дискурсивно выделенным – вершиной именной группы). Наличие двух вариантов грамматического анализа загружает рабочую память и вызывает дополнительные регрессии. Именно этот второй вариант и оказывается предпочтительным при интерпретации предложения: в распределении ответов на задания к неоднозначным предложениям преобладает РЗ-интерпретация. При этом важно, что неоднозначность остается неосознанной: на задание с открытым ответом получено всего 3% реакций «непонятно, о ком/чем идет речь», причем эти реакции так же часто встречались при выполнении задания к предложениям со снятой неоднозначностью.

Итак, полученные на материале чтения синтаксически неоднозначных конструкций данные свидетельствуют о том, что синтаксический анализ идет в два этапа, с учетом морфологической информации на первом этапе и дискурсивной информации – на втором.

Литература

Анисимов В.Н., Федорова О.В., Латанов А.В. Синхронная регистрация движений глаз и ЭЭГ: применение в психолингвистике. Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В.А. Барабанщикова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», Интеграция академической и университетской психологии. – Москва, 2010. – 349-354 с.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. — Т. 2 / Борис М. Величковский. — М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. — 432 с.

Гвоздев А.Н. Об одной проблеме стилистики (случай стилистической дефектности конструкций, соответствующих целям автора и отвечающих нормам языка) // Вопросы русского языкознания (к 80-летию профессора А. М. Лукьяненко). – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1961. – С. 225-241.

Гладкий А.В. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. — М., Наука, 1985. — 144 с.

Драгой О.В. Разрешение синтаксической неоднозначности: правила и вероятности. // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6. – С. 44-61.

Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания. // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20–45.

Пинкер С. Язык как инстинкт: Пер. с англ. / Общ.ред. В.Д.Мазо. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 456 с.

Секерина И.А. Психолингвистика. // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. – М.: УРСС, 2002. – С. 231-260.

Федорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса. — М.: Языки славянской культуры, 2014 — 512 с.

Федорова О.В. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций. // Вопросы языкознания. – 2008. – №3. – С. 98-120.

Черниговская Т.В. Мозг и язык: врожденные модули или обучающаяся сеть? // Мозг. Фундаментальные и прикладные проблемы. По материалам сессии общего собрания Российской академии наук 15–16 декабря 2009 / Под ред. акад. А.И. Григорьева. – М.: Наука, 2010. – С. 117–127.

Юдина М.В. Референциальный контекст и синтаксическое наведение как факторы, влияющие на разрешение синтаксической неоднозначности: Автореферат дис. канд. филол. наук. – М., 2010 – 26 с.

Chernova D. Animacy Effect in Syntactic Ambiguity Resolution: Evidence from Russian // Шестая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. – Калининград, 2014. – С.43-44.

Fodor J.D. Learning to parse? // Journal of Psycholinguistic Research – 2002. Vol.2, №27. – P. 285-319.

Frazier L., Rayner K. Making and correcting errors during sentence comprehension: Eye movements in the analysis of structurally ambiguous sentences // Cognitive Psychology – 1982. Vol.14. – P. 178-210.

Frazier L., & Fodor, J.D. The sausage machine: A new two-stage parsing model. // Cognition – 1978. Vol. 6 – P. 291-325.

Frazier L. Parsing modifiers: Special purpose routines in the human sentence processing mechanism? // D. A. Balota, G. B. Flores d’Arcais, & K. Rayner (Eds.), Comprehension processes in reading. Hillsdale, NJ: Erlbaum – 1990. – P.303-330.

Grillo N., Costa A. A novel argument for the universality of parsing principles // Cognition – 2013. Vol. 133, №1. – P. 156-187.

Papadopoulou, D. Cross-linguistic Variation in Sentence Processing Evidence from RC Attachment Preferences in Greek (Studies in Theoretical Psycholinguistics). – Dordrecht: Springer Netherlands, 2006. – 251 p.

Staub A., Rayner K. Eye movements and on-line comprehension processes // The Oxford Handbook of Psycholinguistics – NY: Oxford University Press, 2007. – P. 327-341.

Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. – 576 с.

Новая книга доктора филологических наук, профессора Веры Васильевны Бабайцевой, заложившей основы структурно-семантического направления в современной русистике и создавшей общелингвистическую теорию синхронной переходности, названа, как это всегда было принято в отечественной академической науке, лаконично и вместе с тем емко – «Синтаксис русского языка». Подобное название не может не вызвать вполне ожидаемых ассоциаций с одноименными трудами Д.Н. Овсянико-Куликовского, А.А. Шахматова и других выдающихся синтаксистов.

Конечно, было бы весьма поучительно прочитать книгу В.В. Бабайцевой как бы на фоне этих классических трудов, которые почитаются хрестоматийными, но остаются во многом не только непонятыми, но и, к сожалению, непрочитанными. Однако такая увлекательная задача, несомненно, будет поставлена в свое время теми, кто станет изучать соотношение традиционного и инновационного в развитии русской синтаксической науки конца XX – начала XXI в. Наша задача гораздо скромнее: она состоит в том, чтобы представить читателю этот капитальный научный труд В.В. Бабайцевой, в котором обобщен ее почти семидесятилетний опыт плодотворной исследовательской работы в области синтаксиса русского языка.

Синтаксическая концепция, отстаиваемая В.В. Бабайцевой многие годы и обстоятельно изложенная в рецензируемой книге, относится к обобщающе-синтетическому типу: в ней традиционный синтаксис осмыслен как «цельное знание», вбирающее в себя достижения одноаспектных исследований, характерных для современной синтаксической науки. Ценность традиционных синтаксических учений состоит, по В.В. Бабайцевой, прежде всего в том, что «классики отечественного языкознания не стремились к созданию искусственных систем; в их трудах представлен многосторонний и глубокий анализ изучаемых явлений, без схематизма в объяснении их» (с. 38). В этом смысле книга В.В. Бабайцевой «Синтаксис русского языка» обречена стать классическим трудом, так как в ней весь методологический арсенал, накопленный в синтаксических исследованиях от М.В. Ломоносова до наших дней, привлечен для описания и объяснения почти всех явлений русского синтаксического строя, в том числе тех, которые плохо укладываются в очевидные таксономии или по каким-то причинам оказались в кругу неразрешимых, или – иначе – «трудных», вопросов.

В синтаксической концепции В.В. Бабайцевой достойное место занимают психологические и психолингвистические интерпретации синтаксических явлений и процессов. Так, например, здесь в предмет синтаксиса включен не только анализ «готового» предложения, но и анализ его формирования. По В.В. Бабайцевой, «формирование простого предложения проходит три этапа: 1) выбор вида мысли; 2) выбор структурной схемы; 3) лексическое наполнение схемы. Действительно, предложение образуется тогда, когда есть потребность в выражении мысли. Обычно эта потребность обусловлена актом общения. Выбор схемы определяется формой мысли и степенью ее членимости. Наполнение схемы лексическим материалом... определяется желанием говорящего передать ту или иную конкретную информацию» (с. 179).

Семантика и форма предложения, согласно В.В. Бабайцевой, опосредованы разными типами суждений: логическими, логико-психологическими и психологическими, – отличие которых друг от друга связано, с одной стороны, с характером вербализации предмета мысли/речи и предиката, а с другой стороны, со степенью членимости. Невербализованные компоненты отражаются в форме наглядно-чувственных образов и представлений (с. 53). Посредством такого психологического объяснения В.В. Бабайцева показывает обоснованность традиционной дифференциации предложений на двусоставные и односоставные, а также необходимость включения в предмет синтаксиса нечленяемых предложений (с. 206–210).

В трактовке присоединения В.В. Бабайцева прямо учитывает особенности порождения речи, инициированного той «порцией» мысли, которая, уже будучи «облечена» в форму предложения, не потеряла актуальности для говорящего/пишущего и побуждает его ввести в высказывание новую рему (с. 29–31; 411–420 и сл.).

Вообще говоря, в «Синтаксисе русского языка» В.В. Бабайцевой первостепенное внимание уделяется методологии синтаксического исследования, представляющей интерес не только для русского, но и для общего языкознания. В основе этой методологии – структурно-семантическое направление, нацеленное на такое постижение синтаксического строя, которое определяется «постулатами» (с. 45) многоаспектности, переходности, учета значения элементов и значения отношений, системности. Кроме того, в русле структурно-семантического направления описание синтаксиса выполняется, с одной стороны, при подходе «снизу» и «сверху», т.е. из чего строятся синтаксические единицы и как они членятся, а с другой стороны, при обращении к щербовской идее об активной/пассивной грамматике, т.е. «от содержания к форме» и «от формы к содержанию».

Все эти допущения в их взаимодействии позволяют добиваться в полной мере объективной интерпретации синтаксических явлений. Поэтому-то В.В. Бабайцевой предложены взвешенные и непротиворечивые трактовки синтаксической природы таких «спорных» предложений, как двусоставные структуры со сверхсхемным словом *это* в абсолютном начале, модели типа *Пароходов было два* и др., показана «многослойность» дифференциации присоединения в системе синтаксических связей, ведущая к раскрытию синтаксического механизма присоединения, обоснована система синкретичных членов предложения и т.д.

Познавая синтаксические единицы как структурно-семантические образования, лингвист опосредованно имеет дело не с «автономными» синтаксическими структурами, порождаемыми во внеконтекстном «вакууме» (ср., например, генеративную грамматику Н. Хомского), а с отображенными в синтаксических формах словосочетаний, предложений и т.д. результатами коммуникативно-речевой деятельности и с теми их семантическими, актуализационными, стилистическими качествами, которые отработаны в социуме для создания высказываний (и текстов) разного композиционно-смыслового оформления и коммуникативного предназначения. По-видимому, вовсе не случайно В.В. Бабайцева настоятельно подчеркивает связь развиваемой ею синтаксической концепции с коммуникативной лингвистикой, в которой синтаксис рассматривается (и моделируется) в его речевом генезисе и, что особенно важно отметить, в его коммуникативно-функциональной перспективе.

С учетом всех «постулатов» структурно-семантического направления в «Синтаксисе русского языка» В.В. Бабайцевой выполнено системное описание словосочетания, простого, осложненного и сложного предложения, сложного синтаксического целого. Исчерпывают ли эти структуры синтаксическую систему русского языка? И да, и нет. Например, с одной стороны, отсутствует анализ способов выражения чужой речи, без которых невозможно представить связную речь, в том числе и преимущественно с эстетической установкой. С другой же стороны, по своей синтаксической фактуре та же прямая или косвенная речь воспроизводят определенные типы сложных бессоюзных и сложноподчиненных предложений соответственно в их особой функции.

Кстати говоря, сама В.В. Бабайцева никак не разъясняет, почему в ее книге нет раздела, посвященного чужой речи в сугубо синтаксическом ракурсе описания ее форм. Между тем во второй половине XX в. синтаксис конструкций с чужой речью стал полноправной отраслью русской синтаксической науки, в его развитие внесли вклад такие ученые, как Г.В. Валимова, М.К. Милых, С.Г. Ильенко, Г.М. Чумаков и др., всецело осознававшие свою причастность к отечественной синтаксической традиции.

В.В. Бабайцева отмечает в XX в. определенную этапность познания русского синтаксиса. Так, по ее мнению, «исключительное внимание к словосочетаниям в 50–60-е годы XX в. сыграло, несомненно, положительную роль в познании структуры и семантики компонентов словосочетания, но при этом было утрачено (или ослаблено) представление об их месте в общей системе синтаксических единиц. Неудивительна поэтому утрата интереса к словосочетаниям, поиски иных предметов для синтаксических исследований» (с. 159).

Несмотря на этот факт, В.В. Бабайцева уделяет словосочетанию серьезное внимание, причем не столько излагает известное, сколько ставит новые вопросы и предлагает новые интерпретации, стремится увеличить эмпирическую массу этой синтаксической категории. Так, например, простота/сложность в сфере словосочетания, по В.В. Бабайцевой, – исключительно количественный признак, основанный на «учете количества знаменательных слов, входящих в состав словосочетания» (с. 144). Наряду с подчинительными словосочетаниями – на одном уровне таксономии – выделяются сочинительные, что, согласно В.В. Бабайцевой, обусловлено изоморфизмом связей и отношений на разных уровнях синтаксической системы (с. 112–118; с. 130–134). Уточняющие конструкции типа *на окраине, у самого леса*, по В.В. Бабайцевой, – словосочетания (с. 158). Предложен глубокий и всесторонний анализ цельных словосочетаний, в которых ощутимо представлены явления синтаксической переходности (с. 134–140).

В сфере простого предложения дифференцированы членимые/нечленимые, двусоставные/односоставные, полные/неполные предложения, показано не только семантическое, но и структурное своеобразие каждого типа в его разновидностях, раскрыта специфика актуального членения как двусоставных (чем обычно ограничиваются), так и односоставных предложений. Для членимых предложений развернута полномасштабная картина функционирования их структурно-семантических компонентов – членов предложения – с учетом типичных и синкретичных реализаций. Правда, отдельные случаи синкретизма кажутся далеко не очевидными. Например, в предложении *Весь день стоит как бы хрустальный...* (Ф. Тютчев), где

налицо координация его главных членов, обнаруживается «оказиональное... сочетание подлежащего и обстоятельства времени» (с. 306).

Интересны наблюдения В.В. Бабайцевой над нечленными предложениями (с. 252–262). «Нечленные предложения, – пишет В.В. Бабайцева, – предоставляют исследователям бесценный речевой материал, позволяющий осознать некоторые мыслительные процессы, понять причины частотности нечленных предложений в речи» (с. 261). Нечленные предложения, подобно детским «голофразам», могут оказаться полезными для психолингвистического анализа речи.

В составе осложненных предложений описаны однородные члены предложения, полупредикативные/непредикативные обособленные члены предложения, вводные, вставные и присоединенные компоненты, а также обращение. Наряду с причастным, адъективным, деепричастным, сравнительным оборотами в рамках полупредикативных обособленных членов предложения рассматривается инфинитивный целевой оборот (с. 377–380).

Довольно необычно как таксономическое объединение «непредикативные обособленные члены предложения», так и отнесение к нему отдельных прецедентов обособления. Так, в предложении *Пьер, как законный сын, получит все* (Л. Толстой) имеется обособленное приложение с союзом *как*, обладающее семантическим оттенком причины (с. 389). Ср.: *Пьер получит все, потому что <он> законный сын*. Обособленное приложение свободно трансформируется в придаточное предложение с семантикой причины. Почему же это обособленное приложение не полупредикативная конструкция, а непредикативная? И еще одно: раз перед нами хотя и обособленный, но непредикативный член предложения, то получается, что *Пьер, как законный сын* – словосочетание. Но так ли это?

По В.В. Бабайцевой, обособленные обороты, в частности причастные, с одной стороны, выступают как единый второстепенный член предложения, реализующий валентность опорного слова, а с другой стороны, допускают внутреннее синтаксическое членение (с. 366). Причем как необособленный причастный оборот, так и обособленный – это сложное словосочетание (с. 154–155).

В сфере сложных предложений В.В. Бабайцева во многом следует традиции их описания, хотя в термине «сложные бессоюзные предложения» совершенно оправданно меняет местами неоднородные определения. Однако классификация сложноподчиненных предложений строится по принципу функционального тождества придаточных предложений и членов предложения, восходящему к Ф.И. Буслаеву (с. 475–485). Эта классификация сопоставляется с так называемой многомерной (Л.Ю. Максимов), не имеющей единого таксономического основания (с. 486–494). Ни одна из этих классификаций не исключает другую, они находятся, если так можно выразиться, во взаимно-уточняющих отношениях, показывают принцип дополнительности в действии.

Специфика сложного синтаксического целого раскрыта В.В. Бабайцевой также путем сопоставления этой комплексной единицы, с одной стороны, со сложным предложением, а с другой стороны, с текстом (с. 537–542 и сл.). И здесь точно так же, как и применительно к простому, осложненному и сложному предложению, обнаруживаются переходные случаи, структурный и/или семантический синкретизм.

Нет никаких сомнений, что «Синтаксис русского языка» В.В. Бабайцевой – заметное явление в русской словесности начала XXI в., непреходящее по своей

ценности достижение как самого ученого, так и стоящей за его плечами русской синтаксической традиции. Безусловно, не со всеми частными трактовками В.В. Бабайцевой можно согласиться, что-то потребует критического осмысления и вызовет дискуссии, тем более что разумная критика, как известно, никогда не возбранялась в отечественной науке. Особая перспектива для дискуссий заложена, как кажется, в представлениях В.В. Бабайцевой о словосочетании, но, насколько это предсказание справедливо, покажет лишь время.

В «Дневнике» К.И. Чуковского есть такая запись: «Тынянов, молодой студент, пришел к Шахматову и говорит: “Я интересуюсь синтаксисом”. Шахматов скромно: “И я”» (24 августа 1925 г.). Вера Васильевна Бабайцева – и Мастер, и пылкий труженик науки, который, обобщая все то, что было добыто и передумано за многие десятилетия жизни в русской синтаксической традиции, по-шахматовски скромно ставит перед нами и, главным образом, перед собой и вопросительные знаки, и многоточия. Несмотря на то, что «Синтаксис русского языка» В.В. Бабайцевой – цельный и законченный научный труд, на память приходят слова, сказанные Е.С. Истриной о «Синтаксисе русского языка» А.А. Шахматова: «...в “Синтаксисе” нет конца».

К.Я. Сигал

**Международная конференция
«Межкультурное общение: контакты и конфликты».
Москва, 21 – 23 октября 2015**

Заметным событием года стала организованная Институтом языкознания РАН (сектор этнопсихолингвистики), Московским институтом лингвистики (Научно-образовательный центр междисциплинарных исследований; Научно-образовательный центр социолингвистики и теории языка) и НИУ Высшая школа экономики (научно-учебная лаборатория исследований в области бизнес-коммуникаций) международная конференция «Межкультурное общение: контакты и конфликты», проведенная в Московском институте лингвистики 21–23 октября 2015 г.

Предшественником конференции был межвузовский семинар аналогичной тематики, проведенный Институтом языкознания РАН (сектор этнопсихолингвистики) и Московским институтом лингвистики в 2011г. Семинар показал востребованность и высокую актуальность проблематики, позволил разработать ряд исследовательских проектов и подготовил почву для проведения масштабной международной конференции, цель которой – междисциплинарное обсуждение современных проблем коммуникации в широком контексте межкультурных отношений в условиях глобализирующегося мира.

В ходе конференции обсуждались проблемы:

- Язык как инструмент контакта/конфликта и проблема оптимизации межкультурного общения в современном мире (Взаимопонимание в межкультурном (межязыковом) взаимодействии: пределы, возможности, попытка прогноза; Гармоничное и конфликтное межкультурное общение: от межличностного до межкультурного).

- Языковое сознание русских в ситуации цивилизационного слома.

- Межкультурные контакты на постсоциалистическом пространстве: проблемы и перспективы (Постсоциалистические государства в мирополитической системе: вопросы идентичности и современный статус; основные тенденции и пути развития (локальные/национальные, политические/социальные) постсоциалистических стран за последние двадцать лет).

- «Свое» и «чужое» как дискурсообразующий фактор (Образ себя/своих и других/чужих в культуре и языке; Этническая (социальная, культурная) идентичность и ее отражение в языковом сознании; Зоны контакта и конфликта во взаимодействии носителей разных культур).

- Межэтническая толерантность в обучении иностранным языкам.

- Дискурс дегуманизации как инструмент политической борьбы

Не остался без внимания и ряд вопросов методологического характера, то вполне закономерно в новых условиях развития языка и общества.

Обсуждение проходило в форме пленарных докладов и последующей дискуссии, а также в шести секциях.

Конференцию открыл доклад В.Я. Порхошовского (Москва, Россия) «Этничность в межкультурной коммуникации: семантический и прагматический аспекты», в котором автор дал глубокий анализ сложного понятийного аппарата

обсуждаемой проблемной области, рассмотрел в диахронии основные концепты, относящиеся к категории этничности, подчеркнул и показал многоплановость и неоднозначность этого понятия, связанную и семантическими различиями в разных языках, и с историей его развития, и с проблемой заимствования. Доклад построен на материале русского, немецкого, французского и английского языков, что придало ему полифоническое звучание.

И.М. Дзялошинский предложил весьма полемичный – как по содержанию, так и по стилю изложения – доклад «Идентичность в постперестроечной России: медиафантомы и реальность»: автор исходит из допущения, что “этническая и национальная идентичность миллионов людей основывается на иллюзиях и мифах”, которые воспроизводятся, реинтерпретируются или создаются заново. Автор декларировал анализ медиамифов, которые называет медиафантомами, считая их инструментом конструирования новой идентичности россиян.

Н.В. Уфимцева, продолжая гумбольдтианскую традицию, посвятила свой доклад «Теоретические основы изучения картины мира в психолингвистике» обобщению современных теоретико-методологических основ холистического изучения картины мира в психолингвистике. В основе такого подхода лежат представление о культуре как о системе сознания; представление о языке как отображении социокультурной реальности, что легитимирует введение понятия «языковое сознание», синонимичного психологическому понятию «образ мира»; языковое сознание обнаруживает наличие ядра и периферии; при их исследовании целесообразно использование сосюррианского принципа значимости/ценности. Ценность же ассоциативного эксперимента автор видит в том, что тот метод “в качестве «невидимого» контекста предполагает весь предыдущий речевой и неречевой опыт носителя языка”. Таким образом, данные массовых ассоциативных экспериментов позволяют построить ассоциативно-вербальную сеть, представляющую собой модель языкового сознания.

В.В. Красных представила доклад «Человек говорящий как базовая категория психолингвокультурологии», в котором продолжила разработку теоретических основ нового научного направления – психолингвокультурологии, «в фокусе внимания которого находятся взаимозависимость, взаимовлияние и взаимодействие языка, культуры, сознания с учетом личности говорящего, находящегося в постоянной коммуникации с «другими» (включая и alter-ego) в рамках определенного сообщества и на фоне определенного историко-социо-культурного контекста». Цель психолингвокультурологии – системное описание словаря и грамматики лингвокультуры (на всех «уровнях» и в рамках всех подсистем).

Доклад Г.Т. Хухуни «Этническая, языковая и национально-государственная идентичность: свое и чужое восприятие» осветил сложные соотношения понятий этноязыкового сознания, национально-культурной специфики. Предложено ввести понятие национально-государственной идентичности, поскольку именно она в официальной сфере наиболее важна, но и наиболее неустойчива. Нетривиальная идея докладчика обоснована рядом интересных фактов.

А.В. Кирилина в докладе «Философия языка как инструмент политической борьбы в эпоху глобализации» обратилась к актуальной проблеме связи политики и лингвофилософии. Автор отметил, что современная лингвофилософия представляет

собой неоднородное поле, в котором можно выделить два направления, не разделенные непроходимой границей: 1) научную фиксацию и интерпретацию новых условий функционирования языков в сочетании с описанием новых технических возможностей этой фиксации – то есть построение концепций для моделирования языка; 2) обсуждение проблемы языка и национального государства в «постнациональном мире» – то есть создание политических концепций языка. Интерпретация языка связана с отношением ученых к глобализации и ее социальным последствиям, с чем автор связывает обострение полемики лингводетерминистов и лингвоуниверсалистов. “Народная” философия языка, также ярко проявившая себя в эпоху глобализации, интерпретируется в докладе как реакция на глобализационные процессы и всемирную экспансию английского языка.

В.Д. Попков представил доклад «Идентичность русскоязычных мигрантов в Германии: проблемы операциональных оценок». Исходя из частого отнесения русскоязычности к ключевым параметрам русскости проживающих в Германии выходцев из России, автор ставит вопрос о разработке системы маркеров – критериев этнической идентичности мигрантов. Для определения идентичности русскоязычных групп предлагается два индикатора: 1) внешние поведенческие модели и связанными с ними установки, выступающие в качестве системы ориентаций в повседневном поведении индивидов; 2) внутренние основания самоидентификации – самоотнесение к различным (этническим) группам.

И.В. Шапошникова посвятила свой доклад «К проблеме оптимизации использования ассоциативных баз данных» совершенствованию использования ассоциативной лексикографии – активно развивающейся с конца XX века области. Ее бурное развитие дало многочисленные результаты, которые могут использоваться при решении не только лингвистических, но и многих междисциплинарных задач. Автор настаивает на более широком применении ассоциативных баз данных в лингводидактике и предлагает учитывать при этом системную организацию ассоциативно-вербальной сети. Для этого надлежит ставить задачи фундаментальные, связанные с дальнейшим познанием языкового сознания и его роли в этнокультурной идентификации. В качестве подобной задачи автор рассматривает проработку разметки ассоциативной базы данных (на примере СИБАС (Русской региональной ассоциативной базы данных: <http://www.adictru.nsu.ru>). Выполнение разметки представляется автору собой частной задачей по отношению к более общей – созданию ассоциативно-вербальной модели идентичности русских.

Деннис Шеллер-Болтц (Инсбрук, Австрия) выступил с докладом «Демонизация Запада и Идеализация России - Старое вино в новых мехах? Или: Новое вино в старых мифах? » Докладчик исходит из того, что сегодня в России реинтерпретируется понятие национальной идеи, причем, как считает автор, эта реинтерпретация в значительной степени находится под влиянием русской православной церкви и основана на традиционных ценностях, что, на взгляд докладчика, влечет за собой регулирование гендера и сексуальности и предполагает на всех уровнях политического дискурса пропаганду гетеронормативности, что “чрезвычайно ограничивает разнообразие идентичностей”. В общественном дискурсе автор также видит распространение подобных стандартов. Отличные от

гетеросексуальности формы идентичности, как считает автор доклада, повергаются социальной маргинализации и объявляются атрибутом деградирующего западного общества, то есть атрибутом “чужого”. Высказанные идеи подкреплены анализом комментариев к статьям о Кончите Вурст в массовой печати.

Е.С. Гриценко представила доклад «Профилирование этничности как индикатор межнациональной напряженности», в котором изложены результаты пилотного исследования по выявлению языковых индикаторов межнациональной напряженности в региональном интернет-пространстве. Исследование проводилось (на материале нижегородского интернет-портала progogod.ru) Нижегородской области). Один из наиболее ярких индикаторов межэтнической напряженности – профилирование этничности в нерелевантных тематических контекстах – например, в новостях и криминальной хронике; этничность профилируется выборочно (только если речь идет о приезжих); в эпизодах с местными жителями, как правило, акцентируется возраст и/или место проживания. Поиск новостей по ключевым словам – этнонимам («армянин», «чеченец», «узбек», «таджик») также дает сводку негативной (криминальной) информации.

В.И. Шаховский в докладе «Турбулентность вранья как лингвоэкологическая проблема» обращает внимание на факт проявления лжи в языковых контактах и настаивает на признании этого факта лингвоэкологической проблемой.

Г.Г. Хазагеров представил доклад «Персоносфера культур как источник конфликтности и интеграции», в котором развил предложенное им ранее понятие персоносферы культуры. Ее преимущество перед концептосферой языка автор видит в доступности наблюдению. Персоносфера, утверждается в докладе, носит трансязыковой характер, и ее персонажи доступны представителям других культур, что во многих случаях позволяет использовать персоносферу для сближения культур и предотвращения конфликтов

Пленарные доклады завершились оживленной дискуссией. Дальнейшая работа проходила в секционном формате и в рамках проведенного Н.В. Уфимцевой круглого стола «Культурно-языковые конфликты и их отражение в языковом сознании». В ходе заседания круглого стола были обсуждены доклады О.В. Балясниковой (Москва, Россия) «Старообрядчество Забайкалья в современных исследованиях»; Т.С. Елизарова (Москва, Россия) «Сопоставительный анализ фрагмента языкового сознания носителей русского и итальянского языков»; А.В. Разумковой (Калуга, Россия) «Языковая политика в Республике Коми»; А.А. Степановой (Москва, Россия) «Языковая ситуация в Республике Татарстан»; Г.А. Черкасовой и А.Ю. Филипповича (Москва, Россия) «Информационная технология сопоставительных исследований ассоциативного значения слов-эквивалентов в разных языках»; Н.Л. Чулкиной (Москва, Россия) «Конфликтогенные зоны повседневности и их отражение в русском обыденном языковом сознании (на примере концепта сосед/ка, соседи)»

Высокоинформативной была и работа шести секций: в секции 1 – «Язык как инструмент контакта/конflikта» – представлены 17 докладов. Все они посвящены актуальным вопросам динамики языкового сознания и возможностям ее фиксации, а также разработке лингвистических методик диагностики межнациональной напряженности; важное место в работе секции заняли доклады,

отражающие авторскую рефлексию над динамикой социальных и языковых изменений, восприятию конфликтогенных зон. О.Д. Антошина (Тверь, Россия) рассмотрела проблему социокультурной идентичности социалистического автора в постсоциалистическом пространстве и ее отражение в творчестве на примере поэзии; Г.Г. Хазагеров и Т.В. Ульянова (Ростов-на-Дону, Россия) обратились к транснациональной топике на постсоветском пространстве; В.А. Мальцева (Сыктывкар, Россия) обобщила речевые особенности конфликта судебной коммуникации; в докладе Н.В. Дмитриук (Шымкент, Казахстан) обсуждался диахронический аспект ассоциативных исследований в Казахстане. И.А. Муравская (Москва, Россия) осветила роль англицизмов в современном информационном пространстве и проблемы интерпретации их значения; А.А. Боронин (Москва, Россия) представил фрагменты рефлексии над личным опытом восприятия невербальных сигналов; Э.Х. Жамалетдинова (Москва, Россия) продемонстрировала репрезентацию базовой ценности «долг» в русском языковом сознании; О.В. Казаченко (Москва, Россия) обратилась к соотношению русского языка и русского языкового сознания, рассматривая его как новое направление развития; А.В. Кирилина (Москва, Россия) изложила результаты проекта «Лингвистическая диагностика межнациональной напряженности в интернет-общении»; С.С. Шимберг (Санкт-Петербург, Россия) очертила зоны контакта и конфликта во взаимодействии российской и американской лингвокультур; А.Л. Сопина (Санкт-Петербург, Россия) рассмотрела роль экстралингвистического контекста в коммуникации; Г.В. Рябцовский (Брянск, Россия) проанализировал индоктринацию социальности в этнической среде; Ф.И. Артыкбаева (Шымкент, Казахстан) сосредоточилась на проблеме трансформации ценностей в языковом сознании, рассмотрев их советский и современный статус; А.В. Травина (Москва, Россия) проанализировала конфликты во взаимодействии носителей разных культур и пути их разрешения; Н.И. Миронова (Москва, Россия) акцентировала гендерные особенности невербального поведения в ситуации конфликта; А.Е. Маньков (Москва, Россия) на примере села Старошведского (Gammalsvenskby) проследил судьбу языкового острова; А.Ю. Мягкова (Москва, Россия) обобщила лексические приемы установления контакта в политической рекламе; Л.Р. Комалова (Москва, Россия) подвергла анализу дисгармоничную межличностную коммуникацию как предпосылку агрессивного речевого поведения.

Особого упоминания заслуживают доклады И.А. Бубновой (Москва, Россия) «Информирование vs создание параллельной реальности: специфика современного дискурса новостей» и Габриеле Чех (Магдебург, Германия) «Что разрешается говорить в Германии? Или исчезновение политического и понятийного плюрализма», посвященный критическому анализу политической корректности в современной Германии.

Секция 2 – «"Свое" и "Чужое" как дискурсообразующий фактор» – объединила исследователей, занятых изучением различных сторон восприятия «Своего» и «Чужого».

А.В. Аликина (Нижний Новгород, Россия) сообщила об индексальном потенциале англицизмов как средства реализации оппозиции «свой – чужой» в российском дискурсе трудоустройства; И.И. Бакланова (Москва, Россия) посвятила

доклад оппозиции «свой – чужой» в аспекте отражения образа адресата в публицистических текстах советского периода; Н.Г. Корнаухова (Иркутск, Россия) обсудила в докладе особенности и диалога культур в процессе перевода и отметила перевод-доместикацию как средство укрепления культурной идентичности; Т.В. Романова (Нижний Новгород, Россия) провела анализ речевых маркеров оценочных категорий «свой – чужой»; И.И. Валуйцева и А.С. Комолова (Москва, Россия) сообщили о результатах комплексного исследования концептуальной оппозиции «свой-чужой-иной-другой» в русском и английском языках; Н.И. Иванова (Якутск, Россия) рассмотрела национально-языковые проблемы межкультурного общения в социопсихолингвистическом аспекте; Т.Н. Лобанова (Москва, Россия) осветила дискурсивные стратегии и информационно-презентационные приемы в китайском политическом медиадискурсе; Е.А. Картушина (Москва, Россия) сосредоточилась на взаимодействии языков и культур на протяжении трех этапов формирования современной языковой ситуации в Финляндии; К.Э. Нагаева (Москва, Россия) продемонстрировала репрезентацию концепта «чужие» в русской лингвокультуре, а Н.М. Нестерова (Пермь, Россия) – концепт «Свое/чужое» в мемуарной прозе В. Набокова; У.П. Стрижак (Москва, Россия) проанализировала понятия «свой» и «чужой» в японской лингвокультуре с точки зрения эффективной коммуникации; Д.А. Ивлева (Челябинск, Россия) в качестве темы доклада избрала фоновые знания в межкультурной коммуникации; Е.Н. Бекасова (Оренбург, Россия) рассмотрела понятия «свой» и «чужой» в зеркале современного личного имени; О.И. Лыткина (Москва, Россия) представила реализацию оппозиции «свой – чужой» в повести С. Довлатова «Иностранка»; Л.Н. Метельская (Москва, Россия) посвятила доклад особенностям ментальности французов и франкоговорящих швейцарцев сквозь призму стереотипов; исследователи из Китайской Народной Республики познакомили аудиторию со спецификой китайской лингвокультуры в докладах Хуан Тяньдэ «Образ «свой» в китайской культуре и языке» и Чжу Жуйшуан «Особенности китайской культуры».

Секция 3 – «Межэтническая толерантность в обучении иностранному языку» – включала доклады Л.Н. Алешинной (Москва, Россия) «Диалог культур: проблема адаптации иностранных студентов в российских вузах»; Т.В. Бусел (Минск, Беларусь) «Обучение иностранным языкам в контексте межкультурной коммуникации»; И.В. Дерюгиной (Москва, Россия) «Развитие у студентов навыков эффективного межкультурного общения в процессе изучения иностранного языка»; С.Л. Климинской (Москва, Россия) «Обучение иностранным языкам как фактор гуманитаризации современного образования»; С.С. Коренблита, Е.С. Рычаговой и А.Г. Арушановой (Москва, Россия) «Русский язык как второй в педагогическом общении»

Секция 4 – «Зоны контакта и конфликта во взаимодействии носителей разных культур» – объединила исследователей, интересующихся выявлением конфликтогенных полей и их локализацией в различных лингвокультурах: Э.А. Кечина (Рязань, Россия) рассмотрела идентичность и ее отражении в языковом сознании носителей арабской культуры; Н.Н. Клочко (Рига, Латвия) представила оценки президента Латвии В. Вике-Фрейберги в пространстве русскоязычных и латышских СМИ; Б.М. Кондорский (Донецк, Украина) подверг критическому

обсуждению постсоциалистические страны в постреволюционный период; Н.В. Лосева (Москва, Россия) обратилась к интерязыку как источнику внутриличностного конфликта; Е.А. Маклакова (Воронеж, Россия) произвела анализ коммуникативной специфики этнонимов; Большой интерес и длительную дискуссию вызвал доклад Е.М. Масленниковой (Тверь, Россия) «Россия и русские в зеркале перевода»; И.Е. Черепанов (Москва, Россия) рассмотрел некоторые особенности ответов испытуемых в зависимости от языка, на котором задается вопрос; Н.А. Чес (Москва, Россия) посвятила свой доклад концептуально- метафорическим основания формирования образа врага в политическом дискурсе в условиях информационной войны.

Секция 5 – «Образ себя/своих и других/чужих в культуре и языке» – объединила исследователей различных лингвокультур и социолингвистов: А.А. Нистратов и Е.Ф. Тарасов (Москва, Россия) обобщили опыт анализа экзистенциальных характеристик гетеростереотипов на примере носителей сербской, литовской и русской лингвокультур; Л.И. Богданова (Москва, Россия) рассмотрела конфликт ценностей в межкультурном общении; А.К. Жибитаева (Пиза, Италия) охарактеризовала ключевые вопросы в сфере языковой политики постсоветского Казахстана; в докладе О.А. Остапчук (Москва, Россия) рассмотрена самоидентификация с политическим пейоративом как коммуникативная стратегия в российском и украинском интернет-пространстве; М.А. Пильгун (Москва, Россия) посвятила свое выступление межкультурному аспекту этики коммуникации в постмультикультурную эпоху; М.Н. Панова (Москва, Россия) представила образ чиновника в постсоветском художественном пространстве; объектом внимания Д.В. Подрезовой (Москва, Россия) стало прецедентное имя как эффективный инструмент разрушения национального культурного кода; Е.А. Проценко (Воронеж, Россия) представила межъязыковое перекодирование как средство национально-культурной детерминации; Н.Н. Рогозная (Иркутск, Россия) осветила психолингвистические аспекты интерязыка; М.Э. Рябова (Москва, Россия) изучила специфику ментальности мордовского и немецкого этносов и ее отражение в сказочных мотивах; Е.Б. Чернышова (Борисоглебск, Россия) представила динамику содержания оценочной зоны ядра русского языкового сознания в период цивилизационного слома; Н.С. Ширяев (Саратов, Россия) очертил на материале региональных аналитических блогов и новостных сайтов коммуникативно-речевые стратегии репрезентации североирландской национальной идентичности; Д.Э. Чумакова (Москва, Россия) обратилась к сопоставительному анализу русской и английской жаргонной лексики как одного из способов отражения культуры в языке.

Секция 6 – «Взаимопонимание в межкультурном (межъязыковом) взаимодействии: возможности, попытки прогноза» – в основном была посвящена обсуждению пилотных и экспериментальных проектов, а также профессиональной коммуникации – ярко выраженным прикладным направлениям современной лингвистики: А.А. Романов и О.В. Новоселова (Тверь, Россия) обратились к проблеме дискурсивной справедливости в пространстве межкультурных отношений; А.В. Духанина (Москва, Россия) изложила результаты экспериментального исследования «Семья» и «доверие» в языковом сознании современного студента»; И.Ю. Марковина (Москва, Россия) представила результаты

пилотного проекта «Межкультурное общение в профессиональной сфере: оппозитивный диалог сознаний русских и арабских бизнесменов»; Т.И. Щербак (Москва, Россия) рассмотрела функциональные особенности жестов в процессе коммуникации военнослужащих; И.В. Щербак (Москва, Россия) охарактеризовал социолингвистические характеристики сленга.

Проблематика конференции оказалась весьма востребованной в свете изменения взглядов на языковые контакты и межкультурную коммуникацию эпохи глобализации: завершился период идеализации контактов языков и культур и их интерпретации как исключительно дружественного общения, сводящегося к разъяснению и преодолению малозначимых культурных различий вроде пищевых предпочтений. Сегодня очевидно, что при мощных миграционных процессах в сфере межкультурной коммуникации оказываются такие конфликтогенные вопросы, как межконфессиональное взаимодействие, диаспоризация мира и этнизация социальных групп и даже терроризм. К межкультурной компетенции должны быть отнесены и сохранение собственной культуры, и предотвращение различных форм и проявлений межнациональных конфликтов, и многое другое вплоть до научного обсуждения предложенного Дж. Робертсоном термина «языковой империализм».

Обширная география конференции, представленность большого числа вузов и исследовательских учреждений России и зарубежных стран позволяют прогнозировать интенсификацию исследований межкультурных взаимодействий эпохи глобализации и рост прикладных исследований с соответствующими методологическим и методическими инновациями. Организаторы конференции приняли решение проводить ее на регулярной основе, а также подготовить к публикации сборник докладов

А.В. Кирилина

Сведения об авторах

Аликина Анастасия Владимировна – аспирант кафедры английской филологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова, e-mail: alikina.ru@gmail.com

Балясникова Ольга Вениаминовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: olg-balyasnikova@yandex.ru

Белова Софья Сергеевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН, ведущий научный сотрудник Центра прикладных психолого-педагогических исследований Московского городского психолого-педагогического университета, e-mail: sbelova@gmail.com

Глебкин Владимир Владиславович – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации РАНХИГС, заведующий Отделением теории и истории мировой культуры гимназии № 1514 г. Москвы, e-mail: gleb1514@gmail.com

Диброва Елена Владимировна – магистрант, Южный федеральный университет, e-mail: alena_dibrova@bk.ru

Железовская Наталья Леонидовна – магистр филологических наук, аспирант Минского государственного лингвистического университета дневной формы обучения кафедры лексикологии английского языка, e-mail: zhuravliku@mail.ru

Журавлев Игнатий Владимирович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник сектора психолингвистики ИЯз РАН, e-mail: semiotik@yandex.ru

Журавлева Юлия Валерьевна – клинический психолог, старший преподаватель МГИ им. Е.Р. Дашковой, e-mail: jv.clinic@yandex.ru

Кирилина Алла Викторовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, e-mail: alkira@list.ru

Литвинова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, Воронежский государственный педагогический университет, научный сотрудник, e-mail: centr_rus_yaz@mail.ru

Литвинова Ольга Александровна – ассистент, Воронежский государственный педагогический университет, e-mail: olga_litvinova_teacher@mail.ru

Маховиков Денис Викторович – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: denisrich2708@yandex.ru

Миронова Наталия Изяславовна – доктор филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, старший научный сотрудник, e-mail: mironnat@rambler.ru

Нестерова Ольга Александровна – соискатель НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, эксперт экспертно-криминалистического отдела, Следственный комитет Российской Федерации, следственное управление по Нижегородской области (СУ СК РФ по Нижегородской области), e-mail: helgan86@mail

Нистратов Александр Алексеевич – научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: a.nistratov@mail.ru

Нистратова Светлана Леонидовна – кандидат филологических наук, Венецианский университет Ка Фоскари, Италия, Департамент Сопоставительного изучения языков и культур, e-mail: a.nistratov@mail.ru

Новикова Вера Павловна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка и МОАЯ, ГОУ ВПО Челябинский Государственный Педагогический Университет, e-mail: veranovik@mail.ru

Середин Павел Владимирович – доктор физико-математических наук, доцент, Воронежский государственный университет, доцент, e-mail: paul@phys.vsu.ru

Сигал Кирилл Яковлевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи, Институт языкознания РАН, e-mail: kjaseagal@yandex.ru

Соседова Дарья Сергеевна – студентка Московского педагогического университета, e-mail: dus1111a@gmail.com

Степанова Анна Александровна – научный сотрудник, Институт языкознания РАН, e-mail: st.anna@bk.ru

Тарасов Евгений Федорович – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: eft35@mail.ru

Терентий Ливиу Михайлович – кандидат политических наук, ректор Московского института лингвистики, Москва (Россия), e-mail: info@inyaz-mil.ru

Устьянцева Елена Викторовна – аспирант второго года обучения, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, учитель русского языка и литературы, МАОУ «Основная общеобразовательная школа № 3» г. Сосновоборска Красноярского края, e-mail: elena_ustianzeva@mail.ru

Ушакова Татьяна Николаевна – действительный член Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН, e-mail: tn.ushakova@gmail.com

Харлашина Галина Александровна – младший научный сотрудник Центра прикладный психолого-педагогических исследований Московского городского психолого-педагогического университета, e-mail: kharlashina-galina@yandex.ru

Черепанов Игорь Евгеньевич – аспирант, Институт языкознания РАН, e-mail: cherep_igor@mail.ru

Чернова Дарья Алексеевна – аспирант кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ, младший научный сотрудник Лаборатории когнитивных исследований СПбГУ, e-mail: chernovadasha@yandex.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Рады сообщить, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в новый Перечень российских рецензируемых научных журналов (2015 год), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Также сообщаем, что журнал «Вопросы психолингвистики» включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science. Полный список журналов, вошедших в RSCI, доступен по ссылке:

http://wokinfo.com/media/pdf/RSCI_Journal_List.pdf

а также при поиске на elibrary:

http://elibrary.ru/projects/blogs/post/2015/12/17/WoS_7.aspx

Новые требования к оформлению статей будут опубликованы в первом номере журнала за 2016 год.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс 37152.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru

Редколлегия